

Российская академия наук
Институт археологии

Государственный историко-архитектурный и художественный
Владими́ро-Суздальский музей-заповедник

**АРХЕОЛОГИЯ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА
Выпуск 6**

Москва 2016

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Н.А. Макаров (ответственный редактор)
С.В. Шполянский (составитель),
М.Е. Родина, И.Е. Зайцева

А87 Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара / Отв. ред. Н.А. Макаров; Сост. С.В. Шполянский, М.: ИА РАН; 2016. – Вып. 6. – 352 с.

ISBN 978-5-94375-209-4

В сборнике публикуются материалы 6-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», проводившегося в 2015 г. в форме конференции «Святые князья Борис и Глеб в русской истории и культуре. Новое в изучении археологических древностей и художественных памятников XI–XII вв.» (Владимир, 25–26 мая 2015 г.), приуроченной к 1000-летию первых русских святых. Традиционно в сборнике публикуются результаты новейших археологических работ в регионе: исследования территорий исторических городов, средневековых сельских поселений и погребальных памятников, освещаются некоторые общие вопросы изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-209-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2016
© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2016
© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СВЯТЫЕ КНЯЗЬЯ БОРИС И ГЛЕБ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Кучкин В.А.	
Перенесение мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 года	9
Олейников О.М.	
Отражение раннего этапа иконографии святых князей Бориса и Глеба на амулетах-змеевиках	17
Вахтанов С.Н.	
Страницы истории, исследования и реставрации церкви Бориса и Глеба в Кидекше в первые десятилетия советского периода	33
Гладкая М.С.	
Святые Борис и Глеб в архитектуре и пластике Владимиро-Суздальской Руси XII в.: аспекты почитания	42
Тимофеева Т.П.	
Церковь Бориса и Глеба в с. Кидекше: штрихи к истории (XVIII–XX вв.)	54
Давыдов М.И.	
О начальной истории Кидекоцкого Борисоглебского монастыря	69
Кокорина Н.А.	
К вопросу об иконографии и использовании эмалевых дробниц из Владимирского клада 1993 г.	76
Шполянская Д.В.	
Кресты из раскопок у церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша под Суздалем	84

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Мазур Л.Д.	
Осадные дворы Владимира, Суздаля, Шуи и Переславля Залесского в XVII столетии	96
Лапшин В.А.	
Датирование комплексов длительного накопления (по материалам раскопок в Нижегородском кремле)	127
Милованов С.И.	
История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений)	136

Володина Т.Е.	
Глиняные игрушки XII–XVIII вв. по материалам археологических раскопок 2001–2012 гг. в 25-м квартале исторического центра г. Владимира	150
Несмиян О.А., Федорина А.Н.	
Результаты археологического исследования на месте прокладки электросетей по адресу: город Суздаль, улица Пушкарская (Музей деревянного зодчества)	165
Несмиян О.А., Несмиян В.Г., Марков Д.С.	
Этапы освоения склона правого берега реки Шохонки в юго-восточной части Плеса (по материалам археологических исследований)	177

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Макаров Н.А., Зайцева И.Е.	
Бескурганые ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в.	186
Соболев В.Ю.	
Погребальный обряд населения Новгородской земли в XI–XII вв. Сложение традиции	200
Данилов О.В.	
Курганный могильник Степаньково на реке Ворша	211
Антонов Д.А.	
Раскопки русского средневекового селища XIII в. Городецкой округи	216
Томсинский С.В.	
Еще раз о постройках селищ Тимерево и Гнездилово и «поволховском типе домостроительства»	227
Щербаков В.Л.	
Археологические исследования селища Тетеринское XIII–XIX вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012–2014 гг. (предварительные итоги)	240

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Жилина Н.В.	
Славяно-русские и финские головные уборы: корни и традиции (на археологическом, изобразительном и этнографическом материале)	257
Лапшин А.Г., Бисерова А.В.	
Гончарные клейма древнего Владимира (опыт систематизации)	272
Несмиян О.А., Уткин А.В.	
Древнерусская вислая печать с верховьев Тезы	288
Медынцева А.А.	
Грамотность жителей Владимиро-Суздальских земель в эпоху средневековья (по данным эпиграфики)	293
Тимофеева Т.П.	
Надглавные кресты Владимирских соборов XII века	304
Шарганова О.Л.	
Лепная керамика Суздальского Ополя второй половины I тыс. н.э. (технологический анализ)	321
Список сокращений	339
Цветные иллюстрации	341

CONTENTS

SAINT PRINCES BORIS AND GLEB IN THE RUSSIAN HISTORY AND CULTURE. CONFERENCE MATERIALS

Kuchkin V.A.	
Transferring of relics of Boris and Gleb on May 2, 1115	9
Oleynikov O.M.	
Reflection of the early stage of the iconography of Saint princes Boris and Gleb on serpentine amulets	17
Vakhtanov S.N.	
Pages of history, research and restoration of the Church of Boris and Gleb in Kideksha in the first decades of the Soviet period	33
Gladkaya M.S.	
Saints Boris and Gleb in architecture and plastic of Vladimir-Suzdal Russia in the 12th century: aspects of honoring	42
Timofeeva T.P.	
Church of Boris and Gleb in the village of Kideksha: touches to history (18th–20th centuries).....	54
Davydov M.I.	
About initial history of Kidekotsky Borisoglebsky cloister	69
Kokorina N.A.	
To the question of iconography and the use of enamel plaquettes from the Vladimir treasure of 1993	76
Shpolyanskaya D.V.	
The crosses coming from the excavation on the territory of the cemetery near the Church of Boris and Gleb in the village of Kideksha (Suzdal district of Vladimir region)	84

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

Mazur L.D.	
Siege yards of Vladimir, Suzdal, Shuya and Pereslavl'- Zaleskiy in the 17th century	96
Lapshin V.A.	
The Dating of the complexes of long-term accumulation (on the materials of the excavations in the Nizhny Novgorod's Kremlin)	127
Milovanov S.I.	
History of addition of a defensive complex of the central part of the city of Vladimir (to the question of topography of defensive fortifications)	136

Volodina.T.E.	
Clay toys of 12th–18th following the materials of the archaeological excavations 2001–2012 in the 25th block of Vladimir historical center	150
Nesmiyan O.A., Fedorina A.N.	
Results of archaeological research on the place of laying of power supply networks to the address: city of Suzdal, Pushkarskaya Street (Museum of wooden architecture)	165
Nesmiyan O.A., Nesmiyan V.G., Markov D.S.	
Stages of development of the slope of the right river bank of Shokhonka in a southeastern part of Ples (according to the materials of archaeological research)	177

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

Makarov N.A. Zaitseva I.E.	
Subterranean burials in the Shekshovo's cemetery: new materials for the study of Old Russian traditional funeral ceremony of the 11th century	186
Sobolev V.U.	
Funeral ceremony of the population of the Novgorod land in 11th–12th centuries. Formation of tradition	200
Danilov O.V.	
Stepan'kovo burial mound on the river Vorsha	211
Antonov D.A.	
Excavation of the Russian medieval settlement of the 13th century of Gorodetskaya district	216
Tomsinsky S.V.	
Once again about the constructions of the settlements of Timerevo and Gnezdilovo and «povolkhovsky type of a house building»	227
Scherbakov V.L.	
Archaeological researches of the settlement Teterinskoye of the 13th–19th centuries in Nerekhtsky district of Kostroma region in 2012–2014 (preliminary results)	240

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Zhilina N.V.	
Slavonic-Russian and Finnish headgears: the roots and traditions (on archaeological, figurative and ethnographic material)	257
Lapshin A.G., Biserova A.V.	
Potter hallmarks from medieval Vladimir (approaches for systematization)	272
Nesmiyan O.A., Utkin A.V.	
The Old Russian hanging seal from Teza's upper courses	288
Medyntseva A.A.	
The literacy of the residents of Vladimir-Suzdal land in the middle ages (according to epigraphy).....	293
Timofeeva T.P.	
Crosses on the domes of the cathedrals of Vladimir of the 12th century	304
Sharganova O.L.	
Hand-made pottery of Suzdal Opolye of the second half of the I thousand AD (technological analysis)	321
Abbreviations	339
Colour plates	341

СВЯТЫЕ КНЯЗЬЯ БОРИС И ГЛЕБ В РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ. МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

В.А. Кучкин

ПЕРЕНОСЕНИЕ МОЩЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА 2 МАЯ 1115 ГОДА

В 1115 г., ровно 100 лет спустя после гибели Бориса и Глеба, произошло событие, вновь напомнившее древнерусским христианам о судьбах этих двух сыновей князя Владимира Святославича. В названном году в находившемся поблизости от Киева городе Вышгороде произошло торжественное перемещение гробов Бориса и Глеба из старой деревянной Борисоглебской церкви в построенную большую каменную церковь, посвященную неповинно убитым братьям.

Перенос мощей Романа и Давида, как в крещении были названы Борис и Глеб, подробно описан в статье 6623 года Ипатьевской летописи, которая, как показали исследования А.А. Шахматова по истории древнерусского летописания, восходит к одной из заключительных статей третьей редакции Повести временных лет (Шахматов, 1916. С. III–X). В статье 6623 г. встречаются две полные даты, которые четко определяют хронологию событий. Во-первых, сообщается, что освящение каменной церкви Бориса и Глеба произошло 1 мая в субботу. Такое сочетание года от т. н. сотворения мира, месяца, числа и дня недели указывает на 1115 г., когда Пасха приходилась на 18 апреля. Вторая летописная дата прямо зависела от первой. В летописи отмечено, что мощи Бориса и Глеба были перенесены в новую церковь 2 мая в воскресенье. И здесь соотношение месяца, числа и дня недели вполне корректно. Если, согласно А.А. Шахматову, третья редакция Повести временных лет была составлена в 1118 г.¹, то описание переноса мощей Бориса и Глеба в новую вышгородскую каменную церковь должно датироваться временем после 2 мая 1115 г. и до 15 августа 1118 г., т. е. это описание было сделано современником события.

Тем не менее, данное описание не было самым ранним. Существует и другой письменный памятник, повествующий о том же перенесении мощей двух сыновей

¹ Последней записью третьей редакции Повести временных лет А.А. Шахматов считал сообщение о смерти византийского императора Алексея Комнина, скончавшегося 15 августа 1118 г., но это сообщение расценивал как более позднюю приписку к основному тексту летописи. См.: *Шахматов*, 1916. С. 358 и примеч. 15–16.

князя Владимира. Речь идет о заключительном тексте «Сказания о чудесах Бориса и Глеба». В этом памятнике также приводится точная дата освящения каменной церкви Бориса и Глеба в Вышгороде – суббота 1 мая, а далее точная дата перенесения мощей обоих братьев – воскресенье 2 мая (Успенский сборник..., 1971. С. 70). Однако год событий в «Сказании о чудесах Бориса и Глеба» в отличие от летописи не указан. Нет в этом «Сказании» и сообщения о работах в каменной вышгородской Борисоглебской церкви, проведенных Владимиром Мономахом после окончания торжественных мероприятий по переносу мощей святых братьев, когда все уже «разидошася кождо въ свояси». Тогда, как сообщает летопись, «Володимеръ же окова рацѣ сребромъ и златомъ и оукраси гроба ею, тако же и комарѣ покова сребромъ и златомъ» (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 282). Отсутствие в «Сказании» сведений о таких работах может свидетельствовать о том, что памятник возник ранее летописного рассказа, скорее всего, сразу же после перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

Есть и другие различия между «Сказанием» и летописью. «Сказание» сообщает, что в Вышгород вместе с Владимиром Мономахом, Олегом и Давыдом Святославичами прибыли и их сыновья (Успенский сборник..., 1971. С. 69). Летопись о сыновьях ничего не говорит. В «Сказании» среди епископов, собранных митрополитом Никифором на торжества в Вышгород, назван Мина «оть Полотьска» (Успенский сборник..., 1971, С. 70). В летописи вместо этого читается «с попомъ Никитою Бѣлогородьскимъ» (ПСРЛ. Т. II. 1908, Стб. 280)². Среди настоятелей монастырей, присутствовавших при переносе мощей Бориса и Глеба, в «Сказании» указан Феофил «святааго Дьмитрия» (Успенский сборник..., 1971. С. 70). В летописи это лицо не упоминается. «Сказание» определяет место игуменства Петра как «святыя Богородица из Лахернитиса» (Успенский сборник..., 1971. С. 70). В летописи Петр представлен иначе: «Петръ Кловьскыи» (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 280). «Сказание» сообщает, что при переносе раку с мощами Бориса сопровождали Владимир Мономах и митрополит Никифор, а раку с мощами Глеба – черниговский князь Давыд Святославич и епископы. Говорится также, что рака Глеба встала, потому что порвались ужища, с помощью которых тянули раку (Успенский сборник..., 1971. С. 70, 71). Ничего этого нет в рассказе летописи.

Однако уникальные известия есть и в летописном изложении. Там, в частности, сообщается, что церковные чины после освящения каменной церкви Бориса и Глеба и окончания в ней обедней службы 1 мая «обѣдаша оу Ольга и пиша» (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 280). Говорится также, что после внесения гробниц Бориса и Глеба в новую каменную церковь 2 мая между князьями вспыхнул спор. «Распри же бывши межи Володимеромъ, – пишет летопись, – и Давыдомъ и Ольгомъ. Володимероу бо хотящю я поставити средѣ церкви и теремъ серебрянъ поставити над нима, а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я в комару, «идеже отецъ мои назнаменаль», на правои сторонѣ, идеже бяше оустроенѣ комарѣ има» (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 281). Спор погасили митрополит Никифор и епископы. Они предложили спорившим князьям бросить жребий. Владимир Мономах положил свой жребий, а Олег и Давыд – свой. Был вынут жребий черниговских князей, и

² Чтение «попомъ» – явное искажение текста переписчиком, в оригинале которого читалось «ппомъ», т.е. «пискупомъ». Никита и был епископом Белгорода.

раки Бориса и Глеба были поставлены под сводом южного придела (ПСРЛ. Т. II. 1908 Стб. 280). «Сказание» ничего не говорит ни о пире у князя Олега 1 мая, ни о споре 2 мая 1115 г. между князьями о месте перезахоронения Бориса и Глеба.

Произведенное сравнение двух источников, в которых описан перенос мощей Бориса и Глеба из деревянной Борисоглебской церкви Вышгорода в каменную городскую церковь 2 мая 1115 г., позволяет точнее и глубже вникнуть в смысл события и по-иному, чем это принято в исследовательской литературе, оценить его историческую значимость. В литературе же вопроса до сих пор преобладает мнение, высказанное в 1948 г. Л.В. Черепниным. Приведя некоторые примеры почитания Владимиром Мономахом гробниц Бориса и Глеба, историк усмотрел в этом «большое политическое значение» для киевского князя, его стремление утвердить культ новых русских святых и, пользуясь их покровительством, упрочить собственную власть в Киеве. «Итак, несомненно, – подводил итог Л.В. Черепнин, – что Мономах, придавая большой политический смысл культу памяти Бориса и Глеба, стремился свои собственные действия в качестве киевского князя освятить авторитетом этих русских святых» (Черепнин, 1948. С. 310)³. Справедливы ли такие заключения?

В этой связи, прежде всего, следует обратить внимание на состав князей, взявших на себя заботы по переносу мощей Бориса и Глеба. Согласно «Сказанию о чудесах Бориса и Глеба», инициатором переноса выступил киевский князь Владимир Всеволодович Мономах, который о своем желании «взвѣсти братии своеи Давыдови и Ольгови». Но оказывается, что и «тѣма всегда оубо глаголющема и поноужающема Володимира о пренесении святою» (Успенский сборник..., 1971. С. 69). Но если сыновья киевского князя Святослава Ярославича от первого брака Олег и Давыд постоянно («всегда») понуждали Владимира Мономаха перенести мощи Бориса и Глеба, то это значит, что в их перезахоронении в первую очередь были заинтересованы именно они. В летописи мысль о перенесении мощей Бориса и Глеба приписана сразу трем князьям: Владимиру Мономаху, Олегу и Давыду Святославичам, которые «создали церковь има (Борису и Глебу. – В.К.) камяну» (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 280). Но, как свидетельствует «Сказание», в чем можно будет убедиться ниже, церковь достраивал и украшал один Олег Святославич.

Зато среди участников церемонии перенесения мощей названы все три князя, причем в «Сказании» – даже с сыновьями. К 1115 г. у Владимира Мономаха в живых оставались сыновья: Мстислав, правивший в Новгороде; Ярополк, княживший в Переяславле; Вячеслав, занимавший стол в Смоленске; Юрий Долгорукий, сидевший в Суздале; Роман и Андрей, жившие в 1115 г., по-видимому, вместе с отцом. У князя Давыда Черниговского были сыновья Всеволод, Ростислав, Владимир и Изяслав, которые могли наследовать отцу. У князя Олега Святославича таких сыновей-наследников было пять – Всеволод, Игорь, Святослав, Глеб, Иван. Но если сыновья Мономаха уже при жизни отца управляли важнейшими княжествами древней Руси, то сыновья Давыда и Олега в лучшем случае могли

³ Трактовка Л.В. Черепниным переноса мощей Бориса и Глеба в 1115 г. как акции, организованной Владимиром Мономахом и направленной на укрепление его авторитета, была полностью поддержана Д.С. Лихачевым, который вместо собственного комментария к статье 1115 г. Повести временных лет поместил большую выдержку из работы Л.В. Черепнина (ПВЛ, 1950. С. 481–482).

управлять при жизни отцов только городами внутри одного Черниговского княжества. Общий потенциал (военный, экономический, демографический) Владимира Мономаха и его сыновей явно превышал возможности черниговских князей. Если князья-отцы появились в Вышгороде со всеми своими сыновьями, то присутствие последних из черниговских Мурома и Рязани, далеких Новгорода и Суздаля свидетельствует о том, что подготовка к майским празднествам 1115 г. в Вышгороде шла в течение многих месяцев и ей придавалось большое значение.

В этой связи весьма примечательно, что никакие другие князья в этих празднествах не участвовали. Ни единокровный брат Олега и Давыда Ярослав Святославич; ни сыновья киевского князя Святополка Изяславича, умершего в 1113 г., Ярослав, Брячислав и Изяслав; ни сыновья Ростислава Владимировича Володарь Перемышльский и Василько Теробовльский; ни тем более князья полоцкие. Речь идет только о князе Владимире Мономахе, князе Давыде Святославиче и его старшем брате Олеге и их сыновьях. Какие древнерусские центры представляли три старших князя и почему именно они участвовали в 1115 г. в перенесении мощей Бориса и Глеба?

Владимир Мономах в 1115 г. уже 2 года занимал киевский стол. Он стал киевским князем 20 апреля 1113 г., покинув отчинный Переяславль и откликаясь на настоячивые требования киевлян. Требования эти были вызваны восстанием киевских горожан 17 апреля 1113 г. и угрозой его дальнейшего распространения. «Сказание о чудесах Бориса и Глеба» ярко описывает дни, последовавшие за смертью предшественника Мономаха на киевском столе князя Святополка Изяславича: «И многу мятежю и крамолѣ бывъши въ людѣхъ, и мѣлвѣ не малѣ; и тѣгда съвѣкоупишвѣше ся вси людие, паче же большии и нарочитии моужи, шедѣше причѣтѣмъ всѣхъ людии и моляхоу Володимира да въшедѣ, оуставитъ крамолу соущюю въ людѣхъ» (Успенский сборник..., 1971. С. 69). Мономах, как новый киевский князь, должен был определять статус древнего киевского города Вышгорода и принимать участие в значимых мероприятиях, проводившихся внутри города.

Князь Давыд Святославич был четвертым сыном Святослава Ярославича от первого брака. В 80-х и 90-х годах XI в. он правил в Новгороде и Смоленске, но с конца 90-х годов XI в. – в Чернигове. Летопись свидетельствует, что старший сын Давыда Святоша, осажденный владимири-волинским князем Давыдом Игоревичем и половецким князем Боняком в Луцке, заключил с осаждавшими мир «и приде къ отцю своему Чернигову (ПСРЛ. Т. I. 1926–1928. Стб. 272). Святоша оставил Луцк во второй половине 1099 г. Следовательно, Чернигов в 1099 г. уже принадлежал Давыду Святославичу. Тот же Святоша в 1106 г. постригся в монахи в «Църниговѣ» (НПЛ, С. 19)⁴, что косвенно может свидетельствовать о продолжавшемся правлении в Чернигове его отца. В 1112 г. князь Давыд и его княгиня радовались назначению в Чернигов епископа Феоктиста, поскольку прежний епископ 25 лет был болен и в Чернигове не проводились торжественные епископские службы (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 274). Давыд Святославич и умер в Чернигове в 1123 г. (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 274). Он должен был помогать родному брату Олегу при ущемлении интересов последнего.

⁴ О дате см.: *Бережков*, 1963. С. 224.

Брат Давыда князь Олег Святославич был старше его, о чем свидетельствует портрет семьи Святослава Ярославича в «Изборнике» 1073 г. В перечне изображенных Олег назван раньше Давыда. В 1094 г. Олег с помощью половцев вернул себе Чернигов, захваченный у него в 1077 г. Всеволодом Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом (ПСРЛ. Т. I. 1926–1928. Стб. 226, 199). Однако весной 1096 г. киевский князь Святополк Изяславич и переяславский князь Владимир Мономах осадили Олега в Чернигове, заподозрив его в коварных планах против них и в помощи половцам, нападавшим в то время на переяславские и киевские земли. Олег бежал из Чернигова в Стародуб. Но Святополк и Владимир осадили его и там. После 33 дней осады Олег не выдержал и запросил мира. Победители изгнали его из Черниговского княжества, отправили в Смоленск к брату Давыду и велели вместе с ним придти в Киев, чтобы там договориться по главным политическим вопросам. В знак согласия Олег целовал крест. Княжеский съезд состоялся только на следующий год, осенью 1097 г., причем не в Киеве, а в черниговском городе Любече. Сразу же после съезда был ослеплен теребовльский князь Василько Ростиславич. Киевский князь Святополк и владимири-волынский князь Давыд Игоревич заподозрили его в сговоре с Владимиром Мономахом и в желании захватить их владения. Чтобы противостоять Святополку и Давыду Игоревичу, Мономаху пришлось объединяться со своим недавним врагом Олегом Черниговским и его братом Давыдом (ПСРЛ. Т. I. 1926–1928. Стб. 230, 256–262). Объединение Мономаху обошлось дорого. Он вынужден был уступить черниговским князьям Курск⁵. Территория Черниговского княжества значительно возросла, и, по-видимому, между Олегом и Давыдом произошел раздел. Олег уступил Давыду Чернигов, но Новгород Северский, Стародуб, Муром, Рязань, Курск, судя по последующим владениям его сыновей, оставил за собой. Давыд формально превратился в главного черниговского князя, однако фактически им остался Олег, сосредоточивший в своих руках большую часть территории Черниговского княжества.

Известия о переносе мощей Бориса и Глеба 2 мая 1115 г. застают Олега Святославича в Вышгороде. И «Сказание о чудесах Бориса и Глеба», и летопись свидетельствуют об особой роли князя Олега в организации и проведении перезахоронений двух сыновей Владимира Святославича. «Сказание» не отмечает участия Олега в перенесении ни мощей Бориса, ни мощей Глеба. Это делали Владимир Мономах и Давыд Святославич. Олег, видимо, был занят другим. Об этом другом говорит летопись. Она сообщает об обеде, устроенном князем Олегом 1 мая 1115 г. Организация обеда может свидетельствовать о том, что Вышгород находился под управлением Олега⁶. Такая мысль прямо подтверждается «Сказанием о чудесах Бориса и Глеба». «Сказание» сообщает, что «Ольгъ сынъ Святославль оумысли въздвигнути церковь, съкроушивъшую ся Вышегородѣ

⁵ Курск в 1096 г. в руках сына Владимира Мономаха Изяслава. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 229. В 1127 г. он был владением черниговского князя, который вынужден был уступить его Мономаховичам. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 296.

⁶ Подобную мысль, но не отчетливо, высказывал и Л.В. Черепнин: «повидимому, хозяином торжества 1115 г. являлся Олег; у него обедали собравшиеся в Вышгороде князья и духовенство». См.: Черепнин, 1948. С. 316.

камяною, и приведеъ зьдатеде, повелѣ зьдати, въдавѣ имѣ вьсе пообилоу, яже на потребу. И съвршенѣ ей бывъши и испьсанѣ, многашьды поноужаше, оубо и моляше, Святоплѣка, да быша перенесли святая мученика въ създаную церковь. Онѣ же паки, аки зазряя троуду его, и не хотяше ею перенести, зане не самѣ быше еѣ създаде, церкве тоя. Малоу же времени минуувъшю, и Святоплѣкоу престаивъшю ся на вѣторое лѣто по оустроение церкви тоя» (Успенский сборник..., 1971. С. 69).

Из приведенных данных следует, что Олег Святославич действительно владел Вышгородом, который относился не к черниговским, а к киевским городам⁷. Каменная Борисоглебская церковь в этом городе была достроена и расписана Олегом уже в 1112 г., за год до смерти киевского князя Святополка Изяславича. Если на роспись нужен был примерно год, то на капитальный ремонт храма требовалось года два. Это позволяет думать, что Вышгород Олег получил не позже 1109 г. Получил, конечно, от киевского князя Святополка Изяславича. Последний после ослепления Василька Теребовльского и военных угроз со стороны объединившихся Владимира Мономаха и черниговских князей в 1097 г. хотел даже бежать из Киева, но ему не дали этого сделать киевляне, и, будучи поддержан мачехой Владимира Мономаха и митрополитом Николаем, Святополк остался на киевском столе (ПСРЛ. Т. I. 1926–1928. Стб. 263–264). Новая крупная политическая неудача ждала Святополка в 1102 г., когда несмотря на его договоренность с Владимиром Мономахом новгородцы отказались принять его сына, а вместо него оставили у себя на столе старшего сына Мономаха Мстислава (ПСРЛ. Т. I. 1926–1928. Стб. 275–276). Усиление Мономаха, в первые годы XII в. заставлявшего Святополка ходить вместе с собой на половцев, внушало киевскому князю большие опасения за свою судьбу. Необходимо было как-то ограничить переяславского соседа, ослабить его отношения с черниговскими князьями. С этих позиций уступка между 1102 и 1109 гг. именно Олегу Святославичу киевского Вышгорода очень удачно решала политические задачи, стоявшие перед Святополком. Во-первых, поддерживался давний недруг Владимира Мономаха Олег. Во-вторых, передача ему именно Вышгорода, отстоявшего всего в 15 км от Киева, указывала на то, что только Олег мог рассматриваться как преемник Святополка на киевском столе (сначала сам Святополк как сын старшего (к 1054 г.) сына Ярослава Мудрого Изяслава; затем Олег – старший сын второго сына Ярослава Мудрого Святослава; лишь на третьем месте оказывался Владимир Мономах – сын третьего сына Ярослава Мудрого Всеволода). В случае же несоблюдения княжеских обычаев и договоренностей из Вышгорода до Киева с вооруженной дружиной можно было доехать за полтора-два часа, чтобы решить вполне возможные в будущем разногласия силой оружия. В-третьих, должны были начаться и трения между черниговскими князьями, поскольку выбор киевского князя падал не на главу Черниговского княжества, а на его брата, роль и значение которого расценивались выше, чем Давыда.

Получив в свои руки Вышгород, князь Олег Святославич стал закреплять его за собой, проявляя заботу о своих святых предках и тем самым завоевывая себе авторитет и признание в разных слоях тогдашнего общества. С этой целью

⁷ О принадлежности Вышгорода князьям, правившим в Киеве в XI в., см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 161, 181–182, 200.

и начались работы по достройке каменной церкви Бориса и Глеба. Но когда церковь была построена, киевский князь Святополк Изяславич отказался ее освящать и переносить останки Бориса и Глеба. Ему это сделать было несложно. Вышгород входил в состав диоцеза киевского митрополита, а действия митрополита контролировал киевский князь. И он не очень-то был заинтересован в прославлении ростовского, как писали летописи, князя Бориса, в свое время жившего в земле, которая с конца XI в. стала владением Владимира Мономаха, и князя Глеба, правившего в принадлежавшем со второй половины XI в. Черниговскому княжеству Муроме. После смерти Святополка в 1113 г. восстание киевлян показало, что жители Киева, «паче же большии и нарочитии моужи» хотят видеть киевским князем не черниговского и вышгородского правителя Олега Святославича, а переяславского князя Владимира Всеволодовича. Княжеская идея о преемстве на киевском столе детей трех старших Ярославичей разбилась о совсем иные настроения и представления древнерусского общества XII в.

Но и занявший «не в намеченной чередности» киевский стол Владимир Мономах оказался в сложном положении. Какой политики следует придерживаться относительно Олега, владеющего киевским Вышгородом, не расстающегося с ним и постоянно требующего освящения каменной вышгородской церкви и переноса туда мощей Бориса и Глеба? Ведь в унисон с ним того же стал требовать и его родной брат черниговский князь Давыд. Не вызвана ли такая согласованность тем, что оба Святославича хотят по меньшей мере сохранить Вышгород за собой, чтобы использовать его как базу при возможной борьбе за Киев? Два года Владимир Мономах не откликался на просьбы и требования черниговских князей. Только в 1115 г., вероятно, зная о плохом состоянии здоровья Олега Святославича (он умер спустя три месяца после перенесения мощей Бориса и Глеба), Владимир Мономах решил на определенные действия. Впервые за 3 года было решено наконец-то освятить каменную Борисоглебскую церковь в Вышгороде и перенести туда останки Бориса и Глеба. Но круг князей – участников церемониальных событий должен был ограничиться тремя лицами с их сыновьями-наследниками. Только они могли договориться о том, рассматривать ли владение Вышгородом как ступень к киевскому столу и закрепляется ли владение Вышгородом за черниговскими князьями или же Вышгород возвращается под власть киевского князя. Из летописного сообщения о кончине Олега Святославича: «в се же лѣто преставися Олегъ Святославичъ мѣсяца августа въ 1 день, а во вторый погребень бысть оу святого Спаса оу гроба отца своего Святослава» (ПСРЛ. Т. II. 1908, Стб. 282), вытекает, что речь идет о Спасском соборе в Чернигове, где был похоронен отец Олега Святослав Ярославич (ПСРЛ. Т. I. 1926–1928, Стб. 199). Отсюда можно сделать вывод, что князь Олег или покинул Вышгород перед смертью, или же его тело после смерти было перевезено из Вышгорода в Чернигов. Во всяком случае, ближайшее к 1115 г. более позднее сообщение о Вышгороде 1136 г. указывает на его принадлежность Киевскому княжеству (ПСРЛ. Т. II. 1908. Стб. 300)⁸. А этот факт, в свою очередь, свидетельствует о том, что киевские князья, отдавая во владение города Киевского княжества представителям других ветвей

⁸ Передача киевским князем Ярополком Владимировичем Вышгорода своему старшему племяннику Всеволоду в 1136 г. О дате см.: *Бережков*. 1963. С. 137.

Рюриковичей, передавали их в пожизненное обладание или же на определенные сроки, без права передачи по наследству. В случае же смерти владельца такие города как выморочные возвращались в состав Киевского княжества. И Олег Святославич, хотя и стремился, не смог удержать за собой или за своим родом киевский Вышгород, но достроенная этим князем церковь в Вышгороде в честь Бориса и Глеба многие десятилетия напоминала современникам и потомкам Олега о ее ктиторе и его почитаемых предках.

Литература

- Бережков Н. Г.*, 1963. Хронология русского летописания. М. Повесть временных лет. Ч. II. М.; Л., 1950.
ПСРЛ. Т. I. Новгородская Первая летопись. Л., 1926–1928.
ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908.
Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
Черепнин Л. В., 1948. «Повесть Временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М.
Шахматов А. А., 1916. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг.

Summary

V.A. Kuchkin

TRANSFERRING OF RELICS OF BORIS AND GLEB ON MAY 2, 1115

Transferring of relics of Saint princes Boris and Gleb on May 2nd, 1115 in new stone church in Vyshgorod, is considered in article as an important political event. The arrangement on Vyshgorod's return to structure of the Kiev principality after the death of Oleg owning it became a result of a meeting of the Chernihov princes Oleg and Davyd Svyatoslavichy seeking to retain the important suburb of Kiev Vyshgorod with Vladimir Monomakh.

О.М. Олейников

ОТРАЖЕНИЕ РАННЕГО ЭТАПА ИКОНОГРАФИИ СВЯТЫХ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛЕБА НА АМУЛЕТАХ-ЗМЕЕВИКАХ

В процессе развития культа первых канонизированных святых Русской церкви страстотерпцев Бориса и Глеба были периоды различного их почитания (раздельное, совместное, преимущественное почитание одного из братьев), а также различные аспекты оценки их святого предназначения, что нашло отражение в многообразии вариантов иконографии Бориса и Глеба. Этой теме в той или иной степени посвящён ряд исследований отечественных и зарубежных учёных (*Лесючевский*, 1946; *Алешковский*, 1972; *Поппе*, 1973; *Макаров*, *Захаров*, 1995; *Архипова*, 2009; *Преображенский*, 2010; *Моршакова*, 2013 и др.). Особый интерес представляет предельно информативная статья Э.С. Смирновой, которая, по сути, является сводкой известных изображений святых князей, охватывающей начальный период сложения Борисоглебской иконографии – от истоков до первой трети XIII в. (*Смирнова*, 2009). Эти хронологические рамки определяют ранний, наиболее важный этап культа. Именно в этот период были выработаны основные иконографические программы, которым следовали мастера в последующие эпохи.

Развитие культа и восприятие святых братьев шло, в общих чертах, следующим образом. В конце 40-х – 50-х годов XI в. развивается почитание Бориса и Глеба в княжеской среде как на основе родового культа предков, так и в русле политической традиции – как предшественников по столам.

К моменту канонизации 1072 г. и последующего церковного оформления культа братья почитаются прежде всего как целители. В Русской церкви единственным основанием для причисления усопших подвижников к лику святых (канонизации) служило прославление мощей даром чудотворений¹.

Почти все святые греческого календаря относятся к числу мучеников за веру, преподобных (аскетов-подвижников) и святителей (епископов). На Руси сложился особый чин святых – «страстотерпцев», но в самой истории канонизации Бориса и Глеба совершенно ясно даётся знать, что они причислены к лику святых

¹ Чудеса не требовались для канонизации чина мучеников (*Голубинский*, 1903. С. 269).

не как страстотерпцы, а как страстотерпцы-чудотворцы. Третий погибший брат страстотерпец Святослав принял такую же насильственную смерть, но за отсутствием чудес канонизирован не был (*Голубинский*, 1903. С. 264–265; *Федотов*, 1985. С. 19, 30).

Чудесные исцеления, происходившие при гробах князей, свидетельствовали, что Борис и Глеб обрели благодать в очах Бога как его угодники (*Голубинский*, 1903. С. 47). В «Чтении о житии и о погублении блаженных стростотерпцев Бориса и Глеба», датирующемся 80-ми годами XI в. (*Шахматов*, 2001. С. 47–48), Нестор пишет, что Борису и Глебу как «блаженную страстотерпцю и врачу» была дана «оть бога благодать целебная в стране сеи», и изливали они «целбам благодать неискудную» (*Абрамович*, 1916. С. 15, 24–26).

Чудеса (столп огненный, пение ангелов, опаление ноги варяга, случайно наступившего на могилу братьев (*Абрамович*, 1916. С. 52–53), начали совершаться при гробах князей только после того, как рядом с Борисом, погребённым у деревянной церкви св. Василия в Вышгороде, перезахоронили Глеба (ПСРЛ. Т. I. С. 137) около 1021 г. (*Лесючевский*, 1946. С. 235). Это позволяет говорить, что на этом этапе развития культа младший Глеб выступает как старший святой, что связывается отчасти с влиянием Святослава Ярославича, занимавшего киевский стол с 1073 по 1076 гг. и почитавшего Глеба как своего патрона-предшественника («Глеборисовский» этап культа). Косвенным подтверждением этого можно считать тот факт, что из пяти сыновей Святослава Ярославича троим были даны имена Глеб, Давид, Роман. В честь Глеба названы двое. Старший сын – Глеб Святославич (ум. в 1078 г.) получает мирское имя Глеб, что могло быть мотивировано родовыми традициями. Для младшего сына – Давида Святославича (ок. 1050–1123) – имя Глеб становится крестильным, что может указывать уже на иной – церковный аспект почитания Глеба (*Биленкин*, 1993. С. 55).

На преимущественное почитание младшего Глеба указывают подробности перенесения мощей братьев 20 мая 1072 г. (ПСРЛ. Т. I. С. 181; *Каргер*, 1952. С. 82; *Шахматов*, 2001. С. 49, 51. прим. 38) из пятиглавого деревянного храма, построенного князем Ярославом² на месте сгоревшей церкви св. Василия, в одноглавый деревянный храм Изяслава Ярославича (*Абрамович*, 1916. С. 55; *Каргер*, 1952. С. 83) в Вышгороде. Прах Бориса находился в простолудинском деревянном гробу, поэтому в новой церкви «мощи его вложиша в раку камену». Мощи Глеба не перекладывали, они уже находились в каменной раке (ПСРЛ. Т. I. С. 181–182).

Косвенное подтверждение культа князя Глеба дают месящесловы, в которых 5 сентября отмечается память Глеба (Давида)³. Время установления этого праздника не известно. Он появляется в месящесловах и прологах во второй половине XIII в. (Евангелие-апракос. РГБ. Ф. 256. № 106. Л. 1546). Намёк на более

² Освящение храма Ярослава состоялось 24 июля 1026 г. (*Абрамович*, 1916. С. 55; *Каргер*, 1952. С. 81).

³ Один из самых распространённых русских праздников – совместное чествование памяти Бориса и Глеба, отмечающееся 24 июля, встречается в календарях конца XI – начала XII в: Миния служебная (РГАДА, Син. тип. 121, л. 28 об. – 31), Кондакар при студийском Уставе (*Спасский*, 1997. С. 445), месящеслов Мстиславова Евангелия (*Жуковская*, 1983. С. 275).

раннее существование праздника 5 сентября даёт летописный рассказ 1177 г. о чудесном прозрении Мстислава и Ярополка Ростиславичей в церкви Бориса и Глеба на Смядыни. Софийская летопись уточняет, что событие произошло 5 сентября «на убийение Глебово» (ПСРЛ. Т. 6. С. 244). Существует мнение, что временем учреждения праздника 5 сентября могли быть в том числе события 1191 г., инициированные князем Давыдом (Давыд-Глеб) Ростиславичем – перенесение «ветхих рак» Бориса и Глеба из Вышгорода в Смядынский монастырь, связанный с местом гибели Глеба (Лосева, 2001. С. 95).

К концу XI и особенно в начале XII в., культ святых братьев-целителей трансформируется в культ небесных помощников русских князей, дружины и всего отечества. Борис, как старший брат и воин, выдвигается на первое место. Этому способствует и авторитет Владимира Мономаха, в семье которого почитался именно Борис. Культ становится «Борисоглебовским». Торжественное (вторичное) перенесение мощей Бориса и Глеба в столетнюю годовщину их гибели 2 мая 1115 г. (Шахматов, 2001. С. 49, 51) в каменную церковь⁴ Владимиром Мономахом и его двоюродными братьями Давидом и Олегом Святославичами закрепляет эту форму окончательно (ПСРЛ. Т. 3. С. 20, 204; Абрамович, 1916. С. 49; Лесючевский, 1946. С. 240; Алешковский, 1972. С. 114; Биленкин, 1993. С. 56).

Изображения князей Бориса и Глеба периода XI–XII вв. сохранились исключительно на произведениях «малых» форм – на княжеских печатях Ярополка Изяславича, датирующихся временем его княжения в Вышгороде (1077–1078) и Владимире Волынском (1078–1086) (Гайдуков, Янин, 2007. С. 141–143, 147), на крестах-энколпионах⁵, появление которых увязывается с обретением мощей первых русских святых и их канонизацией (Алешковский, 1972. С. 123; Биленкин, 1993. С. 56; Корзухина, Пескова, 2003. С. 5; Смирнова, 2009. С. 81–82, 86, 91; Моршакова, 2013. С. 58), а также на миниатюре-фронτισписе Слова Ипполита о Христе и антихристе (первая треть XII в.) (Невострюев, 1868; Смирнова, 2009. С. 91; Уханова, 2009. С. 119–156).

Настоящая работа ставит целью дополнить этот иллюстративный ряд амулетами-змеевиками, иконография которых является особым, одним из

⁴ Церковь построена в 1112 г. Олегом Святославичем (Шахматов, 2001. С. 48. Прим. 34; Абрамович, 1916, С. 64).

⁵ Время появления энколпионов до сих пор дискуссионно. Датировка конкретных экземпляров очень субъективна. Авторы каталожных статей датируют их кон. XI – нач. XII в. (Ханенко, 1899. С. 20. Табл. VII № 88–90; Корзухина, Пескова, 2003. С. 90, № 23–26; С. 92, № 40; Меч и Златник: 2012. С. 244–245; Дончева-Петкова, 2011. С. 175).

Единичные экземпляры обнаружены в Великом Новгороде в слоях XII–XIII вв. В 1960 г. на Тихвинском раскопе в строительном периоде, датирующемся 1177–1224 гг., найдена сильно потёртая створка энколпиона с изображением Бориса (Янин, 1978. С. 125, 126. рис. 4). В 1993 г. энколпион с изображением Бориса и Глеба был обнаружен в датированном археологическом комплексе на Фёдоровском раскопе. По мнению Э.С. Смирновой, «новгородская находка может быть датирована и временем сруба (1135 г.) и более ранним, а датировка древнейших изделий такого рода должна быть сдвинута в несколько более ранний период, по меньшей мере в конец XI – XII в.» (Смирнова, 2009. С. 82, 105).

Энколпионные композиции играли большую роль в Борисоглебской иконографии конца XI – XII. После домонгольского периода энколпионные изображения Бориса и Глеба не встречаются (Смирнова, 2009. С. 91; Преображенский, 2010. С. 332).

Рис. 1. Амулеты-змеевики с изображением святых князей Бориса и Глеба.

а – Киевская губерния, 1904 г., серебро, ГИМ; *б* – Владимирская губерния, 1924 г., бронза, ГИМ; *в* – случайная находка конца XIX в., бронза, ГИМ; *г* – Великий Новгород, раскоп Десятинный-1, 2008 г., оловянно-свинцовый сплав. Фото: С.Ю. Каинов (*а–в*), О.М. Олейников (*г*).

древнейших изводов, связанным с ранним периодом становления культа святых Бориса и Глеба. Это «Глеборисовский» этап, для которого был характерен преимущественно целительный аспект почитания святых князей и который хронологически можно определить концом XI в.

Змеевики с изображением Бориса и Глеба очень редкие. К настоящему времени известно 4 амулета (рис. 1).

Три змеевика, находящиеся в собрании Исторического музея в Москве, являются случайными находками (Орлов, 1926. С. 33–34; Николаева, Чернецов, 1991. С. 80–81, 110. Табл. XVII, 3). Первый змеевик – серебряный, диаметром 36 мм, находящийся в постоянной экспозиции музея, был обнаружен в 1904 г. в Киевской губернии (рис. 1, *а*). Вторым амулет «из серого металлического сплава», диаметром 35 мм, найден в 1924 г. во Владимирской губернии (рис. 1, *б*). Место обнаружения третьего змеевика «зеленомедного серебряного», диаметром 37 мм, поступившего в ГИМ в конце XIX в., неизвестно (рис. 1, *в*).

Четвёртый экземпляр был найден в 2008 г. на Софийской стороне Людина конца Великого Новгорода, на раскопе Десятинный-1, в слое начала XIV в.⁶ (11 ярус), в юго-западном углу сруба жилой постройки размерами 4×4 м, расположенной в северо-западной части усадьбы «Б», общая площадь которой более 500 кв.м (Олейников, 2009. С. 41; Олейников, 2013. С. 103).

⁶ Дендрохронологическое определение О.А. Тарабардиной.

Новгородский змеевик представляет собой круглую сильно потёртую подвеску, что свидетельствует о её длительном использовании; диаметр без ушка 36 мм, толщина 3 мм, вес 16,84 г. (рис. 1, з). Амулет изготовлен из легкоплавкого оловянисто-свинцового сплава с незначительной примесью меди (Sn – 75.3%; Pb – 23.5%; Cu – 1.2%)⁷ в двусторонней литейной форме. С большой вероятностью этот амулет является работой новгородских мастеров. Местное изготовление косвенно подтверждает не только наличие в составе сплава легкоплавких металлов, которые новгородцы широко использовали для тиражирования недорогих копий, но и небольшой производственный брак, получившийся при отливке ушка для привешивания.

Христианский извод змеевиков с изображением Бориса и Глеба представлен статусной трёхчастной композицией с полнофигурными фронтальными изображениями святых, предстоящих восьмиконечному Кресту. По сторонам фигур размещены колончатые надписи «БРС» и «ГЛБ».

Никаких атрибутов врачевателей: ларцов с лекарствами, свитков, инструментов – у святых нет, и быть не могло. Не являясь врачами, Борис и Глеб исцеляли не с помощью лекарств, а *чудесным образом* – через Благодать, полученную от Бога как награду за свой подвиг. Ростовое изображение святых у креста, выбранное для целебного амулета, свидетельствует, что именно этот извод ассоциировался с чудотворной целительной силой святых князей.

В композиции присутствует весьма интересный иконографический акцент. Крест, размещённый в центре, Борис и Глеб держат соответственно левой и правой рукой. Причём рука Глеба касается креста выше, чем рука Бориса. Эту деталь М.Х. Алешковский рассматривал как свидетельство преимущественного почитания Глеба, которое имело место на начальном вышгородском⁸ этапе развития культа (*Алешковский, 1972. С. 107–108. Прим. 19*). Именно для этого начального этапа характерен целительный аспект почитания святых.

Подробное исследование письменных источников, свидетельствующих о преимущественном почитании Глеба на ранних этапах развития культа святых братьев, приведено в упомянутых работах В.И. Лесючевского, М.Х. Алешковского, В.А. Виленкина. Отметим только весьма интересное свидетельство конца XI в., сохранившееся в чешской хронике. 16 октября 1095 г. в Сазавском монастыре были освящены два алтаря. В одном из них с правой стороны вместе с мощами особо почитаемых святых находились мощи *святого Глеба и его сподвижника* («sw. Glebia a towaryše jeho»). Подчеркнём, что для автора этой хроники – монаха Сазавского монастыря (Mnich Sázavský) – главной фигурой был младший Глеб, а имя старшего брата он счёл возможным даже не упомянуть (PDC. P. 251)⁹.

⁷ Исследование химического состава лицевой и оборотной сторон новгородского змеевика проведено без повреждения объекта исследования на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV, оснащённом энергодисперсионным рентгеновским спектрометром Energy-450, и на рентгеновском микроанализаторе JXA-8100 фирмы JEOL Н.В. Трубкиным и И.Г. Грибоедовой в Институте геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ РАН).

⁸ В XII в. роль Вышгорода как центра почитания братьев снижается. Растёт значение Борисоглебского монастыря на Смядыни, куда в 1191 г. переносят «ветхие раки» Бориса и Глеба из Вышгорода.

⁹ Автор выражает благодарность к.и.н. Е.В. Бирюковой за помощь в работе с чешскими источниками.

На материале изобразительного искусства приоритет почитания св. Глеба не проявляется. На наш взгляд, это связано с тем, что дошедшие до наших дней произведения относятся к более поздним этапам культа¹⁰, для которых характерно совместное почитание Бориса и Глеба как небесных воинов-покровителей.

Уточнить или опровергнуть наличие «Глеборисовского» периода культа поможет дальнейшее изучение памятников, относящихся к культу святых братьев. Эта работа ждёт своего исследователя.

Учитывая значение культа князей-страстотерпцев для династии Рюриковичей, можно достаточно уверенно говорить, что перед создателями изображений святых Бориса и Глеба стояла задача сделать не только легко узнаваемыми первых русских канонизированных святых, но и внести в их образы национальный колорит и черты, отличающиеся от иконографии святых латинской Европы и Византии. Однако первые изображения святых Бориса и Глеба (парные полнофигурные фронтальные фигуры у Креста; парные поясные, полнофигурные изображения с мученическим крестом в правой руке и одиночные полнофигурные изображения с предметами в руках, похожими на храмы), как бы вставлялись в установленную схему многовекового византийского опыта (рис. 2–5) (*Кондаков*, 1914. С. 305–306. рис. 206, 207; *Лесючевский*, 1946. С. 227; *Искусство Византии*, 1977. С. 82–83, 113; *Ошарина*, 2001. С. 35. рис. 5; *Гайдюков, Янин*, 2007. С. 143, 147; *Oikonomides*, 1972. P. 47–48; *Retowski*, 1974. P. 186).

Высокая значимость культа первых канонизированных русских святых требовала взять за основу сложения их иконографии изображения двух исключительно высоко почитаемых святых (*Моршакова*, 2013. С. 58). Поэтому идейный замысел следует искать в композиционно-иконографических параллелях, уходящих в глубокую древность. Трёхчастная композиция, воплощённая на змеєвиках, несущая глубокую символическую нагрузку, перешла на Русь из Византии, где часто встречается на монетах, печатях, а также книжных миниатюрах и мозаиках (рис. 3; 4). Следует отметить, что у Креста – первой и главной христианской святыни, начиная с истоков христианства и до позднего средневековья, изображались только Христос (рис. 3, а), ангелы (рис. 3, б) (извод «Прославление Креста» широко известен по знаменитой новгородской двусторонней иконе «Спас Нерукотворный», вторая половина XII в., ГТГ), Богоматерь (рис. 3, в, г), византийские императоры и члены их семьи (рис. 3, в-и), верховные апостолы Пётр и Павел (рис. 4, а) и святые равноапостольные Константин и Елена (рис. 4, б-г).

Изображением у креста первых русских святых Бориса и Глеба подчеркивалась их избранность. Факт исключительно почётного изображения князей на таком триумфальном сюжете утверждал святость и богоизбранность русских князей Бориса и Глеба, что в свою очередь было принципиально важно

¹⁰ Иконы XI – начала XII в. не сохранились. Самым ранним изображением Бориса и Глеба являются одиночные ростовые фигуры князей с мученическими крестами и мечами на полях иконы «Св. Николай с избранными святыми» конца XII – начала XIII в. (ГТГ), фреска Кирилловской церкви в Киеве, фрески на северной стенке подкупольного креста Спасской церкви Евфросиньева монастыря в Полоцке 1150-х гг., фрески на предалтарных столбах Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря в Полоцке и ростовые изображения князей во главе процессии святых, подходящих к Богоматери, на утраченных во время Великой отечественной войны фресках церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199 г.).

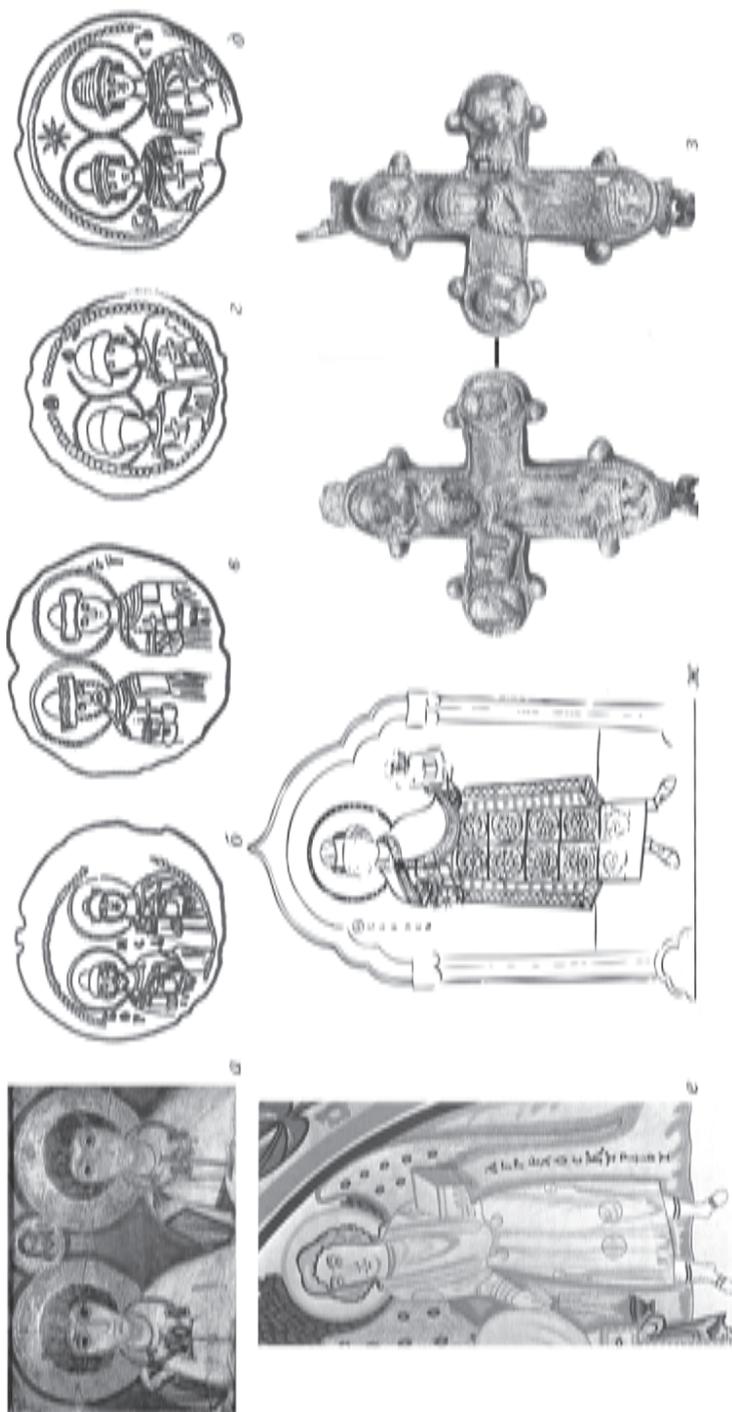

Рис. 2. Возможные византийские прототипы ранних изображений Бориса и Глеба: погрудные парные изображения святых с мученическими крестами в правых руках (а–д); ростовые одиночные изображения святых с предметами в руках, похожими на храмы (е–з).

а – икона «Святые Сергий и Вакх» VI–VII вв. из монастыря св. Екатерины на Синае (Киев, НМИБВХ); б–д – прорись печатей князя Ярополка Изяславича (1077–1086 гг.) (б – № 13В; в – № 13Д; г – № 13Ж=№354; д – № 13Е); е – ангел с калидом и символическим изображением курильницы в виде храма (фреска VIII в. из монастыря Бауит, Египет); ж – прорись миниатюры из Слова Ипполита о Христе и антихристе конец XI – XII в. (по В.И. Лесючевскому); з – энколпий (Великий Новгород, Фёдоровский раскоп), бронза.

Рис. 3. Варианты иконографических изводов с крестом.

а – изображение Христа на блюде V в., керамика, гравировка (ГЭ); *б* – изображение ангелов по сторонам креста («Слава Креста» или «Похвала Кресту»), блюдо-дискос VI в., серебро, позолота, чеканка (ГЭ); *в* – изображение Богородицы и византийского императора Никифора II Фоки на византийской монете (номисма стамена, 963–969 гг.), золото, чеканка; *з* – изображение императора Иоанна I Цимисхия и Богородицы на византийской монете (номисма стамена, 969–976 гг.), золото, чеканка; *д* – изображение императоров Константина VII и Романа II на византийской монете (солид, 945–959 гг.), золото, чеканка; *е* – императоры Василий II и Константин VIII на византийской монете (милиарисий, 976–1025 гг.), серебро, чеканка; *ж* – императоры Алексей I и Иоанн II на прорисовке монеты императора Давида (1458–1461 гг.), медь, чеканка; *з* – императоры Лев III – Константин V на византийской печати (747–748 гг.), свинец; *и* – императоры Василий II и Константин VIII на византийской печати (976–1025 гг.), свинец.

Рис. 4. Изображение святых у креста.

а – верховные апостолы Пётр и Павел, икона XIV в., Афины, Византийский музей;
б – святые равноапостольные Константин и Елена, миниатюра Парижской псалтири (конец IX – начало X в.);
в – святые равноапостольные Константин и Елена, мозаика монастыря святого Луки (Осиос Лукас), Фокида, Греция, 30-е гг. XI в.;
г – святые равноапостольные Константин и Елена, фреска монастыря Грачаница, Косово, XIV в.

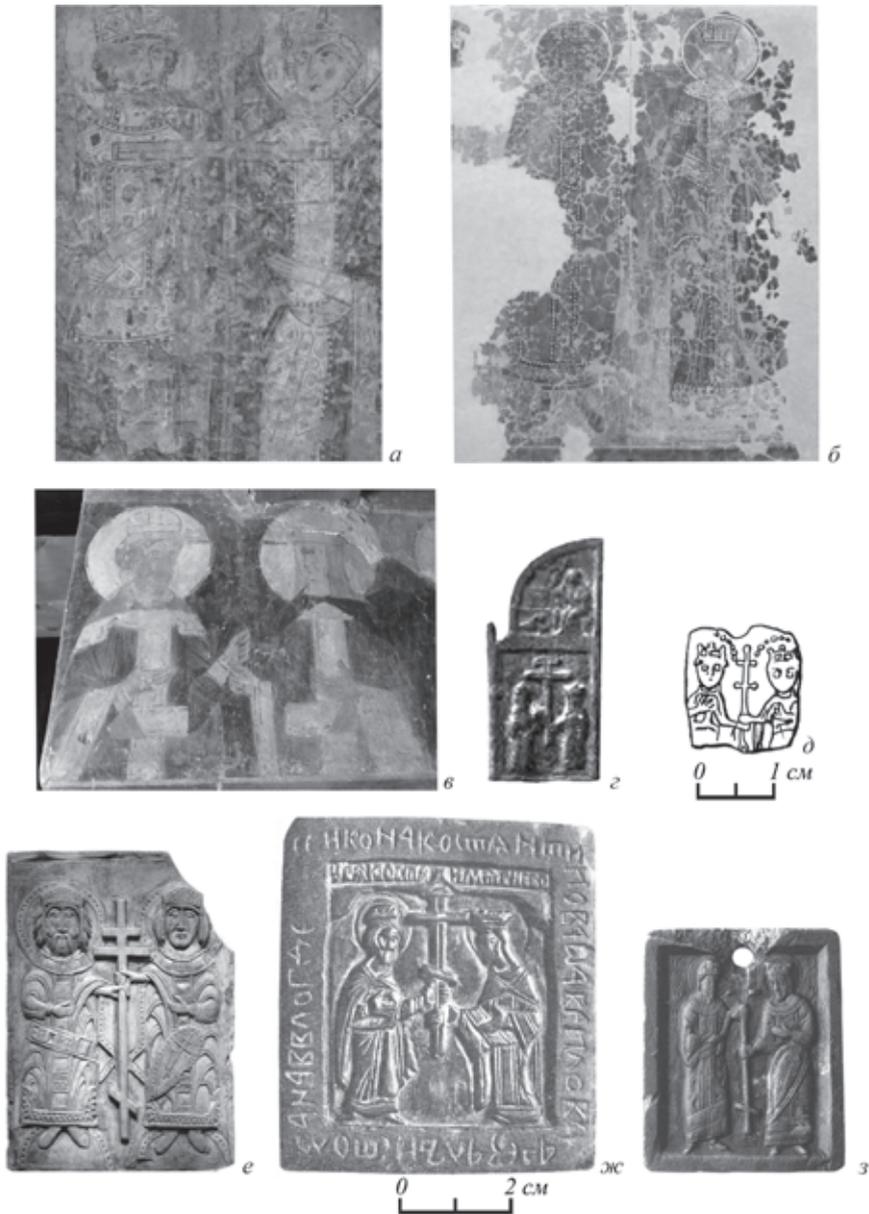

Рис. 5. Парные изображения равноапостольных Константина и Елены у Креста.

а – фреска Мартирьевской паперти в южной галерее собора святой Софии, Великий Новгород, XI в.; *б* – фреска из церкви Спаса на Ковалёве, Великий Новгород, XIV в.; *в* – фреска из церкви Симеона Богоприимца Зверина Покровского монастыря, Великий Новгород, XV в.; *г* – створка иконки-складня, медь; *д* – печать (№ 336А – по П.Г. Гайдукову), свинец; *е* – иконка конца XII в., Полоцк, камень, НХМРБ; *ж* – иконка, 60–70-е годы XV в. Вологда, камень, ГИМ; *з* – иконка XII в., Владимиро-Суздальская Русь, камень, ГИМ.

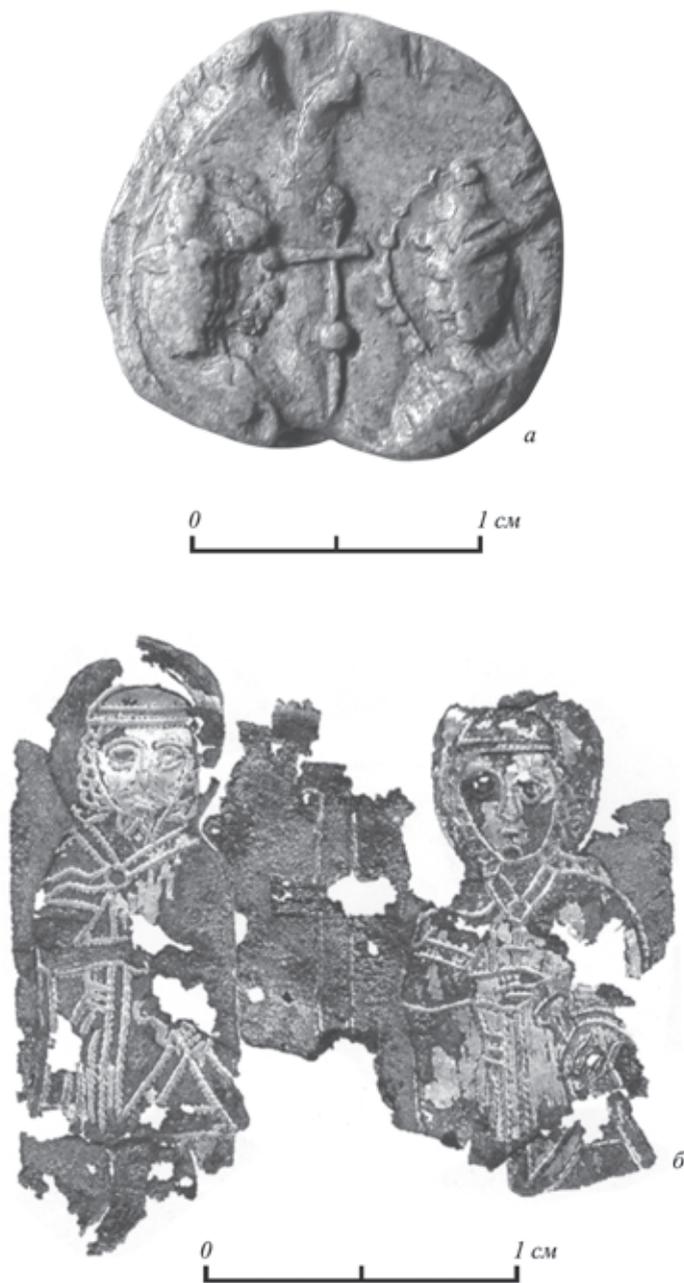

Рис. 6. Предметы с изображением Бориса и Глеба у Креста.
a – княжеская печать, Рязанская обл. (по картотеке П.Г. Гайдукова), свинец; *б* – накладка, XIII в., Рюриково городище, бронза, позолота.

для утверждения божественной природы правящей династии на раннем этапе становления культа святых братьев.

В контексте святости и богоизбранности власти смерть князей, пожертвовавших собой ради будущего русского государства, воспринималась как искупительная жертва, благодаря которой они обрели Крест как путь к спасению. В службе, составленной святым Борису и Глебу, отмечается, что Крест является оружием, которое даётся избранным (Ильина книга, 2005. С. 74. 11v, строфы 16–20; 12г, строфы 1–2). В памяти народной осталось не мирское благочестие князей, а их смертный подвиг – вольное мучение, которое воспринималось как подражание Христу и исполнение Евангелия. Крест, символ всех страстотерпцев, из орудия позорной смерти становился знаменем победы (Федотов, 1985. С. 21, 24, 31).

Первые канонизированные русские князья, изображённые у Креста, атрибута христианского триумфа, воспринимались как преемники равноапостольных святых. Они должны были продолжить миссию, некогда возложенную на апостолов, по распространению и защите веры. В «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе» они прямо названы начальниками святому Крещению подобно апостолам (Абрамович, 1916. С. 89). В небиблейских паремийных чтениях о Борисе и Глебе история Руси представляется как история христианской страны, а первые русские святые Борис и Глеб знаменуют начало этой истории и воспринимаются как апостолы (Успенский, 2000. С. 42; Пескова, 2005, С. 398).

На апостольскую роль святых князей-мучеников, которые своей страдальческой кончиной утверждали роль христианства на Руси и значение Русской Церкви, указывают изображения князей с предметами в руках, напоминающими храмы, на борисоглебских энколпионах (рис. 2, з) (Смирнова, 2009. С. 90).

Художественное литьё традиционно было неразрывно связано с иконописью, откуда черпало сюжеты и иконографию. Поэтому можно предположить существование живописного полнофигурного изображения святых Бориса и Глеба у креста, которое стало прообразом изображения, помещённого на целительных амулетах-змеевиках. Такая икона могла быть не только в деревянных Борисоглебских храмах, построенных уже в начале 1070-х гг. в местах гибели братьев на Альте, в Вышгороде, и на Смядыни, но и в Рязани (1120–1130-е гг.), в Чернигове (до 1123 г.), в деревянной церкви в новгородском Детинце (1146 г.), в Суздале (1152 г.) и ряде других мест (Каргер, 1952. С. 79. Прим. 2).

Можно предположить, что изображение святых Бориса и Глеба у креста складывалось с учётом иконографии верховных апостолов Петра и Павла, которая имела к XI–XII вв. длительную традицию, восходящую к IV в. (Моршакова, 2013. С. 58; LCD. Bd. 1. P. 152, 159), хотя в древнерусском искусстве композиция с Петром и Павлом у креста не утвердилась. Известны их изображения в рост по обе стороны креста, датирующиеся XI в. (LCD. Bd. 1. P. 163) и XIV в. – на иконе из Византийского музея в Афинах (рис. 4, а). Русским князьям были известны и папские буллы, на которых с конца XI в. помещалось парное изображение апостолов Петра и Павла (LCD. Bd. 8. P. 163).

В соответствии с общими правилами и порядком канонизации святых в Русской Церкви для установления празднования памяти святым Борису и Глебу при причислении их к лику святых были необходимы житие и служба (Голубинский,

1903. С. 40–41). При составлении службы Борису и Глебу были использованы стихиры из служб Василию Великому, Григорию Богослову, Иоанну Златоусту и, что особенно интересно, верховным апостолам Петру и Павлу (Ильина книга, 2005. С. 635–636).

Возможно, прообразами изображения, воплощённого на змеевиках, служили парные изображения святых равноапостольных Константина и Елены у Креста. В Древней Руси такие изображения были весьма почитаемы и хорошо известны. С определёнными утратами они сохранились до наших дней. Это знаменитая фреска Мартирьевской паперти южной галереи собора святой Софии XI в., восстановленная фреска из церкви Спаса на Ковалёве XIV в. и фреска из церкви Симеона Богоприимца Зверина Покровского монастыря в Новгороде XV в., створка медной иконки-складня «хорошего дела и древняя по содержанию» из собрания графа А.С. Уварова (*Уваров*, 1908. С. 95–96. рис. 73), анонимная свинцовая печать с поясным изображением святых (№ 336А), обнаруженная в 2004 г. на Никитинском раскопе в Новгороде вне стратиграфического слоя (*Гайдуков, Янин*, 2005. С. 105, 110. Табл. 2, 20), каменные иконки конца XII – второй половины XV в. с ростовым фронтальным изображением святых (*Николаева*, 1983. С. 117–118. Табл. 47, 4 (271); 124. Табл. 51, 4 (№ 289); 141. Табл. 62, 1 (№ 348)) (рис. 5). Следует отметить, что на фреске Мартирьевской паперти XI в. (рис. 5, а), печати № 336А (рис. 5, д) и на каменной иконке из Полоцка конца XII в. (рис. 5, е) отмечен тот же иконографический акцент, что и на змеевиках – рука святого, стоящего одесную от креста, касается его выше, чем рука святого, стоящего одесную.

Полной аналогии изображениям, помещённым на змеевиках, пока не обнаружено. Ближайшее сходство выявляется в двух типах памятников XII–XIII вв. Это четыре небольшие свинцовые княжеские печати, оттиснутые одной парой матриц и предварительно датируемые П.Г. Гайдуковым концом XII – началом XIII в. На одной стороне печатей – погрудное изображение святых Бориса и Глеба в высоких конусовидных шапках по обе стороны креста. На другой стороне – погрудное изображение апостолов Петра и Павла. Сопутствующие надписи отсутствуют (рис. 6, а). Помещение на печати первых собственных святых, создавших ореол святости над всей династией Рюриковичей, можно рассматривать как своеобразную византийскую цитату, подчёркивающую богоизбранность власти.

Вторым иконографически близким памятником является тонкая (меньше 1 мм) бронзовая позолоченная пластина-фольга (рис. 6, б), обнаруженная в 1985 г. на Рюриковом городище в нижней части культурного слоя между постройками II и III, который датируется XIII в. (*Носов*, 2005. С. 47, 57. Табл. III, 3; *Пескова*, 2005. С. 394–398). Идентифицирующие надписи также отсутствуют, но по иконографическим признакам авторы публикации с большой долей вероятности предполагают, что на пластине изображены святые Борис и Глеб (*Пескова*, 2005. С. 394). Извод этот особый: святые изображены в рост предстоящими Кресту, с атрибутами мученичества (четырёхконечный крест перед грудью) и княжеского достоинства (левой рукой каждый святой поддерживает висящий на поясе меч). Возможно, пластина служила накладкой на реликварий (*Пескова*, 2005. С. 397, 398. Прим. 6).

Подводя краткие итоги, можно сказать, что изображения Бориса и Глеба у Креста, известные в трёх иконографических вариантах (ростовое, поясное и ростовое с мученическим крестом и мечом), отражали различные грани почитания святых князей в процессе развития их культа. На ранних этапах (конец XI в.) оно ассоциировалось с целительным аспектом культа (амулеты-змеевики), с XII в. было связано с темой небесного покровительства и заступничества (печати и пластина с Рюрикова городища).

Литература

- Абрамович Д.И.*, 1916. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приготовил к печати Д.И. Абрамович. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2). Петроград: Тип. Имп. Акад. наук. 205 с.
- Алешковский М.Х.*, 1972. Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси / Редколл. В.Н. Лазарев и др. М.: Наука. С. 104–125.
- Архипова Е. И.*, 2009. Каменная иконка с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба // Борисо-Глебский сборник. Вып. I / Ред. К. Цукерман. Paris. С. 160–182.
- Биленкин В.А.*, 1993. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глеборисовского» культа // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 47 / РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом); отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 54–64.
- Гайдуков П.Г., Янин В. Л.*, 2005. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2004 г. // ННЗ. Вып. 19 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Виконт. С. 91–111.
- Гайдуков П.Г., Янин В. Л.*, 2007. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // ННЗ. Вып. 21 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Виконт. С. 138–164.
- Голубинский Е.Е.*, 1903. История канонизации святых в русской церкви. М.: Унив. тип. 600 с.
- Дончева-Петкова Л.*, 2011. Средневековни кръстове-енколпиони о България (IX–XIV в.). София: Проф. Марин Дринов. 734 с.
- Евангелие-апракос (рукопись) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 256. № 106.
- Жуковская Л.П.*, 1983. Апракос Мстислава Великого. М.: Наука. 527 с.
- Ильина книга. Рукопись РГАДА. Тип. 131 / Лингвистическое изд., подгот. греч. текста, коммент., словоуказ. В.Б. Крысько. М.: Индрик, 2005. 904 с.
- Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки / Науч. ред. А.В. Банк, О.С. Попова. М.: Советский художник, 1977. 191 с.
- Каргер М.К.*, 1952. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // СА. Вып. XVI / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 77–99.
- Кондаков Н.П.*, 1914. Иконография Богоматери. Т. I. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 387 с.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.*, 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. (Труды ИИМК РАН. Т. VII). СПб.: Петербургское Востоковедение. 432 с.
- Лесючевский В.И.*, 1946. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. Вып. VIII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 225–247.
- Лосева О.В.*, 2001. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники исторической мысли. 420 с.

- Макаров Н.А., Захаров С.Д., 1995. Три каменных образка из Белоозера // РА. № 1. С. 209–216.
- Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
- Моршакова Е.А., 2003. Древнерусская мелкая пластика. Наперсные кресты, иконы и панагии XII–XV веков: Каталог / Науч. рук. И. А. Стерлигова. М.: Сканрус. С. 56–64.
- Невоструев К.И., 1868. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века, с исследованием о Слове и о другой мнимой беседе Ипполита о том же, с примечаниями и приложениями К. Невоструева (с видом памятника св. Ипполита и снимком с рукописи). М.: Синод. тип. 256 с.
- Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. (САИ. Вып. Е1-60). М.: Наука. 161 с.
- Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука. 124 с.
- Олейников О.М., 2009. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // ННЗ. Вып. 23 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород: Виконт. С. 36–44.
- Олейников О.М., 2013. Новые находки амулетов-змеевиков в Великом Новгороде // АП. Вып. 9 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 101–105.
- Орлов А. С., 1926. Амулеты-«змеевики» Исторического музея // Отчет Государственного исторического музея за 1916–1925 гг. М.: Работник просвещения. С. 1–55. Приложение V.
- Ошарина О.А., 2001. Символическое изображение кадила на евлогиях // Пилигриммы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. тр. XX Междунар. конгресса византистов (Париж, 19–25 августа 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 29–36.
- Ошарина О.А., 2001. Символическое изображение кадила на евлогиях // Пилигриммы. Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. тр. XX Междунар. конгресса византистов (Париж, 19–25 августа 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 29–36.
- Пескова А.А., 2005. Пластина с изображением святых воинов из раскопок на Рюриковом Городище // Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя: Новые материалы и исследования. (Труды. Т. XVIII). СПб.: Дмитрий Буланин. С. 394–399. Приложение № 2.
- Поппе А., 1973. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. Т. I. München: Wilhelm Fink Verlag. P. 6–29.
- Преображенский А. С., 2010. Ктиторские портреты средневековой Руси XI – начало XVI века. М.: Северный паломник. 542 с.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 496 с.
- ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- Сергий (Спасский), архиепископ, 1997. Полный месяцеслов Востока. М.: Церк.-науч. центр «Православная энциклопедия». 732 с.
- Смирнова Э.С., 2009. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник. Вып. I / Ред. К. Цукерман. Paris. С. 59–116.
- Уваров А.С., 1908. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. Отд. VIII–IX. М.: Тип. о-ва распространения полезных книг, аренд. В.И. Вороновым. 197 с.
- Успенский Б.А., 2000. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М.: Яз. рус. культуры. 124 с.

- Уханова Е.В.*, 2009. Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисо-Глебский сборник. Вып. I / Ред. К. Цукерман. Paris. С. 119–156.
- Федотов Г.П.*, 1985. Святые древней Руси. Paris: Умса-Press. 241 с.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.*, 1899. Древности Русские. Кресты и образки. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Вып. II. Киев: Тип. С. В. Кульженко. 16 табл.
- Шахматов А.А.*, 2001. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект. 880 с.
- Янин В.Л.*, 1978. Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. М.: Наука. С. 117–134.
- Lexicon der Christlichen Iconographie. Bd. 1. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1994. 720 p.
- Lexicon der Christlichen Iconographie. Bd. 8. Rom; Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1994. 644 p.
- Oikonomides Nicolas*, 1985. A collection of dated Byzantine lead seals. Washington, D.C: Dumbarton oaks Research Library and Collection. 175 p.
- Pramery dějin českých. Praha: Nákl. N. F. Palackého, 1932. 570 p.
- Retovski Otto*, 1974. Die Munnzen der komnenen von Trapezunt. Braunschweild: Klinkhard & Biermann. 207 p.

Summary

О.М. Oleynikov

REFLECTION OF THE EARLY STAGE OF THE ICONOGRAPHY OF SAINT PRINCES BORIS AND GLEB ON SERPENTINE AMULETS

The article is dedicated to iconography of st. Boris and st. Gleb shown on healing amulets-»zmejeviki» or «snake-amulets» (amulets containing Gorgon's head on one side and Christian symbol on the other).

The author believes that iconography with the saints standing in front of eight-pointed cross is one of the most ancient type, connected with the early period of spreading of Boris and Gleb's cult (the end of the 10-th century A.C.). This «Gleb-and-Boris» phase shows reverence of healing aspect of their cult.

С.Н. Вахтанов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ, ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В КИДЕКШЕ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В первые годы советской власти церковь Бориса и Глеба XII в. в Кидекше, оставаясь действующим храмом, была взята на особый учет как памятник древнерусского зодчества высшей категории, и находилась под охраной государства. Значительная роль в осуществлении реального наблюдения и контроля принадлежала Суздальскому музею.

В музейном архиве сохранились документы, позволяющие проследить его деятельность по исследованию и сохранению этого замечательного памятника. Начиная с 1930 г. регулярный надзор за состоянием древнего храма осуществлял научный сотрудник музея (а с марта 1931 г. его директор) А.Д. Варганов. Результаты своих осмотров, записи о предпринимаемых действиях по устранению различных нарушений, а также об исследовательских работах он заносил в специальный журнал под названием «Материалы по охране и изучению памятников революционного движения и искусства в городе Суздале». Записи, касающиеся Кидекши, доведены в журнале до июня 1941 г. Эти материалы и другие документы, хранящиеся в научном архиве ВСМЗ, послужили источниками для работы над темой настоящего сообщения.

Характерно, что к началу 1930-х годов общее состояние церкви Бориса и Глеба как внутри, так и снаружи было вполне удовлетворительным. Об этом свидетельствуют результаты обследований храма А.Д. Варгановым. За исключением незначительных осыпей камней кладки северо-западного столба и свода хор в северном нефе памятник не вызывал еще каких-либо опасений в инженерном плане (Материалы..., 1945. Л. 16). Гораздо большие проблемы для сохранности белого камня внутри церкви были связаны с отсутствием отопления, сильным промерзанием стен в зимнее время и выпадением на них с наступлением теплого времени обильного конденсата, сохранявшегося до середины лета (Материалы..., 1945. Л. 16 об.).

Постепенное ухудшение состояния памятника фиксируется А.Д. Варгановым с весны 1933 г. (Материалы..., 1945. Л. 17). Внутри сырость, плесень, кровля местами неисправна, все окна имеют разбитые стекла, заставлены досками и листами железа от проникновения птиц. Кроме того, появилась проблема с северным притвором XIX в. – он все больше и больше стал отходить от стены церкви: в мае – на 3 см, в июле – на 5 см, а в мае следующего 1934 г. – на 8 см. Металлическая связь, введенная в заложное окно западной стены в южном нефе на хорах, сдвинула со своего места (как бы выдернула) всю закладку окна (Материалы..., 1945. Л. 17 об.).

Далеко не всегда удавалось заставить общину провести необходимый ремонт или замену выбитых стекол. Вставляемые же время от времени стекла вскоре снова выбивались. Виною этому были как детские рогатки, так и птицы.

Все более возрастающие трудности в деле сохранения древнего памятника были также связаны и с невежественным, а порой просто варварским отношением к церковным постройкам жителей, видевших в этих постройках лишь дешевый источник различного строительного материала (кирпича, кровельного железа и проч.). Так, в июне 1935 г. А.Д. Варганов получил известие, что в Кидекше ломают церковную ограду и саму церковь. Прибыв на место, он констатирует, что ограду сломали уже почти всю на кирпич, на южной стороне центральной апсиды Борисоглебской церкви выворочено шесть белокаменных блоков. О сложившемся положении им было сообщено в ОБЛОНО и Комитет по охране памятников. В президиум РИКа и прокуратуру А.Д. Варгановым подается отношение о недопустимости такого хранения памятников со стороны общины (Материалы..., 1945. Л. 19). Как показали последующие осмотры, разрушение стенной кладки церкви больше не возобновлялось, но и с ремонтом община верующих явно не спешила. Только в начале декабря 1935 г. в результате настоятельных требований директора музея и под его непосредственным наблюдением были проведены ремонтно-реставрационные работы за счет общины. Выломанные блоки вернулись на прежнее место, кладка восстановлена на известковом растворе (Материалы..., 1945. Л. 19 об.).

Между тем, состояние позднего северного притвора (или тамбура) все больше становилось угрожающим. В ответ на запрос музея Комитет по охране памятников отношением от 3 сентября 1938 г. за № 12–9 дал согласие на слом тамбура (Материалы..., 1945. Л. 21). 29 января 1939 года был заключен договор с колхозом имени Фрунзе села Кидекши о сломе кирпичного тамбура с последующей уборкой щебня и мусора (Материалы..., 1945. Л. 22). Вскоре северный притвор церкви Бориса и Глеба был разрушен (Материалы..., 1945. Л. 22). Сама же церковь продолжала нуждаться в серьезном ремонте.

На протяжении следующего 1940 г. неоднократно, но безрезультатно общине верующих предлагалось произвести ремонт. О состоянии памятника и основных проблемах, связанных с его сохранением в то время, можно судить сегодня по предписанию общине (с перечнем необходимых ремонтных работ), составленному А.Д. Варгановым и представителем Суздальского исполкома райсовета Тарасовым в октябре 1940 г. От общины требовалось произвести:

- 1) ремонт кровли (желобов, водостоков, люка на паперти),

- 2) промазки кровли с покраской желобов и водостоков,
- 3) полное остекление окон и ремонт рам с форточками со всех сторон здания,
- 4) замену осыпающегося белого камня в западных столбах (под наблюдением специалиста-реставратора).

Рекомендовалось также устройство контрфорса к наклонившейся колокольне (Материалы..., 1945. Л. 22 об.).

На сей раз невыполнение требований о проведении ремонтных работ привело к расторжению договора с религиозной общиной на пользование церковью в селе Кидекша по решению исполкома облсовета от 26 октября 1940 г. № 2114, а решением того же исполкома от 11 января 1941 г. № 2662 церковь была закрыта и передана Суздальскому музею (Материалы..., 1945. Л. 23, 23 об.).

С этого момента начинается новая веха в истории древнего Борисоглебского храма, но, возвращаясь к тому времени, когда он оставался еще действующим, следует отметить, что наряду с охранными мероприятиями Суздальский музей проводил также и научные исследования.

Уже в 1933 г. по поручению Центральной Государственной реставрационной мастерской А.Д. Варгановым производились обмеры и архитектурное обследование фасадов, выявление новых участков из кирпича (Материалы..., 1945. Л. 17) и сделано описание для составления паспортов памятников особого учета.

Январским днем 1934 г. он изучает кладку фасадов на предмет поиска первоначального хода на хоры. Для своих натуральных наблюдений исследователь применил метод, который также был использован им при исследовании и выявлении белокаменной резьбы на суздальском Рождественском соборе. Т.е. для осмотра фасадов церкви был выбран день, когда стены оказались покрытыми инеем. В упомянутом выше журнале об этих наблюдениях осталась следующая запись: «наблюдал выступление пятен инея на стенах фасада церкви, ... любопытного представилось мало..., но все же с боку кое-что можно было просмотреть. Ход на хоры был, несомненно, с запада, т.к. ни на северном фасаде ни на южном ничего не оказалось, все подозрения на запад центральный неф» (Материалы..., 1945. Л. 18).

В августе 1935 г. А.Д. Варганов участвует в археологических раскопках Н.Н. Воронина около церкви, одной из задач которых были поиски остатков сооружения, служившего ходом на хоры, делаются обмеры. Об этих работах 14 августа в журнале им было записано: «Раскопки произведены в северо-западном углу и в центре южной стены с фасада, результатов нет. Обмеры произведены не полные» (Материалы..., 1945. Л. 19 об.).

Еще одна любопытная запись в журнале, датированная маем 1938 г., является пока единственным свидетельством к вопросу о судьбе княжеских захоронений, находившихся в аркосолиях Борисоглебского храма. Рукой А.Д. Варганова написано: «Произведено вскрытие гробницы Бориса Юрьевича. Ничего не найдено. Саркофаг разбит» (Материалы..., 1945. Л. 21).

Передача в январе 1941 г. церкви Бориса и Глеба в ведение Суздальского музея заметно активизировала исследовательскую деятельность. Уже в июне 1941 г. на основании Открытого листа, выданного Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР (Варганов, 1949. Л. 8), А.Д. Варганов совместно

с сотрудницей музея Тamarой Фроловой производил раскопки на предмет установления профиля цокольной части стен внутри и снаружи храма, а также выявления первоначального пола. Внутри здания шурфы были заложены в притворе и у западной стены с внутренней стороны. О полученных результатах в журнал заносится очень обобщенная запись, что в процессе работ был обнаружен древний пол из кирпича, а под ним – древнейший в виде известковой промазки. Затем впервые говорится об открытии фресок XII в., местами сохранившихся на стенах в промежутке от уровня современного пола до древнейшего в виде отдельных фрагментов орнамента, состоящего из разводов с трехлистником и крестами, а также в алтаре на стене центральной апсиды, где они были закрыты деревянной скамьей горнего места. Далее, при осмотре штукатурки западной стены на хорах около окна также были усмотрены слабые следы древней фресковой живописи (Материалы..., 1945. Л. 24).

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война прервала дальнейшие работы по изучению памятника. Лишь с ее окончанием исследование церкви Бориса и Глеба возобновляется, приняв планомерный и систематический характер.

В 1946 г. архитекторами В. Казариновой и С. Осьмовой по заданию МАИ производились обмеры церкви, при которых в северном аркосолии была обнаружена фреска XII в. (Варганов, 1949. Л. 8).

Рис. 1. Фреска XII в. в северном аркосолии.

В следующем 1947 г. эта фреска была раскрыта художниками-реставраторами ЦГХРМ под наблюдением профессора Р.П. Сычева, заведовавшего отделом реставрации монументальной живописи при Владимирской проектно-реставрационной мастерской (рис. 1). Во время исследовательских работ этого года Н.П. Сычевым и А.Д. Варгановым были обнаружены древние фрески в алтаре и других частях храма.

В этом же 1947 г. бригада студентов МАИ под руководством старшего научного сотрудника Института Истории и Теории Архитектуры Всероссийской Академии Архитектуры Ю.Ю. Савицкого и архитектора Н.А. Егорова произвела обмеры и подробное изучение барабана, сводов и других архитектурных деталей церкви Бориса и Глеба (Варганов, 1949. Л. 9). Для исследования фундамента был заложен археологический шурф между второй с запада пилястрой южного фасада и порталом (рис. 2). В верхней части фундамента обнаружилась беспорядочная кладка из булыжника на плохо затвердевшем известковом растворе, имеющая характер забутки, не перевязанной с основной белокаменной кладкой фундамента. Ее верх образует горизонтальную площадку, край которой отступает от плоскости фасада на 0,67 м. От этого уровня массив забутки уходит вниз под углом внутрь, постепенно сближаясь с отвесной линией фасада здания, в плоскости которой в самом низу заканчивается рядом кладки основного фундамента из белокаменных квадр, лежащих на материковой глине. Дополнительным шурфом по оси средней апсиды было подтверждено – эта забутка охватывает кольцом все здание. Было сделано предположение, что она появилась в результате заполнения фундаментного рва, открытого с уширением его сверху, и выполняет роль своеобразной отстойки для отвода воды от стен фундамента (Отчет о научной командировке..., 1948. Л. 29, 30).

В 1948 г. А.Д. Варгановым были проведены архитектурно-археологические исследования Борисоглебской церкви в Кидекше. В процессе работ было заложено три шурфа: № 1 в алтарной апсиде, № 2 в дьяконнике около южной стены и № 3 со стороны южного фасада (рис. 3) – напротив шурфа № 2 (Варганов, 1949. Л. 12; Рисунки..., 1948. Л. 1). В первых двух шурфах прослежены уровни полов храма и закладка основания белокаменного столба, пристроенного к южной пилястре. В третьем шурфе была обследована система закладки фундамента, причем результаты и выводы по устройству фундамента отличались от тех, которые были получены Ю.Ю. Савицким и Н.А. Егоровым годом раньше. А.Д. Варганов считал фундамент церкви не белокаменным, как они, а полностью булыжным (Рис. 4) (Варганов, 1949. Л. 26, 27; Рисунки..., 1948. Л. 2–5).

Активные исследовательские работы второй половины 1940-х годов оказались очень своевременными и просто необходимыми для дальнейшего проведения научной реставрации памятника, состояние которого к началу 1950-х годов было уже аварийным. Сильно разрушенная кладка верхней части западных столбов, буквально раздавленная распором поздней центральной подпружной арки, несущей на себе тяжесть кирпичной главы храма, при полной утрате древних внутрстенных связей, грозила в любой момент спровоцировать катастрофу. Стены были покрыты многочисленными трещинами, некоторые металлические связи, вырванные распором из стен, уже не действовали.

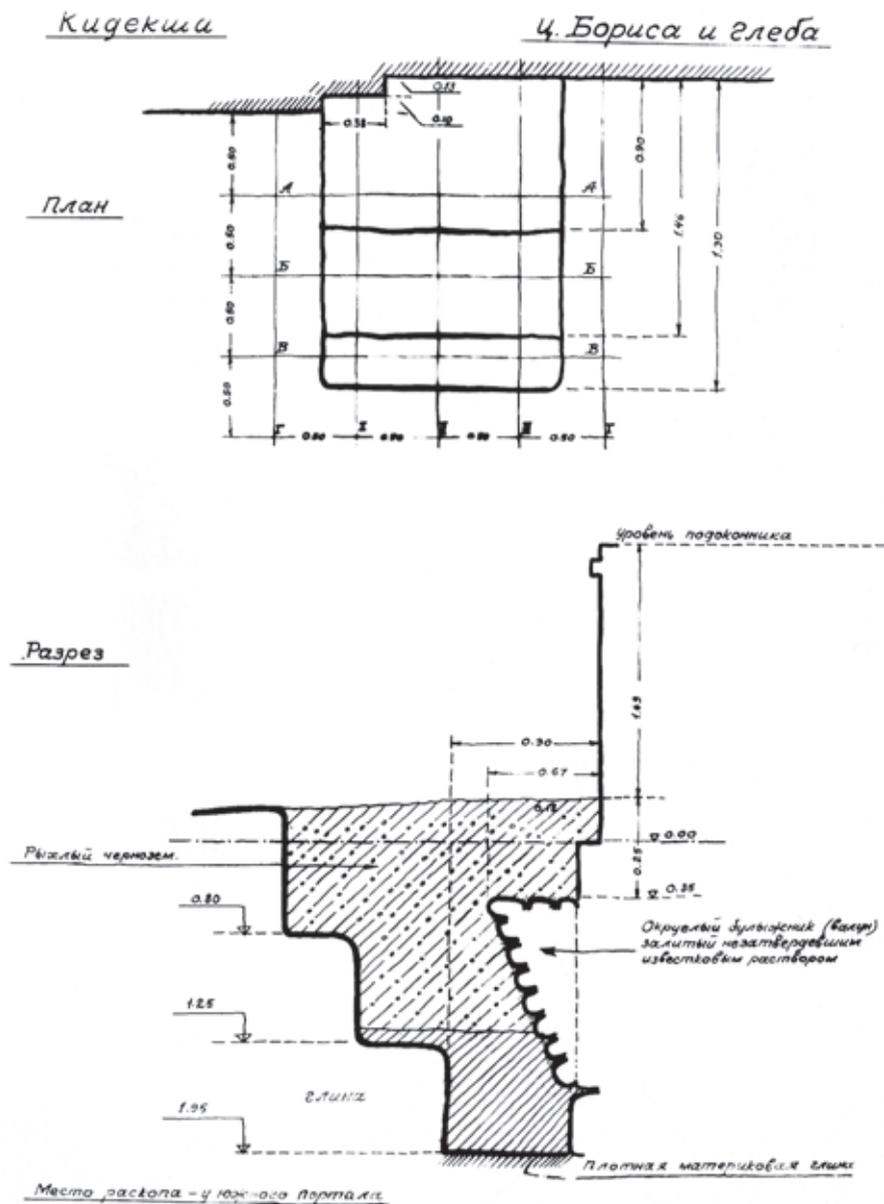

Рис. 2. Рисунок плана и западной стенки археологического шурфа Ю.Ю. Савицкого и Н.А. Егорова 1947 г. у южного фасада церкви Бориса и Глеба.

Рис. 3. Фотография археологического шурфа А.Д. Варганова 1948 г. у южного фасада церкви Бориса и Глеба.

КИДЕКША

ц. БОРИСА И ГЛЕБА

Раскоп №2

западная стенка

М=1:20.

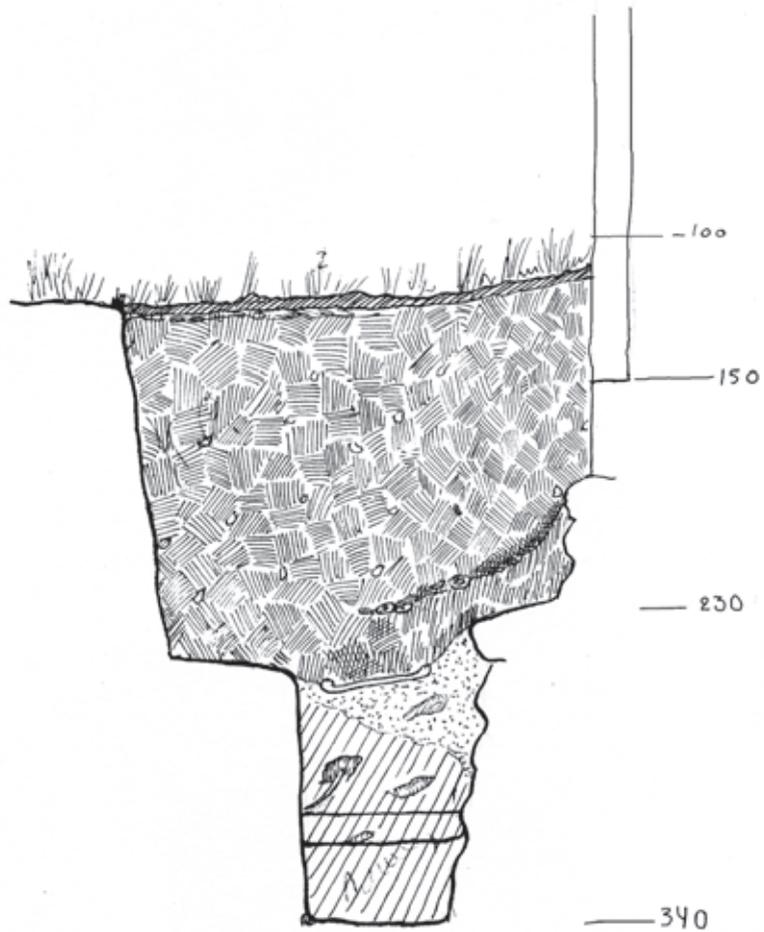

Рис. 4. Рисунок северной и западной стенок археологического шурфа А.Д. Варганова 1948 г. у южного фасада церкви Бориса и Глеба.

Значительные работы по инженерному укреплению и реставрации памятника, снявшие аварийную ситуацию и восстановившие некоторые его архитектурные формы, были проведены в 1955 г. Этим работам предшествовали: «Исследование изначальных форм церкви Бориса и Глеба 1152 г.», выполненное в 1952 году А.Д. Варгановым, и подготовленный в 1953 г. А.В. Столетовым проект инженерного укрепления памятника. Но это уже следующая страница истории Борисоглебского храма.

Архивные материалы

Варганов А.Д. Отчет по архитектурно-археологическому исследованию церкви Бориса и Глеба 1152 года в Кидекше за 1948 год // Научный архив ГВСМЗ. Ф. А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 71. 1949.

Материалы по охране и изучению памятников революционного движения и искусства в городе Суздале 1930–1945 гг. // Научный архив ВСМЗ. Ф. А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 3–А. 1945.

Отчет о научной командировке по исследованию храма Бориса и Глеба в селе Кидекше в 1947 г. архитекторов Савицкого Ю.Ю., Егорова Н.А. // Научный архив ВСМЗ. Ф. А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 69. 1948.

Рисунки археологических раскопок, планы церкви Гориса и Глеба. К отчету 1948 г. // Научный архив ВСМЗ. Ф. А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 73. 1948.

Summary

S.N. Vakhtanov

PAGES OF HISTORY, RESEARCH AND RESTORATION OF THE CHURCH OF BORIS AND GLEB IN KIDEKSHA IN THE FIRST DECADES OF THE SOVIET PERIOD

The history of studying and activities for preservation of the Church of Boris and Gleb in Kideksha in the 30th of the 20th century is described in the article. Rare data on a condition of the church, its restoration and a role of a church community and the Suzdal museum, earlier not introduced for scientific use, are disclosed in the materials of archive of Vladimiro-Suzdalsky museum reserve.

М.С. Гладкая

СВЯТЫЕ БОРИС И ГЛЕБ В АРХИТЕКТУРЕ И ПЛАСТИКЕ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ XII в.: АСПЕКТЫ ПОЧИТАНИЯ

Борисоглебские памятники в искусстве Владимиро-Суздальского княжества связаны с периодом уже вполне сформировавшегося процесса общерусского прославления святых князей, когда были оформлены основные иконографические изводы их изображения (*Алешковский*, 1972. С. 122–124; *Архипова*, 2009. С. 157–182; *Смирнова*, 2009. С. 57–116) и характерные тенденции их почитания как уже утвердившегося борисоглебского культа, в отличие от приоритетного глебоборисовского на раннем этапе его развития (*Биленкин*, 1993. С. 54–64). Это позволяет говорить о том, что:

1. Культ святых Бориса и Глеба, возникший в Киевской Руси с XI в. (*Назаренко*, 2001; *Поппэ*, 1973. С. 6–29)¹, оказал значительное влияние на культуру всех древнерусских княжеств.

2. Он занял прочное место в княжеском сознании и был ярко проявлен в художественном творчестве именно этой среды.

3. Канонизация представителей княжеского рода повлияла на утверждение на Руси представления о святости власти.

Память трагически погибших в 1015 г. и вскоре прославленных сыновей киевского князя Владимира Святославича, крестителя Руси (*Абрамович*, 1916; *Повесть...*, 1997. Стб. 132–141; *Сказание...*, 1985; *Ужанков*, 1992. С. 370–412; *Чтение...*, 1993), имевших надель в Северо-Восточной Руси («... и посади... *Бориса Ростове, а Глеба Муроме*», ПСРЛ, 1997. Стб. 121), не могла не осесть в религиозном сознании народа этих земель и не отразиться в художественном творчестве.

Первым известным нам обращением к святым мученикам явилось посвящение им Юрием Долгоруким, ростово-суздальским князем, церкви в Кидекше. В 1239 г. Лаврентьевская летопись сообщает уже о вторичном освящении церкви

¹ Согласно А.В. Назаренко, относительно хронологии канонизации и общерусского прославления святых Бориса и Глеба (20 мая 1072 г.) в науке нет единства (*Назаренко*, 2001. С. 451). Также и гипотезу Н.Н. Ильина о переложении вины за убийство братьев со Святополка на Ярослава А.В. Назаренко считает «не заслуживающей внимания» (*Назаренко*, 2001. С. 453). Об обстоятельствах канонизации см.: *Хорошев*, 1986. С. 13–36; *Ужанков*, 1992. С. 370–412.

после существенного ее ремонта: «Того же лета. Священна бысть церкви Бориса и Глеба в Кидекиши великим священнем, на праз, Бориса и Глеба, священнымъ епископомъ Кириломъ» (ПСРЛ, 1997. Стб. 469).

Для нас существенны причины, по которым Юрий Долгорукий посвящает одну из первых белокаменных построек в крае (см., например: *Иоаннисян*, 2005. С. 31), церковь своей резиденции именно этим святым. Книга Степенная, XVI в., ясно указывает на связь действий князя с отдыхом на этом месте сыновей Владимира, шедших к нему в Киев: «И на реце на Нерли в Кидекиши... постави церковь камену же во имя святых мученик Бориса и Глеба, идеже бысть совокупное святых мученик становище, егда в Киев хожашу Борис от Ростова, Глеб же от Мурома» (Книга Степенная..., 1908. С. 192). Однако данное этим поздним источником указание остается в плоскости размышлений и, скорее, оспаривается, чем утверждается (*В.А. Кучкин*, – см. статью в настоящем сборнике; *Ранчин*, 2013. С. 158–159).

Несомненно, присутствовала идея прославления и почитания святых родичей. В этой связи – желание положить начало традиции возведения Борисо-Глебских храмов во Владимиро-Суздальской земле вслед за киевской и черниговской практиками. Храм такого посвящения существовал в Киеве, скорее всего, на Подоле близ устья Почайны на Борисоглебской улице (*Каргер*, 1961. С. 485–486; *Назаренко*, 2001. С. 384). Две церкви, сначала деревянная, освящена 20 мая 1072 г., затем кирпичная, начало строительства 1074 г., освящена в 1115 г., возникли в Вышгороде (*Зоценко*, 2009. С. 29–32). Также и в Чернигове был выстроен Давидом, сыном черниговского князя Святослава, храм Бориса и Глеба, усыпальница черниговских князей, между 1097 и 1123 гг. (*Раппопорт*, 1982. С. 42; также: *Холостенко*, 1962. С. 188–210).

Значителен и следующий момент. Среди исследователей существует мнение, что Борис и Глеб были прославлены «исключительно в качестве целителей» (*Никитин*, 2002. С. 50). Однако наряду со множеством подобных сообщений (ПСРЛ, 1997. Стб. 137–139) летописи акцентируют и еще одну сторону их прославления – как защитников и заступников Руси: «и еста заступника Русьстеи земли» (ПСРЛ, 1997. Стб. 137). Этот аспект сущности святых князей, вероятнее всего, явился одной из принципиально важных составляющих для правителя-князя, создающего новое Владимиро-Суздальское княжество на далекой от Киева территории Северо-Восточной Руси.

Можно найти и более жизненные причины, побудившие князя к посвящению храма «на своем дворе» святым мученикам Борису и Глебу. В составе построек резиденции-города Юрия Долгорукого церковь Бориса и Глеба изначально имела статус придворного, домового храма и, исходя из факта захоронения в нем семьи сына Долгорукого: в 1159 г. Бориса (ПСРЛ, 2001. С. 67), затем его жены Марии, а в 1202 г. их дочери Евфросинии («тою же зимы, преставися Борисковна, в Кидекиши и положена бысть в церкви Борису и Глебу, посторонь отца и матери», ПСРЛ, 1997. Стб. 417; об этом: *Сычев*, 1951. С. 51–62; *Воронин*, 1961. С. 68; *Гладкая*, 2010. С. 196–213), служила еще и усыпальницей рода. Это бытовало в русле молитвенного обращения к святым мученикам, к своим родичам как к небесным защитникам. С надеждой на их покровительство своему княжеству, себе и своему потом-

ству связано существенное действие самого Юрия: выделение из многочисленного потомства одного из своих сыновей – Бориса, названного в честь прославленного предка, в качестве наследника своей резиденции. Борис владел городом-замком в период княжения Юрия в Киеве, а после смерти отца усадьба полностью перешла к нему (*Воронин*, 1961. С. 68).

Наконец, нельзя исключать и некоторого намека на территориальное соотношение событий: история, связанная с Борисом и Глебом, была близка Юрию и происходила на его земле, он также возрастал и правил, как и Борис, в Ростове (*Творогов*, 1992. С. 33).

И все же более убедителен факт святости князей, бросавший ответ праведности на само княжеское правление (об этом: *Самойлова*, 1998. С. 365–378)... В этом плане существенно, что укоренившаяся на Руси византийская установка о божественном происхождении власти, основанная на ветхозаветных истоках, давала этому пищу. Обозначение непосредственно родовой причастности Юрия Долгорукого к святости персонажей – представителей власти – было выгодно ему как правителю. В этом отношении это было вполне оправданное действие властелина по утверждению и укреплению власти.

До недавнего времени существовала связанная с церковью Бориса и Глеба убежденность и о первом отражении борисоглебской тематики в монументальных росписях (фрагмент с двумя всадниками на южной стене храма), ныне опровергнутая. Первоначальное мнение, выдвинутое Н.П. Сычевым (РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Ед. хр. 358. Л. 17), сразу же было подвергнуто сомнению А.Д. Варгановым РО НА ИИМК РАН. Ф. 51. Ед. хр. 361. Л. 8). Со своей стороны, Н.Н. Воронин, не отрицая полностью версию Н.П. Сычева, предположил идентификацию всадников как волхвов из композиции «Рождество Христово» (*Воронин*, 1967. С. 249). Л.И. Лифшиц, приводя версии этих исследователей, своей точки зрения не высказал (*Лифшиц*, 1997. С. 162). Утвердительно склонился к гипотезе Н.Н. Воронина лишь А.М. Гордин (*Гордин*, 2004. С. 113–114).

Следующие примеры почитания Бориса и Глеба посредством произведений искусства связаны уже со временем развитого периода Владимиро-Суздальского княжества при князе Всеволоде III Большое Гнездо и с его глобальной программой богоизбранности и богоблагословенности власти, отраженной на религиозно-государственном символе Руси – Дмитриевском соборе.

Среди обширной белокаменной фасадной резьбы собора находим изображение святых Бориса и Глеба дважды на двух фасадах в двух иконографических типах. На южном фасаде в восточном прясле они – конные воины (рис. 1). На северном фасаде святые князья даны в типе мучеников² (рис. 2).

Мы уже неоднократно касались уникальности самых ранних из известных нам русских произведений борисоглебской тематики, трактованных в конном иконографическом варианте (*Плугин*, 1972. С. 126–140), представленных лучниками (лук, колчан, нагайка, решмы и лунница в составе конского снаряжения; на плече Бориса покоится короткий широкий меч), изобразительных примеров чему в

² Репродуцирование обоих типов изображений см.: *Вагнер*, 1969. С. 383. Рис. 248. С. 403. Рис. 266. С. 411. Рис. 276, 277; *Гладкая*, 2000. С. 12, 13. Рис. 2, 3. С. 15. Рис. 4, 5. С. 21. Рис. 10; *Гладкая*, 2009. С. 147, 148. Рис. 69, 70; *Смирнова*, 2009. С. 99–101. Рис. 21–23; *Гладкая*, 2012. С. 389. Рис. 1.

Рис. 1. Святые князья Борис и Глеб в типе конников. Конец XII в. Дмитриевский собор, южный фасад, восточное прясло.

Рис. 2. Святые князья Борис и Глеб в типе мучеников. Конец XII в. Дмитриевский собор, северный фасад, западный участок колончатого фризa.

этом временном промежутке древнерусского искусства мы не видим (Гладкая, 2000. С. 11–27). Не закрепились подобная иконография и в более позднее время. Есть еще одна особенность данных изображений: лик Бориса отчетливо индивидуализирован в сторону придания ему черт, которые до убедительного исследования Д.М. Пежемского характеризовались как «монголоидные». Однако народы Степи, согласно Д.М. Пежемскому, откуда происходил род Бориса по материнской линии, к монголоидам причислить нельзя (Пежемский, 2013. С. 246).

Более традиционно изображение святых Бориса и Глеба как мучеников (Прохоров, 1875. С. 25–26; Вагнер, 1969. С. 244, 398, 400). Вложенный в их правую руку крест является неременной чертой их иконографии, неотъемлемым мученическим атрибутом, отраженным на многочисленных примерах искусства христианского мира. Ростовые изображения князей Бориса и Глеба даны однотипно с распластанной фронтальной фигурой, что типично для священного образа в разных видах христианского творчества. Их иконография, включая и лики (Борис с короткой бородой и усами, недлинной прической; Глеб юный, с волосами ниже плеч), вполне вписана в традицию, отражена на многочисленных произведениях византийского и древнерусского искусства (Смирнова, 2009. С. 57–116; Архипова, 2009. С. 157–182) и сопоставима, к примеру, с изделиями металлопластики, миниатюрами рукописей, образами иконописи. Позже (в XIII в.) рельефные изображения ростовых Бориса и Глеба из Дмитриевского собора были повторены в технике рельефа на известной каменной резной иконке из Рязанского музея (рис. 3).

Нам интересно проследить не столько иконографические черты, которыми наделены изображения Бориса и Глеба, характеризующие христианскую художественную практику, сколько аспекты почитания святых князей в пластике Дмитриевского собора.

В первую очередь следует обратить внимание на тот неслучайный факт, что на памятнике, своей масштабной и глубоко содержательной иконографической программой выходящем за рамки дворцовой церкви князя, но имеющем статус общерусского масштаба и ярко отражающем княжескую культуру, не нашел отображения несколько народный оттенок культа князей как целителей. Напротив, здесь, на раннем этапе их прославления во владими́ро-суздальской земле, использован традиционный аспект почитания их как мучеников и сделан акцент на их функцию воинов. Это выразило безусловное восприятие их княжеской культурой как защитников Руси. Важно и то, что, это утвердило мнение исследователей, например, А.В. Поппэ, об *изначальности* их общерусского почитания не только как целителей, но и как воинов (Поппэ, 1966. С. 43). Апеллируя в этом вопросе к программному литературному памятнику Древней Руси – «Сказанию о Борисе и Глебе», находим, что Борис показан как храбрый воин, сражавшийся с печенегами (см.: Лесючевский, 1946. С. 239, 240; Самойлова, 1998. С. 367–368). Использование подобного образа на таком общезначимом памятнике, как Дмитриевский собор, оказывалось и весьма действенным обстоятельством для дальнейшего общерусского прославления и почитания князей именно в таком статусе.

Неслучаен и такой художественный прием создателей рельефной декорации собора, когда изображения Бориса и Глеба, защитников княжеств, помещены в одном ряду и на одном фасаде еще с четырьмя другими святыми конными вои-

Рис. 3. Святые князья Борис и Глеб. Каменная резная иконка, XIII в. Рязанский музей.

нами, среди которых представлен Димитрий Солунский в весьма воинственном виде, угрожающий мечом. Культ его как защитника всей христианской земли – Фессалоники, Киевской и Владимиро-Суздальской Руси – был уже утвержден и общепризнан (Самойлова, 1998. С. 371–374) (рис. 4). Надо также учесть и то, что всем этим персонажам отведен именно южный фасад, смотрящий в сторону бывших в то время постоянных врагов княжества – волжских булгар.

Помимо сказанного, рельефные произведения Дмитриевского собора доказывают, что прославление князей связано было с темой патрональности их княжескому роду, отрицаемой некоторыми исследователями (Никитин, 2002. С. 50). Из всего всаднического цикла, состоящего из двенадцати святых конных воинов, именно Борису приданы такие индивидуальные черты, которые могут рассматриваться соответствием не с канонически-иконографическим типом святого, принятым раннехристианским искусством, но с реальными историческими персонажами русского рода Мономашичей. В подчеркнутой индивидуализации облика Бориса можно усмотреть именно те известные нам черты, которыми был наделен

Рис. 4. Святые конные воины, слева – Димитрий Солунский. Конец XII в. Дмитриевский собор, южный фасад, центральное прясло.

князь Андрей Боголюбский. Происхождение Бориса «от болгарыне» (ПСРЛ, 1997. Стб. 80; Назаренко, 2001, со ссылкой на «Сказание». С. 365–366)³, а Андрея от половчанки привносит им схожесть. Имеет непосредственную связь с Андреем Боголюбским и меч, положенный на плечо Бориса, идентификационный знак как того, так и другого персонажа. В летописном повествовании об убийстве Андрея показано, сколь трагическую роль сыграла кража у него меча, и особо подчеркивается: «то бо меч бяше святаго Бориса» (ПСРЛ, 1997. Стб. 369). Специальный композиционный прием создателей пластической декорации собора – помещение князей Бориса и Глеба в один ряд-регистр с еще десятью святыми воинами – был направлен на подчеркивание их святости, а набор воинов регистра в целом, среди которых Феодор, Георгий, Димитрий – небесные патроны киевских и владимирских князей – выводит исследователя на очень важный сюжет праведности древнерусского княжеского рода, богоблагословенного за внедрение и утверждение христианства на Руси.

Тему небесного патронажа поддерживает и христианское имя Давид, данное Глебу (ПСРЛ, 1997. Стб. 369), имя, которое наводит на определенную связь его образа с образом князя Всеволода. Понятно, что непосредственным небесным патро-

³ Попытку А.В. Поппэ возвести происхождение Бориса и Глеба к гречанке Анне (Поппэ, 1997. С. 115–116) А.В. Назаренко не поддерживает (Назаренко, 2001. С. 449).

ном Всеволода-Дмитрия, создателя Дмитриевского собора, является Дмитрий Солунский, однако постоянное сравнение этого князя в рельефной декорации с ветхозаветным праведным царем Давидом для высказанных размышлений дает небеспочвенное основание.

Вполне возможно, что в составе рельефов аркатурного пояса, на южном его участке, Борис и Глеб могли быть изображены еще раз в типе ростовых воинов и к тому же совместно с князем Владимиром Крестителем, их отцом. На эту мысль наводят ныне существующие там изображения Владимира и двух неизвестных воинов (Вагнер, 1969. С. 277. Рис. 171. С. 281. Рис. 173; Гладкая, 2012. С. 389. Рис. 5), являющиеся поздними (XIX в.) реставрационными заменами разрушенных древних рельефов (рис. 5). Совместное их с отцом изображение – явление, ставшее характерным со времени его канонизации во второй половине XIII в. (Смирнова, 2009. С. 59). Однако исследователи не отрицают более раннего осмысления святости князя Владимира. К примеру, А.В. Назаренко, исходя из того факта, что местом первоначального погребения братьев оказалась церковь Св. Василия (ПСРЛ, 1997. Стб. 134, 137), небесного патрона Владимира, предполагает, что здесь, параллельно с памятью сыновей, вполне могло зародиться церковное почитание и князя Владимира-Василия задолго до его официального прославления (Назаренко, 2001. С. 449). Исследователь напоминает, что уже в XI в. осмысление его «Вторым Константином» предпринималось Иларионом в «Слове о законе и благодати», Иаковом Мнихом в «Памяти и похвале князю Владимиру», в статье 6523 г.

Рис. 5. Князь Владимир (шестая фигура слева направо) и воины (пятая и девятая фигуры слева направо). 1830-е гг. Дмитриевский собор, южный фасад, центральный участок колончатого фриза.

«Начального свода», а затем и в «Повести временных лет» Нестора (*Назаренко, 2001. С. 435–436, 449*). Аналогичны и рассуждения В. Н. Топорова: «... уже к середине XI века сложилось убеждение, что жизненный подвиг Владимира неотделим от его святости и оповещает о ней» (*Топоров, 1995. С. 415*).

Борисоглебская тематика оказалась отраженной и в еще одном значительнейшем для Древней Руси архитектурном памятнике, выразившем в своем посвящении ту же тему воинов – защитников Руси. Речь пойдет о рельефных изображениях Бориса и Глеба в соборе Юрьева Польского (*Вагнер, 1964. С. 40. Табл. XXа; Вагнер, 1966. Илл. 52, 53; Вагнер, 1969. С. 400*), воздвигнутого в честь еще одного святого воина, предводителя небесного воинства, широко почитавшегося с самого раннего времени во всем христианском мире – воина Георгия.

Для изображения святых князей Бориса и Глеба в Георгиевском соборе, представленном на двух сопряженных гранях пилястра юго-западного угла, избрана иконография погрудного образа, заключенного в медальон. Однако атрибуты, вложенные им в руки – крест в правой руке и в левой – меч с активной перекладиной под рукоятью с набалдашником, говорят нам о том, что создателям важны были оба аспекта их прославления: как мученический, так и воинский (рис. 6). Этот факт лежит в плоскости увеличения черт русскости и народности в пластике Георгиевского собора.

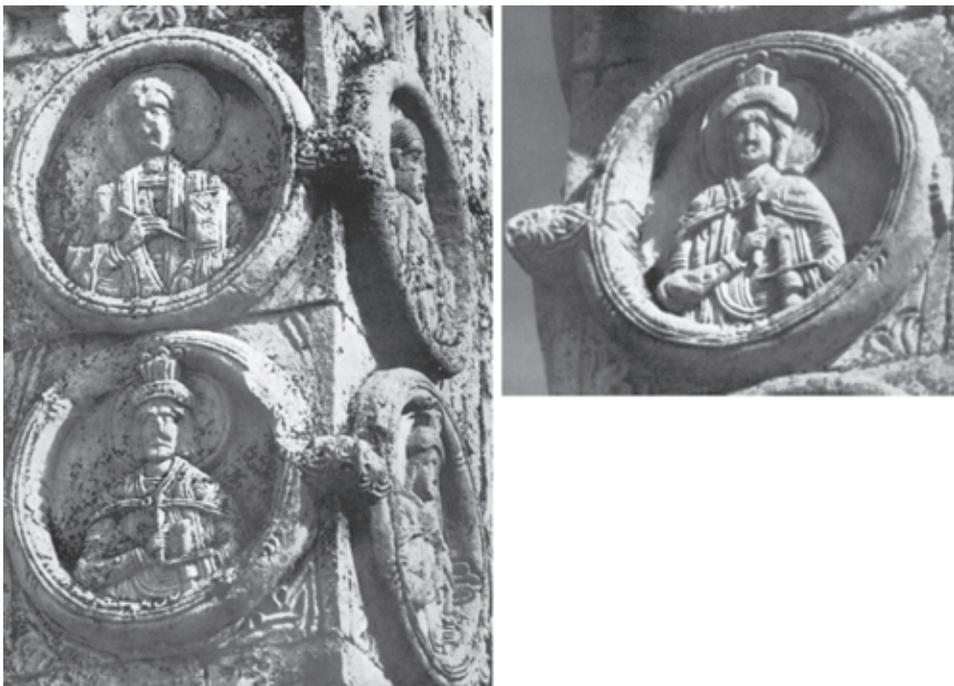

Рис. 6. Медальонные образы святых Бориса и Глеба. 1230–1234 гг. Георгиевский собор, западная и южная грани пилястра юго-западного угла.

Литература

- Абрамович Д.И.*, 1916. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг.: Изд. Отд. русского языка и словесности Имп. Акад. наук.
- Алешковский М.Х.*, 1972. Русские глеборисовские энкалпионы 1072–1150 годов // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука. С. 122–124.
- Архипова Е.И.*, 2009. Каменная иконка с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Вып. 1 / Ред. К. Цукерман. Paris. С. 157–182.
- Биленкин В.*, 1993. «Чтение» преп. Нестора как памятник «глеборисовского» культа // Труды Отдела древнерусской литературы. Вып. 47. С. 54–64.
- Вагнер Г.К.*, 1964. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М.: Наука. 184 с.
- Вагнер Г.К.*, 1966. Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М.: Искусство. 144 с.
- Вагнер Г.К.*, 1969. Скульптура Древней Руси. XII в. Владимир, Боголюбovo. М.: Искусство. 480 с.
- Воронин Н.Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. XII столетие. М.: Изд-во АН СССР. 584 с.
- Воронин Н.Н.*, 1967. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. М.: Искусство. 312 с.
- Гладкая М.*, 2000. К уточнению иконографии конных свв. князей Бориса и Глеба в рельефах Дмитриевского собора // Гладкая М.С. Материалы каталога рельефной пластики Дмитриевского собора во Владимире. Владимир: Обл. науч. б-ка им. М. Горького. С. 11–27.
- Гладкая М.С.*, 2009. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. М.: Индрик. 288 с.
- Гладкая М.С.*, 2010. О происхождении матери князя Всеволода III Большое Гнездо: анализ источников // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции (24 апреля 2009 г.). Владимир: Обл. науч. б-ка им. М. Горького. С. 196–213.
- Гладкая М.С.*, 2012. Иконография святых князей во владими́ро-суздальской пластике и стенописи: к вопросу об эволюции образа // Макариевские чтения. Вып. XIX. Можайск: Терра. С. 378–391.
- Гордин А.М.*, 2004. Монуменальная живопись Северо-Восточной Руси XII–XIII вв.: Дис. ... канд. искусствoведения. СПб. 365 с.
- Зоценко В.*, 2009. Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Вып. 1 / Ред. К. Цукерман. Paris. С. 17–56.
- Иоаннисян О.М.*, 2005. Романские истоки зодчества Владимиро-Суздальской Руси времени Андрея Боголюбского (Германия или Италия?) // Византийский мир: искусство Константинополя и национальные традиции: К 2000-летию христианства. М.: Северный паломник. С. 31–70.
- Каргер М.К.*, 1961. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 2. Памятники киевского зодчества X–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 661 с.
- Лесючевский В.И.*, 1946. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. Вып. VIII / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 225–247.
- Лифшиц Л.И.*, 1997. К вопросу о реконструкции программ храмовых росписей Владимиро-Суздальской Руси XII в. // Дмитриевский собор во Владимире: к 800-летию создания. М.: Modus. С. 156–174.

- Назаренко А.В.*, 2001. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры. 784 с.
- Никитин А.Л.*, 2002. К вопросу о достоверности легенды о Борисе и Глебе // Мир житий: Сб. материалов конф. (Москва, 3–5 октября 2001 г.) / Под ред. О.В. Гладковой, А.С. Демина. М.: Имидж-Лаб. С. 47–53.
- Пежемский Д.В.*, 2013. Опыты М. М. Герасимова по восстановлению внешнего облика древнерусских князей // «Хвалам достойный...»: Андрей Боголюбский в русской истории и культуре: Междунар. науч. конф. (Владимир, 5–6 июля 2011 г.). Владимир: ГВСМЗ. С. 225–261.
- Плугин В.А.*, 1972. Фрагмент росписи южной галереи Успенского собора во Владимире // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука. С. 126–140.
- Повесть «О убоеньи Борисове» // ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. Стб. 132–141.
- Поппэ А.В.*, 1966. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 22. М.; Л.: Наука. С. 24–45.
- Поппэ А.В.*, 1973. О времени зарождения культа Бориса и Глеба // *Russia Mediaevalis*. Т. 1. № 1. С. 6–29.
- Поппэ А.В.*, 1997. Феофана Новгородская // НИС. Вып. 6 (16). Л.; Новгород. С. 102–120.
- Прохоров В.А.*, 1875. Археологический обзор древнейших архитектурных памятников во Владимире и Суздале // Христианские древности и археология. Вып. 3. СПб. С. 25–26.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М.: Языки русской культуры, 2001. 345 с.
- ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. Книга Степенная царского родословия. Первая половина. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. 708, VII с.
- Ранчин А.М.*, 2013. Борис и Глеб. М.: Молодая гвардия. 298 с.
- Раппопорт П.А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников (САИ. Вып. Е1-47). Л.: Наука. 136 с.
- РО НА ИИМК. Ф. 51. Ед. хр. 361. Л. 8.
- РО НА ИИМК. Ф. 51. Ед. хр. 358. Л. 17.
- Самойлова Т.Е.*, 1998. Сказание о Борисе и Глебе и культ святых князей // Макариевские чтения. Вып. V. Можайск: Terra. С. 365–378.
- Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-ая половина XIV века). М.: Книга, 1985. 160 с., ил., 151 с.
- Смирнова Э.С.*, 2009. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложение русской традиции // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Вып. 1 / Ред. К. Цукерман. Paris. С. 57–116;
- Сычев Н.П.*, 1951. Предполагаемое изображение жены Юрия Долгорукого // Сообщение института истории искусств. Вып. 1. М.; Л. С. 51–62;
- Творогов О.В.*, 1992. Князья Рюрикoviчи: краткие биографии. М.: Русский мир. 96 с.
- Топоров В.Н.*, 1995. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис: Языки русской культуры. 874 с.
- Ужанков А.Н.*, 1992. К вопросу о времени написания «Сказания» и «Чтения» о Борисе и Глебе // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 5. М. С. 370–412.
- Холостенко Н.В.*, 1962. Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // СА. № 2. С. 188–210.

Святые Борис и Глеб в архитектуре и пластике Владимиро-Суздальской Руси XII в.

Хорошев А.С., 1986. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ. 211 с.

Чтение о Борисе и Глебе // Revelli Giorgetta. Monumenti letterari su Boris e Gleb. Литературные памятники о Борисе и Глебе. Genova, 1993. 706 с.

Summary

M.S. Gladkaya

SAINTS BORIS AND GLEB IN ARCHITECTURE AND PLASTIC OF VLADIMIR-SUZDAL RUSSIA IN THE 12TH CENTURY: ASPECTS OF HONORING

Features of honoring of Saint princes Boris and Gleb in the Vladimir-Suzdal lands are considered, the iconography of their images in a white stone carving of the cathedrals of Vladimir, Suzdal, Yuryev-Polskoy is analyzed in the article. It is concluded that to the creators of a white stone carving both aspects of their honoring were important: as martyr, and military.

Т.П. Тимофеева

ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА В с. КИДЕКШЕ: ШТРИХИ К ИСТОРИИ (XVIII–XX вв).

В историческом бытии церкви Бориса и Глеба XII в. в селе Кидекше близ Суздаля (рис. 1), известной как первый белокаменный храм на Владимиро-Суздальской земле, далеко не все изучено. Некоторые сведения содержатся в ряде документов XVIII–XX вв.

После секуляризации 1764 г. при церкви существовал сельский приход. Накануне секуляризации прапорщиком Иваном Григорьевым была составлена «Ведомость, учиненная приписному Нижегородскому Печерскому, состоящему в Суздальском уезде Борисоглебскому Кидецкому, что в селе Кидекше, монастырю». «Ведомость» содержит интересные и важные сведения.

Единственным историческим документом, который к этому времени сохранился в монастыре, была «пожалованная грамота о приписке одного монастыря к вышеписанному Печерскому монастырю в 7195 (1687) г. 10 апреля». О храмах в «Ведомости» сообщается следующее: «В том монастыре церковей две. 1-я соборная во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба каменная, одноглавая, глава обита чешуею деревянной, на ней крест железной, вызолоченной; крыта тесом. 2-я во имя святого первомученика архидиакона Стефана деревянная, об одной главе, и глава обита гонтом, на ней крест железной; крыта тесом. Во оных церквах престолов два. При тех церквах колокольня деревянная, шестистенная, крыта тесом; глава обита чешуею деревянною, на той главе крест железной. На оной колокольне колоколов 6, в том числе в болшем весу по подписи значится 27 пудов; а в пяти колоколах неболших сколко весом пуд за неимением на них надписи, неизвестно» (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 58. Л. 2).

Таким образом, «Ведомость» указывает нижнюю временную границу существующей каменной колокольни, дата которой неизвестна, – 1760-е гг., когда колокольня была еще деревянной, шестигранной и, скорее всего, шатровой. Отсюда следует, что каменная колокольня построена после упразднения монастыря, очевидно, уже приходом.

Рис. 1. Архитектурный ансамбль в с. Кидекше. XII–XVIII вв.

Богоборческий XX век ознаменовался принципиальными переменами и для этой церкви. После событий 1917 г. и выхода Декрета об отделении церкви от государства 1918 г. древние белокаменные памятники, в том числе и церковь Бориса и Глеба, перешли в ведение государственных органов охраны памятников старины. Приходы могли еще пользоваться своими храмами по договору. При этом составлялись описи имущества церквей. 21 октября 1920 г. была составлена «Опись церковного имущества села Кидекши Борисоглебской церкви Троицко-Объединенной волости Суздальского уезда», содержащая много интересных сведений.

В местном ряду иконостаса указана известная икона XVII в. (ГВСМЗ. Инв. № В-6974), ныне выставленная в экспозиции икон Владимиро-Суздальского музея-заповедника (Древнерусская живопись в музеях России. Иконы Владимира и Суздаля, 2006. С. 448–459): «Образ св. великого князя Владимира и благоверных князей Бориса и Глеба с житием их, на нем риза медная посеребрена, на коей три венца серебряные. На нем висит образ святого целителя Пантелеймона, высеченный из дикого камня, в серебряном окладе величиною в вершок, пожертвованный в церковь царем Иоанном Васильевичем Грозным» (Научный архив ГВСМЗ. Ф. «Церкви города Суздаля». Оп. 1. Д. 195. Л. 12 об.). Житийная икона упоминается в иконостасе и гораздо раньше, в описи церкви 1701 г.: «...по правую сторону царских дверей образа... великих князей Владимира да Бориса и Глеба в житии венцы и цата серебряные вызолоченные басебные...» (Березин, 1896. С. 108–109. Прим. 4). Иконка из глинистого сланца св. Пантелеймона (ГВСМЗ.

Инв. № В-6300/1497) также экспонируется в одном из музеев Суздаля – «Золотой кладовой» (Трофимова, 1982. С. 124). Опись проясняет характер ее бытования – в качестве приклада к житийной иконе Владимира, Бориса и Глеба, с появлением этой почитаемой иконы.

О Стефаниевской церкви в описи сказано: «Церковь св. первомученика и архидиакона Стефана стоит на особом месте, каменная продолговатая, об одной главе, покрыта железом, покрашена медянкой, на главе крест железный прорезной, четырехконечный с цепями. Церковь теплая, одноэтажная, в ней две печи и семь окон, когда она построена документов не сохранилось. Алтарь Стефановской церкви, прямой без разделений, на св. престоле антиминс атласный синий, выданный преосвященным Парфением...» (Научный архив ГВСМЗ. Ф. «Церкви города Суздаля». Оп. 1. Д. 195. Л. 15 об.).

Сказано в описи и о каменной колокольне: «При Борисоглебской и Стефановской церквях находится колокольня, которая стоит на особом от храмов месте. Глава от колокольни, от постепенно суживаемых кверху ярусов, малая, круглая, в высоту 12 аршин, крест на колокольне железный четырехконечный». Колоколов на колокольне было 7: весом в 106 пудов 28 фунтов, 44, 12, 7, 2 и 1 пуд и в 37 фунтов (Научный архив ГВСМЗ. Ф. «Церкви города Суздаля». Оп. 1. Д. 195. Л. 17–17 об.).

Описан и еще один исторический колокол (рис. 2): «Еще колокол в тридцать пудов находится на паперти Борисо-Глебского храма. Прежде этот колокол висел на колокольне, но так как он был разбит, то его по распоряжению Епархиального начальства велено хранить в церкви. Колокол этот пожертвован царем Иоанном Васильевичем Грозным, а когда, неизвестно. Устное предание говорит, что царь Иоанн Васильевич Грозный, проходя через Кидекшу с войском под Казань и нуждаясь в свинце для огнестрельных снарядов, снял с Кидекшевского монастырского храма свинцовую кровлю и взамен ее впоследствии между другими вкладками из Печерского Нижегородского монастыря, к которому был тогда приписан Кидекшевский, приказал передать и этот колокол, слитый из ливонских орудий» (Научный архив ГВСМЗ. Ф. «Церкви города Суздаля». Оп. 1. Д. 195. Л. 17 об.).

Эта легенда передается и в «Летописи Борисоглебской церкви, что при селе Кидекше», (Летопись..., 1911. С. 5). На обороте обложки сообщается: «1903 года апреля 9 дня. Я, крестьянин села Кидекши, Владимирской губернии, Суздальского уезда, Городищенской волости Федор Иванов Воробьев соизвинением Императорскую публичную библиотеку всепокорнейше прошу просмотреть летопись которая пишется на стенах церковной трапезны правельно ли она пишется покорнейше прошу дозволения Я желаю возобновить» (Летопись... 1911. С. 2. Орфография и синтаксис оригинала сохранены (рис. 4)). Федору Воробьеву принадлежит и стихотворение, посвященное храму Бориса и Глеба, – образец народного стихотворчества (РНБ. Q. XIV. 178. Л. 176. Обнаружено А.В. Сириновым. См. Приложение). Кстати, в письме к Н.Н. Воронину от 14 ноября 1954 г. А.Д. Варганов также упоминает некоего Воробьева: «...Об этом знает и мой хороший знакомый Председ. Ленинградского Облсполкома Г.И. Воробьев (навестивший меня летом). Ведь он из Кидекши, сын нашего сторожа старика Воробьева» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 178. Л. 3–4).

Пересказ легенды и в «Ведомости», и в «Летописи» почти дословно совпадает с текстом М. Достоевского в книге «Суздаль» (*Достоевский*, 1913. С. 21). Самый ранний из этих трех текстов – «Летопись», составленная в 1903 г. (книга – 1913 г., «Ведомость» – 1920 г.). Возможно, она и была первоначальной фиксацией текста, написанного на стенах трапезной. Предание само по себе весьма правдоподобно, поскольку свинцовая кровля на древнем белокаменном храме вполне вероятна (см.: *Раннопорт*, 1994. С. 98–99).

Вкладной колокол (инв. № В-27030) экспонируется в музее. На нем имеется чеканная надпись: «Лета 7060 (1552) 8 марта зделан бысть колокол при царе государе великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при Макарье Митрополите. Царь государь дал колокол в дом к Вознесению Господа нашего в Печерский монастырь при архимандрите Иоакиме в Новгород в Нижний».

Описана в этой описи и ограда – «каменная, вышиною четыре аршина, покрыта листовым железом. В ограде часовня каменная, покрыта железом, на ней имеется крест железный. Внутри часовни (...) Спас столярной работы... При храмах находится сторожка деревянная, на каменном фундаменте, восьми аршин в длину и ширину. В сторожке помещается церковно-приходская школа с 1890–1891 учебного года...» (Научный архив ГВСМЗ. Ф. «Церкви города Суздаля». Оп. 1. Д. 195. Л. 17 об.).

В 1922 г. в Борисоглебской церкви, как и во многих других, производилось изъятие ценностей. Изъята была серебряная утварь и украшения – кадило, ковчег, дароносица, потиры, звезды, дискос, крест, Евангелие, 57 венцов (ГАВО. Ф.

Рис. 2. Колокол из Борисоглебского монастыря в с. Кидекше. XVI в.

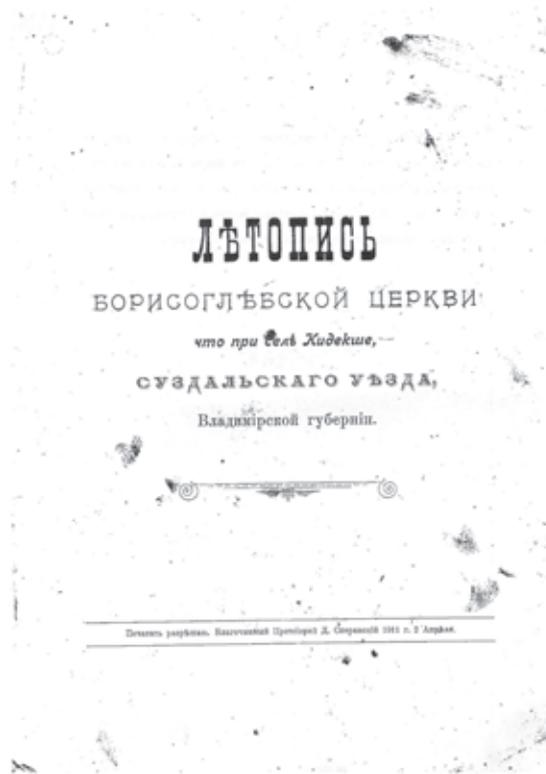

Рис. 3. Летопись Борисоглебской церкви, что при селе Кидекше. 1911 г. Обложка (с. 1).

1903 года апрѣля 9 дня. Я, крестьянинъ села Кидекши, Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, Городищенской волости Федоръ Ивановъ Воробьевъ, соизвиненіемъ Императорскую публичную библіотеку всѣ покорнѣйше прошу просмотрѣть лѣтопись которая пишется на стѣнахъ церковной трапезны правельно ли, она пишется покорнѣйше прошу дозволенія Я желаю возобновить.

Рис. 4. Летопись Борисоглебской церкви, что при селе Кидекше. 1911 г. Текст на обороте обложки (с. 2).

Р-83. Оп. 1. Д. 126. Л. 18). 10 июня 1922 г. составлена опись ценностей, оставшихся после изъятия, с пометами «за музеем» против некоторых вещей (ГАВО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 200. Л. 112–112 об.). Заботиться о состоянии и ремонтах здания отныне должен был государственный орган – Губмузей. Здание действительно вскоре стало остро нуждаться в такой заботе. В 1922 г. Борисоглебский храм вошел в число «древностей», на ремонт которых новая власть обещала выделить деньги – 166 тыс. рублей (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 18; *Тимофеева*, 1998. С. 300–301).

В числе «наиболее необходимых работ» значился ремонт северо-восточной апсиды древнего храма. При осмотре церкви 12 октября 1922 г. обнаружилось следующее: «Северо-восточная алтарная апсида дала глубокую трещину. Происхождение трещины недавнее. С каждым годом трещина заметно увеличивается. В настоящее время трещина в самой нижней части имеет ширину пол-аршина, а в высоту 3 аршина, постепенно суживаясь. Причины трещины заключаются в оседании северо-восточного угла храма вследствие, по-видимому, порчи фундамента. Крыша храма ввиду очень давнего беспризорного состояния во многих местах проржавела и несомненно протекает... Крайне необходимо произвести частичный ремонт храма, то есть починку фундамента, заделку трещин и починку крыши» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 47; *Тимофеева*, 1998. С. 304–305).

«В церкви с. Кидекши ремонт северо-восточной абсиды должен быть сделан из тех же материалов и того же качества, из которых сложены стены, т.е. из тесаного камня для наружного слоя и мелкого для внутреннего заполнения стены и обязательно на известковом растворе, так как цемент совершенно недопустим», – писал Музейный отдел Главнауки Наркомпроса во Владимирский Губмузей (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 25; *Тимофеева*, 1998. С. 303). 18 ноября 1922 г. архитектор-техник М.В. Машков составил две предварительных сметы, где кроме заделки трещины и починки крыши предусматривалась побелка, исправление «плитяного пола с подсыпкой под него песка» и вставка 10 оконных стекол взамен разбитых (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 10–12, 37–39 об.; *Тимофеева*, 1998. С. 303–304, 306).

В январе 1923 г. Рабоче-крестьянская инспекция направила во Владимирский Губмузей запрос об использовании древних зданий и получила на него следующий ответ: «Владимирские Успенский и Дмитриевский соборы и церковь в с. Кидекше Суздальского уезда как редчайшие памятники древнерусского зодчества XII в. находятся в ведении и под непосредственной охраной Губмузея. В Дмитриевском соборе и церкви в с. Кидекше церковных служб не бывает и они в пользовании верующих не состоят... Все вышеозначенные храмы могут считаться отделениями музея, также Губмузей несет ответственность за их сохранность и обязан поддерживать их в надлежащем виде как ценнейшие памятники старины» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 17; *Тимофеева*, 1998. С. 305–306).

В мае того же года Губмузей отправил сметы в Москву, сопроводив их таким письмом: «Дальнейшее промедление с ремонтом может угрожать серьезной опасностью целости и сохранности данных архитектурных памятников. Обещанные отделом по делам музеев осенью прошлого года суммы до сих пор не

получены. Из местных средств денег на ремонт не отпускают» (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26. Л. 15; *Тимофеева*, 1998. С. 306).

В октябре 1923 г. при Борисоглебской церкви зарегистрировалась община верующих (ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 121), однако здание по-прежнему оставалось на учете Музейного отдела Главнауки (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 9. Л. 66). В 1928 г. обсуждалась вероятность передачи его в непосредственное ведение музея, «но ввиду того, что не только группа верующих, у которых Борисоглебский храм находится в пользовании, но вообще все граждане с. Кидекша сознают важность этого исторического памятника и бережливо его сохраняют, признать достаточным оставить его на учете и под охраной музея» (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 9. Л. 69–69 об.).

В августе 1930 г. ряд памятников суздальского музея обследовала комиссия, в составе которой был архитектор Центральных государственных реставрационных мастерских Б.Н. Засыпкин. В акте осмотра о Борисоглебской церкви в Кидекше записано: «Состоит в ведении общины и находится в удовлетворительном состоянии» (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 9. Л. 94 об.). В 1933 г. храм числился памятником I категории (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 9. Л. 156). В июне 1935 г. Суздальский музей получил из Ивановского ОблОНО (Суздаль с 1929 г. входил в состав Ивановской Промышленной области) письмо: «ОблОНО получены сведения, что в с. Кидекше, Красносельского сельсовета, приступлено к разборке каменной ограды церкви Бориса и Глеба, которая решением Президиума ВЦИК от 20 апреля 1935 г. взята под государственную охрану как памятник архитектуры 1152 г. Снос ограды в дальнейшем повлечет разрушения самого здания, а потому предлагается немедленно принять меры к сохранению и восстановлению ограждения здания XII столетия. В этой части необходимо боковые стороны существующей каменной ограды сохранить, а восточную сторону разрушенной ограды и осыпающийся берег укрепить посадкой деревьев и поставить деревянную ограду...» (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 23. Л. 24).

В 1938 г. Отдел по охране памятников Управления по делам искусств при СНК РСФСР дал согласие на разборку «кирпичного тамбура XIX в. у северного входа в церковь Бориса и Глеба в Кидекше» (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 23. Л. 27), который и был разобран.

В сентябре 1940 г. тот же отдел послал в Суздаль запрос об использовании и техническом состоянии Борисоглебской церкви. 16 сентября составлен подробный акт осмотра здания:

«1. Простояв без ремонта, здание сильно ветшает, деформируется и к настоящему времени сделалось совершенно непригодно и опасно для использования в культовых целях с массовым скоплением в нем народа.

2. Техническое состояние здания крайне плохое: северная стена, вследствие деформации свода в северо-восточной части и грубо переложенной в восточной части стены в XVII в., коробится и делает наклон 8°.

3. Осадка стен отразилась в купольных частях в виде разрушения и выпадения угловых камней и коколя.

4. Быстро усиливающийся наклон стены, скрепленной с остальными стенами железными связями, тащит за собой места скрепления в южной и особенно западной стене, где железная связь выгатила белокаменную кладку из стены на

10 см. Вследствие этого юго-западный угол отошел и дал осадку на юго-запад, образовав расширяющуюся вверх трещину от цоколя, доходящую до 5 см.

5. Древние алтарные апсиды имеют сильную осыпь связующего, вследствие чего происходит выпадение белого квадратного камня из облицовки стен и осадка ее частей, северная стена в верхних частях отошла от основания церкви.

6. Внутреннее состояние церкви крайне неудовлетворительно. Стены, покрытые масляной краской, закупоривающей белый известковый камень, лишают его внутренней вентиляции, вследствие чего в каменной церкви стоит постоянная сырость, белый камень под краской преет и осыпается, пара западных столбов, а также часть свода под хорами имеет явные следы осыпи и разрушения, сильные трещины благодаря присутствию сырости и осадке.

7. Часть стен не имеет стекол и забиты досками, а северо-западное щелевое окно, хранящее древнюю форму, не имеет рамы и заложено кирпичом (всухую без раствора).

8. Кровля церкви не имеет водостоков; желоба, опоясывающие верх кровли, сохранились лишь в западной и южной части совершенно гнилые. В западном притворе в кровле люк старый (не имеет крышки), вследствие чего атмосферные осадки проникают внутрь и разрушают потолок.

9. Стоящая в 18 м на запад от церкви колокольня середины XVIII в. дала сильный наклон в сторону церкви, наклон ее ежедневно увеличивается и неминуемо ее падение, угол уклона достиг уже 10°.

10. Древний колокол находится в музее. Согласно вышеизложенного, техническая комиссия нашла необходимым в целях сохранения жизни граждан, посещающих богослужения, предложить общине верующих временно прекратить использование здания церкви впредь до ее полного капитального ремонта-реставрации» (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 23. Л. 29–30).

Забота о безопасности прихожан была здесь, разумеется, только предлогом, чтобы закрыть очередную церковь, что вскоре и произошло. 11 января 1941 г. исполком Ивановского областного совета принял решение за № 2662: «Слушали. Ходатайство исполкома Суздальского районного совета о закрытии церкви в селении Кидекша Красносельского совета Суздальского района. Постановили. Ввиду того, что договор с религиозной общиной на пользование церковью в селении Кидекша Красносельского совета Суздальского района решением исполкома облсовета от 26 ноября 1940 г. № 2114 расторгнут, другой религиозной общины, желающей принять в пользование здание церкви и культовое имущество, не оказалось. Церковь эту как молитвенное здание ликвидировать и передать как имеющее историческое значение Суздальскому районному музею» (ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 23. Л. 31). Таким образом, приход был закрыт только в 1941 г. Храм в Кидекше перешел в ведение Суздальского музея. Изучение же памятника началось гораздо раньше и имеет свою известную историю. Остановимся на неизвестном исследовании.

В 1951 г. А.Д. Варганов написал неопубликованную работу «Исследование изначальных форм церкви Бориса и Глеба 1152 г. в селе Кидекше, близ Суздаля» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71), в которой поставил несколько важнейших для истории памятника вопросов и ответил на них. Прежде всего это вопрос хода на

хоры. Закладку дверного проема и устройство узких окон он связал с переменной статуса церкви, переставшей быть княжеской, дворцовой после смерти семьи Бориса Юрьевича, и с «великим священством» в 1239 г. Ремонтные работы после татарского разорения и состояли в перемене статуса церкви: она перестала быть княжеской, и нужда в хорах отпала. Работы выполнили мастера епископа Ростовского Кирилла, архимандрита владимирского Рождественского монастыря, получившего епископский сан в 1230 г. в Киеве, на съезде князей, и отпущенного с «великими почестями». В том же году он обновил собор в Ростове, а в 1233 г. его мастера выполнили настенную роспись и настлали пол «моромором красным разноличным» в суздальском Рождественском соборе, 8 лет стоявшем без росписи и пола. Кстати, после гибели в 1238 г. епископа Митрофана вместе с великокняжеской семьей в Успенском соборе Владимирской и Суздальской епархией до 1250 г. управлял именно Кирилл Ростовский (*Маутафаров*, 2005. С. 41).

«Что могли сделать мастера Кирилла в церкви Бориса и Глеба в Кидекше? Этот вопрос в настоящий момент можно решать только предположительно, т.к. здание далеко не полностью изучено археологически и архитектурно. Однако некоторые мотивы к этому решению есть. Сюда относятся сооружение «горнего места», устройство, по-видимому, в иконостасной преграде, а, может быть, в кивории резных по белому камню рельефов, устройство в алтаре кирпичного пола. По всей вероятности, и западное прясло северного фасада было несколько переложено, в процессе чего за утратой княжеских палат дверной проем на втором этаже, ведущий с хор в палаты, был переделан в оконный... Не епископ ли Кирилл явился строителем столь пышно белокаменного епископского трона, по сторонам которого расположились длинные скамьи для сидения соборного синклита в 12 человек? Трудно сказать, чтобы Борисоглебская церковь на протяжении своей 800-летней жизни видела что-либо более торжественное и величественное, чем то, что создал ей при своём «великом священстве» епископ Киррис. Фигура Кирилла, епископа Ростовского, для первой половины XIII в. является одной из знаменательных и деятельных» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71. Л. 37, 29). Таким образом, А.Д. Варганов предвосхитил и недавние находки археологов: омфалий – место для епископа во время торжественных богослужений (а хоры – место для князя и царя), резное основание запрестольного креста и пр. Аркосолии в стенах для погребений он считал не первоначальными, а сделанными в готовой стене.

А.Д. Варганов исследует формы северного фасада и приходит к выводу, что здесь заметно «изменение изначальной строгости юрьевских форм», но «произведенный ремонт некоторых частей северного фасада... был сделан непосредственно после татарского разорения и произведен тщанием ревностного строителя епископа Ростовского Кирилла» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71. Л. 37, 38).

Возможность таких храмовладельческих работ во время татарского разорения Руси он объясняет политикой князя Ярослава, который не помог своему брату Георгию Всеволодовичу в битве на реке Сити, за что и получил какие-то гарантии от Батые. В этот год, о котором в летописи сказано, что в Суздальской земле «того же лета было мирно», Ярослав не только ведет строительство, но и совершает успешные походы – на город Каменец и на Литву, у которой отвоевывает Смоленск.

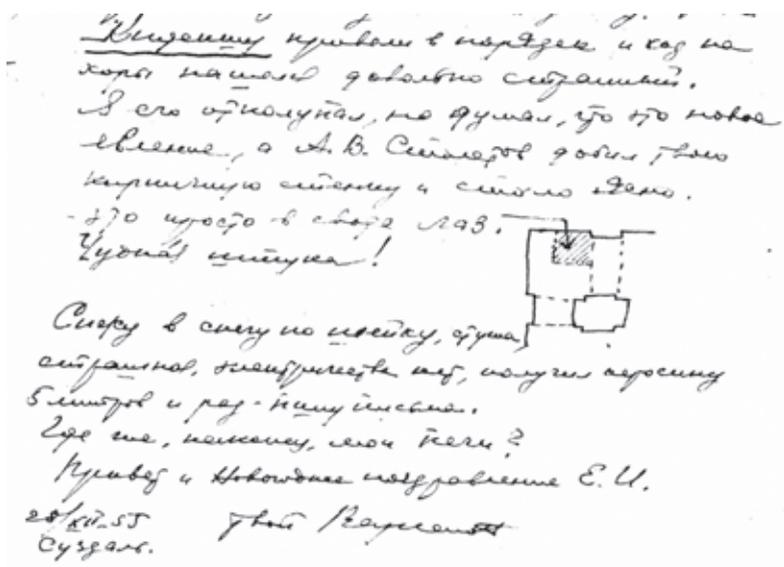
Монастырскую судьбу церкви в Кидекше А.Д. Варганов связывает с Суздальско-Нижегородскими князьями второй половины XIV в. Борисом и Андреем Константиновичами и епископом Дионисием: «Быть может, Дионисий, основатель Нижегородского Печерского монастыря, получивший и восстановивший Суздальскую епархию, обращает древнюю резиденцию Суздальских князей в свой приписной монастырь». Он обнаружил дарственную грамоту XV в. с упоминанием Германа, игумена Борисоглебского монастыря (Акты исторические. С. 57. № 29). Упоминает он и колокол с надписью 1552 г. (правда, считая, что он мог оказаться в Кидекше в XVII в.), и надгробную плиту «старца инока Исаяи Петрова» 1606 г., и «довольно оживленную переписку Суздальского архиепископа Стефана с царем Алексеем Михайловичем, а затем с Федором Алексеевичем относительно состояния Борисоглебского монастыря в Кидекше. Суздальский архиепископ просил царя передать Кидекоцкий монастырь из Нижегородской в Суздальскую епархию ввиду его захудалости. Далее из переписки видно, что суздальский воевода Тимофей Савелов в Борисоглебской церкви усмотрел «мощи» князя Бориса Юрьевича, по-видимому, с целью их открытия и поднятия экономического состояния захудалого монастыря» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71. Л. 39–40).

Со Стефаном связывает А.Д. Варганов и ремонтные работы в церкви, а также строительство Лазаревской церкви и собора Васильевского монастыря. «По всей вероятности, руками этих же мастеров при ходатайстве Стефана производится и огромный ремонт обветшавшей за давностью лет церкви Бориса и Глеба в Кидекоцком монастыре» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71. Л. 41). Заметим, что со Стефаном закономерно было бы связать и создание житийной иконы «Святые Владимир, Борис и Глеб», что А.Д. Варганов почти и делает. В «Отчете по архитектурно-археологическому исследованию церкви Бориса и Глеба в Кидекше за 1948 г.» он пишет: «Иконостасная преграда первой половины XIX в. с иконами, подновленными в это же время, среди которых в местном чине имеются древние, примерно конца XVII в. (Борис и Глеб)... Икона «Бориса и Глеба с житием» относится к XVII в. и представляет большой научный интерес в связи с изучением иконографии в изображении миниатюр жития и, быть может, имеет отношение к сюжетам фресковой росписи, находящимся на стенах самого храма. Это вполне возможно допустить, т.к. художник, писавший икону, застал фресковую живопись на стенах церкви. Эти фрески сохранились еще в 1675 г., их видел Суздальский воевода Савелов, что видно из его доношения Суздальскому архиепископу Стефану. (См. А. Федоров. Историческое собрание)» (Суздальский музей. Фонд А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 72. Л. 11. Сообщила Н.М. Курганова 21.05.1996).

А.Д. Варганов убедительно показал, что «единственной причиной повреждения здания могло явиться довольно значительное разрушительное действие атмосферных осадков, вызванное отсутствием кровли на здании». По легенде, приведенной выше, получается, что в середине XVI в. Борисоглебская церковь лишилась кровли. После снятия Иваном Грозным кровли церковь в таком виде, вероятно, оставалась целое столетие, что и привело к катастрофе. Это обстоятельство замечательно согласуется с предположением А.Д. Варганова: «Изучая здание с этой точки зрения, мы убеждаемся, что именно в этом и была

основная причина падения его сводов. Для ясности допустим, что здание церкви длительное время находилось без крыши в восточной части... Атмосферные осадки, в течение длительного времени застаиваясь в пазухах сводов и не имея стока, производили свое разрушительное действие главным образом в области конструктивных элементов сводов четверика (паруса, арки и пилоны), регулирующего давление массивного барабана на пилоны. Начало деформации при этих обстоятельствах должно было произойти в соединении пят подпружных арок и парусов. Этому, безусловно, содействовала постепенно усиливающаяся на это место нагрузка барабана, дающего крен на восточную стену. В связи с этим восточная стена фасада, принимая на себя усиливающуюся дополнительную нагрузку, приходила в движение и через конхи абсид разгружала давление на свои полукруглые стены и главным образом на восточные углы здания. Барабан, выйдя из статичности, обрушился на восточную часть. Падение барабана встретило большое сопротивление со стороны контрфорсирующих его стен абсид, что и заставило его направить свое падение внутрь здания, т.е. в алтарную часть. Это обстоятельство и привело восточную часть в то расшатанное состояние, в котором мы видим и в настоящее время» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71. Л. 46–47). Предание о снятой свинцовой кровле А.Д. Варганов знал из книги М. Достоевского «Суздаль», но, видимо, не принял его всерьез.

Почему эта работа и ее положения не вошли в научный оборот, не получили дальнейшего развития и даже нигде не упоминались? Возможно, потому, что сам же А.Д. Варганов обнаружил в своде лаз, который А.В. Столетов посчитал древним, и теоретическое построение, основанное на упразднении хор при Кирилле, автор счел невозможным обнаружить. В письме к Н.Н. Воронину от 28 декабря 1955 г. А.Д. Варганов пишет: «Кидекшу привели в порядок и ход на хоры нашелся довольно странный. Я его отколупал, но думал, что это новое явление, а А.В. Столетов добил твою кирпичную стенку и стало ясно, – это просто в своде лаз. Чудная штука!» (рис. 5, 1) (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 569. Л. 27 об.). Мнение же А.В. Столетова было основано больше на интуиции, чем на фактах, что следует из его письма к Н.Н. Воронину от 5 января 1956 г.: «Считаю, что ход на хоры был устроен внутри храма, для чего был оставлен люк в северо-западном своде хор и к нему вела деревянная лестница. Этот вопрос я не исследовал до конца и не оформил чертежами... Но у меня твердая уверенность, что это так. Размеры люка небольшие – примерно 75×150 см, его расположение в северо-восточном углу северо-западного свода (есть рисунок люка. – Т.Т.)» (рис. 5, 2) (ГАВО. Ф. 422. Оп. 1. Д. 569. Л. 4 об.). В отчете А.В. Столетова о работах в Кидекше читаем: «Обследованием в процессе работ характера и состояния изначальных конструкций представилась возможность установить местоположение древнего хода на хоры. Последний был устроен в северо-западном углу храма через люк в северо-западном своде хор, позднее, очевидно, в XVII в., разобранный. К люку была пристроена деревянная лестница с тем же уклоном, что и ныне существующая. Промежуточная площадка лестницы была устроена в северо-западном углу хор, на высоте 2,35 м от существующего пола, где остался гнездо с остатками дубового бруса 9–10 см, поддерживавшего эту площадку» (рис. 6) (ГАВО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 291. Л. 40–41; чертёж № 3).

1

2

Рис. 5. Лаз на хоры в церкви Бориса и Глеба в с. Кидекше.

1 – Рисунок А. Д. Варганова (в письме к Н. Н. Воронину от 28 декабря 1955 г.);

2 – Рисунок А. В. Столетова (в письме к Н. Н. Воронину от 5 января 1956 г.).

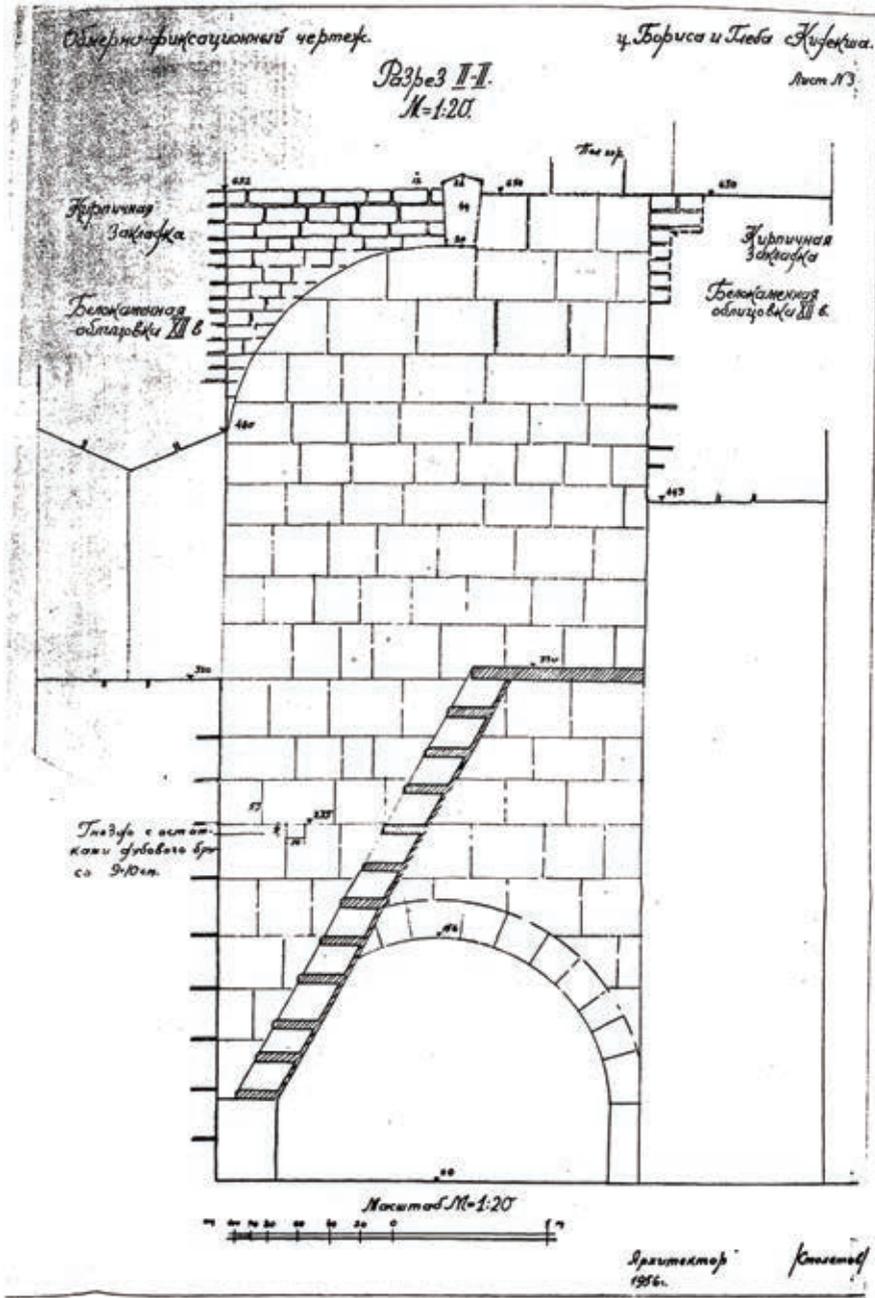

Рис. 6. Лестница на хоры в церкви Бориса и Глеба в с. Кидекше. Чертеж А.В. Столетова. 1956 г.

Из материалов А.Д. Варганова следует, что в церкви Бориса и Глеба иконостас с иконами стоял еще в 1956 г., а некоторые сохранившиеся иконы предполагалось «установить в помещении западной пристройки на старых местах с предварительной их реставрацией»; тогда же впервые появилось намерение музеефикации здания: «В помещении западной пристройки организовать стенд с показом истории памятника и его значения» (ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 3. Д. 2. Л. 126–127). Иконостас сохранялся и в 1964 г., что следует из письма А.Д. Варганова к Н.Н. Воронину от 21.01.1964 г. (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 929. Л. 72–73), и был разобран по настоянию Владимиро-Суздальского музея-заповедника, в ведение которого ансамбль Кидекши перешел в 1958 г.

Литература

- Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. 1334–1598. СПб., 1841. С. 57. № 29.
- Березин В.М.*, 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. III. Владимир.
- ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 26.
- ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 23.
- ГАВО. Ф. Р-2590. Оп. 1. Д. 9.
- ГАВО. Ф. Р-307. Оп. 2. Д. 121.
- ГАВО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 200.
- ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 569.
- ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 929.
- ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 178.
- ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 1. Д. 71.
- ГАВО. Ф. Р-487. Оп. 3. Д. 2.
- ГАВО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 291.
- ГАВО. Ф. Р-83. Оп. 1. Д. 126.
- Достоевский М.*, 1913. Суздаль. (Культурные сокровища России. Вып. 14). М.
- Древнерусская живопись в музеях России. Иконы Владимира и Суздаля. М., 2006.
- Летопись Борисоглебской церкви, что при селе Кидекше. [Б. м.], 1911.
- Маштафаров А.В.*, 2005. Владимирская и Суздальская епархия РПЦ // Православная энциклопедия. Т. IX. М.
- Научный архив ГВСМЗ. Ф. «Церкви города Суздаля». Оп. 1. Д. 195.
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Q. XIV. 178.
- Раппопорт П.А.*, 1994. Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. // СПб. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 58.
- Суздальский музей. Личный фонд А.Д. Варганова. Оп. 1. Д. 72.
- Тимофеева Т.П.*, 1998. Ретроспектива музейно-реставрационного дела во Владимирском крае. (1918–1941 гг.). Избранный документальный свод из фондов ГАВО // Сообщения Ростовского музея. Ростов.
- Трофимова Н.Н.*, 1982. Русское прикладное искусство XIII – начала XX вв. Из собрания Государственного объединённого Владимиро-Суздальского музея-заповедника. М.

Приложение

В день воскресный на заре
Колокольный звон раздался.
В древнем Кидекше селе
Нарот в церкви собирался.

Церковь древности глубокой
Вся из белых камней
С главой белой одинокой
В усыпальню нет дверей.

На стене слова писались
Есть под сводами гробница
Когда древности искались
Князя русского Бориса.

В усыпальнице под сводом
Князь с супругой погребен
А священник со всем хором
Понихиду над ним пел.

Кто в болезни одержимой
Понихиду отпоет
Бог творец непостижимый
Исцеленья ему шлет.

Близ церковного притвора
Царский колокол стоит
Иоанн прислал его для звона
Шалунами он разбит.

В церкви образ каменной чеканный
Самых древних времен
Царским именем присланный
Лик целителя на нем.

Федор Воробьев
(РНБ. Q. XIV. 178. Л. 176. Обнаружено
А.В. Сиреновым)

Summary

T.P. Timofeeva

THE CHURCH OF BORIS AND GLEB IN THE VILLAGE OF KIDEKSHA: TOUCHES TO HISTORY (18TH–20TH CENTURIES)

Key words: North-Eastern Russia, the Church of Boris and Gleb, architecture, medieval history. The article examines documentary materials covering the history of the Church of Boris and Gleb of the 12th century in the village of Kideksha near Suzdal, known as the first white stone church in the Vladimir-Suzdal region, in the 18th–20th centuries. The history of the church from the time of the secularization of Church lands in 1764 year till the transfer of the architectural ensemble in the village of Kideksha to the Vladimiro-Suzdalsky museum reserve in 1958 is discussed in the article.

М.И. Давыдов

О НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КИДЕКОЦКОГО БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ

В многовековой истории храма Бориса и Глеба в Кидекше практически неизученным остается период его существования в качестве особого монастыря, приписанного к нижегородской Вознесенской Печерской обители и упраздненного в 1764 г. в связи с учреждением монастырских штатов. Стремясь хотя бы отчасти заполнить отмеченную лауну, мы решили осветить наиболее ранние и «темные» вехи в развитии этой пригородной суздальской духовной корпорации.

Точное время возникновения кидекоцкой обители неизвестно. Сообщение Лаврентьевской летописи о возобновлении в 1239 г. ростовским епископом Кириллом Борисоглебской церкви (ПСРЛ. Т. I. 1997. Стб. 469) ничего не говорит о наличии вокруг нее монастыря; такое умолчание, полагаем, уже само по себе позволяет сделать вывод об отсутствии тогда в этом месте организованного центра иноческой жизни. От двух последующих столетий также не сохранилось каких-либо свидетельств, прямо и однозначно соотносимых с интересующей нас духовной корпорацией, что по-своему весьма показательно, ибо еще с эпохи 20-х гг. XV в. владельческая история ближайшей к Суздалью округи начала все активнее освещаться в актовом материале. В итоге наиболее ранние неоспоримые известия об обители Бориса и Глеба в Кидекше мы находим лишь в документах первой половины XVI ст.

Первым таким источником является жалованная несудимая грамота великого князя Василия III, выданная в апреле 1514 г. архимандриту Вознесенского Печерского монастыря Илии. В ней, пусть и в самом общем виде, сообщается о наличии у обители каких-то вотчин в Суздальском уезде («села и деревни в Новгороде в Нижнем и в Суздале»). Кроме того, в позднейших (1526/27 и 1534 гг.) подтверждениях к акту обращают на себя внимание следующие необычные способы представления компонента *inscriptio*, то есть способа обозначения адресата: «пожаловал Печерского и Борисоглебского монастыря старцев», «печерских и борисоглебских старцов пожаловал» (АГР. 1860. Т. I. № 52).

Еще два документа – указная грамота (АССЕМ. № 18) и разъезжая (Мельников, 1848. № 11)¹ – освещают процесс размежевания спорных пустошей Спасо-Евфимиева и Кидекоцкого Борисоглебского монастырей на территории Суздальского уезда в 1520 г. Здесь особо отметим факт представительства на этом мероприятии интересов второй обители печерским архимандритом Закхеей.

Далее выделим оформленную 19 сентября 1531 г. жалованную льготную грамоту великого князя Василия III на село Кидекшу Суздальского уезда. Адресатами документа названы клирики Вознесенского Печерского монастыря – священник Адриан и диакон Иоаким (Антонов, Маштафаров, 2001. С. 425. № 33).

Наконец, упомянем жалованную льготную грамоту великого князя Ивана IV, выданную 15 января 1540 г. печерскому архимандриту Левкию. В основном тексте документа оговаривалось предоставление податного иммунитета на 10-летний срок двум вотчинам обители – нижегородскому селу Высокому и суздальскому селу Кидекше, из которых первое «все пусто, от казанские войны люди побиты, и иные в полон поиманы, и дворов нет, и пашни не пашут», тогда как второе «опустело же от наших даней и от наместничих кормов, и от всяких пошлин». Спустя 9 лет, уже будучи царем, Иван Грозный продлил, вплоть до января 1555 г., предоставленную им ранее льготу преемнику Левкия Тихону (Материалы..., 1913. С. 14, 15). При этом, добавим, документ вовсе не содержит какой бы то ни было информации о территориально располагавшейся непосредственно в Кидекше Борисоглебской обители.

Мы не случайно решили столь подробно изложить фабулу приведенных выше актов. Сообщаемые ими известия в своей совокупности позволяют уверенно говорить о подведомственности Борисоглебского монастыря ведущей нижегородской духовной корпорации по меньшей мере с 1514 г., ведь помимо Кидекши иных владений на территории Суздальского уезда у печерских старцев попросту никогда не было. Впрочем, в еще большей степени данные свидетельства примечательны даже не этим, а едва проступающим сквозь стандартные клаузулы грамот крайне необычным характером взаимоотношений двух иноческих общин – главной и подчиненной.

К числу подобных «странностей» относится, в частности, ревностное участие в делах последней архимандрита Закхеи в 1520 г. Разумеется, курирование подведомственной обители входило в его непосредственные обязанности, однако факт личного присутствия именно настоятеля, а не кого-либо из старцев или слуг на формальной, по сути, процедуре межевания в вотчине, удаленной от Нижнего Новгорода почти на три сотни верст, вызывает разве что изумление, ибо на сегодняшний момент исследователям пока вовсе неизвестны аналогичные примеры чрезмерной «активности» властей духовных корпораций по столь малозначащему поводу.

Также весьма показательны умолчания актов о братии кидекоцкого монастыря. Более того, приведенные выше выдержки из подтверждений к пожалованию 1514 г. вообще заставляют сделать неожиданный вывод о ее слиянии с печерской общиной, что уже само по себе кажется весьма необычным².

¹ Автор благодарит А.В. Морохина за возможность ознакомления с этой редкой публикацией.

² Впрочем, говорить о совершенной уникальности такого рода ситуации все же было бы неверно. В определенном смысле схожие моменты прослеживаются, например, в судьбе Симонова монастыря,

Впрочем, все встает на свои места при обращении к еще одному источнику из архива все той же нижегородской обители, составленному ок. 1598–1601 г. и освещающему итоги проведенного чуть ранее обыска о монастырских пустошах в нижнем Посурье. В нем помимо прочего сообщается следующее: «А про достальные крепости архимандрит (имеется в виду печерский настоятель Трифон. – *М.Д.*) сказал, что крепости вотчинные все погорели от войны казанских татар, и монастырь стоял пуст до Казанского взятия 60 лет, и в то время вотчина монастырская была вся пуста, а те-де крепости процелили в Суздальском уезде в Борисоглебском монастыре» (Акты... 1898. С. 249; о датировке документа см.: *Антонов, Маштафаров*, 2001. С. 439. № 105). Это сравнительно позднее известие пусть косвенно, но вполне удовлетворительно объясняет отмеченные выше парадоксы: таким образом, и деятельное участие архимандрита Закхеи в разрешении поземельного спора в околородье Суздаля, и полное «забвение» приведенными выше источниками борисоглебских властей суть явления одного порядка, проистекающие из факта вынужденного переселения печерских старцев где-то на рубеже XV–XVI вв. в Кидекшу; попутно становятся понятными и причины осуществления данного мероприятия, которые, добавим, четко коррелируют с уже процитированным свидетельством жалованной грамоты 1540 г. о губительных последствиях недавних татарских вторжений.

В то же время сказка архимандрита Трифона небезупречна с точки зрения хронологии: при обратном отсчете 60 лет от даты «Казанского взятия» мы получаем 1492 г., который для жителей Нижнего Новгорода ничем особо примечательным не запомнился. А вот в 1505 г. местный немногочисленный гарнизон, согласно уникальному сообщению Казанского летописца, в течение целого месяца вынужден был держать оборону против хана Мухаммед-Амина и его союзников ногайцев. В ходе осады неприятель «позже около горада вся посады..., по вся дни приступая к нему..., и мало града не взял» (ПСРЛ. Т. XIX. 2000. Стб. 231). Конечно, учитывая компилятивный характер, стилистику и полемическую направленность рассматриваемого произведения, всецело доверять его рассказу о заинтересовавшем нас эпизоде было бы слишком опрометчиво, тем более что в других летописях говорится, причем почти мельком, без подробностей, лишь о трехдневном и безуспешном стоянии татарской рати под стенами нижегородской крепости (см., например: ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. 2001. Стб. 373; Т. VIII. 2001. С. 245; Т. XX. 2004, С. 376).

Впрочем, еще более столетия назад Г.З. Кунцевич, посвятивший Казанскому летописцу специальное исследование, отмечал наличие рационального зерна и внутреннюю непротиворечивость присутствующего в повествовании сюжета о событиях 1505 г. (*Кунцевич*, С. 264–267). Добавим, уже в наши дни нашло свое подтверждение в материалах археологических изысканий замечание источника о сожженных тогда предместьях города (*Грибов, Лапшин*, 2008. С. 149–153), а ведь именно там как раз и располагалась печерская община. Посему обретение оной спасительного пристанища в Кидекше, похоже, действительно следует увязывать с описанным выше происшествием.

который после переноса в 1379 г. на новое место оказался формально разделенным на собственно Успенскую Симонову и Старую Симонову обители, однако сохранил единство братии и централизованное руководство. Автор выражает искреннюю признательность за это замечание В.А. Кучкину.

Очевидно, одновременно с этим произошло и подчинение борисоглебской братии властям разоренной в Нижнем Новгороде духовной корпорации. Во всяком случае, когда последняя в 1676/77 г. столкнулась с претензиями суздальского архиепископа Стефана на обладание окончательно захиревшим к обозначенному моменту кидекоцким монастырем, наиболее древними документами, подтверждавшими его подчиненный печерцам статус, оказались жалованные грамоты великого князя Василия Ивановича и царя Ивана Васильевича (Акты..., 1898. С. 361, 363; думается, то были документы, уже перечисленные и проанализированные нами выше). Иными словами, эта зависимость вряд ли могла возникнуть ранее начала XVI ст.

«Переезд» же обители назад, в Нижний Новгород, кажется, тоже случился не сразу после взятия Казани, а где-то десятилетие спустя. Об этом пусть косвенно, но весьма красноречиво свидетельствуют сохранившиеся в ее архиве и датированные 1560/61 г. две данные грамоты Ковыревых на жеребьи их фамильной вотчины в Переславском уезде. В формуляре обоих актов сразу же бросается в глаза совершенно нетипичная для тогдашней делопроизводственной практики манера представления компонента *inscriptio*: «в Новгород в Нижней в дом Вознесенью Христово (архи)мандриту Печерсково монастыря да в Суздальской уезд(д) в К(и)неш (sic! – М.Д.) в монастыр(ь) в дом чудотворцем Борису и Глебу архим(а)ндриту, священници и з брат(ь)ею Акиму»³ (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. № 6); «в Новгород в Нижней в дом Вознесен(ь)ю Х(ри)с(то)ву Печерскому монастырю да в Суздальской уезд в Кидешу в монастыр(ь) в дом чудотворцем Борису-Глебу архимариту Иякиму, свещеници и з брат(ь)ею» (ЦАНО. Ф. 579. Оп. 589. № 578). Стало быть, в рассматриваемое время печерские власти по-прежнему пребывали в Кидекше. Впрочем, вскоре, в сентябре 1563 г., мы застаем архимандрита Иоакима уже на жительстве в Нижнем Новгороде (Материалы..., 1913. С. 51), что, в свою очередь, при принятии за точку отсчета набега казанцев в 1505 г. почти в точности подтверждает приведенное выше заявление архимандрита Трифона о 60-летнем периоде запустения подведомственного ему монастыря. Добавим, вследствие возвращения печерцев в возрожденную обитель, очевидно, появилась потребность наделения кидекоцкой братии определенной долей самостоятельности во внутренних делах; в итоге не позднее 1580 г. руководство ею было предоставлено келарю Исаяе, осуществлявшему тогда, согласно показаниям одного из документов функции борисоглебского строителя (*Маштафаров*, 2003. С. 283–285).

Произведя реконструкцию специфики взаимоотношений в XVI ст. нижегородской и кидекоцкой духовных корпораций, мы, наконец, переходим к разрешению вопроса о наиболее ранних этапах развития второй из них. В этой связи представляется вполне логичным допустить, что та к началу правления великого князя Василия III уже была, с одной стороны, основательно устроена, а с другой, недостаточно населена, раз в ее стенах посчитали возможным разместить братию, причт и слуг такого крупного монастыря, как Вознесенский Печерский. Иными словами, применительно ко времени рубежа XV–XVI вв. уместнее будет говорить не столько о собственно существовании, сколько об упадке центра иноческой жизни в Кидекше и, соответственно, относить его возникновение к предшествующей эпохе.

³ В квадратных скобках приведены наши конъектуры утраченных фрагментов текста.

В своих предположениях мы отталкиваемся от известных двух поздних документов из архива печерской обители, один из которых освещает позицию ее властей в противостоянии с архиепископом Стефаном в 1676/77 г. (о сути конфликта см. выше), а другой передает циркулировавшие в Суздале летом 1677 г. слухи по поводу предстоящего приезда туда на богомолье царя Федора Алексеевича. Как видим, хотя отмеченные нами грамоты и были написаны почти синхронно, обстоятельства создания этих источников все же различны, что в определенной мере повышает степень доверия к сообщаемым ими сведениям. Из последних особый интерес вызывает единодушное свидетельство обоих актов о наличии тогда в составе некрополя Борисоглебского монастыря захоронения суздальского великого князя Бориса Константиновича (Акты..., 1898. С. 338, 362), с чем, впрочем, никак нельзя согласиться, и вот почему. Борис Константинович скончался 6 мая 1394 г. и «положен бысть в Суждале, в своей отчине» (ПСРЛ. Т. VIII. 2001. С. 64); конкретное место погребения князя источники не называют. Спустя некоторое время его прах оказался в городецком Михайловском соборе (*Храмцовский*, 1857. С. 35), а в 1671 г. был перемещен оттуда в нижегородский Спасо-Преображенский собор (НГООУНБ ОРКР. Ф. 1. Оп. 2. № 26. Л. 3). Весь комплекс доступных известий, освещающих вопрос о переносе останков Бориса, был обобщен Р.А. Каюмовым, которому, к сожалению, так и не удалось примирить между собой путаные и противоречащие друг другу сообщения средневековых источников и краеведов XIX ст. (*Каюмов*. С. 4–6). В общем, даже если допустить возможность первоначального захоронения князя непосредственно в Кидекше, в свете представленных данных становится очевидным, что в 1677 г. его тела там уже точно не было.

Зато весьма показателен сам факт привязки имени князя к истории Борисоглебской обители. Дело в том, что Борис Константинович помимо прочего запомнился современникам активной храмозданной деятельностью: при его поддержке на рубеже 50–60-х гг. XIV в. был основан и в дальнейшем обустроивался Спасо-Евфимиев монастырь (подробнее см.: *Кривцов*, 2008. С. 385, 386), в 1368/69 г. построен собор во имя Архангела Михаила в Городце (ПСРЛ. Т. VIII. 2001. С. 16), наконец, по нашему мнению, почти несомненной представляется причастность семьи Бориса к становлению Спасо-Кукоцкой обители, находившейся на юго-западных рубежах Суздальщины.

В рассматриваемом контексте ктиторская поддержка со стороны князя храму, посвященному его небесному патрону, выглядела бы вполне ожидаемой и понятной. И хотя прямых указаний на то в источниках нет, в позднейшем актовом материале сохранилось одно любопытное известие, которое косвенно подтверждает нашу догадку. Речь идет о хорошо знакомой специалистам и датируемой 1444 г. жалованной данной грамоте княгини-иноки Марины (в миру Марии) Спасо-Евфимиеву монастырю на мужнину вотчину село Омутское, расположенное на правом берегу Нерли против устья Ирмеса.

В частности, этот документ в числе послухов, присутствовавших при совершении сделки, упоминает духовника вкладчицы – борисоглебского игумена Германа (АСЭИ. Т. II. 1958. № 444). То, что последний возглавлял именно кидекоцкую обитель, выяснить нетрудно: помимо нее в Суздале и его ближайшем околородье посвящение первым русским святым имел только небольшой

монастырек в архиерейской слободке Борисовой Стороне, совершенно ничем не примечательный и впервые упоминаемый (среди прочих вотчин суздальских епископов) лишь в 1578 г. (АИ. Т. I. 1841. № 200).

Впрочем, историческая ценность пожалования Марии-Марины отнюдь не исчерпывается означенным полунамеком на существование интересующей нас духовной корпорации уже в середине XV ст. По-своему показательной является и содержащаяся в тексте грамоты информация генеалогического характера, фиксирующая близость княгини к все тому же великому князю Борису Константиновичу через брак с его старшим сыном Данилом.

Оба эти сообщения уместно дополнить обращением к целому ряду других спасских актов, свидетельствующих о принадлежности в рассматриваемое и чуть более раннее время прямым потомкам Бориса помимо Омутского также и других, местами даже смежных друг с другом сел в правобережье нижнего течения Нерли – Троицкого (совр. Троица-Берег), Переборовского (совр. Переборово), Мордаша (совр. Мордыш) и Василькова (АСЭИ. Т. II. 1958. № 436, 438, 446, 450, 453); считаем нелишним добавить, что географически Кидекша располагается почти в самом центре образуемого ими владельческого комплекса.

Наконец, последнее замечание: род князя Бориса закончился на его правнуке Семене Александровиче, скончавшемся где-то на рубеже 30–40-х гг. XV в. (*Горский*, 2004. С. 164, 165). Вдова Семена Мария едва на десятилетие пережила своего супруга; во всяком случае, упоминания о ней в источниках не идут далее середины того же столетия (АСЭИ. Т. I. 1952. № 222; Т. II. 1958. № 450).

Совокупность приведенных данных позволяет, в итоге, не только солидаризироваться с высказанным В.А. Кучкиным тезисом о складывании к концу XIV в. в районе, непосредственно примыкавшем к городу Суздалью с востока, крупной латифундии князя Бориса Константиновича (*Кучкин*, 2011. С. 186), но и с большей уверенностью говорить о возможном участии последнего в устройении выполнявшего функции вотчинного богомолья Борисоглебского монастыря (если тот, конечно, не возник еще раньше), а главное – определять в качестве основной причины предположенного нами выше скорого упадка обители утрату ею влиятельных покровителей в связи с пресечением шедшей от князя линии рода всего спустя полвека после его собственной кончины.

Литература

- Антонов А.В., Маишафаров А. В.*, 2001. Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 7. М. С. 415–476.
- Горский А.А.*, 2004. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV в. // Средневековая Русь. [Вып.] 4. М. С. 140–170.
- Грибов Н.Н., Лапшин В.А.*, 2008. Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. Вып. 15. М. С. 141–156.
- Каюмов Р.[А.]*. Указатель. Синодик нижегородского кафедрального Спасо-Преображенского собора [Электронный ресурс] // Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека имени В.И. Ленина: официальный сайт. URL: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/manuscripts/f1op2ed26.rtf> (дата обращения: 05.05.2015.)

- Кривцов Д.Ю.*, 2008. Евфимий, прп., Суздальский // Православная энциклопедия. Т. XVII. М. С. 384–387.
- Кунцевич Г.З.*, 1905. История о Казанском царстве, или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.
- Кучкин В.А.*, 2011. Волго-Окское междуречье и Н. Новгород в средние века. Н. Новгород.
- Маштафаров А.В.*, 2003. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. М. С. 273–338.
- Мельников П.[И.]*, 1848. Акты Нижегородских монастырей Печерского и Благовещенского // Нижегородские губернские ведомости. 21 января. Часть неофициальная.
- Храмцовский Н.[И.]*, 1857. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород.

Публикации источников

- АГР – Акты, относящиеся до государственной расправы древней России. Т. I. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860.
- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841.
- Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898.
- АСЕМ – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. М., 1998.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. Т. II. М., 1958.
- Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 3. Ч. 1 // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сб. Т. XIV. Н. Новгород, 1913. Отд. III. (Разд. паг.)
- НГОУНБ ОРКР – Отдел редких книг и рукописей Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки имени В. И. Ленина.
- ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области.

Summary

M.I. Davydov

ABOUT INITIAL HISTORY OF KIDEKOTSKY BORISOGLEBSKY CLOISTER

The history of the cloister which is, presumably, founded in Kideksha at the end of the 14th century by the Suzdal grand duke Boris Konstantinovich is considered in the article. Special attention is paid to temporary resettlement to Kideksha of monastery of the Nizhny Novgorod Voznesensko-Pechersky cloister in the first half of the 16th century and to submission of local monastic brotherhood to the authorities of the spiritual corporation ruined in 1505 by the Kazan Tatars in Nizhny Novgorod.

Н.А. Кокорина

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭМАЛЕВЫХ ДРОБНИЦ ИЗ ВЛАДИМИРСКОГО КЛАДА 1993 г.

Из всех пяти Владимирских кладов домонгольского времени¹ клад 1993 г.² выделяется как по составу, так и по неоднозначности отдельных его составляющих. Если другие четыре клада полностью состоят из украшений, то этот не случайно называют кладом предметов христианского культа.

Эта уникальная не только для Владимира, но и для всей территории Древней Руси находка неоднократно публиковалась ее автором – Ю.Э. Жарновым (*Жарнов, 1997; 2009; Жарнов, Жарнова, 1999*). Однако относительно функционального предназначения некоторых предметов сам автор высказывается лишь предположительно.

В первую очередь это касается так называемого складня из семи эмалевых иконок (рис. 1; 2). Иконки, по сути, представляют собой тисненые серебряные дробницы, изображения на которых выполнены в технике перегородчатой эмали. В бортиках дробниц имеются отверстия, свидетельствующие о том, что изначально они являлись нашивными. Однако в кладе пластинки были обнаружены наклеенными на тонкие деревянные дощечки, которые, вероятно, были сшиты между собой нитями: следы их угадываются на обороте дощечек (рис. 3). На свободном поле вокруг иконок были также наклеены 33 серебряные позолоченные тисненые бляшки, образовавшие орнаментальную рамку.

Согласно зафиксированному Ю.Э. Жарновым расположению иконок (*Жарнов, Жарнова, 1999. С. 459*), центральной являлась дробница с изображением Христа. Далее, по обеим сторонам от него помещены изображения святых князей Бориса и Глеба. Следом идет пара: апостол Петр и святитель Николай Чудотворец. Замыкают ряд с обеих сторон фигуры мучеников, определенных Ю.Э. Жарновым как Георгий Победоносец и Димитрий Солунский.

¹ Три клада были найдены случайно при земляных работах в XIX в., четвертый – в 1993 г. при проведении археологических раскопок на территории 22 квартала исторического ядра г. Владимира, пятый – в 2008 г. в процессе охранных археологических работ в г. Владимире, по адресу ул. Герцена, 27.

² Обнаружен на территории богатой древнерусской усадьбы, в подполье жилой постройки, погибшей в пожаре монголо-татарского нашествия на Владимир в 1238 г.

Рис. 1. Дробницы с перегородчатой эмалью из Владимирского клада 1993 г. Конец XII – первая треть XIII в. Лицевая сторона.

Рис. 2. Дробницы с перегородчатой эмалью из Владимирского клада 1993 г. Конец XII – первая треть XIII в. Обратная сторона.

Нужно отметить, что изображения не надписаны, поэтому иконографические определения святых носят отчасти предположительный характер.

С полной уверенностью можно говорить относительно фигуры Христа, которая имеет все необходимые отличительные особенности. С большой долей вероятности узнаются апостол Петр и святитель Николай.

Рис. 3. Дошечка от одной из дробниц из Владимирского клада 1993 г. Конец XII – первая треть XIII в.

Вполне определенно можно говорить и о том, что на двух ближайших к Христу иконках изображены князья Борис и Глеб. Княжеские шапки на головах и мученические кресты в руках не оставляют сомнений, что перед нами первые русские святые князья-страстотерпцы. Их изображения весьма характерны для прикладного искусства домонгольского времени, где братья изображались внешне практически неотличимыми (Православная энциклопедия. Т. VI). Особенностью иконографии рассматриваемых дробниц являются одежды князей. В древнерусском искусстве их зачастую изображали в богато украшенных туниках и длинных плащах, заколотых на плече фибулой. На иконках из владимирского клада под плащом каждого из князей видна длинная одежда с широкими рукавами, сшитая из жесткой недрапирующейся ткани и отделанная широким поясом и орнаментированной каймой по подолу. Она напоминает дивитисий или далматику – парадное парчовое одеяние, которое носили императоры и высшие сановники Византийской империи (Плаксина, Михайловская, Попов, 2010; Православная энциклопедия. Т. XIII; Т. XIV). Именно в таких одеждах изображен император Никифор III Вотаниата миниатюре из «Слова Иоанна Златоуста»³. Только на императорском плаще нашит еще тавлион, который у Бориса и Глеба отсутствует. И, тем не менее, можно констатировать, что русские святые князья здесь изображены в византийских придворных одеждах. На правом рукаве повыше локтя отчетливо видна поперечная полоса отделки – характерная деталь императорского дивитисия, которая почти непременно присутствует и на иконописных изображениях Бориса и Глеба даже тогда, когда они одеты в туники.

Особо стоит отметить также положение дробниц с князьями в рассматриваемом комплексе. Они помещены непосредственно рядом с Христом, прежде апостола и святителя, вопреки существующей иерархии чинов святости. Если это не было обусловлено чисто художественной задачей избежать

³ Слово Иоанна Златоуста. Византия, Константинополь, 1081 г. Национальная Библиотека Франции.

монотонности⁴, то вполне можно говорить об особом значении этих святых для владельца того предмета, который украшали дробницы, по крайней мере, при их вторичном использовании.

Наибольшие трудности возникают с прочтением иконографии последней пары дробниц. Ю.Э. Жарнов называет изображенного слева – Георгием Победоносцем, а изображенного справа – Димитрием Солунским (*Жарнов, Жарнова, 1999. С. 459; Жарнов, 2009. С. 437*). Однако определения эти представляются весьма спорными.

Святой, помещенный на левой иконке, гораздо более походит на Димитрия Солунского. В иконографии двух этих воинов-мучеников (Георгия и Димитрия) вообще присутствует много общего, в том числе и в характере ликов и прически. Оба они предстают перед нами молодыми, чаще всего безбородыми, юношами с довольно темными недлинными волосами. И все же именно в прическе зачастую содержится определяющее различие. Святой Георгий чаще всего изображается с густыми кудрявыми волосами, почти закрывающими уши. Его голова вместе с прической, как правило, практически идеально вписывается в круг. Изображения Димитрия Солунского в том, что касается прически, отличаются куда большей вариативностью. Но во всех случаях, за редким исключением, волосы образуют как бы шапочку в верхней части головы святого. Исходя из этих особенностей, образ на левой дробнице более соответствует иконографии именно этого святого. Кроме того, у изображенного очень контрастные черты лица, также свойственные скорее Димитрию Солунскому нежели Георгию Победоносцу.

Святой, помещенный на крайней правой дробнице, не похож ни на Георгия, ни на Димитрия. Он имеет довольно длинные прямые волосы, гладко расчесанные на прямой пробор и свободно спускающиеся почти до подбородка. Такая прическа в целом отвечает иконографии сразу нескольких святых мучеников: Нестора Солунского, Луппа Солунского и Прокопия Кесарийского. Из всех троих внешне изображению на дробнице больше всего соответствует мученик Лупп. Он был учеником и последователем Димитрия Солунского и присутствовал при его мученической кончине. На фресковых изображениях святого⁵ его прическа почти в точности повторяет ту, что можно увидеть на рассматриваемой дробнице. И если считать изображенного на левой иконке святым Димитрием, то помещение ему в пару Луппа вполне закономерно. Однако нужно отметить, что чаще пару Солунскому великомученику составляет Нестор. Мученик Нестор также был учеником святого Димитрия и известен своей победой на гладиаторских боях над германцем Лиём. Изображения святого Нестора можно видеть на миниатюре Минология Василия II (Константинополь, 985 г.), фреске в церкви святителя Николая в Кастории (Македония, 1160–1180-е гг.), реликварии-энколпионе великомученика Димитрия из монастыря Ватопед на Афоне (Греция, 2-я пол. XII в.), фреске в церкви Пресвятой Богородицы в Охриде (Македония, XIV в.), фресках в соборе Христа Пантократора в Дечанах (Сербия, ок. 1350 г.), фреске

⁴ У князей и крайней пары мучеников почти одинаковые одежды, и помещение их рядом могло создать ощущение некоторого однообразия.

⁵ Особенно ярким примером может служить фреска Афонского монастыря Дионисиат (Греция, XVI в.). Она, конечно, довольно поздняя, но и на более ранних произведениях прослеживается все та же относительно устойчивая иконография.

Успенской церкви монастыря Протат на Афоне (Греция, XIV в.), фресках в монастыре Дионисиат на Афоне (Греция, 1547 г.). На приведенных примерах видно, что прическа мученика отличается заметным разнообразием, но случаи, когда она весьма походит на изображение на дробнице, нередки. Среди образов мученика Прокопия Кесарийского также можно встретить схожее решение волос. Например, в монастыре Хора, в Константинополе (Византия, XIV в.). И все же, помещение этого святого на иконке из рассматриваемого комплекса кажется наименее вероятным, особенно если считать изображения мучеников парными.

Таким образом, одной из наиболее вероятных версий прочтения иконографии крайних дробниц является следующая. На левой дробнице – Димитрий Солунский; на крайней правой – Нестор или Лупп.

Стоит также отметить характер одежды мучеников. Их одеяния здесь почти в точности совпадают с одеяниями Бориса и Глеба. Разница состоит лишь в отсутствии отделки на рукаве у плеча. Отличие это, по-видимому, подчеркивало более высокое происхождение русских князей. Однако святые на крайних иконках все же предстают здесь перед нами в византийских придворных одеждах, что для мучеников-воинов не особенно характерно. Изображения в придворном костюме редки и восходят к ранневизантийской традиции (Православная энциклопедия. Т. XV). В XI–XII вв. образы Димитрия и Нестора в таком одеянии можно встретить на реликвариях, связанных с почитанием Димитрия Солунского как целителя-мироточца. Примеры таких произведений имеются в сокровищнице собора в Хальберштадте (Германия), в Великой Лавре св. Афанасия и в монастыре Ватопед на Афоне (Греция). В одеждах, в точности воспроизводящих одежды мучеников на дробницах, изображен святой Димитрий на рельефной иконе XII в., помещенной на фасаде кафоликона Афонского монастыря Ксиропотам (Греция). Полностью совпадает здесь и поза святого, который развернут строго фронтально, держит в правой руке мученический крест, а левая рука его скрыта плащом. Согласно поздней надписи на обрамлении, икона эта происходит из храма Святой Софии в Константинополе. Открытым остается вопрос, почему для изображений на дробницах была избрана именно эта редкая иконография воинов-мучеников. Возможно, это объясняется образцом, с которого работал мастер. Не исключено также сознательное облачение святых воинов и русских князей в одежды одного типа, подчеркивавшее тем самым их духовную общность. Кроме того, подбор святых на дробницах мог носить патронимический характер, и тогда образы христианских мучеников первых веков могли отчасти олицетворять собой тех, кто носил в крещении их имена.

По поводу функционального назначения дробниц возникает сразу два вопроса: куда они были нашиты изначально и как использовались потом, уже приклеенными на дощечки.

Что касается первичного применения иконок и бляшек, прежде всего, закономерно возникает ассоциация с саккосом митрополита Алексия Московского середины XIV в. (*Макарова*, 1975. С. 83; *Осипов*, 1993) Именно эту аналогию приводит в своих публикациях и Ю.Э. Жарнов (*Жарнов, Жарнова*, 1999. С. 459; *Жарнов*, 2009. С. 437). Действительно, оплечье саккоса украшает деисусная композиция из круглых эмалевых дробниц, обрамляют которые тисненные бляшки,

аналогичные по форме бляшкам рассматриваемого складня. Однако на саккосе помещен именно Деисус, что вполне соответствует богослужебному контексту и символике священных облачений. Иконки из рассматриваемого клада Деисуса не образуют. Нет среди образов главной для любого Деисуса пары: Богородица и Иоанн Креститель. Но этот как раз вполне может объясняться тем, что при вторичном использовании был задействован не весь изначально существовавший комплекс дробниц. Гораздо существеннее в данном случае сама постановка фигур. Святые на иконках изображены строго фронтально и жесткой композиционной связи между собой не имеют, хотя центральное положение Христа и определенные устойчивые пары среди них, несомненно, прочитываются. Разумеется, возможность их применения на одеждах исключать нельзя. Однако особенности композиционного и художественного решения дробниц позволяют предположить и еще один вариант их использования.

Такая постановка фигур святых очень характерна для оформления реликвариев, особенно имеющих форму ларца или храма. В качестве наиболее известных примеров можно привести Большой и Малый московские Сионы (*Гринкруг, Нацкий, 1991*). Строго фронтально изображены святые на резных костяных Кёльнских реликвариях: октогональном ларце середины XIII в. с апостолами из Художественного музея Уолтерса в Балтиморе (США) и прямоугольном ларце-реликварии 1200 г. из Музея Клюни в Париже (Франция). Подобную компоновку фигур можно нередко видеть и на эмалевых ларцах из Лиможа, таких как реликварий первой половины XIII в. из музея Виктории и Альберта в Лондоне (Великобритания). Нужно также отметить, что, хотя техника перегородчатой эмали, в которой исполнены дробницы рассматриваемого комплекса, происходит из Византии, в образах присутствуют также особенности, которые роднят их с западноевропейским искусством. Прежде всего, это касается компоновки самих фигур, вызывающей устойчивые ассоциации с романской фасадной пластикой и произведениями декоративно-прикладного искусства. Позы святых, как на приведенных примерах, так и на дробницах отличаются статичностью и заметно унифицированы, даже несмотря на особенности иконографии изображенных. На дробницах это еще и технически обусловлено тем, что все углубленные лотки, заполненные перегородчатой эмалью, изготовлены явно по одному шаблону. Каждая фигура вписана в очень компактный почти симметричный силуэт, напоминающий декоративную колонку. Впечатление усиливается за счет формы и пропорций подножия, абрис которого вполне подходит в данном случае на базу этой колонки. Таким образом, художественному облику изображенных сообщается в какой-то степени архитектурное звучание, вполне уместное в композиции реликвария. Сходные по очертаниям, лишь несколько более компактные подножия можно видеть на обоих московских Сионах и резных немецких реликвариях, названных выше.

Какой могла быть конструкция реликвария, в отделке которого использовались бы нашивные эмалевые дробницы, – вопрос сложный. И отвечать на него можно лишь предположительно. Он мог иметь, к примеру, деревянную основу, обтянутую тканью, к которой были пришиты дробницы и бляшки. Возможным также представляется использование нашивных элементов декора на реликварии,

изготовленном полностью из ткани. Подобный образец можно увидеть, например, в сокровищнице собора в Регенсбурге. Он датируется рубежом XIII–XIV вв. и на лицевой стороне у него нашиты миниатюры, выполненные на пергаменте.

Не менее трудным является вопрос, чем же являлись дробницы, наклеенные на сшитые между собой дощечки и обрамленные тисненными бляшками по периметру. Ю.Э. Жарнов называет это складнем или портативным иконостасом. Однако такое наименование представляется весьма условным. Толщина серебряной пластины, из которой изготовлены дробницы, менее 1 мм. Чуть более миллиметра толщина дощечек, на которые они были приклеены. Сшиты между собой дощечки были очень тонкими нитями. Таким образом, в целом конструкция получается довольно хрупкой. Риск смять дробницы при складывании слишком велик. Кроме того, при внимательном рассмотрении клеевого следа видно, что некоторые бляшки были приклеены с заходом на стыки дощечек, что вообще должно исключать возможность сгибания. Можно предположить, что сшитые между собой дощечки с иконками являлись составной частью какого-то изделия: ставротеки, реликвария или чего-то еще. Однако сказать что-либо более определенное пока сложно.

В заключение нужно заметить, что наблюдения, озвученные в данной работе, никак не претендуют на статус окончательных выводов. Они лишь вновь подчеркивают то, что изучение этих материалов может быть продолжено. Уточнение иконографии и отдельных особенностей в изображении святых позволяет ярче представить своеобразие данного художественного произведения. А размышления над возможными вариантами использования рассматриваемых предметов расширяют круг поиска стилистических и художественных аналогий. Тем не менее, нельзя не признать, что для таких изделий, как нашивные эмалевые дробницы, найти единственно верные ответы на многие вопросы, скорее всего, невозможно. Слишком вариативно их использование в принципе: одни и те же экземпляры могли нашиваться на совершенно разные предметы, перешиваться со временем неоднократно и даже приклеиваться, как показывает рассматриваемый комплекс. И в каждом новом варианте использования они могли смотреться вполне уместно и органично. Ясно одно: внимательное изучение этих предметов, которые, по справедливому замечанию Ю.Э. Жарнова, можно отнести к лучшим эмалевым произведениям на территории Древней Руси (*Жарнов, Жарнова, 1999. С. 459–460; Жарнов, 2009. С. 437*), вполне может добавить новые штрихи к картине русского прикладного искусства домонгольского времени.

Литература

- Гринкруг М.С., Нацкий М.В.*, 1991. Исследование и реставрация Большого московского Сиона // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 14. М.
- Жарнов Ю.Э.*, 1997. Усадьба первой трети XIII в. «Ветчаного города» Владимира-на-Клязьме // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М.
- Жарнов Ю.Э.*, 2009. Возвращение культурных ценностей древнего города // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.
- Жарнов Ю.Э., Жарнова В. И.*, 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок

во Владимире-на-Клязьме // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь: К 100-летию А.Н. Грабара. СПб.

Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.

Осинов Ю.А., 1993. Эмалевые дробницы саккоса митрополита Алексея // Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. Вып. IX. Декоративно-прикладное искусство. М.

Плаксина Э.Б., Михайловская Л.А., Попов В.П., 2010. История костюма. М.

Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/> (дата обращения: 20.11.2016).

Summary

N.A. Kokorina

TO THE QUESTION OF ICONOGRAPHY AND THE USE OF ENAMEL PLAQUETTES FROM THE VLADIMIR TREASURE OF 1993

This article is devoted to the enamel icons which were found during the excavations in the old part of Vladimir made by Yuriy Zharnov in 1993. These artifacts are the part of the treasure of religious objects buried during the Mongol invasion in 1238.

There are seven icons with the images of Christ, St Peter, St Nicholas, St George (?), St Demetrius (?) and the first Russian Saints – Princes Boris and Gleb. It seems that the icons were originally made as the sewn plaques. But in the treasure they were found glued to the small wooden tablets which were stitched together.

The main questions are what object were these icons to decorate at first and how were they used later. One version is that they were the part of the reliquary made of fabric or covered with it. Another idea is that the enamel plaques were sewn to the apparel of the priest, prince or some other rich and noble person. Unfortunately, there aren't enough analogues to be sure, at present.

Д.В. Шполянская

КРЕСТЫ ИЗ РАСКОПОК У ЦЕРКВИ БОРИСА И ГЛЕБА В с. КИДЕКША ПОД СУЗДАЛЕМ

В 2011 г. были проведены научно-исследовательские археологические работы, выполненные отрядом Суздальской экспедиции Института археологии РАН под руководством Вл.В. Седова на территории архитектурного ансамбля церкви Бориса и Глеба (1156 г.) в селе Кидекша Суздальского района Владимирской области (Седов, 2012). В ходе исследований были изучены культурные напластования XII–XIX вв. и была получена коллекция изделий из металлов и керамики, часть которой, предметы личного благочестия, мы рассмотрим в этой статье.

Всего в коллекции тридцать шесть предметов личного благочестия, из которых: два наперсных креста, одно оглавье, две так называемые каплевидные подвески и тридцать один крест-тельник, из которых семь крестов дошли до нас во фрагментарном состоянии (диаграмма 1).

Во время раскопок кресты встречались как в слое (12 экз.), так и в погребениях (22 экз.) (на диаграмме 2 показано соотношение крестов, найденных в погребениях и в слое, разнесенных по типам). В погребениях кресты расположены стандартно – в районе груди или предплечья.

Наиболее ранними предметами этой коллекции является двенадцатигранное оглавье энколпиона в виде усеченного куба с муфтами (рис. 1: 3), которое имеет очень широкую датировку, начиная с XIII в. (Асташова, Петрова, Сарачева, 2013. С. 190 № 98), заканчивая XVI в. (Горбачева, Харламова, 2011. С. 119), а также два наперсных креста (рис. 1: 1, 2).

Кресты эти – двусторонние с неподвижным оглавьем. На концах горизонтальных ветвей креста расположены круглые клейма, на вертикальных – каплевидные. Углы средокрестья сглажены, в центре лицевой стороны помещена фигура Христа на Голгофе, в центре оборотной – пророка Илии с воздетыми руками. В медальонах находятся изображения предстоящих святых. Кресты немного отличаются друг от друга размерами, набором изображений святых в клеймах и состоянием сохранности. Крест № 2 сильно изогнут, изображения и надписи сильно потерты. На оборотной стороне, вероятно, было смещение формы, т.к. рамки заходят на внутреннюю поверхность креста и изображения смазаны.

Рис. 1. Наперсные кресты и оглавие.

Создается ощущение, что иконографически лицевая сторона принадлежит одному кресту, а оборотная сторона – другому (близкая аналогия: *Алексеев*, 2005. С. 235 № 35).

Подобные кресты датируются различными исследователями XV–XVI вв.

Концом XV–XVI веков датируется и семиконечный односторонний крест-тельник с оглавием (рис. 2: 1–7). В средокрестии расположен семиконечный Голгофский крест с цатой, по бокам которого – стилизованные орудия Страстей, упирающиеся в стилизованную Голгофу, переданную так называемой плетенкой. В лопастях в прямоугольных клеймах находятся монограммы под титлами: вверху ЦРС (Царь Славы), слева IC (Иисус), справа ХС (Христос), внизу, как правило, МЛРБ (Место Лобное Рай Бысть). Нижняя лопасть расширяется книзу и заканчивается килевидно, верхняя лопасть также расширена. В нижней и верхней лопастях креста, по бокам от клейм с монограммами, расположены точки. Оглавие представляет собой вытянутый усеченный куб или петельку. Подобные кресты представлены в коллекции шестью экземплярами. Еще два креста (рис. 2: 8, 9) также имеют килевидное завершение нижней лопасти, но отличаются от вышеописанных отсутствием цаты на Голгофском кресте и Горы Голгофы в виде «плетенки», наличием орнамента на оборотной стороне, а также дополнительным элементом в виде «петелек» (рис. 2: 9) – подобные кресты есть в коллекции Этнографического музея (*Островский, Федоров*, 2007. С. 27, 70–71), они датируются исследователями концом XVII – XVIII в.

Этим же временем (XVII–XVIII вв., а иногда датировки уходят и в XIX в.), датируются четырехконечные двусторонние кресты-тельники с удлиненной нижней лопастью и оглавием в виде петли. Концы лопастей имеют форму листа клевера (рис. 3: 1–4). Углы средокрестья слегка закруглены, в центре расположен восьмиконечный Голгофский крест, стоящий на полукруглой Голгофе с головой Адама. По сторонам от креста находятся орудия Страстей и их обозначения К (Копие) и Т (Трость) под раменами Голгофского креста. В центре каждой лопасти – монограммы под титлами: вверху Царь Славы, слева IC (Иисус), справа ХС (Христос), внизу МЛ//РБ (Место Лобное Рай Бысть). Фон креста опущен, поэтому Голгофский крест, орудия Страстей, буквы и край (окоем) слегка приподняты над плоскостью креста-тельника. Обратная сторона содержит надпись, организованную в несколько (12?) строк. Подобный тип креста представлен в коллекции в трех экземплярах и одном фрагменте верхней лопасти.

Еще один крест (рис. 3: 5), немного отличается по форме и пропорциям, верхняя лопасть содержит надпись ИНЦИ, нижняя НИКА, оборотная сторона гладкая. Такой вариант креста был распространен до XIX в. включительно.

Несколько выделяются из общей массы крестов-тельников две каплевидные подвески (рис. 3: 6, 7). Подвеска каплевидная или иконка-привеска – двусторонняя, сужающаяся книзу. На одной стороне находится рельефное изображение, возможно, архангела (Михаила?) в рост. Архангел в длинном одеянии, подпоясан, крылья имеют перистую разделку и распростерты, голова окружена нимбом. В правой руке, согнутой в локте, архангел наклонно держит перед собой мерило, равное по высоте его фигуре и обращенное округлым навершием влево (от зрителя). В левой руке, возможно, находится зеркало. Другая сторона содержит

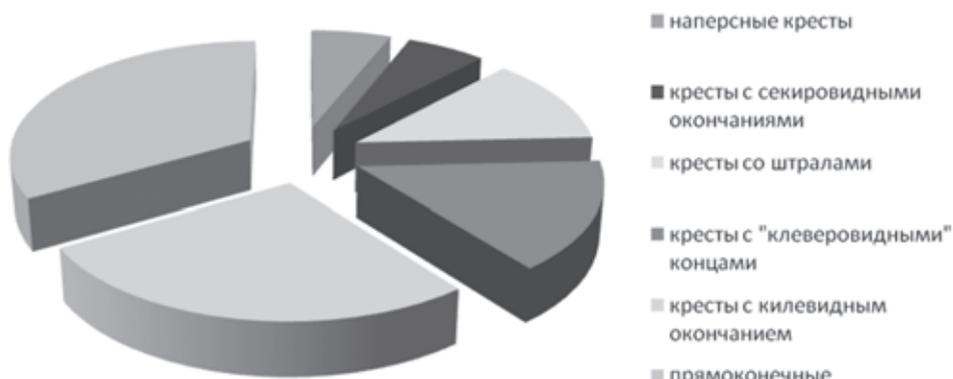

Диаграмма 1. Кресты. Распределение по типам.

рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста, стоящего на «ступенчатой» Голгофе. От основания креста под углом 45° отходят копие и трость, внизу Горы Голгофы схематично изображена Глава Адама. По обеим сторонам Голгофского креста над горизонтальной перекладиной и обронными буквами под титлами IC (Иисус), XC (Христос), и M//Л и P//Б (Место Лобное Рай Бысть) между орудиями Страстей и рамкой подвески. На обеих сторонах изображения окружены рамкой по периметру изделия. Вторая подвеска плохо сохранилась, что не позволяет нам точно рассмотреть изображения и возможные надписи. Аналогия,

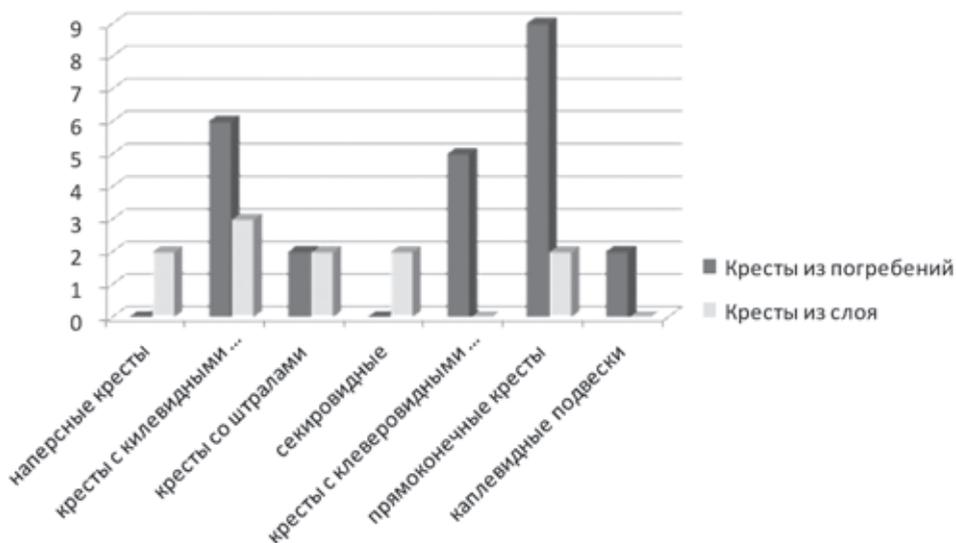

Диаграмма 2. Количественное соотношение крестов из погребений и из слоя.

которую пока удалось найти, содержится в книге Валерия Квятковского, который увлекается несанкционированным поиском с металлодетектором и не стесняется в этом признаваться в письменном виде (*Квятковский, 2009. С. 67. Рис. 26*). Он датирует эти подвески по ряду признаков XVIII в., но это не точные датировки.

Следующий тип креста имеет широкий круг аналогий и рассматривается, как в работах дореволюционных исследователей (*Ханенко, 1900. С. 351 Табл. 32*), так и наших современников и датируется ими XVII в. (*Винокурова, 2000. С. 347 – тип 10 подтип 1; Молодин, 2007. С. 79 – тип 10; Горбачева, Харламова, 2011. С. 238. № 32*). Крест-тельник (рис. 4: 1) четырехконечный, двусторонний, концы креста оформлены в виде трилистников, верхняя лопасть секировидная, с оглавием. В центре креста расположен восьмиконечный Голгофский крест с цатой, по бокам которого орудия Страстей, а внизу Голова Адама на фигурно оформленной Голгофе. По всем четырем сторонам Голгофского креста в каждой лопасти расположен ромб с монограммами: наверху Ц (Царь Славы), слева IC (Иисус), справа ХС (Христос), внизу, возможно, М (?) (Место Лобное Рай Бысть). На оборотной стороне в пяти круглых клеймах расположены слова молитвы (не читаются), написанные вязью (?).

Второй экземпляр этого типа креста (рис. 4: 2) слегка отличается формой окончания лопастей и изображением орудий Страстей, нижний конец которых упирается в косую перекладину на нем, а сами орудия фигурно изогнуты, повторяя изгиб лопастей самого креста-тельника. В середине каждой лопасти находится не ромб, а круглый медальон с монограммами под титлами.

Следующий тип креста (рис. 4: 3) – это четырехконечный, двусторонний крест-тельник, с оглавием в виде петли. Оглавье не отделено от креста, нижняя лопасть удлинена, углы средокрестья прямые, из которых исходят лучи, заканчивающиеся волотами и шариками (каждая волота касается двух соседних лопастей). В центре

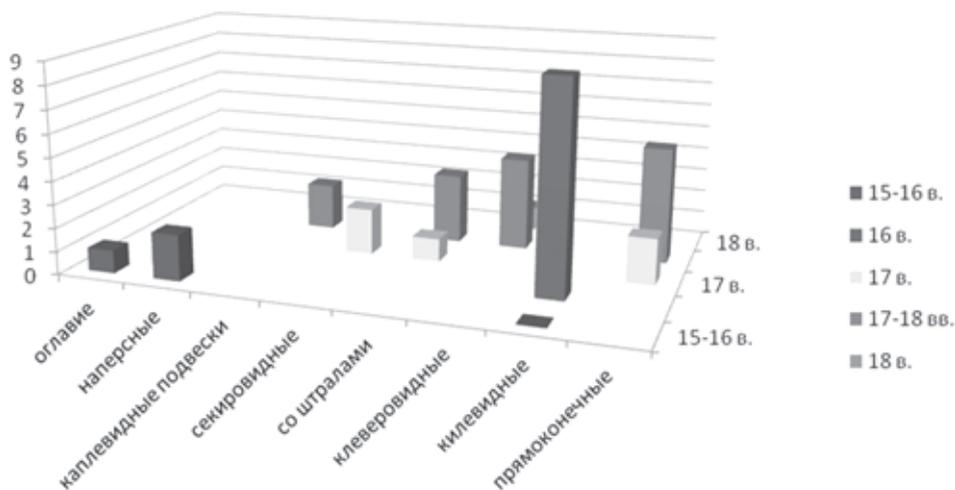

Диаграмма 3. Распределение типов крестов по хронологии.

Кресты из раскопок кладбища у церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша

креста расположен восьмиконечный Голгофский крест, опирающийся на гору Голгофу, переданную диагональной линией, параллельной нижней поперечине Голгофского креста. По концам лопастей в ромбах, заключенных в квадраты, находятся монограммы под титлами: вверху ЦР в лигатуре (Царь Славы), слева ИС (Иисус), справа ХС (Христос), внизу НКА(?) (НИКА). Вдоль всего Голгофского креста (вокруг, по периметру) расположены нечеткие трудночитаемые буквы (слова молитвы?). Обратная сторона несет на себе слова молитвы (?),

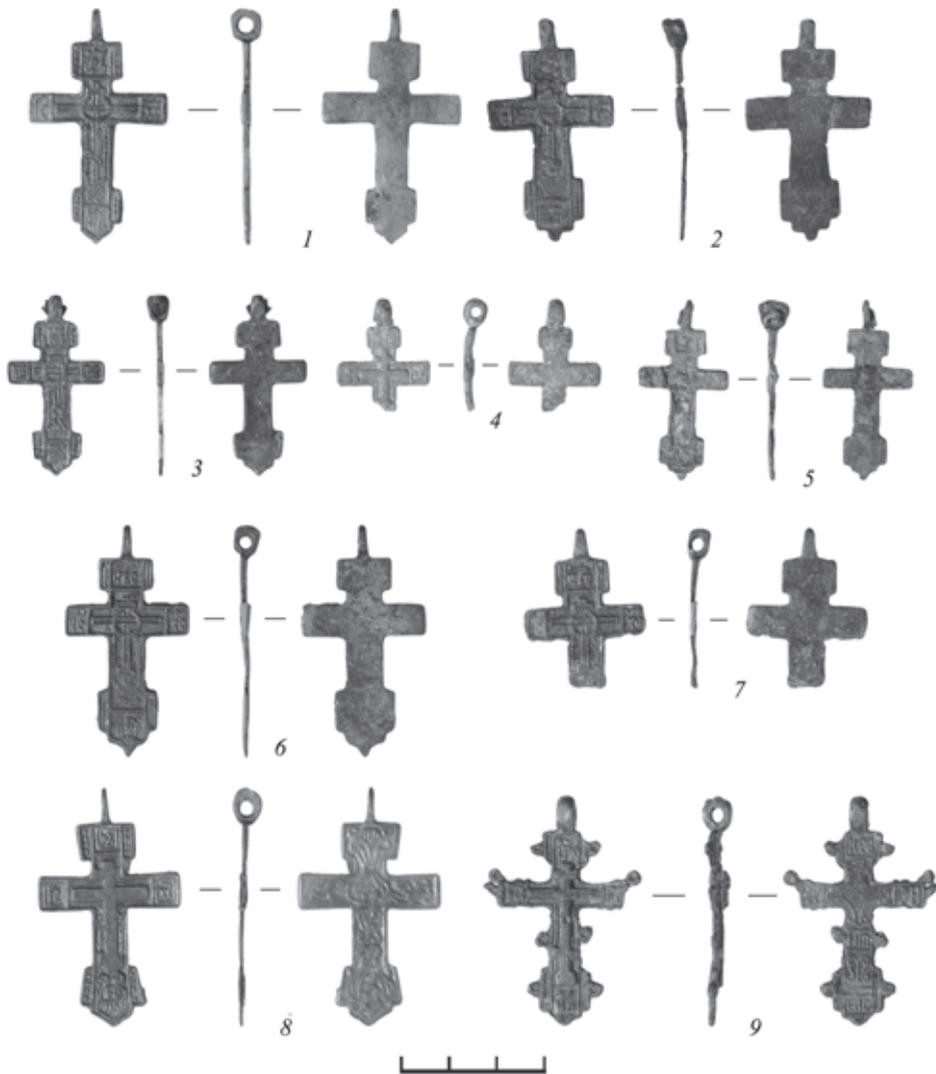

Рис. 2. Кресты-тельники с килевидным завершением нижней лопасти.

заклученные в шесть прямоугольных клейм. Центральное клеймо в средокрестье помещено в ромб, на нижней лопасти два прямоугольных клейма отделены друг от друга двумя треугольниками с растительным орнаментом. В этой коллекции крест этого типа представлен в одном экземпляре. Подобные кресты есть в материалах из раскопок Москвы (*Векслер, Беркович, 2000. С. 200. Рис.15: 1*) и, Московской области (*Богомолов, Гоняный, Дедук, Шебанин, Шеков, 2011. С. 348. Рис. 15: 3*) встречаются в Сибири (*Молодин, 2007. С. 56 – тип 4 подтип 3 вар. 1 подвар. 5*), и относятся авторами раскопок к XVII–XVIII вв.

Другой вариант креста со штралами представлен здесь двумя экземплярами (рис. 4: 5, 6). Крест-тельник четырехконечный, двусторонний, с оглавием в виде петли в форме усеченного куба. Нижняя лопасть удлинена, углы средокрестья прямые, в центре средокрестья расположен восьмиконечный Голгофский крест с

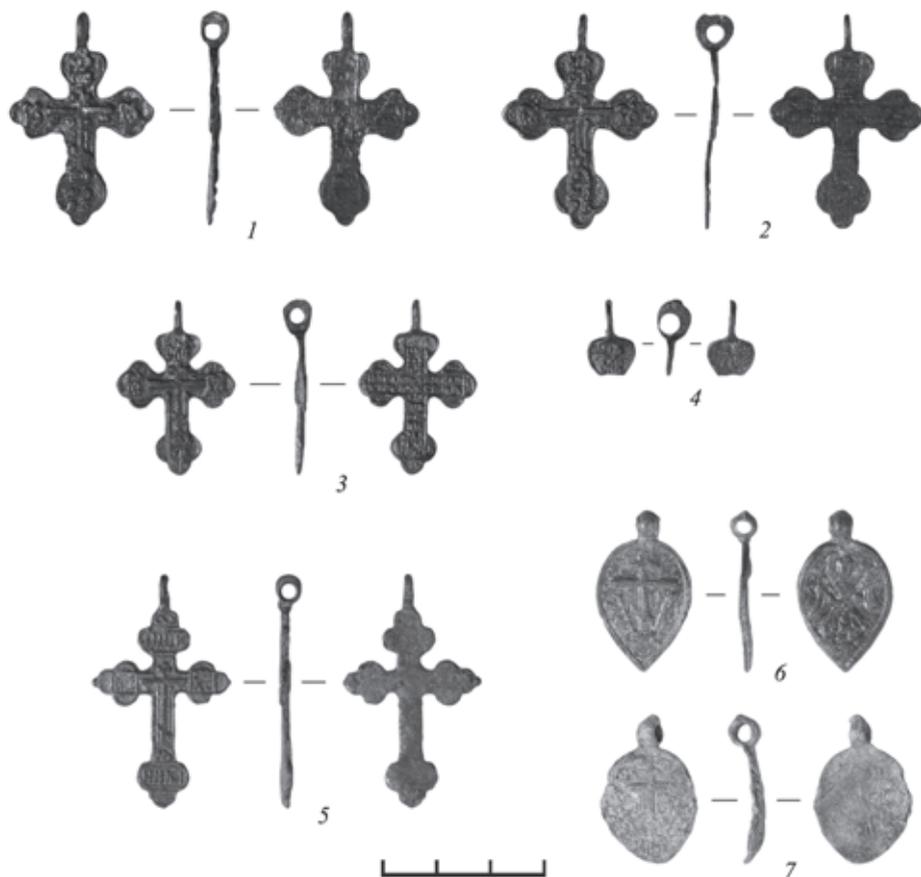

Рис. 3. Кресты-тельники с завершением лопастей в виде листа клевера и капле-видные иконки-подвески.

Кресты из раскопок кладбища у церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша

цапой (сиянием) в виде точек-«жемчужинок». Крест стоит на полукруглой Голгофе, по концам лопастей в прямоугольных клеймах – монограммы под титлами: наверху ЦРЬС в лигатуре (Царь Славы), слева ИС//НИ (Иисус, НИ(КА)), справа ХС//КА (Христос, (НИ)КА), внизу неясная надпись. Фон креста слегка опущен, и поэтому очертания Голгофского креста, монограммы и рамочка по периметру креста слегка поднимаются над плоскостью самого креста-тельника. На оглавье изображен крест. Лопасты креста соединены между собой, так что получается круг с четырьмя лучами (штралами), исходящими из круга напротив углов средокрестья. Обратная сторона несет на себе надпись (возможно, слова молитвы), организованную в 11 строк. Подобные кресты встречаются в раскопках в г. Курске и датируются авторами раскопок также XVII – началом XVIII в. (Зорин, Зубков, 2013. С. 206. рис. 8, 2).

Крест (рис. 4: 4) содержит намек на лучи (штралы) и относится Э.П. Винокуровой к типу 1 подтипу 2 (Винокурова, 2000. С. 336).

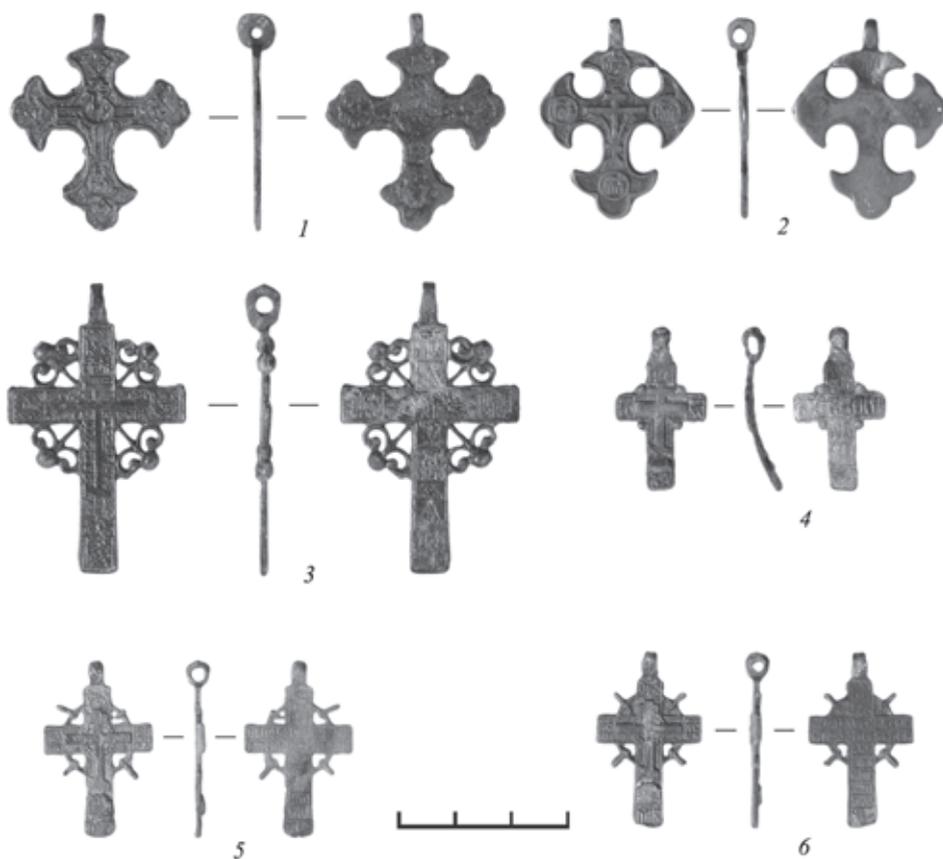

Рис. 4. Кресты-тельники с секировидными завершениями лопастей и кресты-тельники со штралами.

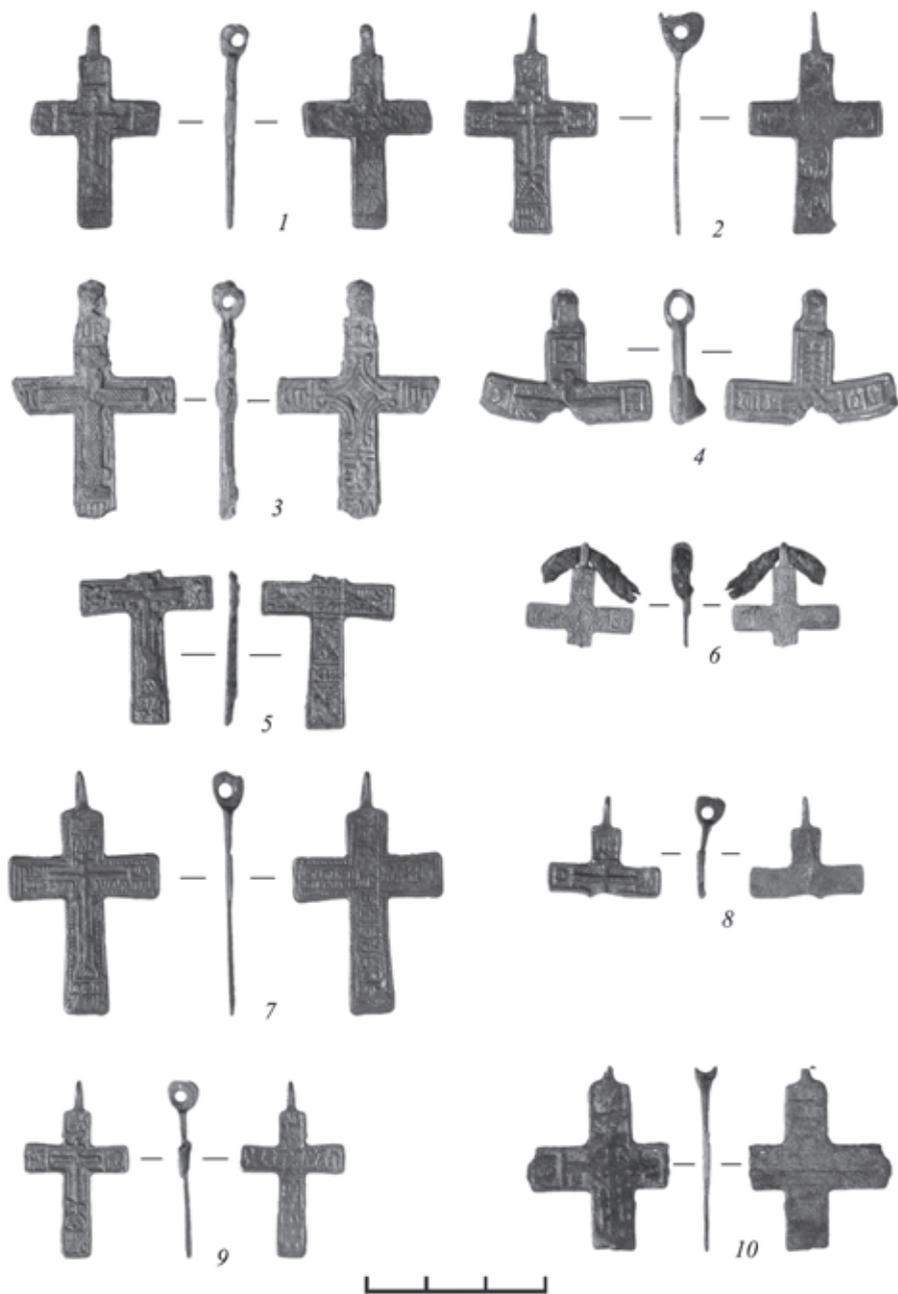

Рис. 5. Прямоконечные кресты-тельники.

Прямоконечные кресты-тельники представлены в коллекции наиболее полно (11 экземпляров) и большим количеством вариантов. Здесь есть часто встречаемые типы крестов-тельников, такие, как (рис. 5: 7): четырехконечный, двусторонний крест-тельник, с удлинённой нижней лопастью, прямыми углами средокрестья и оглавием в виде петли, не отделённым от креста. В центре расположен восьмиконечный Голгофский крест, стоящий на полукруглой Голгофе (внизу буквы ГА), слева и справа от Голгофского креста – орудия Страстей. На концах лопастей и под раменами Голгофского креста – неясные надписи. По периметру креста – орнамент: в виде «жгута» и на лицевой, и на оборотной стороне, на которой помещена неясная надпись, организованная в 12 строк, каждая строка которой отделена линией (кроме строк 4 и 5). Кресты этого типа широко распространены и встречаются, как в материалах, происходящих из раскопок (*Молодин, 2007. С. 45* – тип 1 подтип 2 вар. 3 подвар. 3), так и во многих музейных собраниях (*Винокурова, 2000. С. 333*), куда они могли попасть и из других источников.

Есть типы более редкие, такие, как крест-тельник четырехконечный (?), двусторонний, с удлинённой нижней лопастью, прямыми углами средокрестья и оглавием в виде петли (рис. 5: 10). В центре креста расположен восьмиконечный (?) Голгофский крест, центр которого обведен кругом – венком с «шариками» напротив углов креста. Слева и справа от Голгофского креста – орудия Страстей, под раменами их обозначения К (Копие) и Т (Трость). В левой лопасти в прямоугольном клейме – монограмма ИС (Иисус), вверху в таком же клейме – буквы не читаются. На оборотной стороне размещена надпись, организованная в восемь строк. Подобный тип относится Э.П. Винокуровой к типу 1 подтипу 1 вар. 2 и датируется XVII в. (*Винокурова, 2000. С. 344*).

В общем, все прямоконечные кресты несут на себе Голгофский крест на горе Голгофе различной формы, монограммы по концам лопастей креста, оборотная сторона украшена орнаментом либо надписями, содержащими слова молитвы, и хронологически укладываются в XVII–XVIII в.

На диаграмме 3 мы можем увидеть распределение типов крестов во времени.

В целом, рассмотренная коллекция из раскопок у церкви Бориса и Глеба в селе Кидекша под Суздалем могла быть сформирована в XVI–XVIII вв. и по своему составу вполне сопоставима с материалами, происходящими из раскопок в Центральной России (*Векслер, Беркович, 2000; Векслер, 2009; Шполянская, 2014*) и Западной Сибири (*Молодин, 2007*). Самым ранним крестом, происходящим из погребения (погребение № 38), является крест, который можно отнести ко второй половине XVI века (рис. 2: 3). А наперсные кресты, которые происходят из могильного перекопа, сближают эту коллекцию с уже довольно большим рядом средневековых памятников, раскопанных в Московском регионе, и имеющие в своем составе подобные предметы личного благочестия (*Алексеев, 2005; Чернов, 2000; Шполянская, 2008*).

Литература

- Алексеев А.В.*, 2005. Голицынский клад произведений русского средневекового художественного литья (предварительное сообщение). // Ставрографический сборник. Кн. 3. М. С. 231–237.
- Асташова Н. ., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.*, 2013. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М. 320 с.
- Богомолов В.В., Гоняный М.И., Дедук А.В., Шебанин Г.А., Шеков А.В.*, 2011. Археологические исследования усадьбы второй половины XVII – н. XVIII вв. в деревне Фирино // АП. Вып. 7. М. С. 331–365
- Векслер А.Г.*, 2009. Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. М.
- Векслер А.Г., Беркович В.А.*, 2000. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 181–225.
- Винокурова Э.П.*, 2000. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука. С. 326–360.
- Горбачева Н.И., Харламова И.Г.*, 2011. Произведения древнерусской мелкой пластики XI–XVII вв. в собрании Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: Каталог. Ярославль. 296 с.
- Зорин А.В., Зубков А.В.*, 2013. Две постройки Курска XVII–XVIII вв. // Город средневековья и раннего нового времени. Археология. История: Материалы IV Всероссийского семинара (Тула, ноябрь 2011). Тула. С. 200–220.
- Квятковский В.*, 2009. Нательные иконки-образки XIX в. М.
- Молодин В.И.*, 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск.
- Островский А.Б., Федоров Ю.А.*, 2007. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея: Каталог. СПб.
- Седов В.В.*, 2012. Отчет об археологических исследованиях на территории архитектурного ансамбля церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша Суздальского района Владимирской области в 2011 году. Т. 1. Исследования во внутреннем объеме храма // Архив ИА РАН. М.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.*, 1900. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 2. Киев.
- Чернов С.З.*, 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже. // РА. № 1. С. 63–89.
- Шполянская Д.В.*, 2008. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI вв. Рождествено I (предварительное сообщение) // АП. Вып. 4. М. С. 267–275.
- Шполянская Д.В.*, 2014. «Коллекция крестов из г. Суздаля» // Славяне и иные языци...: К юбилею Наталии Германовны Недошивиной. (Труды ГИМ. Вып. 198). М.: ГИМ. С. 259–268.

Summary

D.V. Shpolyanskaya

THE CROSSES COMING FROM THE EXCAVATION ON THE TERRITORY OF THE CEMETERY NEAR THE CHURCH OF BORIS AND GLEB IN THE VILLAGE OF KIDEKSHA (SUZDAL DISTRICT OF VLADIMIR REGION)

The collection of objects of «privit devotion» coming from the excavation taken in 2011 on the territory of the architectural ensemble of the Church of Boris and Gleb (1156) in the village of Kideksha (Suzdal district of Vladimir region) is thoroughly analyzed in the article. This complex consists of thirty-six items of «privit devotion» consists of two pectoral crosses, one finial, two so-called teardrop-shaped pendants, and thirty-one worn to the skin crosses, seven of them are in fragments. During the excavation the crosses were met as to the layer (12 examples) and in burials (22 examples), which were located standardly in the area of the chest or the forearm. In summary, the examined collection could be formed in the XVI–XVIII centuries and its composition is comparable to the materials originating from excavations in Central Russia and Western Siberia. The earliest cross, originating from a burial (burial No. 38), is a cross which can be attributed to the second half of the XVI century. Thus pectoral crosses, which occurred from the disturbed layers in the graves, bring together this collection with already quite a large range of medieval sites, excavated in the Moscow region, and having in its composition similar objects of «privit devotion».

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Л.Д. Мазур

ОСАДНЫЕ ДВОРЫ ВЛАДИМИРА, СУЗДАЛЯ, ШУИ И ПЕРЕСЛАВЛЯ ЗАЛЕССКОГО В XVII СТОЛЕТИИ

Осадные дворы составляли одну из характернейших черт рядовой застройки крепости (кремля) любого города Центральной, Северо-Западной и Северо-Восточной России вплоть до XVIII ст. И приходится только удивляться, что внимание историков отечественного градостроительства практически не привлекал вопрос об их объемно-пространственной организации. Ближе к его освещению подошел С.В. Белецкий, опубликовавший статью с собственными реконструкциями осадных клеток Псковского крома XV в., основанными на данных археологических исследований (*Белецкий, Мокеев, 1989. С. 110–113*). Следует отметить, однако, что существование подобных клеток, поставленных вне дворовых владений, является специфической чертой именно псковской градостроительной структуры. В отличие от Пскова в большинстве городов осадные клетки не представляли собой самостоятельного строения, а входили в комплекс построек осадных дворов, заполнявших в той или иной степени территорию цитаделей. Тема архитектурного облика осадных дворов – состав и облик строений на их территории – в предлагаемой здесь читателю статье будет рассмотрена на примере четырех городов Владимирского региона XVII ст.; а для более детального раскрытия темы в ряде аспектов будет привлечен материал и по другим городам Центральной России.

Для Владимира, Суздаля и Шуи автором были реконструированы подворные планы на 1625–1630-е годы. Суть метода сводится к выявлению порядка расположения на плане города дворов, размеры которых приведены в писцовых книгах. Для этого соотносится информация всего блока документов писцового дела за XVII ст. (дозорных, писцовых и переписных книг), корректируется в соответствии со сведениями других аутентичных письменных, картографических и других изобразительных источников, данными современной геоподосновы и археологических исследований. Полученные реконструкции удревняют первые самые общие межевые планы этих городов более чем на 150 лет и служат основой для последующего анализа заявленной темы.

По четвертому рассматриваемому здесь городу – Переславлю Залесскому – сохранилась только переписная книга 1677 г., поэтому мы лишены возможности выполнить детальную подворную реконструкцию, но, тем не менее, смогли значительно уточнить информацию о городе интересующего нас периода, а именно – проследить размещение улиц и городских десятен, церковно-монастырских комплексов, а в ряде случаев - и собственно осадных дворов (рис. 1).

Рис. 1. Крепость Переславля Залесского. а, b, с, d, e, f, g, h, i, j, k, l – башни крепости.

l – Спасо-Преображенский собор; 2, 5, 6, 7 – приходские церкви; 3 – монастырь; А – Городовая десятина; S – слободка Данилова монастыря; Z – Троицкая слободка; U – Суконничья слободка; R – Рождественская слободка;

Сразу же следует отметить, что осадные дворы (или подворья, как они часто именуется в документах) были совершенно не схожи с жилыми по своей основной **функции**: они никогда не являлись местом жительства своих хозяев. Ими владели, как правило, феодалы, обладатели недвижимого имущества в уезде данного города (Мазур, 2009. С. 18–20; 2011. С. 239–265). Среди таких феодалов были светские служилые люди (или служилые «по отечеству» – бояре и дворяне), а также архиерейские дома и монастыри. Располагались эти дворы на территории крепости, а в редких случаях – когда места в ней не хватало, и на посаде.

Появление осадных дворов следует датировать не позже XIV в.: поскольку dokonчания этого времени уже фиксируют обязанность привилегированных слуг *«садиться в осаду»* в том городе, в чьей округе находились их вотчины (Назаров, 2001. С. 35; Карлов, 1976. С. 55). На первых этапах своего существования осадные дворы предназначались для *«городового сидения»* – чтобы их владельцы, затворившись в крепости, держали *«городовую осаду»*. О городской осаде упомянуто и в договорной грамоте Василия Дмитриевича 1389 г., а также крестной грамоте Василия Дмитриевича и Юрия Дмитриевича 1390 г.: бояре *«живут в своих отчинах»*, *«а городовая осада, где кто живет, тому тутю и сести»* (Срезневский, 2003. С. 712).

С течением времени функция осадных дворов несколько изменилась. В XVII ст. они просто служили убежищем для *«рухляди»* – движимого имущества феодалов во *«вспоишное время»*, а в мирное использовались владельцами, а также управляющими и жителями их уездных земель *«на приезд»*. Так в 1632-м году было дано подворье Московскому монастырю: *«В Переславле де у Чюдова монастыря вочины, а в Переславле де в городе у них дворог(о) места нет, старцом и слушкам и крестьяном в Переславль приезжать для монастырского и своего дела негде»* (Шумаков, 1917. С. 455. № 1262).

Распространенное мнение, что в минуту опасности в осадные дворы сбегалось также и население уездных владений, представляется абсурдным ввиду чрезвычайно малой площади подворий, что легко прослеживается по трем городам рассматриваемого в данном сообщении региона.

Согласно нашим подсчетам (в основу которых были положены данные писцовых книг 1625–1630 гг.), во Владимире площадь осадного двора в крепости находилась в пределах 30–965,25, в Суздале – 16–1218, а в Шуре – 42–588 кв. саж. (основная масса – до 300, 150 и 250 соответственно). И это в то время, когда жилые дворы городского населения превосходили их в несколько, а то и в десятки раз!

ЦЕРКОВНЫЕ ПОДВОРЬЯ

Из самого основания существования феодального осадного двора на территории крепости как типа владения явствует, что ему соответствовало одно или несколько владений уездных. На материале все тех же документов удалось установить, что расположение и **площадь** осадных дворов части духовных феодалов, а именно – монастырей, прямо соотносились с положением феодала-владельца в общей иерархической структуре церковных организаций, с его экономической мощью, то есть размером его земельного фонда в уезде данного города.

Во Владимире на территории крепости площадь осадных дворов монастырей, расположенных вне Владимирского уезда, но владевших в нем многочисленными вотчинами (следовательно, являвшихся крупными земельными феодалами), колебалась в пределах 81,25–560, в Суздале – 70–231, в Шуе – 190–540 кв. саж. Площадь осадных дворов местных монастырей была куда меньше, во Владимире находясь в пределах 30–247 кв. саж. В Суздале же осадные дворы местных монастырей по размеру подворий образуют две группы: крупные, площадью 648–1218 кв. саж. – самых богатых вотчинников (Спасо-Евфимиева и Покровского); и небольшие, площадью 37,5–117 кв. саж. – мелких (Александровского и Васильевского) монастырей.

О размерах Переславских подворий, увы, сведений мало: известно лишь, что у Федоровского монастыря оно имело длину 30 саж., а Московского Чудова – 34, при ширине в последнем случае 17 саж. (*Шумаков*, 1917. С. 454, 455. № 1259, 1262). По частным актам известно лишь, что все XVII ст. переславские монастыри непрерывно увеличивали свои владения за счет вкладов и присоединения соседних участков (*Шумаков*, 1917. С. 331, 351, 436, 454. № в 978, в 1019, в 1222, 1259). Так, в 1675-м году Никольский монастырь «что на болоте» купил двор, расположенный рядом со своим подворьем (*Шумаков*, 1917. С. 331. № в 978), а через два года на нем уже оказалось два двора (КП. 1677. Л. 36 об.). У Троице-Сергиева монастыря кроме его старинного подворья, существовавшего с 1517-го года, между 1677-м и 1691-м годами появилось и второе; кроме них, был еще отдельный осадный двор монастырского села Елизарово: его крестьяне, имея давние тесные связи с городом, останавливались в нем по торговым надобностям. Переславский Данилов монастырь держал в крепости в 1677-м и 1691-м годах сразу два подворья. Не меньшее их число было и во второй половине XVI ст.: в 1567-м и 1576-м годах два двора – в Ерусалимской улице и у Рождественской церкви – вложили частные лица (служилые по отечеству?) (*Шумаков*, 1917. С. 249–250. № 809, 813). Размеры вотчин Федорова Новодевичьего и Никольского «на болоте» им сильно уступали, однако были достаточными для получения осадных дворов.

В **расположении** монастырских подворий на территории рассматриваемых крепостей также удалось проследить некоторые закономерности (рис. 2). Подворья местных монастырей – скромных землевладельцев города и уезда, располагались часто на периферии, рядом с крепостными стенами, на улицах, имевших второстепенное значение¹.

У монастырей – крупных вотчинников (иногородних и местных) они, как правило, располагались в самых почетных местах – вблизи осадного торгового двора, соборной

¹ Подворья монастырей Владимира, не обладавших значительным земельным фондом, в самой владимирской крепости размещались у ближайшей к ним линии укреплений. В Суздале почти все дворы сосредоточены на улице от Ильинских к Никольским воротам и на проулках к ней. Во Владимире подворья монастырей уезда занимали скромные места: Боголюбовского и Кузмина располагались в конце Большой улицы, Николо-Волосова – в центре Большой улицы, Сновицкого – в центре Рождественской улицы, Цареконстантиновского и Покровского – в начале улицы Михайловской. В Суздале подворья Киберганского монастыря – напротив Афанасьевской церкви, в центре улицы от Никольских к Ильинским воротам, Кукоцкого – на улице от соборной площади к Никольскому монастырю. В Шуе подворья Никольского Шартомского – в переулке, идущем в глубине квартала севернее Большой улицы.

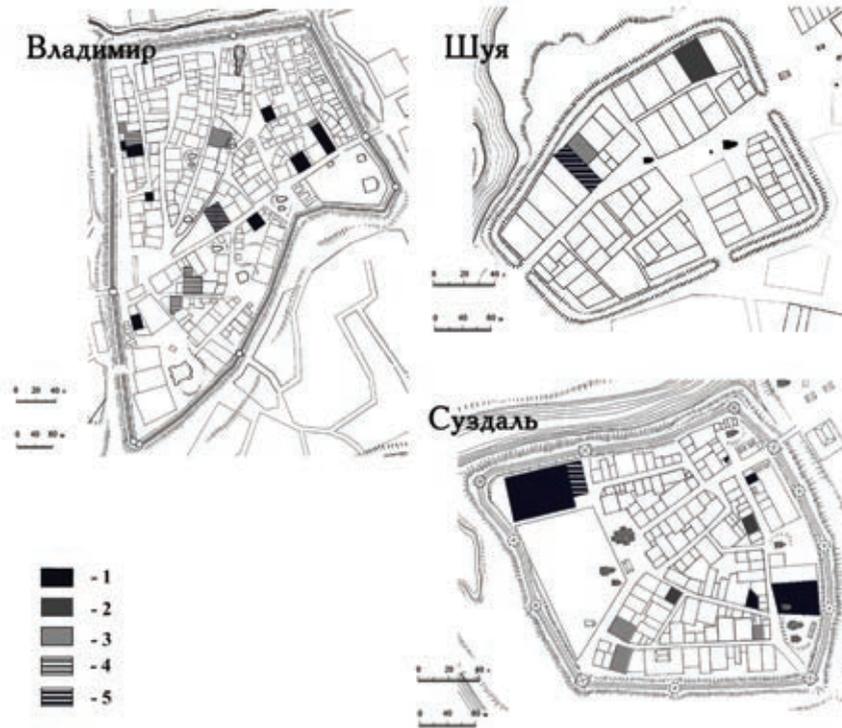

Рис. 2. Монастырские подворья.

1 – подворья монастырей города; 2 – подворья монастырей уезда; 3 – подворья монастырей других уездов; 4 – подворья московских монастырей; 5 – подворья Троице-Сергиева монастыря.

площади, подворья архиепископа (в Суздале) и Большой улицы². Особенно это ха-

² Подворья крупнейших землевладельцев во Владимире – Московских Чудова и Вознесенского монастырей – находились недалеко от Осадного торгога, на улице от Осадного торгога к Дмитриевскому собору, Новодевичьего и Иосифо-Волоколамского – на Первой улице, Суздальского Спасо-Евфимиева – посредине Троицкой улицы. В Суздале подворья Владимирского Рождественского и Печерского Нижегородского монастырей располагались рядом с подворьем архиепископа у Дмитриевских ворот, Никольского Шартомского – рядом с Никольскими воротами. В Шуе подворье Суздальского Покровского монастыря находилось вблизи Большой улицы.

К сожалению, о размерах и размещении подворий на территории крепости Переславля Залесского известно немного. Поскольку переписная книга 1677-го года не сообщает ничего о расположении перечисленных в ней дворов, в данном вопросе мы будем оперировать сведениями других источников. Судя по опубликованным данным (Шумаков, 1917. С. 250. № 813), осадный двор Данилова монастыря издавна граничил с западными воротами крепости (по имени расположенной на нем древней Рождественской церкви были названы сами ворота). На Спасской улице, шедшей от соборной площади и от Спасских к Рождественским воротам крепости, в 1583, 1615 и 1632–1634 гг. стояли подворья крупных земельных магнатов – Троицкого Данилова, Федоровского и Горицкого монастырей (Шумаков, 1917. С. 339, 436, 454. № 989, в 1222, в 1259); а подворье Никольского монастыря «что на болоте» в 1675 г. располагалось на Проезжей Большой дороге – или Большой улице, соединявшей Спасские и Никольские ворота крепости

рактарно для размещения подворий Троице-Сергиева монастыря³, при этом и площадь их была наибольшей⁴ по сравнению с другими монастырскими подворьями.

Выявленные закономерности характерны и для подворий высших церковных **иерархов**: их расположение и площадь также находились в прямом соответствии со статусом владельца. Подворья патриарха Московского во Владимире и архиепископа Суздальского в Суздале находились в непосредственной близости к городскому собору, а подворье архиепископа Суздальского во Владимире – в центре Большой улицы. При этом субординация духовных иерархов и здесь соблюдалась на уровне размещения и параметров их подворий, во много раз превышавших размеры остальных дворов крепости⁵.

На посаде подворья духовных феодалов располагались на территориях, не занятых укреплениями, но вблизи основных трасс, ведущих к торговой площади, и тоже были обычно гораздо больше по площади крепостных⁶. При этом в случае локальных скоплений дворов они все имели одинаковые размеры (длину и ширину)⁷.

Таким образом, расположение, а также площадь подворий монастырей и высшего духовенства находились в зависимости от положения самого владельца на внутренней церковной иерархической лестнице. Анализ сведений о параметрах дворов, расположенных локальными группами, наводит на мысль, что имело место

(Шумаков, 1917. С. 331. № в 978). В северной части крепости *«задом к городу и х Карашской башне»* (Шумаков, 1917. С. 455. № 1262) в 1639 г. стояло подворье Чудова Московского монастыря.

³ Во Владимире указано у Осадного торгога, с него начиналась Большая улица (от него велся отсчет дворов в описи в 1625–1626 гг. (КВ. 1625. Л. 16)), в Суздале – у подворья архиепископа, рядом с соборной площадью, в Шуе – в центре Большой улицы. Переславское подворье Троице-Сергиева примыкало к соборной площади, занимая часть земель соборного причта монастыря (Шумаков, 1917. С. 288–289. № 906).

⁴ Во Владимире и Суздале достигая 560 и 231 кв. саж. соответственно (площадь шуйского подворья неизвестна). Во Владимире со времени последней описи Троицкое подворье сильно увеличилось в размерах: *«И с порожжим местом, вдоль дватцать вом сажен, поперег дватцат(ь) сажен..., а по Юрьевым книгам Вел(ь)яминова да под(ь)ячево Ивана Меленъева тово двора вдол(ь) шеснатцать сажен, поперег тож»* (КВ. 1625. Л. 16 об.).

⁵ Во Владимире по площади подворье патриарха более чем в 8 раз превосходило остальные дворы (1360 кв. саж.), подворье архиепископа Суздальского по размерам резко ему уступало (272 кв. саж.), но все-таки почти в 2 раза превосходило площадь дворов его служилых людей. В Суздале подворье архиепископа по площади в 10 и более раз превосходило все прочие дворы людей архиепископа, как в крепости, так и на посаде (3869 кв. саж.). С XV в. владимирское патриаршее подворье не являлось его постоянной резиденцией, поэтому подворье архиепископа в Суздале превосходило его в 3 раза: постоянная резиденция нуждалась в размещении соответствующих служб.

⁶ Во Владимире достоверно известно о монастырских землях, существовавших до Разорения за пределами обвалованной части посада, за Никитскими воротами (под двором приходца Ивашки Железницына (КВ. 1625. Л. 131 об.)). Кроме Троице-Сергиева монастыря здесь владел колоссальным участком (1365 кв. саж.) Кузмин монастырь.

⁷ Во Владимире на посаде *«за Лыбедью»* в слободке Нижний Боровок Троице-Сергиев монастырь владел тремя гигантскими участками, причем их площадь была в двух случаях равной – 722,5 кв. саж. (произошло деление прежде единого двора), а в третьем – схожей (700 кв. саж.). В Шуе на посаде у архиепископа были четыре участка, из которых три – одинаковых размеров (28x30 саж.), а последний – в два раза меньше (28x15 саж.), в то время как в крепости площадь двора патриарха не отличалась от остальных осадных дворов. Два шуйских осадных двора келаря Никольского Шартомского монастыря, указанные в центре посадской Узкой улицы, были гораздо меньше (площадь каждого равнялась 72 кв. саж.).

единовременное и централизованное деление единого крупного участка на более мелкие, равные по размеру (или кратные) дворовые наделы. Можно с достаточной долей уверенности предположить, что выделение подворий по площади и по расположению, а также регулярность парцелляции стали возможны благодаря тому, что, в отличие от остальных осадных дворов (см. ниже), духовные феодалы столетиями владели своими подворьями.

ОСАДНЫЕ ДВОРЫ СВЕТСКИХ ФЕОДАЛОВ

Более сложно выявить какие-либо закономерности в расположении и размере осадных дворов феодалов светских, и, в частности, потому, что их уездные владения были не только вотчинными, как у духовенства, но и поместными. И если вотчины передавались по наследству, будучи закрепленными не только непосредственно за феодалом, а скорее – за служилым родом, то поместья

Рис. 3. Сословия и чины владельцев осадных дворов.

1) Шуя 1629 г. Реконструкция Л.Д. Мазур; 2) Суздаль 1628–1629 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур; 3) Владимир 1625–1626 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур;

a – осадные дворы князей; *b* – осадные дворы думных чинов; *c* – осадные дворы московских чинов; *d* – осадные дворы городских чинов; *e* – осадные дворы дьяческого сословия.

(формально) выдавались только на время личной службы, после чего вновь отходили государству. Поэтому, в случае поместных владений в уезде, феодал и осадный двор получал тоже в условное личное временное владение (не случайно они первоначально назывались «данными» дворами), а в случае вотчин – в родовое наследственное владение (такое подворье, как и духовных феодалов, держалось столетиями). Хотя уже в рассматриваемое столетие и сами вотчины по своему происхождению могли быть не только родовыми – доставшимися от предков, но и выслуженными или выведенными из поместий. Одновременно, когда поместий было достаточное количество, на практике часть из них оставлялась наследникам под условием службы дальнейшей. Тем самым граница между этими двумя типами земельных владений фактически постепенно стиралась, однако все еще была ощутимой (особенно еще в первой трети XVII в., в период составления писцовых книг). Таким образом, наличие осадного двора в крепости у светского феодала было прямо обусловлено длительностью (а значит – типом и размером) его владений в уезде данного города. В этой связи вопрос об осадных дворах служилых по отчеству выглядит не таким простым.

Кроме того, само сословие служилых по отчеству было далеко не однородным, различаясь по **чинам** и **званиям**, а также родovitости, что влияло на территориальное размещение, тип, размеры и длительность владений в уезде. К рассматриваемому периоду оно получило четкую иерархическую структуру чинов и званий военной, придворной или приказной службы, до предела отточенную местничеством. Каждый чин или звание (*Петров*, 1998. С. 109–113) давал возможность занимать те или иные должности⁸ и – что особенно важно в свете рассматриваемого в данной работе вопроса – получать определенное земельное вознаграждение (тип, размер и размещение которого напрямую зависели от чина и должности). Чин или звание, а также должность служилого феодала, соответственно, через уездные владения могли влиять и на причитающиеся осадные дворы, что будет особенно интересно проследить в рамках данной работы.

Служилая **придворная** и **военная** лестница имела следующую организацию. На ее вершине стояли **думные чины**: бояре, окольничьи и думные дворяне, затем шли чины **московские**: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы; последними – **городовые** дворяне и дети боярские (рис. 3). В XVI–XVII вв. для думных чинов в рассматриваемом регионе было характерно как вотчинное, так и поместное землевладение, однако именно вотчины в рассматриваемое столетие составили основу земельного фонда, продолжая расти⁹. Максимальная концентрация вотчин стольников и дворян московских отмечена во Владимирском и Переславском уездах; в Суздальском – только дворян московских; в Шуйском размеры вотчинных

⁸ На присвоение чина оказывали влияние социальное происхождение служилого по отчеству, а также чины, звания и должности, занимаемые его предками и родственниками. Любое отступление от очередности чина и должности преследовалось местничеством – тяжбой, когда терпевший поруху или потерку при распределении мест бил челом великому князю (Российское законодательство..., 1986. С. 34–52; *Ключевский*, 1993. С. 459–463; *Рабинович*, 1978. С. 80).

⁹ В первой половине XVII в. вотчины бояр концентрировались во Владимирском, а во второй – в Суздальском уездах. Вотчины окольничих в первой половине XVII в. распределялись равномерно по трем уездам, а к 1678 г. по их числу выделился Суздальский уезд (*Шватченко*, 1990. С. 56–57. Табл. 13; 1996. С. 214, 218–222; 1999. С. 62).

владений дворян московских были существенными, но значительно скромнее (табл. 1) (*Шватченко*, 1990. С. 57–58. Табл. 13; 1996. С. 214, 218–222).

В период Смуты начала XVII в. младшие чины – городовые (провинциальные) дворяне и дети боярские – противостояли высшему слою – московским и думным чинам, примкнув к «миру» (уездному и посадскому населению) и осознав свое центральное положение в городах и уездах (*Козляков*, 1998. С. 51–56). Играя в событиях начала века ведущую роль, они затворялись в крепостях в своих осадных дворах и составляли оплот обороны провинциальных городов; однако после окончания военных действий провинциальные чины теряют интерес к своим городским владениям. В описях Владимира, Суздаля, Шуи и Переславля Залесского сведения о данной социальной группе встречаются в основном в первой трети XVII в., в 1646 г. – только единожды (в переписной книге Владимира), а в 1677–1678 гг. они не значатся вовсе. Для этой группы в XVII в. была характерна общая тенденция – потеря родовых вотчин и поместий (а вместе с ними – и подворий на территории крепостей) и сосредоточение основной массы земель в руках родовитых думных и столичных чинов (*Шватченко*, 1996. С. 222).

Приказные чины дьяков и подьячих составляли особый ряд служилых чинов, близкий рассмотренным выше. Так же, как и ряд военной и придворной службы, он замыкался наверху теми же почетными думными званиями боярина, окольничего и думного дворянина. После них шли непосредственно думные и приказные дьяки, которые службу проходили в Москве; далее – провинциальные приказные чины. Последние не имели осадных дворов, но вот дьяки и подьячие московских административных учреждений по типу вознаграждения за службу мало отличались от служилых по отечеству дворян московских. Живя, в основном, в Москве, они испомещались в уездах, в том числе и в рассматриваемом регионе¹⁰.

Таблица 1. Численность осадных дворов служилых по отечеству¹¹

Город	год	владения дворянства			
		думного	московского	городового	дьяческого
Владимир	1625/26	13	141	10	7
	1646	12	83	2	0
	1678	3	69	0	3
Суздаль	1617	2	29	9	2
	1622	6	31	39	3
	1628/29	12	29,5	14	2,5
	1646	12	12	2	1
	1678	5/3,5	20/17,5	0	1/1
Шуя	1623	5	5	1	1
	1629	4	36		2
	1646	5	9		0
	1677	3	9		1

¹⁰ Согласно данным, приведенным О.А. Шватченко, родовые вотчины дьяков были во Владимирском, Суздальском и Шуйском уездах, подьячих – в Шуйском уезде (в отличие от Владимирского и Суздальского) (*Шватченко*, 1990. С. 58, 59. Табл. 13).

¹¹ Таблица выполнена по данным переписей Владимира, Суздаля и Шуи, проводившихся на протяжении всего XVII в. (КВ. 1625; КВ. 1646; КВ. 1678; КС. 1617; КС. 1622; КС. 1628; КС. 1646; КС. 1678; КШ. 1623; КШ. 1629; КШ. 1646; КШ. 1677).

В XVI–XVII вв. распределением службы между отдельными лицами (разрядом) и выработкой норм служилого землевладения ведал Разрядный приказ, а точным соответствием чина и звания размеру земельных владений служилого по отечеству, а также распределением и обращением земель – Поместный приказ. Известно, что указ 29.III.1678 г. определял площадь земли под загородные дворы и огороды в Москве за Земляным городом, при этом градация размеров была четко дифференцирована в зависимости от чина служилых людей (от 15 на 7,5 саж. до 100 на 50 саж.). Еще раньше указ 1652 г. дифференцировал размеры площадей дворов при строительстве Новой Немецкой слободы, также с учетом служебной значимости (от 8 на 6 саж. до 40 на 20 саж.) (*Маньков*, 1998. С. 128–129).

Поскольку было четкое соответствие уездных владений чину и должности служилого по отечеству, в связи с темой данного исследования встает резонный **вопрос о влиянии социального статуса владельца на размер принадлежавшего ему осадного двора в крепости**. Согласно подсчетам автора данной статьи, проведенным на основании сведений писцовых книг, во Владимире площадь осадного двора служилого по отечеству находилась в пределах 32–965,25, в Суздале – 16–290 а в Шуе – 42–588 кв. саж.

В свете изложенных выше соображений особенно интересно проследить вариации размеров дворов титулованного и родовитого дворянства в рассматриваемых городах.

Во Владимире самый большой по площади двор (965,25 кв. саж.) был у стольника князя Ив.М. Барятинского, второй по величине (739,5 кв. саж.) – у боярина Ив.Н. Романова. В Суздале боярину князю И.И. Шуйскому принадлежало сразу несколько дворов, располагавшихся локальными скоплениями и возникших при делении более крупных дворовых владений.

Остальные дворы титулованного дворянства не отличались по площади от дворов дворян московских и городских: в основном четкой зависимости между служилым чином и званием владельца и площадью принадлежавшего ему осадного двора не было (табл. 2). При сравнении площадей дворов разных групп служилых по отечеству (думных чинов, дворян московских и городских, дьяков) выяснилось, что самая большая разница между верхними и нижними границами площадей дворов во всех городах была у дворян московских (доходя во Владимире до 30-и раз, в Суздале и Шуе – до 14-и), что свидетельствует о том, что абсолютных норм по площади не существовало¹².

Однако все же некоторые закономерности просматриваются. Владимирские дворы оказались гораздо крупнее прочих, что объясняется большими размерами самой территории крепости Владимира. Особенно высокими оказались нижняя и верхняя границы площади владимирских дворов думных чинов, а также верхняя – дворян московских (что объясняется присутствием в обеих группах дворов князей, часто отличавшихся большими размерами). В Суздале границы площадей дворов всех служилых групп были значительно ниже соответствующих владимирских, а в Шуе – напоминали владимирские только в нижних границах. Наибольшими в последних двух городах были верхние границы площадей дворов дворян московских, думных чинов, а также дьяков (!).

¹² Это полностью опровергает мнение Д.И. Фоякова, согласно которому осадный двор имел площадь 120–130 кв. м и колебание площади не было значительным (*Фояков*, 1990. С. 129).

Таблица 2. Площадь осадных дворов служилых по отечеству¹³

служилая группа	кв. саж.		
	Владимир	Суздаль	Шуя
князья	112,5–965,25	16–198	100–588
думные чины	112,5–739,5	16–195,5	100(158,5?) –325
московские чины	32–965,25	19,25–270	42–588
городовые дворяне, дети боярские	70–272	24–128	–
дьяки, подьячие	54–390	49–290,5	216–455

Таким образом, абсолютного соответствия между статусом служилого по отечеству и величиной его городских владений не существовало.

При изучении вопроса о зависимости топографии осадных дворов служилого сословия от социального статуса владельца следует учитывать, что если владения московских чинов были самыми многочисленными (располагаясь как в центральных, так и периферийных районах рассматриваемых крепостей), то у городских чинов и дьяческого сословия – наоборот, слишком уж малочисленными. Поэтому наиболее показательным является анализ размещения служилой элиты – обладателей думных чинов и княжеских титулов, что уместно выполнить совместно с анализом состояния их земельного фонда в уезде (рис. 4).

Во **Владимире**, согласно данным писцовой книги 1625–1626 гг., **рядом с Успенским собором** располагались подворья именитых владельцев – крупных земельных аристократов, бояр **Романовых** и **Барятинских**. Иван Никитич Романов входил в первую тройку крупнейших земельных магнатов и имел во Владимирском уезде родовые вотчины¹⁴ (после его смерти в 1640 г. осадный двор вместе с 25-ю родовыми землями перешли к боярину Никите Ивановичу – последнему из бояр Романовых не царственной линии¹⁵). Бездетный князь Иван Михайлович Барятинский (КВ. 1625. Л. 6 об.–7; Описание г. Шуи..., 1851. С. 256; Антонов, 2002. С. 517, 525; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 158–160; Дворянские роды ..., 1993. С. 160–161; Шватченко, 1990. С. 229; 1996. С. 84, 114, 116, 121, 258) не только сохранял большие древние вотчины во Владимирском уезде, но и сильно их увеличил новыми пожалованиями.

В самом **центре Большой улицы** в 1625–1626 гг. был двор крупного землевладельца бездетного боярина князя Ивана Васильевича **Голицына**¹⁶. Недалеко в то

¹³ Таблица выполнена по данным писцовых книг Владимира, Суздаля и Шуи 1625–1630 гг. (КВ. 1625; КС. 1628; КШ. 1629).

¹⁴ В 1613 г. имел 5074 четверти родовых земель (вотчинных – 1412, поместных – 448); в 1627–1628 гг. в его вотчинах было 3600 дворов крестьянских, в 1638 г. – 3379, в 1646 г. – 7488 дворов и 17483 души м.п. В его вотчинах во Владимирском уезде было 198 дворов, в которых насчитывалось 357 душ м.п. (Шватченко, 1996. С. 150, 160; 1999. С. 12, 13, 17–18, 20, 21, 26, 28; КВ. 1625. Л. 2; Готье, 1910. С. 11–14; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 264; БЕ. 1899. Т. XXVII. С. 49–50).

¹⁵ Также был крупнейшим вотчинником: в его селах было 7488 дворов и 17000 душ м.п. (КВ. 1646. Л. 59 об.; Готье, 1910. С. 11–14; Шватченко, 1996. С. 150, 160; 1998. С. 12, 13, 17–18, 21, 26–28; БЕ. 1899. Т. XXVII. С. 49–50; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 264).

¹⁶ Его владения в 1613 г. состояли из родовых земель (4192 четверти: вотчинных – 2956 и поместных – 1236) (Шватченко, 1998. С. 13, 15; КВ. 1625. Л. 16 об.; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 329–330).

же время указаны дворы боярина князя Владимира Тимофеевича *Долгорукого*¹⁷, обладателя колоссальных выслуженных вотчин во Владимирском уезде, и крупного земельного магната, боярина князя Бориса Михайловича *Лыкова*¹⁸.

В центре **Троицкой улицы** весь XVII в. сохраняли двор князя *Пожарские*, владевшие в большом объеме древними родовыми и новыми выслуженными вотчинами во Владимирском уезде: боярин князь Дмитрий Михайлович¹⁹, а после 1641 г. – его сыновья, стольники Петр и Иван (КВ. 1646. Л. 66; *Шватченко*, 1996. С. 100, 138; 1998. С. 28, 30; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 172; *Шумаков*, 2002. С. 107–108), с 1668 г. – последний в роде, стольник Юрий Иванович (КВ. 1678. Л. 35), также крупный земельный магнат. Второй двор Пожарских – князя Дмитрия Петровича (КВ. 1625. Л. 19 об.; БЕ. 1898. Т. XXIV. С. 154–155; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 172–173; *Шумаков*, 2002. С. 121; Памятники деловой письменности..., 1984. С. 18) – находился вблизи Торговых ворот, Большой улицы и Осадного торгова.

В центре **Михайловской улицы** первую половину века стоял двор бездетного князя стольника Матвея Васильевича *Прозоровских* – крупного земельного аристократа, владельца небольших вотчин во Владимирском уезде (*Шватченко*, 1990. С. 258; 1996. С. 100–101, 114, 116, 125, 137, 276; БЕ. 1898. Т. XXV. С. 367–368; КВ. 1625. Л. 49 об.; КВ. 1646. Л. 63–63 об.; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 214).

Недалеко от **Фроловских ворот**, в конце Воздвиженской улицы, располагались дворы крупных землевладельцев – вотчинного магната Ивана Ивановича *Шуйского*²⁰ (скончавшегося без потомства) и помещиков Владимирского уезда, князей *Воротынских* (после боярина князя Ивана Михайловича²¹ земли в уезде вместе с осадным двором в крепости унаследовал его сын, а потом – и бездетный внук Иван Алексеевич (КВ. 1646. Л. 63 об.; КВ. 1678. Л. 32; БЕ. 1892. Т. VII. С. 231; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 283–284; *Шватченко*, 1996. С. 87–88, 119, 138; 1998. С. 34)).

¹⁷ Его владения в 1613 г. составляли 1487 четвертей и состояли как из родовых земель (вотчинных – 187 и поместных – 900), так и полученных в период 1608–1613 гг. вотчин (400 четвертей); в 1627–1628 гг. в его вотчинах осталось всего 17 дворов крестьянских (*Шватченко*, 1990. С. 237; 1996. С. 114, 116, 119, 122; 1998. С. 13, 17, 21; КВ. 1625. Л. 28; БЕ. 1893. Т. Ха. С. 920–921; Дворянские роды..., 1993. С. 197; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 393).

¹⁸ В 1613 г. имел 3084 четверти родовых земель (вотчинных – 1579 и поместных – 1505); в 1627–1628 гг. в его вотчинах было 687 дворов крестьянских, а в 1638 г. – 800, в 1646 г. – 2252 двора крестьян и 6715 душ м.п. (*Шватченко*, 1996. С. 97, 120–121, 135; 1998. С. 13, 16–17, 21, 26, 28; КВ. 1625. Л. 44; *Антонов*, 2002. С. 512, 528; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 687; БЕ. 1896. Т. XVIII. С. 129).

¹⁹ Во Владимирском уезде в 1627–1628 гг. в его вотчинах было 1227 дворов крестьянских, а в 1638 г. – 1422 (*Антонов*, 2002. С. 518, 520, 530; КВ. 1625. Л. 33 об.; *Шватченко*, 1990. С. 257; 1996. С. 100, 114, 129, 135, 275; 1998. С. 21, 24, 26; БЕ. 1898. Т. XXIV. С. 154–155; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 164, 171; *Шумаков*, 2002. С. 31).

²⁰ В 1627–1628 гг. в его вотчинах было 1856 дворов крестьянских (*Шватченко*, 1996. С. 135; 1998. С. 21; КВ. 1625. Л. 28; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 681–682; Владимирский сборник..., 1857. С. 89).

²¹ В 1613 г. его владения состояли из родовых земель (7265 четвертей: вотчинных – 6600 и поместных – 665); в 1627–1628 гг. в них было 1103 двора крестьянских (КВ. 1625. Л. 28; Старинные акты..., 1853. С. 37; *Антонов*, 2002. С. 517, 525; БЕ. 1892. Т. VII. С. 230–231; *Шватченко*, 1990. С. 234; 1996. С. 114, 116, 119, 135; 1998. С. 12–13, 17, 21; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 283–284; *Шумаков*, 2002. С. 121).

Рис. 4. Уездные владения служилых по отечеству – обладателей осадных дворов в крепости. 1) Шuya 1629 г. Реконструкция Л.Д. Мазур; 2) Суздаль 1628–1629 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур; 3) Владимир 1625–1626 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур;

a – осадные дворы, чьи владельцы в XVI–XVII вв. были помещиками; *b* – осадные дворы, чьи владельцы в XVI–XVII вв. были крупными вотчинниками; *c* – осадные дворы, чьи владельцы в XVI–XVII вв. были мелкими вотчинниками; *d* – осадные дворы, чьи владельцы в XVI в. были помещиками, а в XVII – вотчинниками; *e* – осадные дворы, чьи владельцы в XVI в. имели мелкие вотчины, а в XVII в. – крупные; *f* – осадные дворы, чьи владельцы в XVI в. имели крупные вотчины, а в XVII в. – мелкие; *g* – осадные дворы, чьи владельцы в XVI в. были вотчинниками, а в XVII в. – помещиками.

Многие другие дворы служилой знати также размещались в центральном районе крепости. По южной стороне Большой улицы перед церковью Бориса и Глеба стоял двор крупнейшего владимирского помещика князя Ивана Давыдовича **Гундорова** (КВ. 1625. Л. 3; Антонов, 2002. С. 522, 526; БЕ. 1893. Т. IX. С. 902; Дворянские роды ..., 1993. С. 326; Шумаков, 2002. С. 99; Описание г. Шуи..., 1851. С. 239); в центре Троицкой улицы – князей **Болховских**, владевших в данном уезде мелкими родовыми вотчинами и поместьями (Григория Леонтьевича,

затем – Федора Григорьевича (КВ. 1625. Л. 36; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 146–147; Дворянские роды..., 1993. С. 142; КВ. 1646. Л. 65 об.; КВ. 1678. Л. 36; Антонов, 2002. С. 514, 525; Готье, 1910. С. 11–14; БЕ. 1891. Т. IV. С. 322; Шватченко, 1990. С. 231; 1996. С. 85, 124)); владельца мелких родовых вотчин князя Никиты **Вяземского**, а затем его брата владимирского помещика Ивана (Семеновича?) (КВ. 1625. Л. 33; КВ. 1646. Л. 66; БЕ. 1892. Т. VIIа. С. 387; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 295; Дворянские роды..., 1993. С. 237; Шумаков, 2002. С. 53–54; Старинные акты..., 1853. С. 137; Шватченко, 1990. С. 234; 1996. С. 88, 116, 128).

В **Суздале**, по сведениям дозорных и писцовой книг первой трети XVII в., у **соборной площади** располагались осадные дворы старинных вотчинников Суздальского уезда: боярина князя Ивана Васильевича **Голицына** (КС. 1617. Л. 22; КС. 1622. Л. 76; КС. 1628. Л. 145 об.; Шватченко, 1990. С. 235; 1996. С. 89, 114, 130, 262; Старинные акты..., 1853. С. 308), князя Ивана Давыдова сына **Гундорова** (КС. 1617. Л. 24; КС. 1622. Л. 81 об.; КС. 1628. Л. 159; Шватченко, 1990. С. 236; 1996. С. 90, 115, 263), князей **Куракиных**²² (Василия Семеновича (КС. 1617. Л. 26 об.; КС. 1622. Л. 78), а затем – Григория Семеновича²³); ближе к Ильинским воротам концентрировались семь осадных дворов и дворовое место боярина князя Ивана Ивановича **Шуйского** (КС. 1622. Л. 74 об., 76; КС. 1628. Л. 142, 142 об., 143, 145 об., 146, 146 об., 147). У **Никольских ворот** стояли дворы князей **Пожарских**²⁴ (в течение столетия, как и владимирские, переходя от отца к сыну, затем – к внуку)²⁵ и дворы старицы княгини вдовы Алены Петровны **Скопиной-Шуйской**, а также ее приказного человека (КС. 1617. Л. 24 об.; КС. 1622. Л. 80, 82; КС. 1628. Л. 150–150 об., 154; Антонов, 2002. С. 512, 518, 532; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 357–359, 439).

Крупные родовые вотчины в Суздальском уезде оставались у князей **Барятинских** (Шватченко, 1990. С. 229; 1996. С. 84, 114, 116, 121, 258). И в первой трети XVII в. они владели тремя осадными дворами, располагавшимися в непосредственной близости от **крепостных ворот**: Иван Михайлов сын – у Ильинских, Федор Никитич – у Водяных²⁶, а Михаил Федоров сын – у Никольских

²² В 1678 г. они сохраняли огромные родовые вотчины в Суздальском уезде (Антонов, 2002. С. 513–527; Шватченко, 1990. С. 246; 1996. С. 95, 114, 116, 131, 269).

²³ В Суздальском уезде в 1646 г. было 376 крестьянских дворов, в которых жило 924 души м.п.; в 1678 г. – 643 крестьянских двора, в которых жило 2365 душ м.п., а всего в это время у него в вотчинах был 1631 двор крестьянский и 6196 душ м.п. (Шватченко, 1996. С. 138; 1998. С. 34–35; КС. 1628. Л. 155 об.; КС. 1646. Л. 9; КС. 1678. Л. 41; Славянская энциклопедия..., 2004а. С. 634).

²⁴ В 1620–1678 гг. у различных представителей рода Пожарских были колоссальные вотчины в Суздальском уезде (Антонов, 2002. С. 518, 520, 530; Шватченко, 1990. С. 257; 1996. С. 100, 114, 129, 275; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 164).

²⁵ Иван Дмитриевич в 1646 г. в Суздальском уезде имел личные вотчины (167 крестьянских дворов, в которых жило 457 душ м.п.) и совместно с братом Петром (979 крестьянских дворов, в которых жило 2356 душ м.п.) (КС. 1646. Л. 9; Шватченко, 1996. С. 100, 138; 1998. С. 28, 30; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 172; Шумаков, 2002. С. 107–108). У Юрия Ивановича в 1678 г. в Суздальском уезде было 1114 крестьянских дворов, в которых жило 3565 душ м.п. (КС. 1622. Л. 82 об.; КС. 1628. Л. 150 об.; КС. 1678. Л. 41 об.; БЕ. 1898. Т. XXIV. С. 154–155; Шватченко, 1996. С. 100, 138).

²⁶ В 1646 г. в вотчинах Ивана Михайловича в Суздальском уезде было 30 крестьянских дворов, в которых жило 35 душ м.п., а Федора Никитича – 104 крестьянских двора, в которых жило 254 души м.п.

ворот (КС. 1622. Л. 80; КС. 1628. Л. 153 об.; Антонов, 2002. С. 520, 524; Дворянские роды..., 1993. С. 157).

В **Шуе**, по данным дозорных и писцовой книг первой трети XVII в., на **Большой улице** у северной границы **соборной площади** сохранялись дворы старинных вотчинников региона боярина князя Ивана Ивановича **Шуйского** (КШ. 1623. Л. 2; КШ. 1629. Л. 35.), княгини Онисьи Петровны **Шуйской** (КШ. 1629. Л. 36) и Дмитрия (Каншов-мурзы) Мамстрюковича **Черкасского** (КШ. 1623. Л. 2; КШ. 1629. Л. 35; КШ. 1646. Л. 29–29 об.; БЕ. 1903. Т. XXXVIIIа. С. 575; Славянская энциклопедия..., 2004б. С. 628; Шватченко, 1996. С. 106, 135; 1998. С. 21, 26, 28; Материалы для истории Владимирской губернии..., 1904. С. 33–37)²⁷ (рядом с последними возникли затем и вторые дворы – к 1629 и к 1646 гг. соответственно).

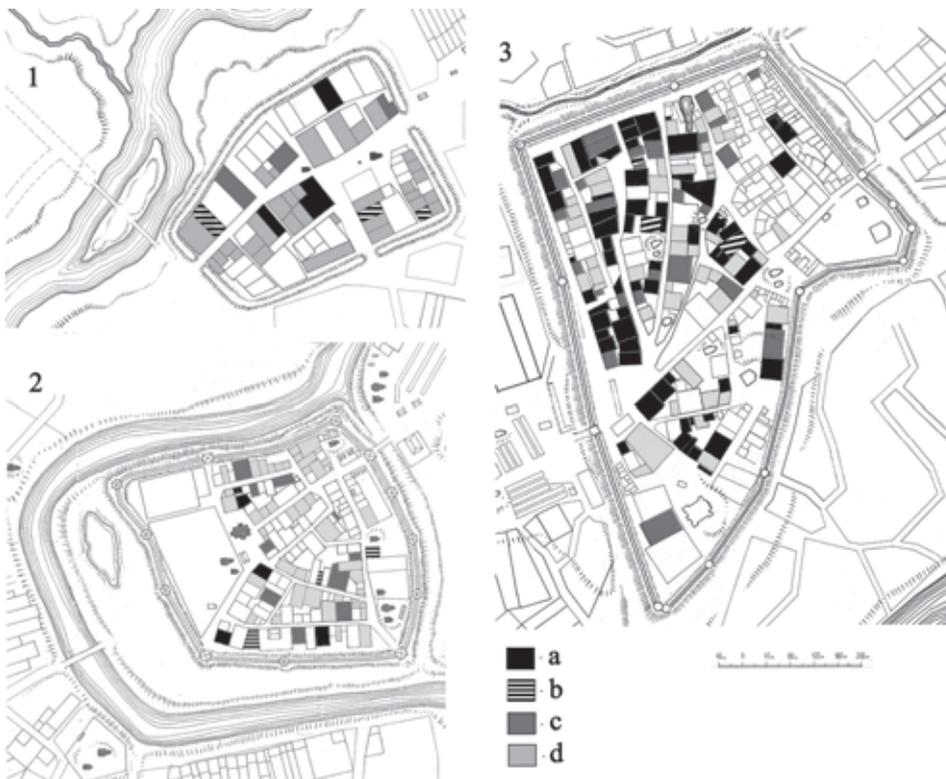

Рис. 5. Длительность владений служилых по отчеству в крепости.

1) Шуя 1629 г. Реконструкция Л.Д. Мазур; 2) Суздаль 1628–1629 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур; 3) Владимир 1625–1626 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур;

a – осадные дворы, чьи владельцы указаны в описях 1625–1629, 1646 и 1677–1678 г.; *b* – осадные дворы, чьи владельцы указаны в описях 1625–1629 и 1677–1678 гг.; *c* – осадные дворы, чьи владельцы указаны в описях 1625–1629 и 1646 гг.; *d* – осадные дворы, чьи владельцы указаны единожды в описях 1625–1629 гг.

С юго-запада на пути к Телешовским воротам соборную площадь ограничивали дворы крупных исконных шуйских вотчинников – боярина князя Григория Семеновича *Куракина* (к 1646 г. число его дворов выросло до трех, из которых к 1677 г. осталось 2) (КШ. 1623. Л. 1 об.; КШ. 1629. Л. 37; КШ. 1646. Л. 28–28 об.; КШ. 1677. Л. 28) и бездетного князя стольника Федора Андреевича *Телятевского* Микулинского (КШ. 1629. Л. 37; *Шватченко*, 1990. С. 265; 1996. С. 115; БЕ. 1901. Т. XXXIIа. С. 827; *Славянская энциклопедия...*, 2004б. С. 443); а у самых ворот – князя Ивана Михайлова сына *Барятинского*²⁸.

У северной линии укреплений в 1629 г. стоял двор вотчинника боярина князя Дмитрия Михайловича *Пожарского*, унаследованный, как и владимирский и суздальский, сыновьями Петром и Иваном, а затем и внуком Юрием (КШ. 1629. Л. 35 об.; КШ. 1646. Л. 29; КШ. 1677. Л. 27). К 1646 г. в юго-западном углу и в центральной части крепости появилось два осадных двора вотчинников бояр князей *Черкасских* – Ивана Борисовича²⁹ и Якова (Урускан-мурзы) Куденетовича³⁰ (последний перешел к сыну, боярину Михаилу (КШ. 1677. Л. 26 об., 27, 27 об.; БЕ. 1903. Т. XXXVIIIа. С. 573; *Славянская энциклопедия...*, 2004б. С. 626), увеличившему за свою службу в несколько раз число своих владений³¹; в 1677 г. в крепости у него указано уже три осадных двора). К 1677 г. в центральной части шуйской крепости (насколько можно судить из сведений переписной книги этого года) получил двор князь Иван Андреевич *Голицын*, в процессе службы постоянно умножавший и без того немалое число своих вотчин³².

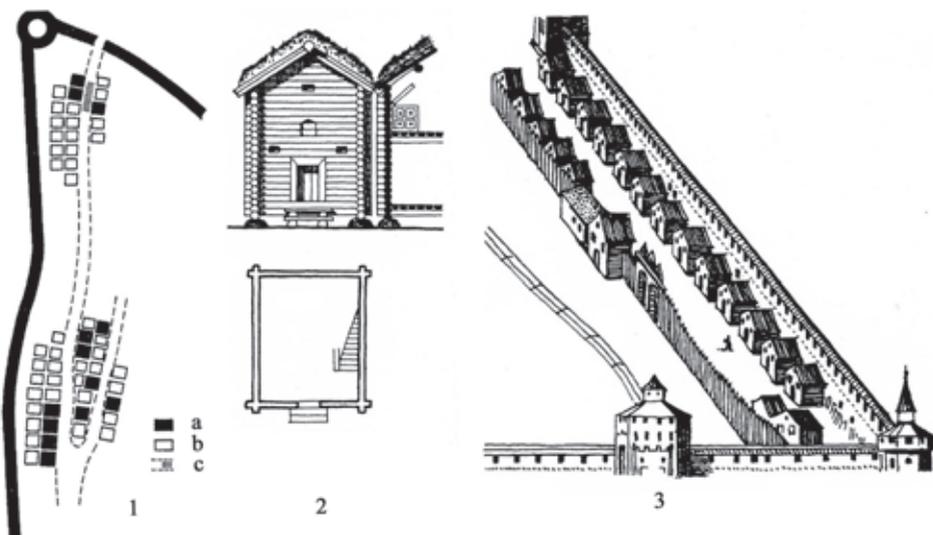

Рис. 6.

1) Топография застройки западной половины Псковского Крома. Реконструкция В.Д. Белецкого. 2) Клеть Псковского Крома: фасад, разрез, план. Реконструкция В.Д. Белецкого; 3) Клети-житницы Московского Кремля (по плану начала XVII века).

a – постройки, зафиксированные раскопками; *b* – предполагаемые места построек; *в* – уличные проезды;

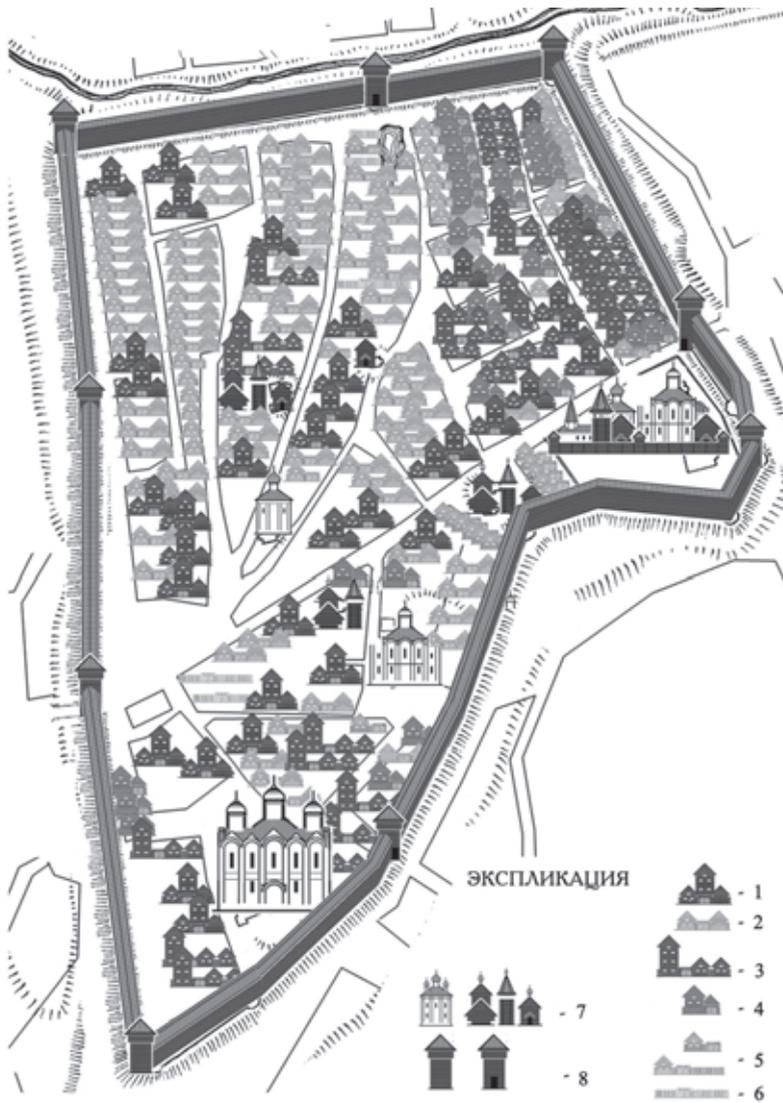

Рис. 7. Схема застройки крепости Владимира 1625–1626 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур.

1 – осадные дворы владельцев крупных родовых вотчин или поместий; 2 – осадные дворы владельцев небольших вотчин или поместий, а также - посадских лю-дей и служилых по прибору; 3 – жилые дворы причта, монастырских слуг; 4 – жилые дворы церковных служебников, сторожей и крестьян, служилых по прибору и государевых ремесленников; 5 – жилые дворы дьячков, подьячих, городских жильцов, бобылей, нищих и приходцев; 6 – пустые дворовые места; 7 – комплексы церквей с колокольней; 8 – глухие и воротные башни крепости.

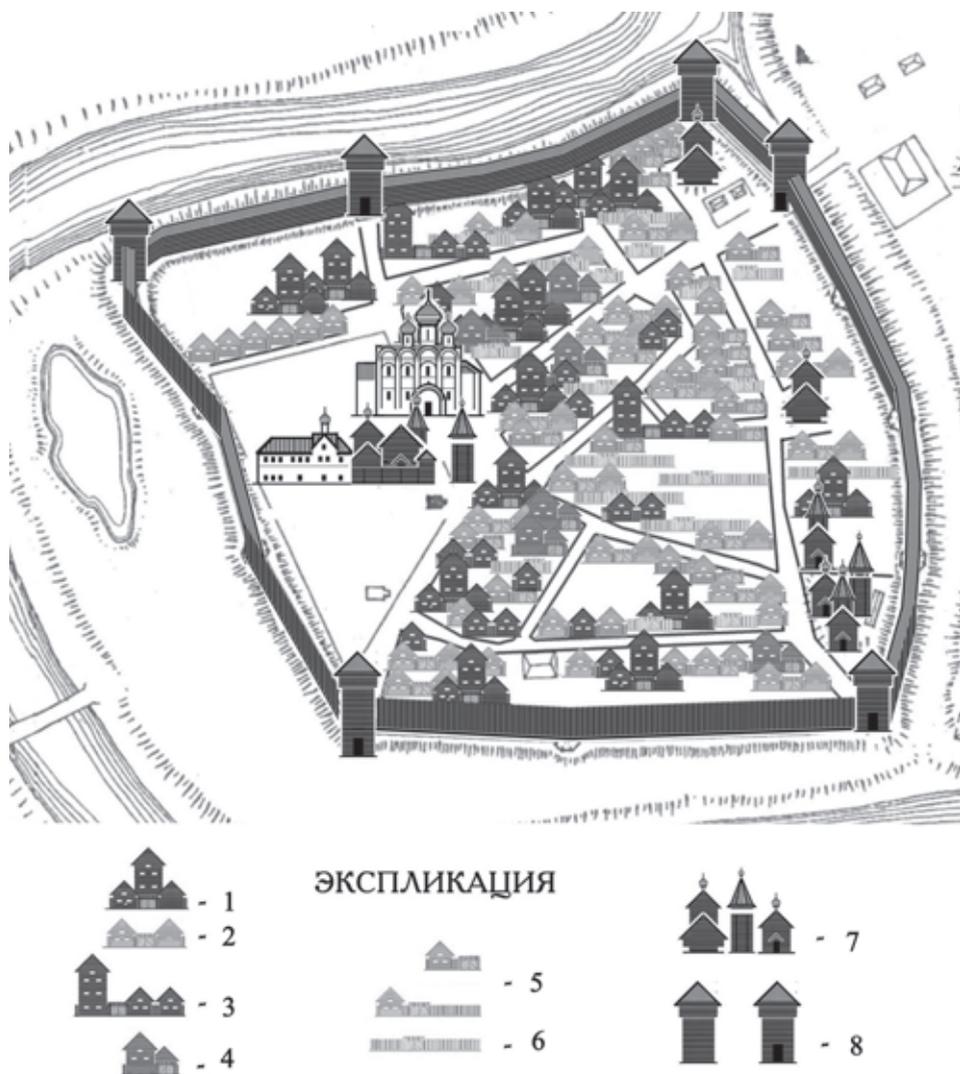

Рис. 8. Схема застройки крепости Суздаля 1628–1629 гг. Реконструкция Л.Д. Мазур

1 – осадные дворы владельцев крупных родовых вотчин или поместий; 2 – осадные дворы владельцев небольших вотчин или поместий, а также - посадских лю-дей и служилых по прибору; 3 – жилые дворы причта, монастырских слуг; 4 – жилые дворы церковных служебников, сторожей и крестьян, служилых по прибору и государевых ремесленников; 5 – жилые дворы дьячков, подьячих, городских жильцов, бобылей, нищих и приходцев; 6 – пустые дворовые места; 7 – комплексы церквей с колокольней; 8 – глухие и воротные башни крепости.

Рис. 9. Схема застройки крепости Шун 1629 г. Реконструкция Л.Д. Мазур.

1 – осадные дворы владельцев крупных родовых вотчин или поместий; 2 – осадные дворы владельцев небольших вотчин или поместий, а также – посадских людей и служилых по прибору; 3 – жилые дворы причта, монастырских слуг; 4 – пустые дворовые места; 5 – комплекс церкви с колокольней.

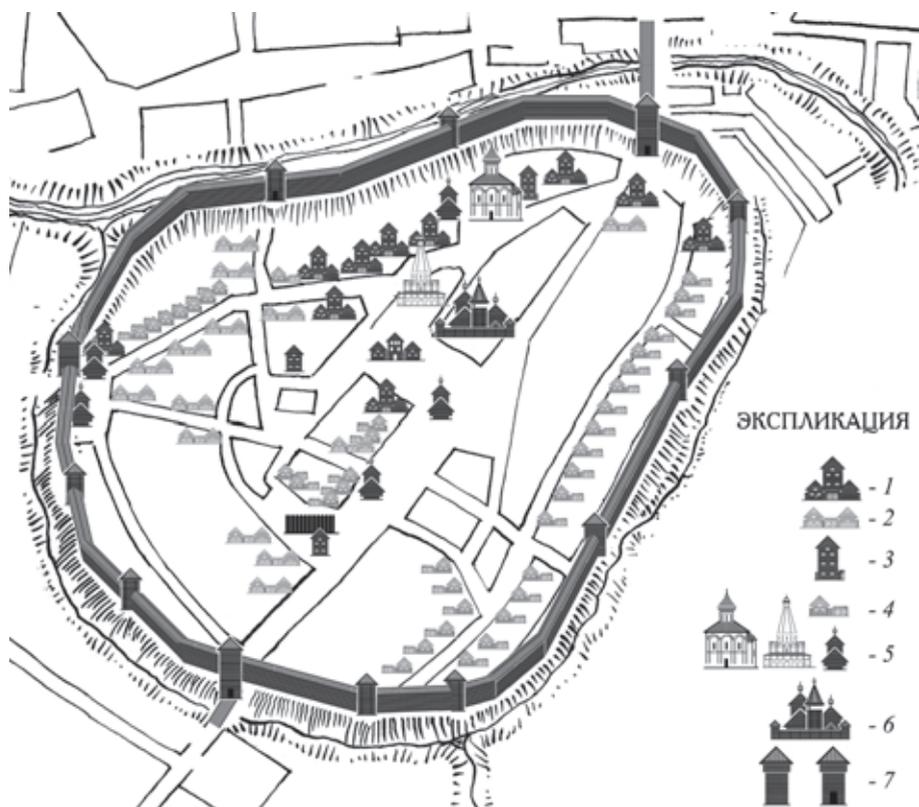

Рис. 10. Схема застройки крепости Переславля Залесского 1677 г. Реконструкция Л.Д. Мазур.

1 – осадные дворы владельцев крупных родовых вотчин или поместий; 2 – осадные дворы владельцев небольших вотчин или поместий; 3 – жилые дворы причта; 4 – жилые дворы подмонастырных слобод; 5 – церкви; 6 – монастырь; 7 – глухие и воротные башни крепости.

В первой трети столетия в центре Большой улицы стояли дворы князей **Гундоровых**, чьи вотчины были выведены из числа поместных земель – Ивана Давыдовича (*Шватченко*, 1990. С. 236; 1996. С. 90, 115, 263; КШ. 1623. Л. 2; КШ. 1629. Л. 36; *Антонов*, 2002. С. 522, 526; БЕ. 1893. Т. IX. С. 902; *Дворянские роды...*, 1993. С. 326; *Шумаков*, 2002. С. 99; Описание г. Шуи..., 1851. С. 239) (перешедший к 1646 г. к его брату Александру), а также бездетного боярина, князя, крупного земельного магната Даниила Ивановича **Мезецкого**³³ (уже в 1629 г. его двором владел другой Мезецкий – последний в роде, помещик Григорий Пьяный сын Василия Большого (БЕ. 1896. Т. XVIIIа. С. 941; *Шватченко*, 1990. С. 250; 1996. С. 114, 121; *Шумаков*, 2002. С. 22–23, 67–68; КШ. 1629. Л. 36; *Славянская энциклопедия...*, 2004а. С. 724)).

Говоря о Переславле, следует иметь в виду, что его уезд относился к центральному району государства, где служилые люди были испомещены раньше всего (*Готье*, 2003. С. 80–81). В рассматриваемое столетие он находился в зоне максимального развития крупной старой родовой вотчины, сформировавшейся в XV–XVI вв. (*Шватченко*, 1990. С. 36–42): до 1630-го года в этом уезде сохранялось большое число древних вотчин (145) (*Шватченко*, 1990. С. 33–34, 274–276); но во второй половине столетия их почти не осталось. Следовательно, многие из исконных вотчинников, так же как и в рассмотренных выше городах, во второй половине столетия утратили свои осадные дворы в переславской крепости.

Из старых вотчинников в 1677 г. оставались двое бояр князей – Иван Петрович **Борятинский**³⁴ и Федор Юрьевич **Хворостинин**³⁵, а также думный дворянин, а затем – стольник и окольничий Иев (Иов) Демидович **Голохвастов**³⁶. В отличие от них думный дьяк Даниил (Иван) Леонтьевич **Полянский** (БЕ. 1898. Т. XXIV. С. 462; *Русский биографический словарь*, 1914. С. 490–491) владел исключительно поместьями: его осадный двор через 14 лет уже не упоминался, да и вообще мог появиться незадолго до 1677 г.

³³ В 1613 г. его владения составляли 2251 четверть родовых земель (вотчинных – 1460 и поместных – 791), к концу первой трети XVII в. входил в группу крупновотчинной аристократии: в 1627–1628 гг. в его вотчинах было 269 дворов крестьянских (*Шватченко*, 1996. С. 135; 1998. С. 12, 13, 19, 21; КШ. 1623. Л. 2; *Антонов*, 2002. С. 528; *Славянская энциклопедия...*, 2004а. С. 723–724; БЕ. 1896. Т. XVIIIа. С. 941).

³⁴ Был крупным землевладельцем: в 1678 г. в его вотчинах в 6 уездах было 205 дворов крестьянских и 631 душа м.п. (в том числе в Переславском – 38 дв./121 душа м.п. и 41 дв./133 души м.п.). В 1689 (1697?) г. он постригся в Переславский Данилов монастырь под именем Ефрема, умер в 1701 г. (*Славянская энциклопедия...*, 2004а. С.158–160; БЕ. 1891. Т. III. С. 140–141; *Дворянские роды...*, 1993. С. 161; *Шватченко*, 1996. С. 84; 1999. С. 34; *Русский биографический словарь*, 1900. С. 545).

³⁵ Его вотчины в 1646 г. располагались в пяти уездах. В 1677–1691 гг. часть их вместе с осадным двором принадлежали уже его вдове, боярыне княгине Елене Борисовне Хворостининой, составляя «вдовый жребий», в котором в 1678 г. только на территории Переславского уезда было 57 дворов и 185 душ м.п. Со смертью его сыновей Семена и Ивана (до 1673 г.) род пресекался, и значительная часть его вотчин была отписана на государя (БЕ. 1903. Т. XXXVII. С. 139; *Материалы для истории Владимирской губернии...*, 1903. С. 61; *Славянская энциклопедия...*, 2004б. С. 562; *Русский биографический словарь*, 1901. С. 292; *Шватченко*, 1996. С. 104–105; 1999. С. 34).

³⁶ Владел крупными вотчинами в трех уездах, где имел 132 двора крестьянских и 544 души м.п. (в том числе в Переславском: 2 дв./6 душ м.п., 7 дв./30 душ м.п., 73 дв./324 души м.п.) (*Шватченко*, 1996. С. 144; 1999. С. 34; БЕ. 1893. Т. IX. С. 111).

Остальными осадными дворами в переславской крепости владели московские чины (среди которых были стольник, двое стряпчих и 18 московских дворян), имевшие в XVI–XVII вв. мелкие вотчины, в том числе и родовые, а также поместья. Действительно крупными вотчинниками являлись только Алексей и Михаил (Филимон) Тимофеевы дети *Лихачевы*³⁷.

Сметная роспись, составленная через 14 лет после переписной книги – в 1691 г., зафиксировала существование в крепости осадных дворов с дворниками И.Д. Голохвастова, В.Ф. Змеова, княгини Е.Б. Хворостининой, Л.В. Избединова, М.Л. Лупандина, И.Ф. Поливанова, А.Т. Чернцов, И., Г.И. Порошиных, К.Е. Сытина. Остальные к этому времени либо исчезли, либо опустели, и, соответственно, не попали в перепись.

О топографии осадных дворов на территории переславской крепости можно высказать соображения исключительно гипотетического характера. Наиболее вероятно, что они были сосредоточены в северо-западной части города: от центральной улицы вплоть до Рождественских и Спасских ворот. В XVII в. здесь размещался государев двор, что соответствовало двору княжескому в более раннюю эпоху. Резиденцию князя окружали дворы бояр и служилых людей, а также ремесленников и челяди, обеспечивавших нужды государя. Исходя из стабильности земельных владений, мало менявшихся на территории феодального города вплоть до рассматриваемого столетия, можно предположить, что при присоединении Переславля к Москве, когда место княжеского двора занял двор государев, то и место жилых дворов бояр и служилых людей заняли их дворы осадные.

Вообще же в размещении подворий светских феодалов на территории переславской крепости просматриваются те же тенденции, что и во Владимире, Суздале и Шуе: частные акты свидетельствуют, что они перемежались с монастырскими подворьями, жилыми дворами причта и городских жильцов (*Шумаков*, 1917. С. 331, 351, 436, 454. № в 978, в 1019, в 1222, 1259).

Подворья на территории рассмотренных крепостей, принадлежа вотчинникам, переходили вместе с уездными владениями по наследству, а по пресечении рода – как выморочные отписывались на государя. Так исчезли дворы, простоявшие не одно столетие: Голицыных – в 1627 г., Долгоруких – в 1633, Барятинских – в 1636, Шуйских – в 1638, Черкасских – в 1642, Лыковых – в 1644, Микулинских и Телятевских – в 1645, Мезецких – до 1646, Романовых – в 1655, Прозоровских – в 1668, одной ветви Пожарских – к 1646, другой ветви Пожарских, Воротынских и Хворостининых – к концу XVII в. В двух случаях (с подворьями князей И.Д. Гундорова и И. Вяземского), когда владельцы были помещиками, двор по наследству не переходил, исчезнув к 1646 г.; но когда поместья были достаточного размера для сохранения осадного двора в крепости, двор держался в течение всего столетия (как у владимирских помещиков князей Болховских).

³⁷ В последней четверти рассматриваемого столетия у первого в вотчинах было 205 дворов крестьянских. Крупные вотчины второго располагались на территории пяти уездов (по данным 1678 г.), в том числе Переславского, где ему принадлежало 68 дворов и 268 душ м.п. (*Славянская энциклопедия...*, 2004а. С. 669; *Русский биографический словарь*, 1910. С. 482–483; *Шватченко*, 1996. С. 147; 1999. С. 43, 48).

Рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что часто наиболее почетные места – рядом с соборной площадью, главными воротами крепости и на Большой улице – занимали дворы титулованного и высокородного дворянства, владевшего в уезде данного города родовыми вотчинами или поместьями в количестве, достаточном для передачи по наследству и городских владений. Такое закрепление за родовитой служилой фамилией осадных дворов в лучших районах крепости являлось результатом длительного наследования двора (рис. 5). Однако ввиду большого числа исключений из этого правила приходится также констатировать, что абсолютно четкой зависимости между статусом светского владельца и размещением его осадного двора не было.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОДВОРИЙ

Документы свидетельствуют, что если до XVII в. осадные дворы были на территории всех городов, то после Разорения в некоторых, являвшихся лишь номинальными центрами уездных земель, они уже не восстанавливались, а если и отстраивались – то оставались стоять пустыми. Причем после кратковременного взлета общего количества функционировавших осадных дворов Владимира и Суздаля, отмеченного документами в конце первой трети XVII ст., далее их число стремительно сокращалось. В шуйской же крепости число функционировавших дворов на протяжении столетия почти не менялось, но тут надобно заметить, что в ней вообще $\frac{3}{4}$ дворов так и не было отстроено – таким образом, ее гражданская застройка находилась еще в большем запустении, чем в Суздале и Владимире.

Анализ данных, зафиксированных блоком документов писцового дела по Владимиру, Суздалю и Шуе XVII в., свидетельствует, что чаще всего пустовали дворы тех служилых по отчеству, которые в уезде данного города владели небольшим числом не наследовавшихся поместий. Вместе с поместьями отходил государству и осадный двор, который затем выдавался новому служилому, испомещаемому в данном уезде.

Когда владения в уезде носили постоянный характер, то и осадный двор передавался феодалом по наследству (минуя государственные структуры), как и уездные поместья и вотчины, по прямой или боковой родственным линиям³⁸. Больше всего случаев наследования осадного двора выявлено во Владимире – 36, в Суздале – 13, в Шуе – всего 4. Описи свидетельствуют, что осадные дворы, существовавшие в крепости длительное время у одной служилой фамилии, пустовали редко.

³⁸ Наследники в случае равных прав на двор могли его и не делить, а владеть им сообща, передавая его своим потомкам (представителям обеих ветвей) уже в единоличное владение. Переход двора по прямой линии наследования не всегда происходил сразу. Иногда осадный двор (а, следовательно, и владения в уезде), минуя прямых наследников, оказывался в руках представителей боковых ветвей дворянского рода, однако, вероятно, право прямых наследников было превалирующим по сравнению с другими представителями рода, и после перерыва двор опять оказался в руках представителей прямой ветви (идентично с наследованием земельных владений в уезде (*Гомье*, 2003. С. 68)). Так произошло с владениями Владыкиных, Волковых, Кайсаровых, Плещеевых, Соболевых, записанными в описи Владимира в 1625–1626 гг. на отца и перешедшими к их сыновьям только к 1678 г. (минуя 1646 г.), и Прозоровских, значившимися в описи Суздаля в 1617 г. и унаследованными прямым наследником только к 1678 г.

Таблица 3. Состояние дворовых владений служилых по отечеству³⁹

год	общее число владений	дворов с жильцами и дворниками	дворов пустых	мест дворовых
Владимир				
1625/26	171	105	38	26
1646	(более 97)	92	5	-
1678	(более 75)	75	-	-
Суздаль				
1617	(более 42)	13	29	-
1622	79	27	41	11
1628/29	58	35	14	10
1646	(более 27)	22	5	-
1678	(более 22)	20	2	-
Шуя				
1623	12	8	1	3
1629	42	8	3	31
1646	(более 14)	10	4	-
1677	(более 13)	10	3	-

Как уже говорилось, в осадных дворах владельцы феодалы сами не проживали, поэтому во всех рассматриваемых документах о таких городских владениях говорится «Двор ... (такого-то)», но ни разу – «Во дворе ... (живет такой-то)»; последний оборот употребляется при описании дворов, например, посадских людей. Они селили в своих осадных дворах **дворников** – собственных холопов или бобылей, а также выходцев из различных других низших сословий, стороживших хозяйские дворовые постройки и имущество.

Переписная книга по городу Переславлю донесла до нас сведения о происхождении дворников: у монастырей они были их же бобылями, а у светских феодалов – приходцами с церковных и дворцовых земель. Если первые постоянно жили в крепости, судя по данным документов 1677 и 1691 гг., то вторые – часто менялись. Последнее свидетельствует об утрате светскими феодалами интереса к своим городским владениям, чем пользовались люди, желавшие влиться в число горожан.

Вопрос о длительности проживания дворников на осадных дворах не так очевиден. Хотя у светских феодалов они менялись достаточно часто, удалось выявить ряд случаев, когда один и тот же дворник был высвечен несколькими Генеральными переписями, живя на одном дворе достаточно большой промежуток времени⁴⁰. Осадные дворы церковных феодалов, как более стабильное владение,

³⁹ Таблица выполнена по данным переписей Владимира, Суздаля и Шуи, проводившихся на протяжении всего XVII в. (КВ. 1625; КВ. 1646; КВ. 1678; КС. 1617; КС. 1622; КС. 1628; КС. 1646; КС. 1678; КШ. 1623; КШ. 1629; КШ. 1646; КШ. 1677).

⁴⁰ Удалось выявить 38 случаев, когда дворники и их дети упомянуты в 2-х и более описях города; дворники во Владимире оказались более оседлыми, нежели дворники Суздаля и Шуи; более чем в половине случаев (в 20-и из 38-и) дворники жили на протяжении 2-х поколений в одном и том же дворе, причем дворы в это время могли находиться как в руках одного и того же служилого по отечеству, так и переходить к разным владельцам – представителям одной и той же дворянской фамилии (не обязательно по прямой линии наследования).

чаще имели дворников, упоминавшихся на протяжении нескольких описей города⁴¹.

Такие дворники-старожилы, особенно проживавшие поколениями на осадных дворах, обычно занимались мелкой торговлей⁴² и ремеслами: выделкой ткани и кожи, а также изготовлением одежды и обуви⁴³, мелкими слесарными, кузнечными, плотничными и другими ремеслами⁴⁴, производством мелких товаров⁴⁵ и продуктов питания⁴⁶. Накоплению достаточного капитала для крупного промысла или торговли препятствовали крайняя бедность и самая высокая степень личной зависимости дворников от своих хозяев. К тому же сами осадные дворы, как уже говорилось, были весьма скромных размеров, а промысловых, огородных или садовых участков при них не было, что исключало занятия их жителей огородничеством, садоводством и рядом ремесел, требовавших больших финансовых затрат и производственных площадей⁴⁷.

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБЛИК ПОДВОРИЙ

Различаясь по своему функциональному предназначению и размерам, осадные и жилые дворы были чрезвычайно не похожи и по объемно-пространственной организации. В состав жилой усадьбы входил весь комплекс жилых, хозяйственных и производственных сооружений (собственно двор в современном понятии этого слова), а также сад и огород. Осадные дворы, напротив, будучи чрезвычайно малых размеров, обычно садов и огородов не имели⁴⁸, а их застройка была очень

⁴¹ Всего выявлено 12 таких случаев: 11 – на монастырских подворьях, 1 – у архиепископа Суздальского; все – в первой половине XVII в. (больше всего таких случаев по Владимиру – 7, по Суздалью – 4, по Шуге – всего 1). Неудивительно, что во всех городах самыми стабильными оказались дворники крупнейшего вотчинника – Троице-Сергиева монастыря (5 случаев), где они держались более 20 лет. В Суздале этим отличались и дворники крупнейших монастырей посада – Покровского и Александровского, а также Предтеченского Киберганского Суздальского уезда; во Владимире – Московских Новодевичьего и Чудова и Кузьмина монастыря Владимирского уезда.

⁴² Среди дворников церковных феодалов указан барышник (мелочный торгаш, скупщик, перекупщик (*Даль*, 1935а. С. 52)), светских – ветошник, два щепотинника (щепотинье или щепетинье – мелкий галантерейный товар – иголки, булавки, ленты и др. (*Даль*, 1935б. С. 675)).

⁴³ Среди дворников светских и духовных владельцев было 17 портных мастеров (это было занятие многих монастырских служебников); только среди дворников светских феодалов указаны 12 сапожников, по 2 – рукавичников и нашивочников, епанечник, лапотник.

⁴⁴ Особенно много было плотников (12 чел.), меньше – серебряников (3 чел.), коновалов и судоплатов (по 2 чел.), оконничников и зерноковов (по одному).

⁴⁵ Седелники, пугвишники, сетники (5, 2 и 3 чел. соответственно), мыльник и аханщик. Ахан – ставная сеть с двойным полотном – одним с мелкими ячейками (неводном), другим – редкими (режем); аханщик – аханый хозяин или ловец (*Даль*, 1935а. С. 31).

⁴⁶ Масляники (6 чел.), калачники (4 чел.), мясник, пивовар, хлебник.

⁴⁷ Неясно, на каких сведениях основано мнение И.М. Кулишера, что хозяева осадных дворов *содержали* дворников: исходя из рассматриваемых документов, напрашивается обратный вывод – для того, чтобы прокормиться, дворники вынуждены были заниматься мелким ремеслом, батрачеством, скоморошеством и т.д. В другом месте И.М. Кулишер, наоборот, говорит об оброке владельцу двора (за право вести торговлю, не входя в тяглое сословие) торговых и промысловых дворников, что, опять-таки, исходя из данных рассматриваемых документов, сомнительно (*Кулишер*, 2004. С. 339–341).

⁴⁸ Но бывали и исключения. Упомянуты огороды при осадных дворах Московского Чудова монастыря во Владимире в 1625–1626 гг., городского сына боярского в Переславле Залесском в 1615 г.

плотной. К сожалению, данных о ней по рассматриваемым городам крайне мало, поэтому для освещения данной темы будут привлечены сведения и по городам ближайшего региона.

Известно, что застраивались они **осадными клетями**. Археологически наиболее исследованы клетки (осадные) Псковского Крома, впервые упомянутые в летописи под 1314 г., в XV в. – еще дважды, а в 1510 г. они были уже уничтожены (*Белецкий, Мокеев, 1989. С. 103*). В XIV–XV вв. их использовали как складские сооружения: для хранения зерна, платья и прочей «рухляди». По размеру они были 4–4,6 x 4,2–5,7 м (*Белецкий, Мокеев, 1989. С. 103, 105*) и, согласно предположению С.В. Белецкого, были двухэтажными: внизу стояли лари с зерном, а на втором этаже (или чердаке) – сундуки с рухлядью, документами, казной и проч. (рис. 6) (*Белецкий, Мокеев, 1989. С. 110–113*). Н.Д. Чечулин писал, что размеры осадных клеток XVI в. обычно равнялись 1,5–2 саж. и никогда не превышали 3 саж. (*Чечулин, 1893. С. 10*). Размер одной осадной клетки зафиксировала опись Владимира 1625–1626 гг.: «Двор боярина князя Володимера Тимофеевича Долгорукова... да тово жь двора под клетью вдоль две сажени, поперег тожь...» (КВ. 1625. Л. 28–28 об.).

Таким образом, в состав построек на осадных дворах должны были входить строения, предназначенные для хранения и складирования запасов: омшаники, амбары, житницы, погребя. На церковных подворьях и на осадных дворах старинных вотчинников региона стояли **жилища дворников** (предназначенные для их круглогодичного проживания, следовательно, отапливаемые), а также их крохотные **мастерские**. В переславской крепости, например, на осадных дворах светских феодалов в лучшем случае стояло по избышке дворника, а на монастырских подворьях их часто бывало больше (в 1677 г. у Горицкого и Федоровского монастырей – по две); в ряде случаев подмонастырные люди вообще селились отдельными дворами на территории крепости.

Археологически на территории Владимирской крепости (в северной части) в слое XVII в. были зафиксированы следы активной гражданской застройки из наземных строений небольшой площади, среди которых были и ремесленные мастерские. На небольшом участке раскопа зафиксированы следы семи построек с небольшими подпольями (2,6 x 2,8 м) и подпечьями, среди многочисленных находок отмечено большое число детских глиняных игрушек, а также каменная литейная форма (*Мухина, 2000. С. 129*). На территории крепости Дмитрова была прослежена бревенчатая изба XVII в. размерами 7 x 7 м (*Милонов, 1937. № 4. С. 167*).

При этом родовое подворье крупного светского или духовного вотчинника, безусловно, должно было отличаться по составу и архитектурному облику строений от временного осадного двора худородного служилого по отчеству. У самых крупных феодалов осадные дворы имели такую же сложную структуру,

(*Шумаков, 1917. С. 339. № в 989*) и 12 дворах Шуйской крепости в 1629 г.: князей И.И. Шуйского, И. Гундорова, Д.М. Пожарского, Д.М. Черкаского, дьяков И. Болотникова и С. Собакина; сел – дворцового Дунилова, поместного Горицкого, черной Борисоглебской волости и Телешевской стороны; монастырей – Никольского Шартомского, Суздальского Покровского, а также при двух пустых дворовых местах.

как и жилые, состоя из нескольких дворов различного назначения, с несколькими развитыми хоромными комплексами. Так, по данным писцовой книги, в крепости Коломны государев двор насчитывал целый ряд хором – государя, царицы, дворы сытенный, конюшенный, житничный; у владыки Коломенского осадный двор имел еще конюшенный двор; в Дедилове двор государя по своей структуре был значительно скромнее, а из хором на нем стояли плоская изба и клеть, погреб с надпогребницей и ледник (Города России XVI века..., 2002. С. 1–77, 292–312).

У менее крупных феодалов на дворе стояла из хором тройная связь, дополнявшаяся дворовым строением – кладовыми, житницами, сараями, погребями и т.д. На осадном дворе Владимирского Успенского монастыря в крепости Владимира в 1645 г. стояли трое хором: тройня (изба – сени – клеть), изба с пристеном и старая изба (Владимирский историко-статистический сборник..., 1869. С. 104). В 1723 г. на осадном Синодальном дворе во Владимире указаны хоромы и четыре житницы; в 1722 г. на московских подворьях значилось: у Суздальского архиерея – восемь жилых каменных палат, одна кладовая и погреб; у Суздальских Спасо-Евфимиева и Покровского монастырей – по две жилых палаты каменные и деревянные, у Владимирского Рождественского – пять каменных палат (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1901. С. 18–21; 1903. С. 155–156). Кроме феодальных хором на монастырском подворье, безусловно, были жилища ведавших управлением уездных владений стряпчих (указанных на московских подворьях суздальских и владимирских монастырей в 1722 г.) (Материалы для истории Владимирской губернии..., 1901. С. 18–21; 1903. С. 155–156).

Осадный двор провинциальных (городовых) чинов вплоть до конца Смутного времени должен был тоже обязательно содержать господский жилой дом, которым пользовались в период осады. Мы располагаем описанием построек переславского осадного двора, проданного в 1612 г. братией Федоровского монастыря сыну боярскому И.Ф. Волосатому. При продаже на нем из хором стояла только изба, к которой владелец пристроил клеть; передние ворота с избой объединял забор пряслами, с задней стороны двора был устроен плетень с навесом (Шумаков, 1917. С. 339, 351. № в 989, в 1019). Двор Захара Семеновича Лапина внутри крепости Переславля содержал «*хором: изба да клеть да ворота с городьбою*» (Шумаков, 1917. С. 250. № 813). При этом из-за небольших размеров крепости, с одной стороны, и скромных уездных владений – с другой, городовым чинам часто давали совместные осадные дворы; и каждый из них обязан был поставить там определенную часть построек (БЕ. 1893. Т. X. С. 202; БЕ. 1891. Т. IVa. С. 520, 526). Поэтому в зависимости от числа владельцев осадного двора и число господских хором могло удваиваться и утраиваться.

В то же время хоромного строения могло не быть в осадных дворах, полученных вместе с поместьем за службу и носивших характер временного, не передававшегося по наследству владения.

Таким образом, объемно-пространственные характеристики застройки осадных дворов весьма различались, завися от служило-сословной принадлежности их владельцев и характера их владений в уезде данного города (рис. 7–10) (Мазур, 2010. С. 184–185). После того, как таким двором прекращали пользоваться,

постройки разбирали и увозили. Так, служилый по отечеству Тит Дубровин вложил в собор хоромы с осадного двора своего покойного тестя Кирилла Малыгина на помин (*Шумаков*, 1917. С. 485. № 1336). О месте, прежде принадлежавшем переславскому помещику дьяку Сурьянину Тороканову, сказано: «*И то дворовое место лежит порожжо и не владеет им никто. А хором никаких на том месте нет. А свезли хоромы с тово места села Рюминсково крестьяне, как они у Сурьянина отписаны*» (*Шумаков*, 1917. С. 455. № 1262).

Литература

- Антонов В.А.*, 2002. Списки воевод и других лиц местного управления // Владимирская энциклопедия: Биобиблиогр. словарь. Владимир. С. 512–533.
- БЕ – Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.
- Белецкий С.В., Мокеев Г.Я.*, 1989. Клетки Псковского крома // СА. № 1. С. 110–113.
- Владимирский историко-статистический сборник. Отделение второе / Под ред. К. Тихонравова. Владимир, 1869.
- Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии / Сост. К. Тихонравов. М., 1857.
- Города России XVI века: Материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е.Б. Французова. М., 2002.
- Готье Ю.В.*, 1910. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. М.
- Готье Ю.В.*, 2003. Очерк истории землевладения в России. М.
- Даль В.*, 1935а. Толковый словарь. Т. I. М.
- Даль В.*, 1935б. Толковый словарь. Т. IV. М.
- Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993.
- Карлов В.В.*, 1976. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья (к постановке вопроса) // Русский город. Вып. 1. М. С. 32–69.
- Ключевский В.О.*, 1993. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 1. М.
- Козляков В.Н.*, 1998. Власть и уездные дворянские общества в XVII веке (от Смуты до Соборного Уложения) // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.): Тез. междунар. конф. М. С. 51–56.
- Кулишер И.М.*, 2004. История русского народного хозяйства. Челябинск.
- Ламанский В.И.*, 1861 Сборник чертежей Москвы и ее окрестностей и города Пскова XVII века. СПб.
- Мазур Л.Д.*, 2009. К вопросу о принципах размещения городских владений служилой аристократии в первой трети XVII в. (по данным дозорных и писцовых книг Владимира, Суздаля и Шуи) // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тез. докл. науч.-практ. конф. (2009). Секция 4. История архитектуры и градостроительства. М.: МАКС Пресс. С. 18–20.
- Мазур Л.Д.*, 2010. Архитектурный облик городских дворов XVII века на примере Владимира, Суздаля, Шуи и Юрьев-Польского // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тез. докл. науч.-практ. конф. (2010). Секция 4. История архитектуры и градостроительства. М. С. 184–185.
- Мазур Л.Д.*, 2011. Городские владения служилой аристократии в XVII в. (по данным дозорных, писцовых и переписных книг Владимира, Суздаля и Шуи) // Исследования по истории архитектуры и градостроительства. Вып. 2. М.: МАРХИ. С. 239–265.

- Маньков А.Г.*, 1998. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб. Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 1 / Собр. А.В. Смирнов. Владимир, 1901.
- Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 2 / Собр. А.В. Смирнов. Владимир, 1902.
- Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3 / Собр. А.В. Смирнов. Владимир, 1904.
- Милонов Н.П.*, 1937. Дмитровское городище (кремль города Дмитрова) // СА. № 4. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 147–168.
- Мухина Т.Ф.*, 2000. Работы во Владимире (ул. Володарского, 12) // Археологические открытия 1998 г. М. С. 129.
- Назаров В.Д.*, 2001. Дворовладение княжеских слуг в городах Северо-Восточной Руси (XIV–XV вв.) // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Докл. второй науч. конф. М. С. 33–47.
- Описание города Шуи и его окрестностей с приложением старинных актов / Сост. Вл. Борисов. М., 1851.
- Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край. М., 1984.
- Петров К.В.*, 1998. Термин «сословие» и проблемы изучения сословной структуры средневекового общества // Политические институты и социальные страты России (XVI–XVIII вв.): Тез. междунар. конф. М. С. 109–113.
- Рабинович М.Г.*, 1978. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М.
- Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. М., 1986.
- Русский биографический словарь. Т. 10. СПб., 1914.
- Русский биографический словарь. Т. 14. СПб., 1910.
- Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900.
- Русский биографический словарь. Т. 21. СПб., 1901.
- Славянская энциклопедия. XVII в. Т. 1. М., 2004а.
- Славянская энциклопедия. XVII в. Т. 2. М., 2004б.
- Срезневский И.И.*, 2003. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. II. Л–П. М.
- Старинные акты, служащие преимущественно дополнением к описанию г. Шуи и его окрестностей / Собр. Вл. Борисов. М.: изд. Як. Горелин, 1853.
- Фоняков Д.И.*, 1990. Посад Торопца в XVI–XVIII столетиях по материалам планов города XVIII в. // Города Верхней Руси. Истоки и становление: Материалы конф. Торопец. С. 120–136.
- Чечулин Н.Д.*, 1893. Русские деревянные жилые постройки в XVI в. // Записки Императорского Русского археологического общества. Т. VI. СПб. (Отд. оттиск.)
- Шватченко О.А.*, 1990. Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М.
- Шватченко О.А.*, 1996. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в. М.
- Шватченко О.А.*, 1999. Землевладение и служба думных чинов в России XVII–начала XVIII в. М.
- Шумаков С.А.*, 1917. Обзор «грамот Коллегии Экономии». Вып. 4. Кострома «с товарищи» и Переяславль-Залесский. М.
- Шумаков С. А.*, 2002. Обзор «грамот Коллегии Экономии». Вып. 5. Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде. М.

Архивные источники

- КС. 1617 – Дозорная книга Суздаля писцов Галицкой четверти кн. Юрия Шаховского и подьячего Андрея Строева 1617 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 462. Л. 19–70 об.
- КС. 1617 – Дозорная книга Суздаля писцов Галицкой четверти Севрина Михайловича Уварова и подьячего Грязново Колоднич 1622 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 462. Л. 72–134.
- КС. 1623 – Дозорная книга Шуи писцов Галицкой четверти Севрина Михайловича Уварова и подьячего Грязного Колоднич 1623 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 908. Л. 1–16 об.
- КС. 1678 – Переписная книга Владимира писцов Поместного приказа ст. кн. Дмитрия Андреевича Волконского и подьячего Петра Яковлева 1677/78 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 12614. Л. 1–39 об.
- КС. 1646 – Переписная книга Владимира писцов Поместного приказа ст. Никиты Бобарыкина и подьячего Фомы Третьякова 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 12611. Л. 1–152.
- КС. 1677 – Переписная книга Переславля Залесского писцов Поместного приказа Степана Тимофеевича Салтыкова и подьячего Акима Шарапова 1677 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7651. Л. 35–63.
- КС. 1678 – Переписная книга Суздаля писцов Поместного приказа кн. Тимофея Ивановича Шаховского и подьячего Ивана Викентьева 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 11325. Л. 39–99 об.
- КС. 1646 – Переписная книга Суздаля писцов Поместного приказа ст. Степана Гавриловича Пушкина и подьячего Анисима Михайлова 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 465. Л. 1–84 об.
- КС. 1677 – Переписная книга Шуи писцов Поместного приказа Данилы Ивановича Гурьева и подьячего Кузьмы Конюхова 1677 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 11324. Л. 12–29 об.
- КС. 1646 – Переписная книга Шуи писцов Поместного приказа кн. Семена Клубкова Мосальского и подьячего Никиты Семенова 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 11330. Л. 1–30.
- КС. 1625 – Писцовая книга Владимира писцов Владимирской четверти Ивана Афанасьевича Головленкова и подьячего Василия Львова 1624/25–1625/26 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 71. Л. 1–261.
- КС. 1628 – Писцовая книга Суздаля писцов Поместного приказа Михаила Михайловича Трусова и подьячего Федора Витовтова 1627/28–1628/29 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 462. Л. 137–355 об.; Оп. 1. Ч. 2. Кн. 11328. Л. 1–222 об.
- КС. 1629 – Писцовая книга Шуи, составленная по наказу из Галицкой четверти писцами Поместного приказа Афанасием Ивановичем Вековым и подьячим Селиверстом Ивановым 1629 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 908. Л. 34–64 об.

Summary

L.D. Mazur

SIEGE YARDS OF VLADIMIR, SUZDAL, SHUYA AND PERESLAVL-ZALESSKIY IN THE 17TH CENTURY

This paper is devoted to the study of spatial characteristics of fortress courtyards, which, until the 18th century, were located inside central walled areas of every town in Central Russia. The architectural features of the structures situated here and their functions are illustrated by the instances in Vladimir, Suzdal, Shuya and Pereslavl Zaleski. The author attempts to reconstruct the layouts of the courtyards and the schemes of positioning buildings within the fortresses. Analyzing documents, created in the course of the general censuses of the Russian state, the author also takes a closer look at other issues connected with the subject, that have not previously attracted the attention of specialists: who was the owner of the courtyards; what institutions were in charge of them; who lived here; how was the property distributed, and what was their topography?

В.А. Лапшин

ДАТИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСОВ ДЛИТЕЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В НИЖЕГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ)

В последние годы появилась серия статей, посвященных реконструкции процессов заполнения котлованов средневековых построек. Это, прежде всего, работы В.Ю. Ковалья, Н.Н. Грибова и почвовед А.В. Борисова. Толчком к началу обсуждения послужил выход в 2007 г. книги О.Н. Енуковой, посвященной южнорусскому средневековому домостроительству (*Енукова, 2007*). В сухом культурном слое, как правило, сохраняются только углубленные части сооружений, поэтому реконструкции построек сталкиваются со значительными трудностями и обычно имеют несколько вариантов решений. Книга явилась большим шагом вперед, но в то же время вызвала споры и возражения, касающиеся конкретных реконструкций (*Коваль, 2007; 2010; Борисов, 2010а; 2010б; 2014; Грибов, 2012; ср.: Енукова, 2011*).

Общий пафос упомянутых статей состоит в критике упрощенного, но еще довольно распространенного, представления о сложении культурного слоя, по которому постройка при разрушении складывается как карточный домик и заполняет подполье целиком, сохраняя последовательность конструкций (пол, потолок, крыша). В действительности котлован или заполняется постепенно отложениями более позднего времени, или засыпается одновременно при выравнивании площадки под новое строительство, при этом в заполнение могут попасть и отложения, более ранние, чем время функционирования постройки. Возможно сочетание двух процессов: выравнивание после периода постепенного заполнения, тогда более поздние отложения перекрываются более ранними. Получается «перевернутая стратиграфия». Следует учитывать и чисто геологические процессы, влияющие на структуру заполнения ям.

Данная статья посвящена вопросу, не затронутому в упомянутых работах: насколько заполнение котлованов построек может отличаться от времени их функционирования. В качестве примера взяты несколько крупных комплексов из раскопа в Нижегородском кремле 2001–2002 гг., содержащих яркий разновременный

материал. Аналогичные комплексы хорошо известны по раскопкам во Владимире и Суздале.

Несколько слов о хронологии и топографии Нижегородского кремля в целом. Нижний Новгород основан в 1221 г. Стены каменного кремля московского периода, построенного в начале XVI в., охватывают край террасы правого берега Волги в её наиболее высокой части и спускаются к Подолу по крутому склону высотой около 30 м. С запада территория кремля ограничена глубоким оврагом, по которому в средневековье протекала речка Почайна. С юга на северо-запад кремль пересекает Ивановский съезд, который соединяет воротные башни – Дмитровскую, выходящую на верхний посад, и Ивановскую, соединявшую кремль с Подолом. Реконструкция территории кремля XIII–XIV вв. принадлежит С.Л. Агафонову, возглавлявшему на протяжении многих лет, начиная с 1951 г., реставрацию Нижегородского кремля (Агафонов, 1960. С. 85. Рис. 1; 1976. С. 66; 2008. С. 99). Автор исходил из рельефа, донесенного до нас планами XVIII в., а также из справедливой посылки, что строители укреплений в XIII в. не могли не использовать тридцатиметровый склон как естественную защиту. Таким образом, кремль XIII–XIV вв., по С.Л. Агафонову, занял верхнюю площадку внутри кремля XVI в., в его южной и юго-западной частях. В восточной части локализуется Спасский собор – главный собор города, а в западной – архангела Михаила – храм на княжеском дворе (рис. 1).

С этой реконструкцией согласился в свое время Н.Н. Воронин (Воронин, 1962. С. 214). Реконструкция С.Л. Агафопова на отдельных участках в ходе исследований или наблюдений подтверждается с небольшими поправками (Ануфриева, 2004; 2010; Ануфриева, Четвертаков, 2012; Агафонов, 2008. С. 98 – комментарий И.О. Еремина).

Сомнение, правда, вызывает то, что для возведения единой линии валов нужно было засыпать глубокий овраг Ивановского съезда: во-первых, это требует неоправданно больших трудовых затрат, во-вторых, должны были остаться хоть какие-то следы грандиозной земляной насыпи, а их нет. Строительство практически одновременно двух храмов на самых высоких точках берега к востоку и западу от оврага наводит на мысль об изначально двухчастной структуре города. Можно предположить, что собственно детинец со Спасским собором в центре занимал небольшой мыс площадью около 1,5–2 га в восточной части кремля. Западная часть между Ивановским и Почайнинским оврагами имела площадь около 8 га. В её северной части находилась княжеская усадьба с церковью архангела Михаила. Судя по наблюдениям за траншеей 1989 г., Ивановский овраг был не только не засыпан, но углублен и превращен в ров (Агафонов, 2008. С. 96 – комментарий Т.В. Гусевой), что вполне отвечает принципу максимального использования рельефа в древнерусском крепостном строительстве.

Исследованный в 2001–2002 гг. участок находится в восточной, периферийной части кремля. Культурный слой сухой здесь довольно тонкий (не более 1 м), нарушенный многочисленными перекопами XIX–XX вв. Наибольший интерес представляют комплексы сохранившихся материковых ям: подполий, подпечных, хозяйственных и столбовых ям, частокольных канавок. В XIII в., по-видимому, данный участок еще не был заселен. Строительство укреплений с большим

запасом – явление нередкое. Слои XV в. также отсутствуют (Гусева, 1996. С. 45–46), как следствие запустения после золотоордынских разгромов. Татары сжигают город в 1377, 1378, 1408 гг. В 1445 г. орда Улу-Муххамеда на целый год обосновалась в городе.

Выделены комплексы трёх хронологических блоков: XIV, XVI–XVII и XVIII вв. (рис. 2). Комплексы первой группы (XIV в.) количественно преобладают, в это время жизнь на территории кремля протекала наиболее интенсивно. Среди материковых ям выделяются группирующиеся в юго-западной части раскопа глубокие обширные подполья.

Южный комплекс (яма 20/37 – рис. 3) на уровне предматерика читался как пятно неправильной подпрямоугольной формы размерами 7,5×4,5 м. В процессе разборки выяснилось, что яма оставлена тремя близкими по конструкции последовательно сменяющимися друг друга сооружениями.

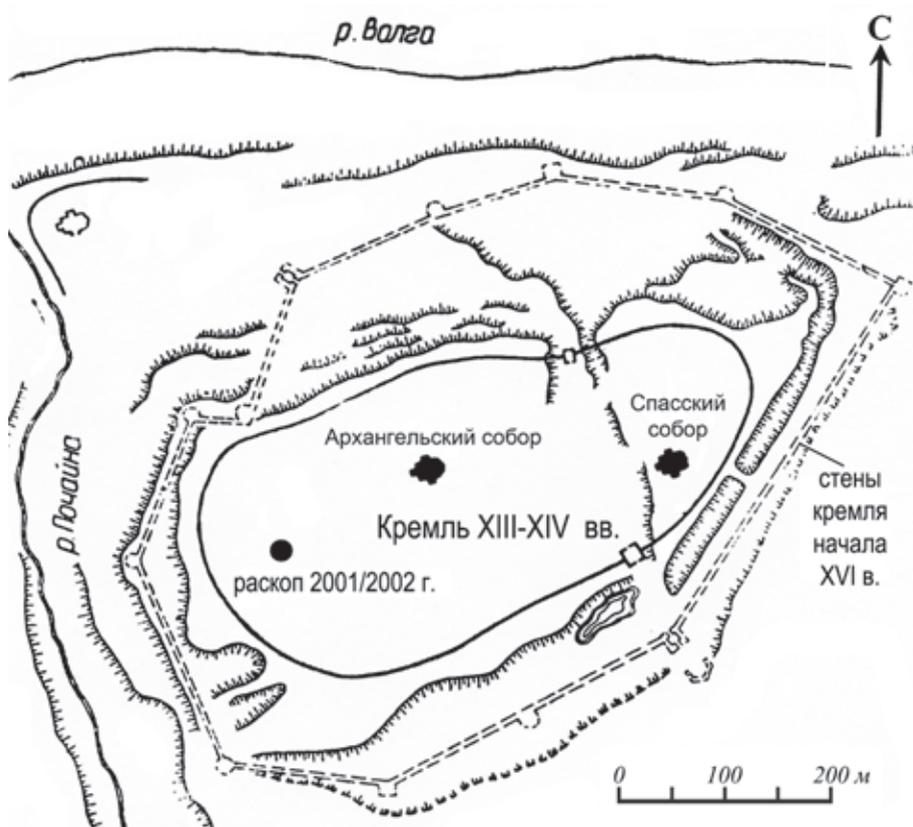

Рис. 1. Реконструкция Нижегородского кремля по С.Л. Агафонову, 1960 г. (Агафонов, 2008. С. 99). В качестве подосновы использован план Ивана Вимонда 1769 г. (РГИА. Ф. 1310. Оп. 1. Д. 40). Показано местоположение раскопа 2001–2002 гг.

Наиболее раннее сооружение I имело подквадратную форму. По углам дна расчищены столбовые ямы, соединённые канавками – следами бревенчатой или жердевой обшивки стен. Внутренние размеры сооружения 2,6×2,8–3 м, глубина около 1,6 м от уровня материка. Ориентация по сторонам света. Заполнение, состоящее из гумусированной глины с включениями угольков, сохранилось лишь в придонной части, на толщину около 10 см, так как его прорезало более позднее сооружение II.

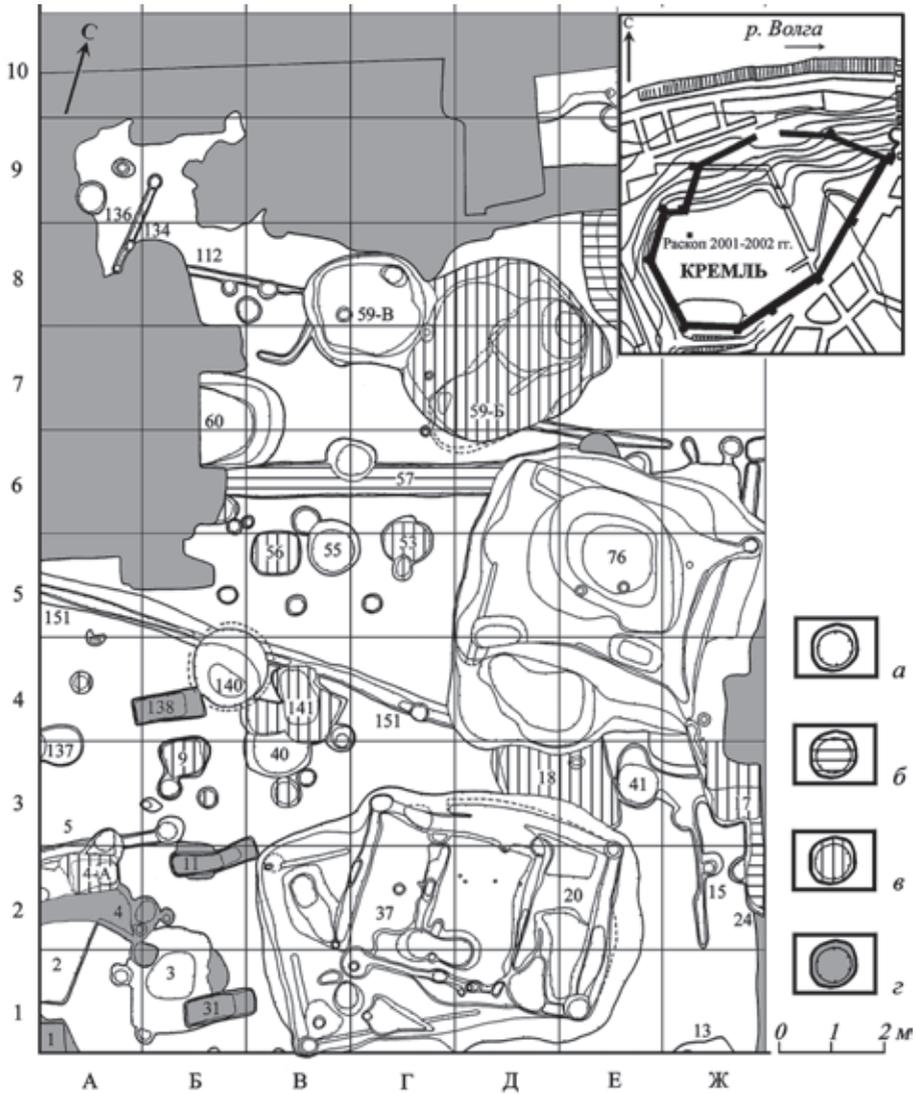

Рис. 2. Нижегородский кремль. Юго-западная часть раскопа 2001–2002 г. на уровне материковых ям: *а* – ямы XIV в., *б* – ямы XVI–XVII вв., *в* – ямы XVIII в., *г* – ямы XIX–XX вв.

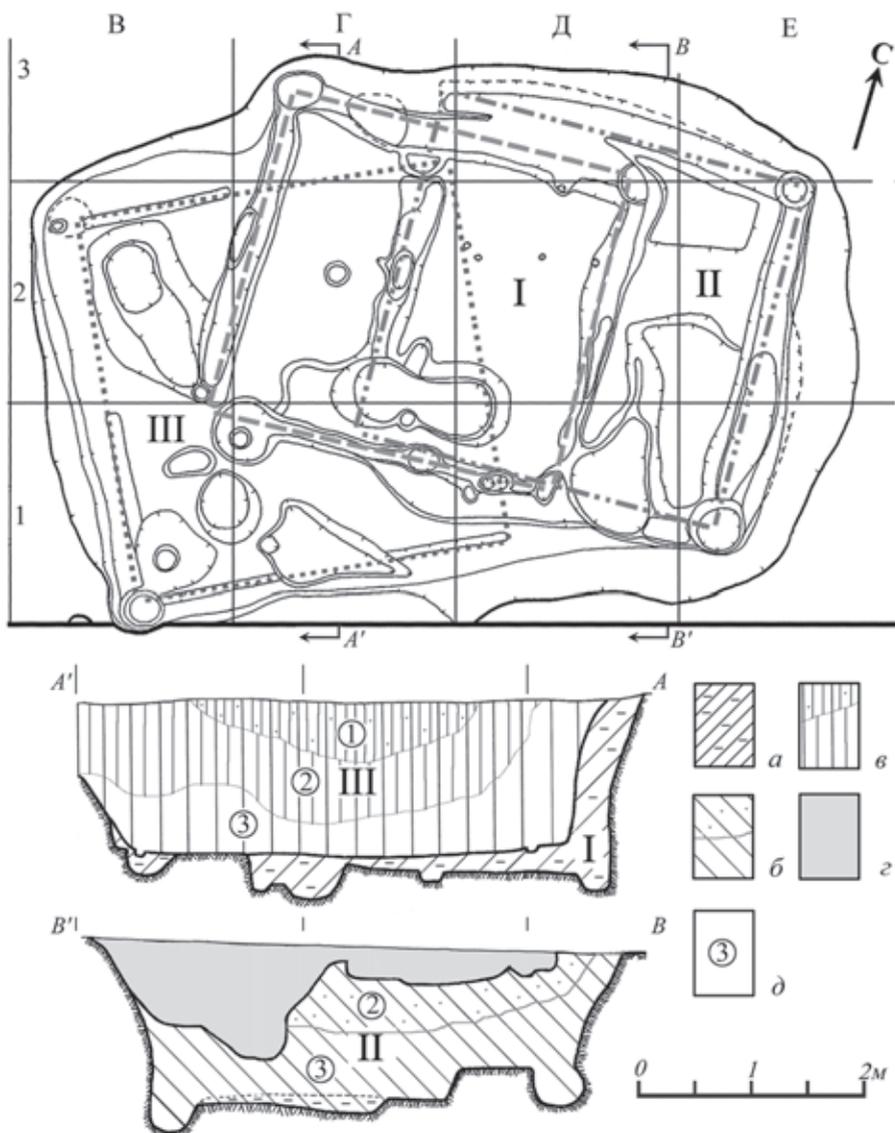

Рис. 3. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Комплекс ямы 20/37: а – заполнение сооружения I; б – заполнение сооружения II; в – заполнение сооружения III; z – поздние перекопы; d – номера слоев.

Сооружение II имело конструкцию, аналогичную сооружению I, но смещено к востоку на 1,5 м. Яма подквадратная 4,4×4,4 м, глубиной 1,5 м от уровня материка. Внутренняя конструкция состояла из четырёх угловых столбов (ямы диаметром 35–50 см) и соединяющих их бревен, от которых остались канавообразные отпечатки шириной 25–40 см. Размеры внутреннего пространства камеры составляли 3×3 м. Ориентация по сторонам света.

Сооружение III было развернуто по линии северо-запад – юго-восток и смещено относительно сооружения II к востоку на 2,5 м, прорезало юго-западный угол сооружения II и западную часть сооружения I. Общая структура сооружения читалась при зачистке поверхности пятна ямы. Оконтурилось подквадратное пятно бурого пестроцвета размерами около 4×4 м с округлыми выступами по углам – столбовыми ямами. При разборке заполнения ямы выявлены прослойки древесного тлена толщиной около 10 см, соединяющие угловые столбовые ямы. Пространство между краями ямы и деревянной обшивкой было забутовано материковой глиной с примесью гумуса. Плоское дно ямы находилось на глубине 1,4–1,5 м относительно уровня материка. Сохранились следы древесного пола, выстилающего дно ямы. Внутренние размеры сооружения 3,4×3,4 м.

Описанные ямы являются подпольями наземных построек. Поскольку это открытые комплексы, возникает вопрос: насколько точно их заполнение может датировать сами постройки (ср.: *Коваль*, 2007). Судя по стратиграфии ямы 20/37, ко времени функционирования комплекса относится только слой, сохранившийся в придонной части сооружения I и состоящий из гумусированной глины, в которой найдена исключительно сероглиняная грубая керамика, характерная для Нижнего Новгорода XIII–XIV вв. (*Грибов*, 2006), а также 4 фрагмента стеклянных браслетов и 2 фрагмента кашинной поливной керамики. Нижние слои сооружений II и III относятся уже ко времени разрушения построек. В них найдена также только керамика XIII–XIV вв.: сероглиняная грубая с примесью белоглиняной ранней и красноглиняной лощёной. Слой 3 сооружения II характеризует также находка трёх фрагментов стеклянных браслетов, а слой 3 сооружения III – находка пяти фрагментов стеклянных браслетов и трёх фрагментов кашинной поливной керамики. На границе слоев 2 и 3 сооружения II расчищен развал обожженной глины от сброшенной в котлован печи. Слои 2 сооружений II и III образовались, по-видимому, при засыпке ям окружающим культурным слоем. В них преобладает ранняя керамика, но есть примесь керамики XVI–XVIII вв., а также фрагменты стеклянных браслетов (10 и 22 соответственно) и кашинной керамики (5 и 67). Верхняя часть заполнения (слои 1 сооружений II и III) частично нарушена поздними перекопами и содержит мешаный материал от XIV до XVIII в.

Таким образом, материал из слоя 2 сооружений II и III, хотя и является переотложенным, но, в основном, относится ко времени функционирования построек и может их характеризовать. Слой 1 – по-видимому, результат нивелировки и содержит материал нескольких столетий.

Комплекс 59 состоит из трех перерезающих друг друга ям (рис. 4).

Наиболее ранняя – 59-В – относится к XIV в., но содержит примесь находок XVIII в., попавших из ям 59-Б и 59-А. Находки XIV в.: 3 фрагмента стеклянных браслетов, перстень стеклянный плосковыпуклый с овальным

щитком полупрозрачный бирюзовый, бусина стеклянная биконическая пастовая бирюзовая, 2 фрагмента кашинной керамики с подглазурной росписью и 1 фрагмент красноглиняный с прозрачной зелёной поливой, ключ типа В1 и пружина замка. Находки XVIII в.: фрагмент мундштука белоглиняного, пряслице из стенки морёного сосуда, заготовка пряслица из стенки морёного сосуда, 2 фрагмента сосуда красноглиняного с жёлтой прозрачной поливой и подглазурной росписью белым ангобом. Керамика: преобладает сероглиняная грубая, единичны фрагменты поздней, попавшей при перекопе из ям 59-А и 59-Б, – белоглиняной лощеной, чёрнолощеной, морёной и кирпично-красной с белым ангобом.

В яме 58-А находки делятся на две группы: вещи XIV в., попавшие в заполнение, по-видимому, при перекопе ямы 59-Б, и вещи времени функционирования комплекса. Находки XIV в.: 3 фрагмента стеклянных браслетов, фрагмент стеклянного перстня плосковыпуклого синего прозрачного,

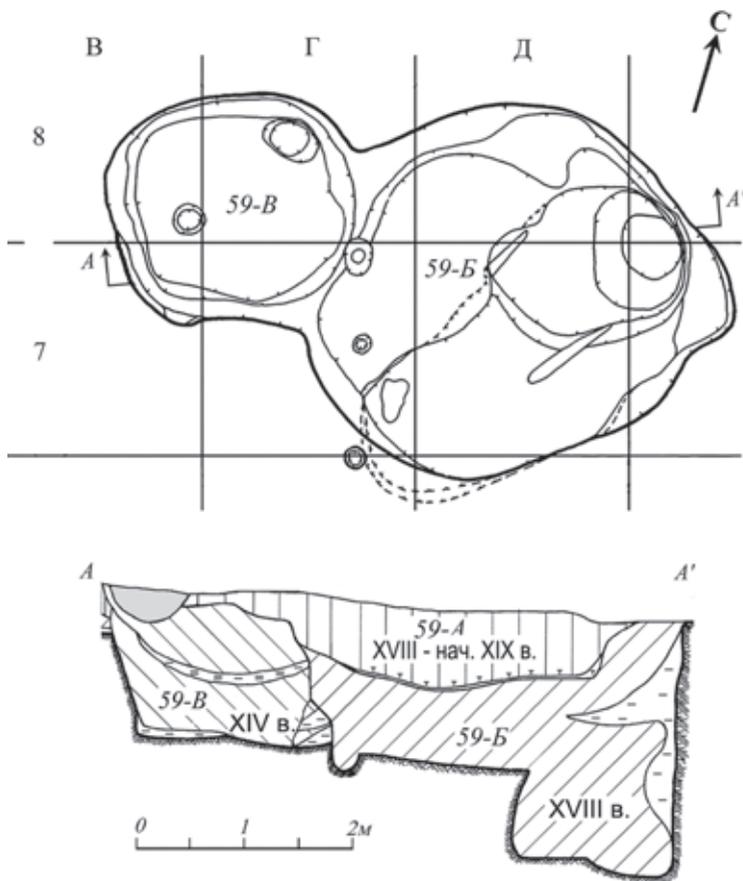

Рис. 4. Нижегородский кремль. Раскоп 2001–2002 гг. Комплекс ям 59-А, 59-Б и 59-В.

фрагмент венчика селадонового сосуда, 11 фрагментов кашинной керамики (в т.ч. 1 – псевдоселадон), фрагмент литейной формы (для отливки свинцовых грузиков в виде тонкого кружка с валикообразным краем и вертикальной ножкой-втулкой в центре), 8 фрагментов тиглей, ключ типа В (фрагмент), наконечник стрелы типа 33 по А.Ф. Медведеву (XII – первая половина XIII в.), грузик свинцовый колесообразный. Находки XVIII в.: подковка сапожная, пряслице из стенки белоглиняного сосуда. Керамика: мешаная от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. (в т.ч. днище с клеймом) до морёной XVIII – начала XIX в.; количественно преобладает белоглиняная гладкая тонкая; развалы белоглиняного горшка и красноглиняного лощёного кувшина. При этом находки XIV в. количественно преобладают, так как яма была заполнена окружающим культурным слоем. Основанием для отнесения ее к XVIII в. является находка на дне развалов белоглиняного горшка и красноглиняного лощёного кувшина.

Пятно ямы 59-А в верхней части почти полностью перекрывает ямы 59-Б и 59-В. Находки делятся на две группы: вещи XIII–XIV вв., попавшие в заполнение, по-видимому, при перекопе ямы 59-В, и вещи XVIII – начала XIX в. Находки XIII–XIV вв.: 2 фрагмента стеклянных браслетов, бусина пастовая бочонковидная красная (фрагмент), фрагмент стеклянного сосуда с росписью цветной эмалью и золотом, 3 фрагмента кашинных сосудов с подглазурной полихромной росписью, грузик свинцовый конусообразный, 3 грузила красноглиняные, каменный крест-тельник с прямоугольными окончаниями лопастей, наконечник стрелы, близок к типу 33 по А.Ф. Медведеву (XII–XIII вв.), 15 ножей и их фрагментов, 5 подковок обувных, 2 фрагмента тиглей; ключ от замка типа Д или Е (середина XIV – XVI в.). Находки XVIII – начала XIX в.: фрагмент сосуда с росписью белой эмалью, фрагмент печного изразца полихромного рельефного поливного, фрагмент свистульки красноглиняной. Количественно преобладают индивидуальные находки XIV в. Керамика: мешаная от сероглиняной грубой XIII–XIV вв. до морёной XVIII – начала XIX в.; количественно преобладает белоглиняная гладкая тонкая, далее – чёрнолощёная и морёная. Основанием для датировки комплекса XVIII – началом XIX в. служат развалы белоглиняных, красноглиняных и чёрнолощёных сосудов, находившиеся на древесном тлене, выстилающем дно ямы.

Аналогичная картина наблюдается и в других крупных комплексах, в заполнении которых совстречаются находки от XIV до XVIII в. включительно.

Выводы из этих наблюдений имеют практическое применение: во-первых, заполнение ямы может содержать отложения нескольких столетий; во-вторых, количественное преобладание находок определенного периода не является основанием для датировки комплекса; в-третьих, наиболее надежная датирующая находка – развалы керамических сосудов на дне ямы.

Литература

- Агафонов С.Л.*, 1960. Новые исследования укреплений Нижегородского кремля // Архитектурное наследство. Вып. 12. М. С. 83–94.
Агафонов С.Л., 1976. Нижегородский кремль. Горький.

- Агафонов С.Л.*, 2008. Нижегородский кремль. 2-е изд. Н. Новгород.
- Ануфриева И.В.*, 2004. Новые археологические материалы по исторической топографии Нижнего Новгорода // НИКА. Н. Новгород. С. 22–38.
- Ануфриева И.В.*, 2010. Памятник археологии культурный слой города Нижнего Новгорода. Краткое описание // НИКА. Вып. 12. Н. Новгород. С. 12–18.
- Ануфриева И.В., Четвертаков Е. В.*, 2012. Новые археологические материалы по топографии укреплений Нижегородского детинца // Культурный слой. Вып. 1. Н. Новгород. С. 11–18.
- Борисов А.В.*, 2010а. Природные процессы и формирование заполнений котлованов средневековых построек // РА. № 3. С. 119–129.
- Борисов А.В.*, 2010б. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // АП. Вып. 6. М. С. 99–106.
- Борисов А.В.*, 2014. Диагностические слои в заполнении котлованов построек // АП. Вып. 10. М. С. 339–343.
- Воронин Н.Н.*, 1962. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 2. XIII–XV ст. М.
- Грибов Н.Н.*, 2006. Хронология керамических комплексов русских поселений эпохи Золотой орды (по материалам памятников района устья р. Оки) // НИКА. Вып. 10. Н. Новгород. С. 62–91.
- Грибов Н.Н.*, 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение, интерпретация // АП. Вып. 8, М. С. 155–165.
- Гусева Т.В.*, 1996. Культурный слой Нижнего Новгорода как исторический источник // НИКА. Н. Новгород. С. 22–48.
- Енукова О.Н.*, 2007. Домостроительство населения междуречья Сейма и Псла в IX–XIII вв. Курск. 218 с.
- Енукова О.Н.*, 2011. Вопросы методики и реконструкции славяно-русского жилья в условиях «сухого» слоя [Электронный ресурс] // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (10). Т. 2. (<http://scientific-notes.ru/pdf/021-005.pdf>)
- Коваль Ю.В.*, 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // АП. Вып. 3. М. С. 58–70.
- Коваль Ю.В.*, 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // АП. Вып. 6. М. С. 84–98.

Summary

V.A. Lapshin

THE DATING OF THE COMPLEXES OF LONG-TERM ACCUMULATION (ON THE MATERIALS OF THE EXCAVATIONS IN THE NIZHNY NOVGOROD'S KREMLIN)

The article is devoted to the Dating of the complexes long filling on the example of in-depth parts of the buildings which were examined in 2001–2002 on the territory of Nizhny Novgorod's Kremlin. Examination of their stratigraphy has led to the following conclusions: filling in the pits in the mainland may contain deposits of several centuries; the quantitative predominance of the finds of a certain period is not a basis for the Dating of the complex; the most reliable Dating find is the breakup of a ceramic vessel on the bottom of the pit.

С.И. Милованов

ИСТОРИЯ СЛОЖЕНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДА ВЛАДИМИРА (К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ УКРЕПЛЕНИЙ)¹

Вопросы топографии оборонительных укреплений Владимира-на-Клязьме, одного из ведущих центров Северо-Восточной Руси, неоднократно привлекали внимание исследователей (*Бунин*, 1900; *Воронин*, 1961; *Глазов*, 1978; *Додурова*, 1980 и др.). Но проблема остается актуальной и полностью не раскрыта на сегодняшний день. Одной из причин неразработанности вопроса является то, что данные работы опирались либо исключительно на письменные источники, или же привлекали результаты археологических исследований середины – 2-й половины XX в.

На сегодняшний день фортификационные сооружения древнего Владимира сохранились фрагментарно на небольших участках. В древности они образовывали четыре укрепленные части города – западную, среднюю, восточную и Детинец. Публикаций, посвященных истории формирования оборонительного комплекса Владимира-на-Клязьме, в которых бы представлялась целостная концепция развития города, не так много (*Милованов*, 2014. С. 184–186). Наиболее аргументированной и признанной большинством исследователей является точка зрения Н.Н. Воронина, которая была сформулирована им в середине XX в. (*Воронин*, 1946; 1961). Согласно ей, в 1098–1108 гг. Владимир Мономах возводит укрепления средней части города. В середине XII в. строятся оборонительные укрепления с востока с Золотыми воротами и с запада с Серебряными воротами. В конце столетия возводятся каменные стены Детинца в юго-западной части среднего города.

Среди последних исследований, посвященных данной тематике, стоит отметить работу С.В. Заграевского «Историческая топография домонгольского Владимира» (*Заграевский*, 2015). В ней проведен анализ различных версий

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Оборонительные укрепления Печерного города Владимира-на-Клязьме: топография, конструкции, этапы формирования», проект № 13-31-01212.

истории возведения оборонительных укреплений города, местонахождения городских ворот и других вопросов, связанных с исторической топографией города. В исследовании автор предлагает и свои варианты времени строительства фортификационных сооружений Владимира. Для каждой из частей города даются различные даты возведения их укреплений. Так, оборонительные укрепления западной части могли быть возведены как Владимиром Мономахом, так и Андреем Боголюбским, средней части – Владимиром Святославичем или Владимиром Мономахом, для восточных укреплений предлагается три варианта даты сооружения фортификаций – ранее середины XII в., середина XII в. или позже (*Заграевский, 2015*). Таким образом, данное исследование касательно истории возведения оборонительных укреплений является скорее историографическим обзором с некоторыми предположениями автора, чем структурированным построением по истории оборонительного комплекса города.

Анализ археологического материала, выявленного в ходе исследований последних лет, позволяет по-новому рассмотреть историю развития оборонительного комплекса древнего Владимира.

Наиболее важные результаты получены при раскопках укреплений Ивановского вала в 2010–2011 гг., ограничивавшего с восточной стороны центральную часть города. Проведение археологических исследований на широкой площади (323 кв. м), фиксация массового керамического материала и индивидуальных находок не только по пластам, но и по слоям, использование естественно-научных методов позволило разделить изученные культурные напластования на 7 стратиграфических горизонтов, отражающих разные этапы освоения данной территории, и надежно их датировать (рис. 1).

Участок, где осуществлялись археологические работы, находился на краю коренной террасы, ограниченной с северо-востока оврагом, к настоящему времени засыпанным (современная ул. Осьмого). Его кромка зафиксирована в восточной части раскопа, на глубине 5 м от уровня современной поверхности.

На материке прослежен горизонт древней пашни, представленной слоем темно-коричневого плотного суглинка с единичными включениями мелких фракций древесного угля (**горизонт I**). Его мощность в различных частях раскопа была неодинаковой и составляла от 6–8 см до 18–24 см. Согласно результатам микробиоморфного анализа, пашня была заброшена, заросла различными травами². Процесс формирования луговой дернины на поверхности пахотного горизонта свидетельствует об отсутствии на данной территории активной жизнедеятельности какой-то промежуток времени.

Непосредственно на погребенном дерне залегал тонкий слой с максимальной мощностью 3–4 см, связанный с жилым горизонтом (**стратиграфический горизонт II**). На основании археологических материалов и результатов радиоуглеродного датирования хронологические рамки жилого горизонта определяются в пределах 1-ой половины – середины XII в. (*Милованов, 2014. С. 190–191*).

Наблюдения над стратиграфией заполнения ям, сохранностью деревянных конструкций, характером слоя, отложившегося на пахотном горизонте, позволяют

² Микробиоморфный анализ проведен д.г.н., в.н.с. Института географии РАН А.А. Гольевой.

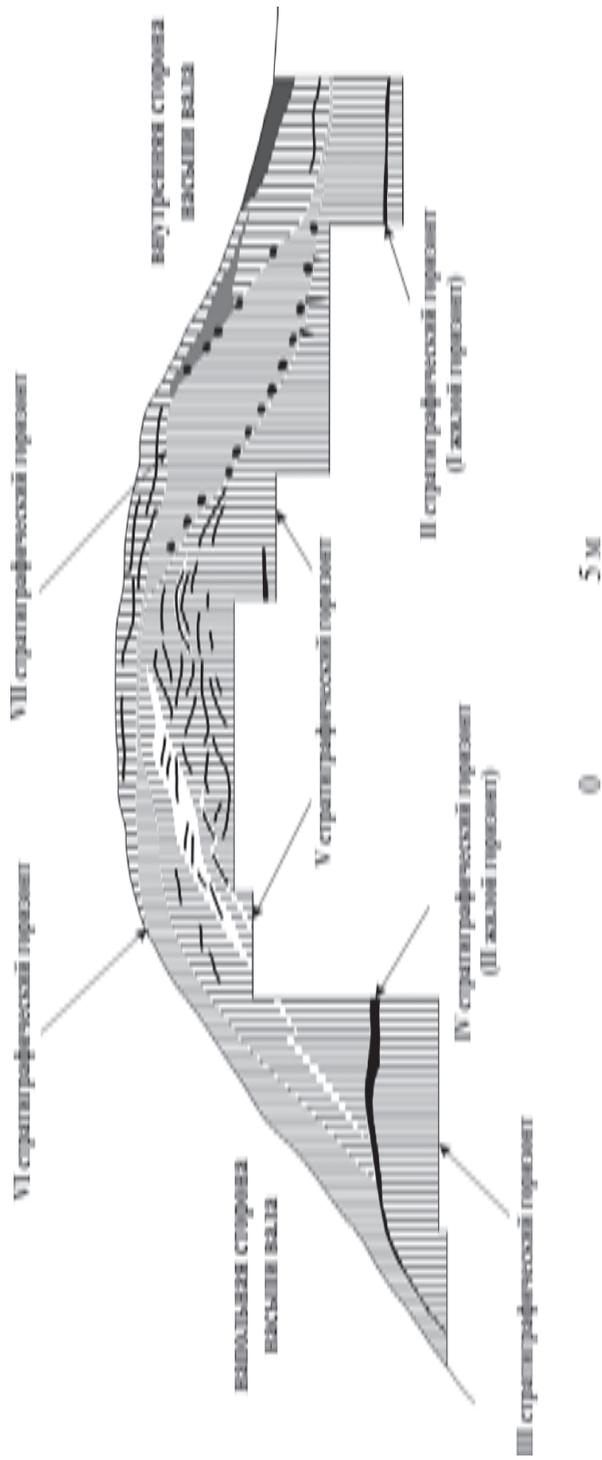

Рис. 2. Профиль разреза Ивановского вала. Исследования 1953 г.

говорить, что исследованные в раскопе постройки, существовавшие здесь до начала возведения оборонительных укреплений, не погибли в пожаре, а были разобраны, и фактически сразу же на освободившейся территории возводились первоначальные оборонительные укрепления (**III стратиграфический горизонт**) (рис. 1; см. цв. вклейку).

Максимальная мощность слоев, образующих III стратиграфический горизонт, составляла 0,65–1 м. Ввиду очень плохой сохранности остатков первых фортификационных сооружений и их сильной руинированности проследить какие-либо конструктивные особенности невозможно. Характер залегания слоев III стратиграфического горизонта свидетельствует, что на данном участке происходила нивелировка поверхности. Вероятно, укрепления были преднамеренно разобраны.

Следующий период связан с существованием усадебной застройки на исследованной территории (**IV стратиграфический горизонт**) (рис. 1; см. цв. вклейку). Выделяется два этапа функционирования данного жилого горизонта, разделенных пожаром. С данным горизонтом соотносится наибольшее количество находок – около 7800 фрагментов гончарных сосудов и 211 предметов, которые всесторонне характеризуют материальную культуру населения города в эпоху Средневековья.

Сопоставление результатов радиоуглеродного датирования, датировок предметов, установленных на основе обращения к аналогиям, результатов изучения керамической коллекции и стратиграфических наблюдений позволяет определить хронологические рамки рассматриваемого жилого горизонта в пределах 2-й половины XII – 1-й трети XIII в.

Постройки и объекты, связанные с данным жилым горизонтом, погибли в пожаре, после которого застройка здесь не возобновилась. Слои пожара был разровнен и на нем вновь были возведены оборонительные укрепления (**V стратиграфический горизонт**). Фортификационные сооружения второго строительного горизонта, так же как и первого, были возведены в два этапа (рис. 1; см. цв. вклейку). Выделенные этапы относятся к одному строительному периоду возведения оборонительных укреплений в данной части города. Строительство данных оборонительных укреплений произошло не ранее 1-й трети XIII в.

После разрушения оборонительных укреплений на поверхности руинированных остатков формируется довольно мощный почвенный горизонт (до 30 см) (**стратиграфический горизонт VI**), зафиксированный с napольной стороны (рис. 1; см. цв. вклейку). В нем выявлено 18 фрагментов круговых сосудов эпохи Средневековья – Нового Времени. Керамический материал и толщина почвенного горизонта свидетельствуют о длительном периоде его формирования.

В почвенном горизонте прослежены остатки вбитых колов от крепежной стены, которая предохраняла насыпь вала от сползания в овраг. Выделяется два одновременных периода в сооружении данной стены в период формирования почвенного горизонта. Данное обстоятельство свидетельствует, что после разрушения оборонительных укреплений второго строительного горизонта данный участок не был заброшен, и, видимо, образовавшийся вал использовался как основание для сооружения оборонительных укреплений, которые уже не

были зафиксированы в раскопе. На самом почвенном горизонте прослежены слои, свидетельствующие о ремонте оборонительных укреплений в Новое время (**стратиграфический горизонт VII**).

Дальнейшая история оборонительных укреплений на данном участке не может быть установлена, так как они были скрыты в XIX в.

В 1953 г. по оси ул. Подбельского под руководством Н.Н. Воронина был осуществлен разрез сохранившейся части оборонительных укреплений Ивановского вала. Он располагался в 95 м к северо-западу от раскопа 2010–2011 гг.

Авторы работ сделали следующие выводы по стратиграфии и хронологии оборонительных укреплений:

– оборонительные укрепления были сооружены на культурном слое. Насыпь вала без внутренних деревянных конструкций возводилась в два строительных приема, относящихся к одному строительному периоду;

– в XV – начале XVI в. с тыльной стороны укреплений была произведена досыпка грунта с целью расширения их верхней площадки (*Воронин, Раппопорт, 1953. С. 20*).

Таким образом, было выделено три этапа в освоении данной части города.

Непосредственное обращение к тексту отчета позволяет говорить, что стратиграфия оборонительных укреплений и периодизация истории освоения данного участка полностью совпадают с результатами работ 2010–2011 гг. (рис. 2). При интерпретации полученных материалов исследователями была допущена ошибка. При описании слоев произошло механическое совмещение двух разновременных хронологических горизонтов. Согласно тексту научного отчета, темный культурный слой мощностью 7–10 см, лежащий «непосредственно на материке», прослежен с napольной и внутренней стороны вала. «В лицевой части вала толщина культурного слоя 10–15 см, но местами этот слой утолщается до 30 см. В его основании лежит угольная прослойка, а выше находится слой докрасна обожженной глины, также и сверху культурный слой прикрыт угольной прослойкой» (*Воронин, Раппопорт, 1953. С. 15*).

Результаты исследований 2010–2011 гг. показывают, что в 1953 г. с внутренней стороны укреплений прослежен слой погребенной почвы и лежащий на нем слой первого жилого горизонта. А с napольной стороны вала – другой стратиграфический жилой горизонт, погибший в мощном пожаре и располагавшийся уже на руинированных остатках первоначальных оборонительных укреплений, а не под ними.

Наиболее интересные и полные материалы получены для выделенного нами VII стратиграфического горизонта – ремонта фортификационных сооружений в XV–XVI вв. (*Воронин, Раппопорт, 1953. С. 19*).

Итак, на основании приведенных данных история освоения участка исследования представляется следующим образом.

В результате работ установлено, что первоначально территория, впоследствии ставшая восточной частью центральной части города, использовалась под сельскохозяйственные нужды (**стратиграфический горизонт I**). Пашня была заброшена продолжительный промежуток времени, на ее поверхности сформировалась луговая дернина. Второй этап (**стратиграфический**

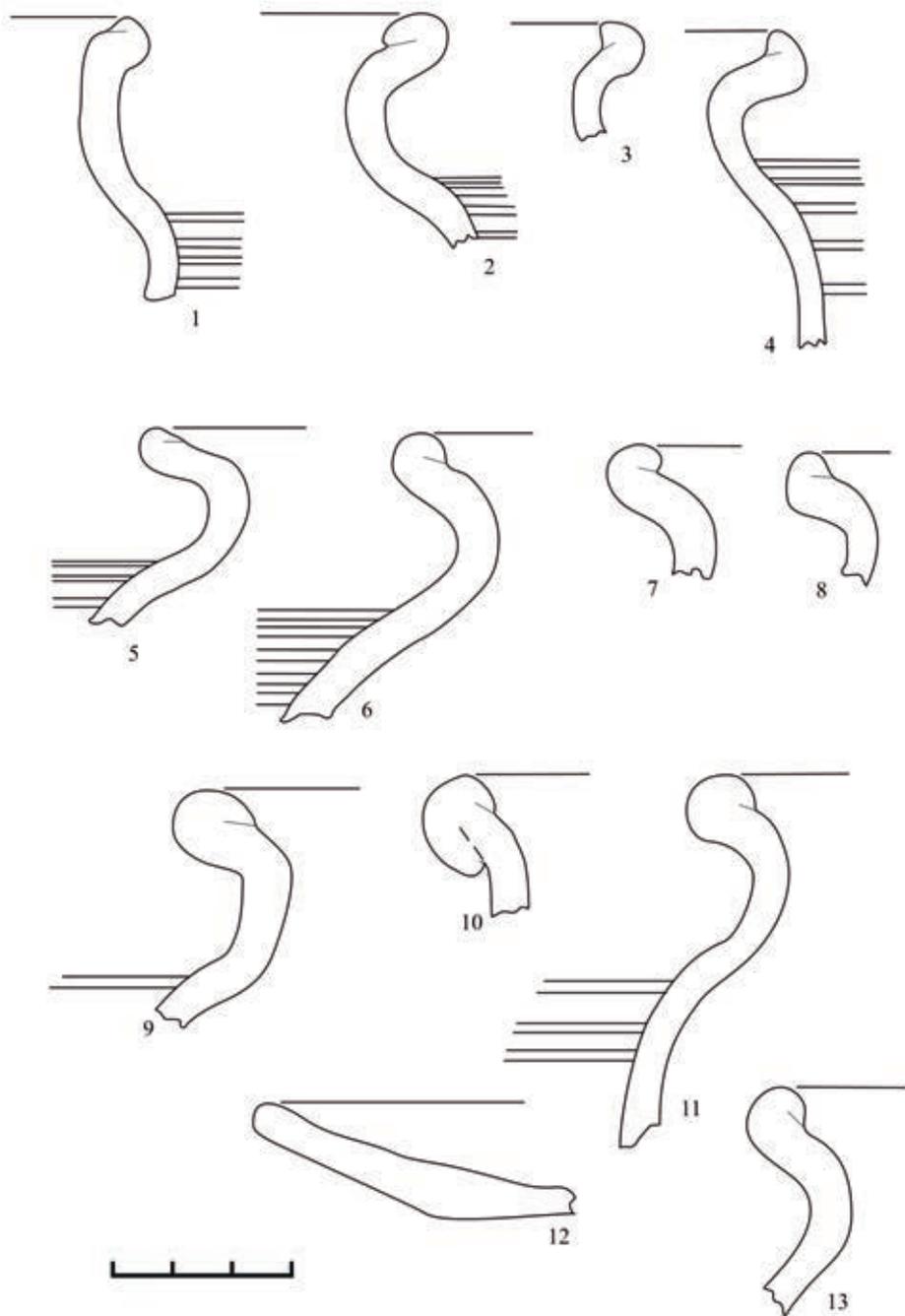

Рис. 3. Массовый керамический материал из культурного слоя под оборонительными укреплениями, исследованными по адресу ул. Б. Нижегородская, 34, в 2005 г.

горизонт II) – существование неукрепленного посада в 1-й половине – середине XII в. Обращение к результатам исследований 1953 г. позволяет говорить, что до начала возведения восточных оборонительных укреплений в центральной части города была заселена довольно обширная площадь, по крайней мере, вдоль древнего оврага. На жилом горизонте были возведены первоначальные оборонительные укрепления (**стратиграфический горизонт III**). Укрепления просуществовали недолго, они были разобраны, площадка была выровнена. Следующий этап связан с активной жизнедеятельностью и существованием усадебной застройки на исследованном участке (**стратиграфический горизонт IV**). Постройки и объекты, связанные с данным жилым горизонтом, погибли в мощном пожаре. Слой пожара был разровнен и на нем не ранее 1-й трети XIII в. были возведены укрепления второго строительного горизонта оборонительных укреплений (**V стратиграфический горизонт**). К этому же этапу относится период функционирования и разрушения данных оборонительных укреплений.

Затем на данном участке продолжительное время не фиксируется активной строительной деятельности – происходит формирование почвенного горизонта на поверхности руинированных остатков оборонительных укреплений. В результате исследований 1953, 2010–2011 гг. прослежены слои и конструкции, свидетельствующие о возобновлении фортификационных сооружений и их ремонте в позднее Средневековье – Новое время (**стратиграфический горизонт VII**).

Исходя из полученных данных, можно утверждать, что первые оборонительные укрепления, ограничивающие центральную часть города с востока, возведены в период середины – 2-й половины XII в., а не в начале этого столетия, как считалось ранее. Наиболее вероятно, что их постройка связана с градостроительной деятельностью Андрея Боголюбского, который «град Владимирь заложи велик зело попремному больши первого» (ПСРЛ, 2000. Т. IX. С. 211). Эти укрепления функционировали недолго, после того как они были разрушены или разобраны, освободившаяся территория была застроена.

Интересным представляется вопрос, когда это могло произойти. Безусловно, неоспоримым является тот факт, что оборонительные укрепления в данной части города могли быть разобраны только тогда, когда они перестали выполнять свою основную функцию – защищать город. Вполне логично, что это произошло, когда возводятся оборонительные укрепления в восточной части Владимира – Ветчаного города.

В 2005 г. часть укреплений Ветчаного города была изучена во время проведения археологических исследований по адресу ул. Б. Нижегородская, 34. В процессе работ зафиксированы остатки оборонительной стены и, что особенно важно, культурный слой, предшествовавший ее возведению. Авторы работ датировали его 1-й половиной XII в., не аргументируя предложенную дату (*Очеретин, Очеретина, 2007. С. 84*). Однако непосредственное обращение к материалам раскопок не позволяет согласиться с предложенной датировкой. Выявленный керамический материал в данном культурном слое позволяет датировать слой более широко – в рамках середины XII – XIII в. (рис. 3)

Обращение к опубликованным материалам раскопок Зачатьевского вала 2007 г. при всей неоднозначности их интерпретации все же позволяет говорить,

что укрепления были возведены на культурном слое, отложившемся в течение 2-ой половины XII в. (Григорьев, 2008. С. 93–96). Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что фортификационные сооружения Ветчаного города были возведены позже укреплений первого строительного горизонта Ивановского вала. Наиболее вероятно, что их строительство было осуществлено в последней четверти XII ст. Поэтому участок, где находились первоначальные укрепления Ивановского вала, был застроен.

В связи с полученными данными интересно обратиться к результатам исследований западных оборонительных укреплений центральной части города.

В 1961 г. при прокладке уличной магистрали от ул. Володарского осуществлялись небольшие археологические исследования Троицкого вала. В результате раскопок было установлено, что фортификационные сооружения возведены в один строительный период, а под ними зафиксирован культурный слой (Седов, 1963. С. 37). Мощность слоя достигала 30–50 см. На основании выявленного керамического материала автор работ датировал его XII ст. (Седов, 1963. С. 40). Вследствие малочисленности находок более узкая датировка выявленного комплекса была невозможна.

Уточнить датировку культурного слоя, обнаруженного под конструкциями Троицкого вала, позволяють материалы исследований на территории 13 квартала исторического ядра Владимира. На данном участке 11-ю раскопами изучено около 2500 кв. м. Ближайший из раскопов к Троицкому валу (по адресу ул. Комсомольская, 6) находится от него на расстоянии 13 м к востоку (Зеленцова, Кузина, Милованов, 2011. С. 199).

Анализ археологического материала позволяет говорить, что застройка данного участка происходит не ранее середины XII в. Следовательно, и культурный слой, выявленный в основании оборонительных укреплений, может быть датирован не ранее этого времени. Определение верхней хронологической границы культурных напластований представляется затруднительным ввиду малочисленности выявленных находок.

Решить данную проблему позволяют материалы, полученные на другом участке исследований западных укреплений центральной части города в 2002 г. (по адресу ул. Б. Московская, 54) под руководством В.П. Глазова. Работа с результатами данных исследований представляет определенные трудности, так как отчет не был написан.

На основании доступных чертежей и частично сохранившегося описания культурные напластования удалось разделить на три стратиграфических горизонта (рис. 4, 1; см. цв. вклейку).

На материке залегал культурный слой (**I стратиграфический горизонт**), который предшествовал возведению оборонительных укреплений. Данные напластования можно разделить на два подгоризонта, между которыми зафиксирована стерильная песчаная прослойка.

Мощность горизонта 1А составляла 20–90 см. Столь большая толщина свидетельствует о длительном периоде его накопления и формировании в результате активной жизнедеятельности на участке. С данным стратиграфическим горизонтом соотносится 4435 фрагментов глиняных сосудов. В целом нижняя

хронологическая граница керамического комплекса определяется серединой XII в., так как здесь фактически нет лепной керамики, характерной для более раннего времени, за исключением двух фрагментов стенок лепных горшков с примесью дресвы в тесте и шероховатой поверхностью, и типов венчиков, распространенных в XI – 1-й половине XII в. Верхняя граница керамического комплекса может быть определена XIV–XV вв.

С рассматриваемым комплексом соотносится 140 предметов. Среди них можно отметить 4 предмета, которые позволяют уточнить верхнюю хронологическую границу рассматриваемого горизонта.

1) Наконечник стрелы железный – срезень в виде узкой вытянутой лопаточки. Наиболее распространены в XIII–XIV вв., но также продолжают бытовать до конца XIV – 1-й половины XV в. (*Медведев, 1966. С. 75; Двуреченский, 2007. С. 288*) (рис. 4, 2; см. цв. вклейку).

2) Фрагмент полуфаянсового сосуда с бесцветной глазурью и подглазурной бихромной росписью красками, изготовленный из твердого кашина. С обеих сторон на фрагменте зафиксированы следы росписи черной и синей красками. Для территории Руси в XIII – 1-й трети XIV в., подобные сосуды имели переднеазиатское происхождение (Иран, Сирия) (рис. 4, 4; см. цв. вклейку). Исследователями не исключается возможность их изготовления во 2-й трети XIV в. в золотоордынских городах (*Коваль, 2010. С. 82*).

3) Фрагмент ручки поливного сосуда, изготовленного из красножущейся глины с примесью песка. Ручка покрыта светло-желтой глазурью, под которой прослеживается роспись, выполненная ангобом (рис. 4, 5; см. цв. вклейку). Консультация по данному сосуду любезно предоставлена В.Ю. Ковалем. Наиболее вероятно, данный сосуд, русского производства середины – 2-й половины XIV в. (как один из возможных центров их производства может быть определен Нижний Новгород).

4) Серебряная золотордынская монета – хан Узбек, Сарай, год чекана 740 г.х. (1339/1340 гг.) (рис. 4, 3; см. цв. вклейку). Определение А.А. Гомзина. Монета обрезана, ее вес составляет 1,09 г, что позволяет отнести ее ко 2-й половине XIV в., когда в период Замятни в Орде распространяется практика обрезания монет.

На основании индивидуальных находок верхняя хронологическая граница рассматриваемого стратиграфического горизонта может быть определена в рамках 2-й половины XIV в.

Культурные напластования стратиграфического горизонта 1А по всей площади перекрыты стерильной песчаной прослойкой, что свидетельствует о планировочных работах на участке. Над ней прослежены слои, отнесенные к горизонту 1Б. Их общая мощность составляла 0,26–0,48 м. По ряду характеристик горизонт 1Б отличается от горизонта 1А:

– значительно меньше индивидуальных находок (3 шт.) и массового керамического материала (399 фр.);

– не прослеживается активная застройка; в профилях раскопа зафиксирована всего одна небольшая яма, относящаяся к данному горизонту.

Вопрос о формировании данного горизонта остается открытым. Если слой формировался постепенно, то это свидетельствует об отсутствии активной

жизнедеятельности на участке. Или же он сформировался одновременно и представляет собой нивелировку поверхности перед сооружением укреплений.

На данном горизонте были возведены оборонительные укрепления. Исследована только их нижняя часть. Чертежи и частичное описание позволяют говорить, что зафиксированные укрепления относятся к одному строительному горизонту.

Рассмотренные материалы позволяют говорить, что оборонительные укрепления, ограничивающие центральную часть Владимира с запада, были сооружены не ранее середины – 2-й половины XIV в.

В летописях содержится сообщение о разграблении и взятии Владимира нижегородскими и татарскими войсками в 1410 г.: «и придоша к Владимиру лесом безвестно из-за реки Клязьмы людем в полден спящим, а града тогда не было» (ПСРЛ. Т. VIII. 1859. С. 85). Трактовка сообщения об отсутствии «града» в начале XV в. не может быть однозначна. С одной стороны, это может обозначать ветхое состояние оборонительных укреплений Владимира, ввиду чего они не могли выполнять свою функцию – защиту города. Ведь Владимир, согласно этому же сообщению, был взят войском численностью в 300 человек. С другой стороны, это сообщение может свидетельствовать об отсутствии укреплений центральной части города, которые просуществовали до XVIII в. и были отражены на самом раннем сохранившемся чертеже Владимира, датированном 1715 г.

Но уже в конце XV в. в летописях содержится информация о строительстве укреплений. В 1485 г. «того же лета срублен град Владимир» (ПСРЛ. Т. XXV. 1949. С. 240). Через 7 лет, в 1492 г., «тое же весны послал князь великий диака своего Василия Кулишина рубити города Володимера древена по Васильеву окладу Мамырева и срубиша его в два месяца» (ПСРЛ. Т. VIII. 1859. С. 224; Т. XXV. 1949. С. 333). Видимо, летописи сообщают об одном и том же событии, но записанном под разными годами.

Здесь видно несоответствие между археологическими материалами о возведении оборонительных укреплений и летописными данными во времени около 100 лет. Этот факт может иметь два варианта объяснения:

– западные оборонительные укрепления центральной части Владимира были возведены во 2-й половине XIV – начале XV в., но это не было отражено на страницах письменных источников;

– укрепления были возведены в конце XV в., согласно летописным данным; а слои, отложившиеся в течение XV в., на рассматриваемом участке были срыты в процессе подготовки территории к возведению крепостной стены.

В связи с этим интересно обратиться к материалам исследований на территории 13 квартала. Усадебная и уличная планировка в данной части города в середине XII – XIV в. была стабильной и не претерпела существенных изменений. Согласно результатам исследований, изменение и трансформация планировочной системы на данном участке происходит во 2-й половине XV – начале XVI в., когда происходит изменение границ усадеб, ориентировки построек и трасс улиц (Милованов, Зеленцова, 2014. С. 119). Наиболее вероятно, что именно сооружение оборонительных укреплений явилось причиной существенных изменений планировки в данной части города.

Суммируя приведенные выше данные, можно сделать следующие выводы по истории развития оборонительного комплекса древнего Владимира. Оборонительные укрепления начала XII в. пока не найдены. В середине XII в. возводятся по периметру оборонительные укрепления от Золотых ворот до Рождественского монастыря (рис. 5, 1). В Ипатьевской летописи о строительстве оборонительных укреплений Андреем Боголюбским сообщается: «Князь же Андрей бе город Володимерь силу устроил, к нему же ворота золотая доспе, а другая серебром учини» (ПСРЛ. Т. II. 2001. С. 582). Если местоположение Золотых ворот не вызывает сомнений, то наиболее спорным остается расположение Серебряных ворот. Вероятно, они находились в восточной части города в районе Рождественского монастыря. Видимо, в конце XII в. строятся оборонительные укрепления Ветчаного города, одновременно разбираются восточные укрепления, возведенные в середине XII в., и освободившаяся площадь застраивается (рис. 6, 2). Предположительно, строительство укреплений Ветчаного города происходит одновременно со строительством Детинца, заложенного в 1194 г. (ПСРЛ. Т. I. 1927. С. 411).

В какой-то момент (не ранее середины XIII в.) восстанавливаются укрепления на месте восточных фортификационных сооружений середины XII в. (второй строительный горизонт Ивановского вала) (рис. 5, 3). При этом укрепления на территории, оказавшейся к востоку (Ветчанный город), постепенно приходят в упадок и не ремонтируются. Сама восточная часть города во 2-й половине XIII – XIV в. постепенно запустевает и там не прослеживается активная хозяйственная жизнь (*Жарнов*, 2003. С. 52, 53). В связи с предложенной моделью интересны сообщения письменных источников. Так, в Типографской летописи сообщается следующее: «град Володимер от Золотых ворот до Рождественских ворот шестьсот сажаней и сорок сажаней, а старый ветчанный город от Рождественских ворот до конца спа в длину к Зачатию шестьсот сажень и двадцать сажень» (ПСРЛ. Т. XXIV. 2000. С. 39). В этом кратком сообщении отображена не трехчастная структура города, а двухчастная, без выделения центральной части. При этом дается указание на функционирование оборонительных укреплений в западной части города, так как в качестве ориентиров приводятся ворота, в то время как главным ориентиром в восточной части города является «до конца спа», т.е. вала – руинированных оборонительных укреплений, которые не возобновлялись.

Позже (конец XV в.) путем строительства западных оборонительных укреплений (ныне Троицкий и Соборный валы) была выделена центральная часть города – известная по письменным источникам как Кремль (рис. 5, 4).

Представленная модель сложения оборонительного комплекса отображает историю развития Владимира, его возвышение в предмонгольскую эпоху и затем уже со 2-й половины XIII в. постепенные процессы деурбанизации, когда укрепленная площадь города уменьшается с 127 га до 35 га.

В связи с предложенной историей формирования оборонительного комплекса древнего Владимира интересно обратиться к вопросу об именовании различных укрепленных частей города. Согласно историографической традиции, центральная часть, имевшая укрепления по всему периметру, называется «Печерный» или «Мономахов» город, с запада к ней примыкает «Новый» или «Земляной» город, а с востока – «Ветчанный» (*Воронин*, 1961. С. 131).

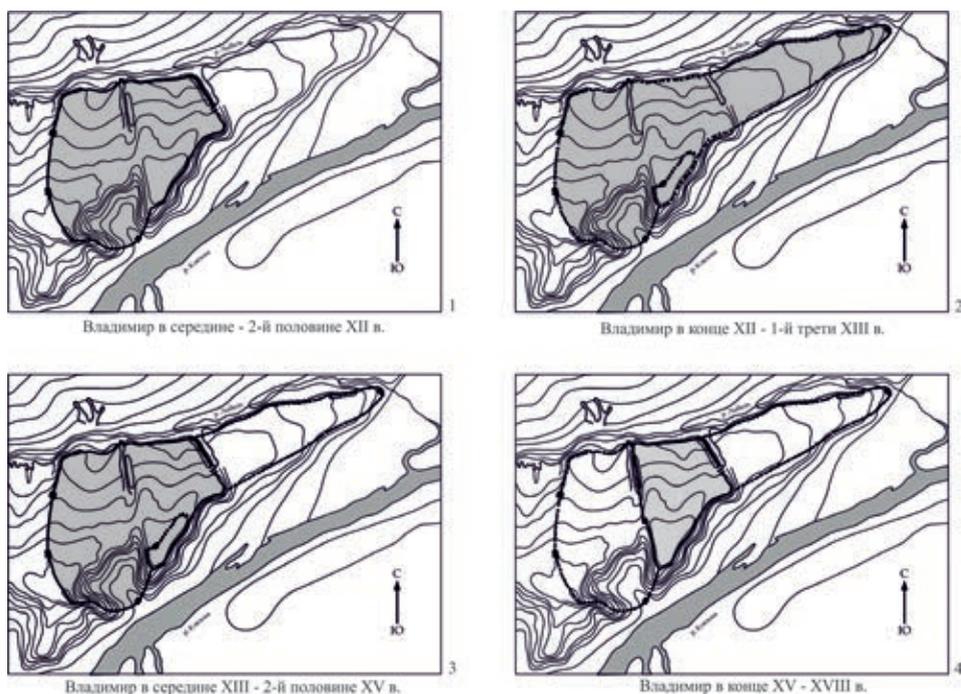

Рис. 5. Этапы развития оборонительного комплекса Владимира-на-Клязьме.

В летописных сообщениях упоминаются «Печерный город», «средний город» и «Новый город». В Лаврентьевской летописи о взятии монгольскими войсками Владимира говорится: «Татарове... от Золотых ворот у святого Спаса внидоша по примету черес город, а сюде от северныя страны от Лыбеди к Ориным воротом и к Медяным а сюде от Клязьмы к Волжским воротам; и тако вскоре взяша Новый град и бежа Всеволод и Мстислав, и вси людье бежаша в Печерный город» (ПСРЛ. Т. I. 1927. С. 463). Во Львовской летописи уточняется: «А князи бежаша во средний град» (ПСРЛ. Т. XX. 1910. С. 157). Летописи указывают на тождественность Печерного и среднего города. Ввиду того, что исследователями предполагалось, что оборонительные укрепления центральной части Владимира по периметру были возведены в домонгольское время, то и данные названия переносились на нее. Как было показано выше, центральная часть Владимира-на-Клязьме в начале XIII в. не имела оборонительных укреплений с запада и востока. В центре города на момент штурма находилась только одна укрепленная часть – каменный Детинец. Наиболее вероятно, что названия Печерный и средний относятся к нему.

Интерпретация «Нового города» в топографии Владимира не столь однозначна. Это мог быть город, укрепленный Андреем Боголюбским, или, что наиболее вероятно, это восточная часть Владимира, укрепления которой были возведены на рубеже XII–XIII вв. и являлись новыми по отношению к укреплениям середины XII в.

Названия «Земляной город», «Ветчаный город» имеют более позднее происхождение и относятся к XVI–XVII вв., когда город имел трехчастную структуру, в которой наиболее укрепленной была центральная часть – Кремль.

В заключение отметим, что история сложения оборонительного комплекса требует дальнейшего изучения. Появление новых археологических источников значительно дополнит наше представление по данной проблематике.

Литература

- Бунин А.И., 1900. К исторической топографии г. Владимира на Клязьме // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Т. II. Владимир.
- Воронин Н.Н., 1959. Из ранней истории Владимира и его окрестностей (по данным археологических раскопок) // СА. № 4.
- Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси. М.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Отчет об археологических разведках во Владимире летом 1953 г. // Архив Государственного историко-архитектурного и художественного Владимиро-Суздальского музея заповедника. 1953. № 50.
- Глазов В.П., 1978. В лето 6616-е (к топографии Владимира) // О крае родном. Люди, история, жизнь, природа земли Владимирской. Ярославль.
- Григорьев Д.Н., 2008. Раскоп 2007 г. на Нижегородской улице г. Владимира // АВСЗ. Вып. 2. М.
- Двуреченский О.В., 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // АП. Вып. 3. М.
- Дудорова Л.В., 1980. Новые данные о местонахождении древних ворот в древнем городе Владимире // СА. № 4.
- Жарнов Ю.Э., 2003. Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.
- Заграевский С. В., 2015. Историческая топография домонгольского Владимира. М.
- Зеленцова О. В., Кузина И. Н., Милованов С. И., 2011. Древнерусские усадьбы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3. М.; СПб.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. (САИ. Вып. Е1-36). М.
- Милованов С. И., 2014. К вопросу о времени возведения оборонительных укреплений Печерного города Владимира-на-Клязьме // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. Вологда. С. 184–192.
- Милованов С.И., Зеленцова О.В., 2014. Планировка северо-западной части Печерного города Владимира на Клязьме в эпоху Средневековья // КСИА. Вып. 233.
- Очеретин И.А., Очеретина С.В., 2007. Оборонительные сооружения «Ветшанного города» г. Владимира (по материалам раскопок 2005 г.) // АВСЗ. Вып. 1. М.
- ПСРЛ. Т. I. Л., 1927.
- ПСРЛ. Т. II. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. IX. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. XX. СПб., 1910.
- ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949.
- Седов В.В., 1963. Из полевых исследований 1961 г. // КСИА. Вып. 96.

Summary

S.I. Milovanov

HISTORY OF ADDITION OF A DEFENSIVE COMPLEX OF THE CENTRAL PART OF THE CITY OF VLADIMIR (TO THE QUESTION OF TOPOGRAPHY OF DEFENSIVE FORTIFICATIONS)

The article is devoted to history of addition of a defensive complex of medieval Vladimir. Several phases in its development are allocated. The most ancient fortification constructions are dated the middle of the 12th century. Fortifications of this time were built on perimeter from Golden Gate to Nativity Cloister. Probably, defensive fortifications of the Vetchany town are built at the end of the 12th century and at the same time the fortifications constructed earlier are dismantled at the Eastern side. There is an increase in the territory of the town, and it reaches its maximum size. The town is restored in the borders of the middle of the XII century in the middle – 2nd half of the XIII century. At the same time fortifications in the territory which appeared to be in the East (the Vetchany town) gradually fall into decay and are not under repair. The central part of the town, known from written sources as the Kremlin was allocated by the construction of the defensive fortifications (now Trinity and Cathedral ramparts) later (at the end of the XV century). The presented model of addition of a defensive complex, displays history of development of Vladimir, its rise during the pre-mongolian era, and then gradual processes of a de-urbanization already from the 2nd half of the 13th century when the fortified area of the town decreases from 127 hectares to 35 hectares.

Т.Е. Володина

ГЛИНЯНЫЕ ИГРУШКИ XII–XVIII вв. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2001–2012 гг. В 25-м КВАРТАЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА г. ВЛАДИМИРА

Среди разнообразного керамического материала, накопленного в ходе многолетних археологических работ, проведенных на территории 25 квартала исторического центра города Владимира (северо-восточная часть Ветшаного города), особое место занимают немногочисленные находки глиняных игрушек. В данной статье рассматриваются игрушки из археологических раскопок на ул. Большая Нижегородская (рис. 1): 2001–2002 гг. – дд. № 45А–49 (Жарнов Ю.Э., Мошенина Н.Н.); 2004 г. – дд. № 45–45А (Кабаев Д.А.); 2006 г. – д. № 27А (Очеретина С.В.); 2007 г. – д. № 27Б (Очеретина С.В.); 2007 г. – д. № 27Б (Григорьев Д.Н.); 2012 г. – дд. № 27–33 (Кабаев Д.А.). Собранный коллекция глиняных игрушек в общей сложности насчитывает 102 фрагментированных и целых экземпляра. Это составляет 13,6% от общего количества находок. Представленные глиняные игрушки можно разделить на зооморфные, шумящие и звуковые.

К зооморфным относятся игрушки, изображающие каких-либо животных. В культурном слое Владимира встречаются фигурки лошади, медведя, барана, утки. Эти игрушки не пустотелы, имеют сплошное, цельное тулово. Головы и лапы у них лепились отдельно, затем крепились к готовому туловищу, вследствие чего они часто отламывались при обжиге или игре. Формы и качество их исполнения различны. По всей видимости, это зависело от местности, где была изготовлена игрушка, от того, какое животное изображали (например, дикий или ручной медведь; лошадь для хозяйственных работ или для верховой езды), а также от индивидуальных особенностей и умения мастера, изготовившего её.

Среди игрушек, обнаруженных в 25 квартале, 5 фрагментов игрушек-коников, 2 фрагмента и 1 почти целая фигурка медведя, а также небольшой фрагмент поливной игрушки XVII–XVIII в., идентифицировать которую не представляется возможным.

Рис. 1. Схема расположения участков археологических исследований 25 квартала исторического центра г. Владимира.

В ходе археологических раскопок в городах находят большое количество разнообразных игрушек-коников. Это свидетельствует о большом значении этого животного в хозяйстве не только сельского жителя, но и горожанина. К тому же, в древности конь являлся культовым животным – символом солнца, добра и счастья. Представленные игрушки-коники изготовлены преимущественно из красножгущихся горшечных глин, отощенных песком, и полностью покрыты белым ангобом. Интересна находка фрагмента коника из раскопок Очеретиной С.В. 2006 г. (ул. Б. Нижегородская, 27А). Она представляет собой небольшую голову лошади с торчащими ушками, толстой выгнутой шеей, четко вылепленной гривой (рис. 2, 1). Судя по находкам похожих коников из раскопок в Суздале целая игрушка была высотой до 10 см и длиной туловища 9 см с короткими широко расставленными ногами, мощной выпуклой грудью и маленьким хвостом (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 18, 19). Найденная в ходе археологических исследований Кабаева Д.А. в 2012 г. (ул. Б. Нижегородская, 27–33) игрушка-коник представляет собой обломок корпуса с небольшой частью шеи и передних ног (рис. 2, 2). О том, что это фрагмент коника говорит характерный зашип, посредством которого мастер имитировал гриву. Трудно сказать, изображает игрушка «ломовую» лошадь или лошадь для верховой езды, т.к. большая ее часть отсутствует.

Детские игрушки составляют большой процент от полностью ангобированных изделий, найденных в Москве на Юзской гончарной слободе, в Зарядье, в Кремле, а также в Коломне. Датируются они по сопутствующей им керамике второй половиной XV – началом XVI в. (Розенфельдт, 1968. С. 18) Суздальские игрушки-коники датируются более поздним временем – XVI–XVII вв. (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 18, 19). В культурном слое Владимира полностью ангобированная керамика, по сравнению с красноглиняной и краснолощеной, встречается в небольших количествах. Поэтому можно предположить, что представленные ангобированные лошадки из коллекции находок 25 квартала являются привезенными из Москвы. Следовательно, датируются XV–XVI вв.

Следующая группа зооморфных игрушек – игрушки-медведи. Московские исследователи отмечали, что они бытовали на всем протяжении с XIV до XVII в. М.В. Фехнер связывала это с языческой традицией, когда медвежий культ (зверь являлся символом обилия и плодородия) был широко распространен в лесной полосе Восточной Европы сначала преимущественно у финно-угорских племен, а затем у сменивших их славян (Фехнер, 1949. С. 55). Медведь считался носителем доброй силы, добрым вестником пробуждения природы, был одним из сказочных героев. Впоследствии культ трансформировался в медвежью потеху – одну из самых любимых на Руси. Прекращение изготовления игрушек-медведей происходит ко второй половине XVII в., когда были усилены гонения на скоморохов и предприняты официальные мероприятия по пресечению их деятельности.

В Москве (находки из Зарядья) игрушки-медведи формовались вручную, и, несмотря на примитивную лепку, готовые изделия довольно точно передавали облик этого зверя: массивное туловище, средней длины лапы, короткий хвост, горбатая спина, крупная голова со сравнительно тонкой мордой; видны короткие торчащие округлые уши. У некоторых на голове изображен намордник. В носу

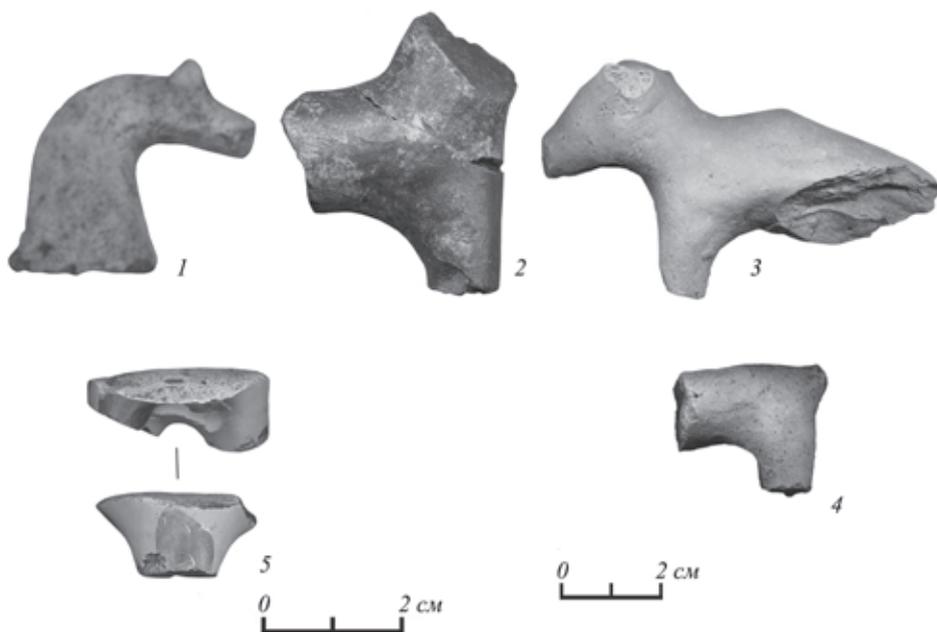

Рис. 2. Зооморфные игрушки.

1–2 – фрагменты игрушек-«коников» (1 – Очеретина С.В., 2006 г.; 2 – Кабаев Д.А., 2012 г.); 3–4 – фрагменты игрушек-медведей (Кабаев Д.А., 2012 г.); 5 – фрагмент поливной игрушки (Кабаев Д.А., 2012 г.).

медведя часто имеется небольшое круглое отверстие для поводка (Розенфельдт, 1968. С. 17). Все это говорит о том, что игрушки изображали ручного медведя. Техника изготовления медведей была аналогична технике изготовления игрушек-коников. Для производства данного вида игрушек также использовались красножгущиеся горшечные глины, которые отошались песком. После формовки изделия подсушивались и обжигались в горнах. Обжиг их велся при сравнительно низкой температуре, о чем говорит коричневый цвет большинства из них (Розенфельдт, 1968. С. 17). Процесс обжига, по мнению М.В. Фехнер, проходил примерно вдвое быстрее, чем обжиг обычной красноглиняной керамики: если для обжига посуды было необходимо не менее 10–12 часов, то для «закалки» этих игрушек требовалось не более 6–8 часов (Фехнер, 1949. С. 55).

Как уже упоминалось выше, в коллекции находок 25 квартала 2 фрагмента и 1 целая игрушка-медведь (раскоп 2012 г. на ул. Б. Нижегородская, 27–33, Кабаев Д.А.). Фрагменты представляют собой обломок корпуса медведя с задними лапами и коротким хвостиком (рис. 2, 4), а также отломанную ногу. Оба фрагмента от небольших игрушек – скорее всего, 7–8 см. Изготовлены из красной глины с примесями мелкого речного песка. Поверхность игрушек красновато-коричневого цвета, на изломе – серого. Это говорит об их неравномерном обжиге. Датируются они XVI – началом XVII в.

Интерес представляет почти целая фигурка медведя (рис. 2, 3). Фигурка небольшого размера – длина тулова 6,5 см. Выполнен он в живой, натуралистичной манере. Тулово игрушки сплошное, цельное, вытянутое; голова небольшая, морда длинная, также слегка вытянута; ушки и задние лапы отсутствуют. На спине медведя сделан жировой горб – признак сытости животного. Какие-либо детали (глаза, нос, рот) отсутствуют. Игрушка изображает «дикого» медведя, т.к. нет следов ошейника и намордника. В целом он пропорционален. Медведь также изготовлен из красной глины, но без примесей. Обжиг равномерный, поверхность заглажена, напоминает краснолощеную керамику, но следов лощения нет.

Аналогичные игрушки находят в Новгороде, Москве, Коломне, Суздале и других городах. В Коломне игрушки-медведи (красноглиняные и белоглиняные) бытовали в XVI – первой половине XVII в. В слоях второй половины XVII в. они встречаются крайне редко (Черкасов, 2004. С. 314, 315). Красноглиняные медведи в Суздале с XIV в. существуют до начала XVIII в. (Мухина, 1992. С. 61). В Москве эти игрушки датируются XV – началом XVII в. Р.Л. Розенфельдт уточняет, что игрушки-медведи средних размеров преобладают среди найденных в слоях XV в., в XVI в. наряду с ними появляются игрушки-медведи больших размеров (длиной до 18 см) и малых (Розенфельдт, 1968. С. 17). По внешнему оформлению владимирские красноглиняные медведи аналогичны московским, хотя по качеству изготовления более грубоваты и примитивны. Следовательно, могут быть датированы также XVI–XVII вв.

По всей видимости, к зооморфным следует отнести фрагмент поливной игрушки XVII–XVIII вв. из раскопа Кабаева Д.А. 2012 г. (ул. Б. Нижегородская, 27–33), который представляет собой часть тулова с обломанными ногами (рис. 2, 5). Изготовлена она из белой глины и покрыта непрозрачной желтой поливой. На нижней части и на ногах игрушки – следы росписи темно-зеленой (болотной) или черной краской. К сожалению, не представляется возможным определить, какое именно животное она изображала. Скорее всего, игрушка эта привозная, т.к. на территории Владимирской области нет месторождений белых глин. Ближайшим местом добычи белой глины и производства из нее различных изделий, в т.ч. игрушек, является Московская область (Гжель).

К шумящим игрушкам относятся различные погремушки. По форме они подразделяются на два вида: яйцеобразные и шарообразные. Находки яйцеобразных погремушек или, как их принято называть в археологической литературе, яиц-писанок происходят из культурного слоя многих древнерусских городов, однако известны они и на неукрепленных древнерусских поселениях. Наличие внутри писанок камешка или глиняного шарика, а также находки их в детских погребениях подтверждают предложенную атрибуцию этих предметов как детских игрушек-погремушек (Макаров, 1990. С. 57). Подобные погремушки неразрывно связаны с язычеством. Б.А. Рыбаков отмечал, что у древних славян яйцо выступало олицетворением начинающейся жизни. Культ яйца как источника жизни и плодородия был связан с весенними языческими праздниками, которые в христианское время были поглощены Пасхой (Рыбаков, 1981. С. 51).

Т.И. Макаровой установлено, что формовались полые поделки с шариком внутри из обычной гончарной глины ленточным способом. После обжига они

покрывались непрозрачной однотонной поливой, на которую затем наносилась роспись поливой другого цвета. Далее изделие разогревали в печи для того, чтобы поверхности его слегка сплавлялись и сглаживались (Макарова, 1966. С. 142).

В рассматриваемой коллекции глиняных игрушек 1 целое яйцо-писанка и 15 фрагментов (рис. 3. 1–5). Судя по целому экземпляру, это были небольшие погремушки диаметром нижней части 3 см и высотой до 4,5 см, с одной стороны у них имелось небольшое техническое отверстие диаметром 3 мм. Толщина стенок писанок колеблется от 3 до 5 мм. Тесто на изломе красного или серого цвета, в качестве отощителя глины использовался крупный песок или дресва. Поверхность игрушек гладкая, покрыта непрозрачной темно-зеленой, ярко-желтой или желто-зеленой поливой без какого-либо орнамента. Похожая погремушка найдена в Белоозере (Захаров, 2004. С. 231). Она покрыта желтой непрозрачной поливой без блеска. Отверстие, в отличие от владимирских погремушек, расположено в тупом конце. Камешек или шарик, вероятно, находившийся внутри поделки, утрачен.

По технологическим особенностям поливы писанок Т.И. Макарова выделила две группы этих изделий. Одну из них образуют писанки с зеленой или коричнево-бурой поливной поверхностью, расписанные прерывистыми и волнистыми желтыми или светло-зелеными узорами. Местом их производства считается Киев. Вторая группа писанок имеет черную поверхность и характеризуется металлическим блеском, более четким и совершенным рисунком. Эти изделия изготавливались в Новгороде (Макарова, 1967. С. 42–45). А.Л. Монгайт высказал предположение, что изготавливались писанки и в Рязани. В 1902 г. в одном из раскопов (Крейтон, Черепнин) был исследован горн для обжига поливной посуды, на полу которого обнаружены фрагменты писанок желтого цвета с зелеными волнистыми полосами (Монгайт, 1955. С. 127). Как упоминалось выше, полива на владимирских погремушках однотонная, без какого-либо рисунка. По набору цветов и качеству нанесения она идентична поливе на половых плитках, обнаруженных в раскопках Н.Н. Воронина 1937 г. на площади перед Успенским собором (Воронин, 1949. С. 227). Судя по всему, можно говорить о существовании и во Владимире собственного производства данного вида игрушек.

Яйца-писанки из древнерусских городов датируются суммарно XI–XIII вв. Считается, что к середине XII в. в городах Северной Руси они практически полностью исчезают. В слоях второй половины XII и первой половины XIII в. они попадают крайне редко. В Белоозере поливные глиняные погремушки обнаружены в горизонте XIII в. (Захаров, 2004. С. 231). Во Владимире яйца-писанки встречаются в культурных напластованиях XII–XIII вв.

Шарообразные погремушки представляют собой небольших размеров полые шарики с отверстиями или без них (рис. 3. 6–13). Всего в коллекции 10 таких игрушек. Диаметр их составляет 3–3,5 см. Изготовлены они преимущественно из беложгущихся глин. Корпус игрушки выдавливался в жесткой форме в виде двух симметричных полушарий, которые соединялись в единое целое. Внутри помещался глиняный или каменный шарик. Стенки довольно хрупкие, их толщина в среднем 3 мм. К сожалению, в ходе археологических исследований 25 квартала целых таких шариков обнаружено не было. Почти все погремушки покрыты непрозрачной темно-зеленой или желто-коричневой поливой (7 фрагментов).

Исключение составляют два фрагмента, на которых следы поливы отсутствуют. Все погремушки покрыты резным орнаментом в виде тонких линий различной глубины, наносившихся по слегка подсушенной глине. Большая часть погремушек (5 фрагментов) происходят из раскопок Кабаева Д.А. 2004 г. (ул. Б. Нижегородская, 45–45А), из заполнения хозяйственной ямы XVII в. Аналогичные погремушки

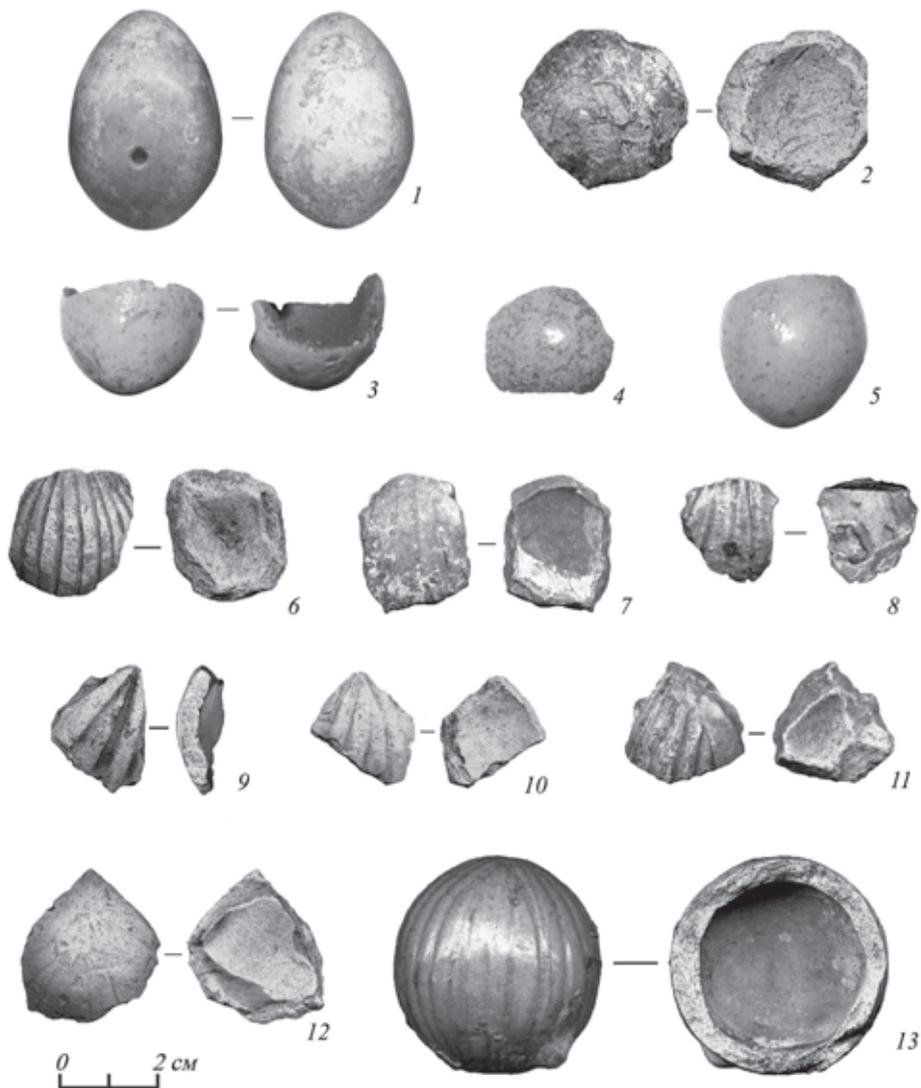

Рис. 3. Шумящие игрушки.

1–5 – яйца-писанки (1–2 – Кабаев Д.А., 2012, 2004 гг.; 3–5 – Григорьев Д.Н., 2007 г.); 6–13 – фрагменты шарообразных погремушек (Кабаев Д.А., 2004 г.).

из Коломны датируются второй половиной XVII – XVIII в. (*Черкасов, 2004. С. 317*). Среди московских белоглиняных погремушек одна, покрытая зеленой поливой относится к XV в. Две другие, с грязно-зеленой поливой, относятся, так же как и владимирские, к XVII в. (*Розенфельдт, 1968. С. 53*). Пять суздальских белоглиняных и красноглиняных шарообразных погремушек покрыты поливой разных оттенков (желтой, коричневой, зеленой). Поверхность у них гладкая, ребристая или украшена нарезным орнаментом. Три из них относятся к XVII в. (*Мухина, 1992. С. 67*).

К звуковым игрушкам относятся свистульки и колокольчики. Игрушки-свистульки являются достаточно распространенными находками в культурном слое города. Это фигурки птиц и животных. Тулово свистулек полое, и они изготовлены от руки. Сзади, обычно на хвосте, у них находится пригубник со щелевидным отверстием для дутья. Рядом с ним, внизу (под хвостом) или вверху (на спине фигурки), находится пищик, без которого свистулька не будет работать. По бокам расположены два игровых отверстия – лада, ими можно варьировать звук, получая мелодию. Изготавливались свистульки из белой или красной глины. Свистульки как самостоятельные изделия были известны еще в глубокой древности. Начиная с языческих времен, их использовали как магические инструменты для вызывания в летнюю жару ветра и дождя. Впоследствии свистульки утратили свое обрядовое значение, превратились в детскую забаву.

Наиболее распространенными являются птички-свистульки. В ходе археологических исследований в 25 квартале обнаружено 7 почти целых таких игрушек (раскопки 2006–2007 гг., ул. Б. Нижегородская, 27А–Б, Очеретина С.В.; 2012 г., ул. Б. Нижегородская, 27–33, Кабаев Д.А.). Изготовлены они из красной глины довольно хорошего качества. Температура обжига их та же, что и у красноглиняных медведей. У всех птичек отсутствует голова, которая либо прикреплялась отдельно, либо лепилась на тонкой хрупкой шейке.

В коломенской глиняной игрушке выделяются два вида птичек: игрушки-птички и игрушки-курочки. М.М. Руденков выделял два основных признака их различия: у игрушек-птичек имеются ножки, тогда как у игрушек-курочек плоское основание и заметен гребешок (*Руденков, 1995. С. 17*). В.В. Черкасов, также описывая коломенскую игрушку, выделяет кроме игрушек-птичек и игрушек-курочек игрушки-уточки, которые имеют небольшое тулово, голову с типичным утиным клювом, выраженный хвост и две небольшие конусовидные ножки (*Черкасов, 2004. С. 312*). Р.Л. Розенфельдт обозначает подобные отличия, но выделяет две группы красноглиняных птичек лишь по хронологическому признаку: первая группа (аналогичная коломенским игрушкам-курочкам) датируется XIV–XV вв., а вторая (ближе к коломенским игрушкам-птичкам) – XVI – началом XVII в. (*Розенфельдт, 1968. С. 17–18*). А.М. Кользин, описывая красноглиняную птичку-свистульку, отмечает, что у нее при округлом основании нет никакого подобия гребешка на голове, и не выделяет поэтому игрушек-курочек в отдельную группу. Впрочем, и игрушка-уточка отнесена им к общей группе игрушек-птичек (*Кользин, 1998. С. 117–118*). Т.Ф. Мухина, приводя сходную с коломенскими игрушками характеристику суздальских находок, называет их просто птичками-свистульками (*Мухина, 1992. С. 63*). Н.В. Нестерова, характеризуя владимирские и

суздальские игрушки из коллекции ВСМЗ, также называет их просто игрушками-птичками (Глиняные игрушки XII–XVIII вв..., 2002. С. 7). Судя по находкам во Владимире целых экземпляров, птички-свистульки из коллекции находок 25 квартала можно отнести к игрушкам-курочкам, голова у которых вылеплена схематично, на голове – хохолок. Они имеют плохо моделированное тулово на плоском основании, голова и хвост их слегка намечены.

Все представленные птички-свистульки небольшого размера – 5,5–8 см. Они имеют плоское основание, округлую грудь и плавную вытянутую хвостовую часть (рис. 4. 1–4). Обжиг красновато-бурого цвета. У первой птички-свистульки отсутствуют какой-либо орнамент и детализация. Вторая птичка-свистулька, самая большая из всех, полностью, за исключением плоского основания, покрыта белым ангобом. Еще две птички-свистульки идентичны. Верхняя их часть покрыта ангобированным орнаментом, образованным продольной полосой с пересекающимися ее 4 поперечными линиями. Подобный орнамент, скорее всего, имитирует крылья и/или перья. На грудке одной из свистулек линии ангоба пересекаются, образуя «сетку». У следующей птички-свистульки орнамент образован пятнами белого ангоба. По сопутствующему керамическому материалу датируются все свистульки XV–XVI вв.

Красноглиняные птички-свистульки с ангобированным орнаментом белой краской находят только во Владимире и городах Владимирской области (Суздаль, Юрьев-Польский), датируются они XV–XVI вв. Это говорит о наличии местного производства данного вида игрушек. Так, в ходе раскопок 1974 г. на ул. Столетовых (Мошенина Н.Н.) было обнаружено большое количество птичек-свистулек. Все они концентрировались в одном месте. Н.В. Нестерова выдвигает предположение, что здесь находилась гончарная мастерская или склад купца с товаром, частью которого были и глиняные игрушки (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 8). Однако в ходе исследований не было обнаружено других следов гончарного производства: печи для обжига керамики, заготовок для игрушек, бракованных изделий.

Стоит отдельно выделить игрушку-птичку из раскопа Очеретиной С.В. 2006 г. К сожалению, удалось ознакомиться только с коллекционной описью и фотографиями находок из данного раскопа. Судя по описи, это белоглиняная игрушка с округлым вытянутым туловом, плавно переходящим в хвост (рис. 4, 5). У птички отсутствует голова. По бокам орнамент в виде кругов, выполненных красной поливой. По внешнему виду она идентична описанным выше птичкам-свистулькам. Аналогов ей найти не удалось. В литературе упоминаются белоглиняные птички-свистульки, расписанные линиями красного ангоба. Подобные игрушки найдены в Коломне, Туле, Владимире и других городах. Датируются они XVII–XVIII вв. Р.Л. Розенфельдт московских белоглиняных птичек с росписью красной краской относит к XVIII–XIX вв. (*Розенфельдт*, 1968. С. 47). Аналогичные суздальские игрушки Т.Ф. Мухиной датированы тем же периодом (*Мухина*, 1992. С. 63).

Если сравнивать владимирских птичек-свистулек с подобными находками из других городов, то становится очевидным, что они по форме и технике нанесения орнамента похожи на московских и коломенских, но достаточно сильно

отличаются от суздальских. Владимирские игрушки, как и московские, имеют устойчивое плоское основание, их тулово более массивное, вытянутое, плавно переходит в хвост. Суздальские – с круглым туловом, небольшим приподнятым хвостом и грубее слеплены (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 15). Кроме красноглиняных в суздальских коллекциях попадаются сероглиняные птички, отнесенные к XVII–XVIII вв. (Мухина, 1992. С. 63). Среди владимирских игрушек сероглиняных не встречено.

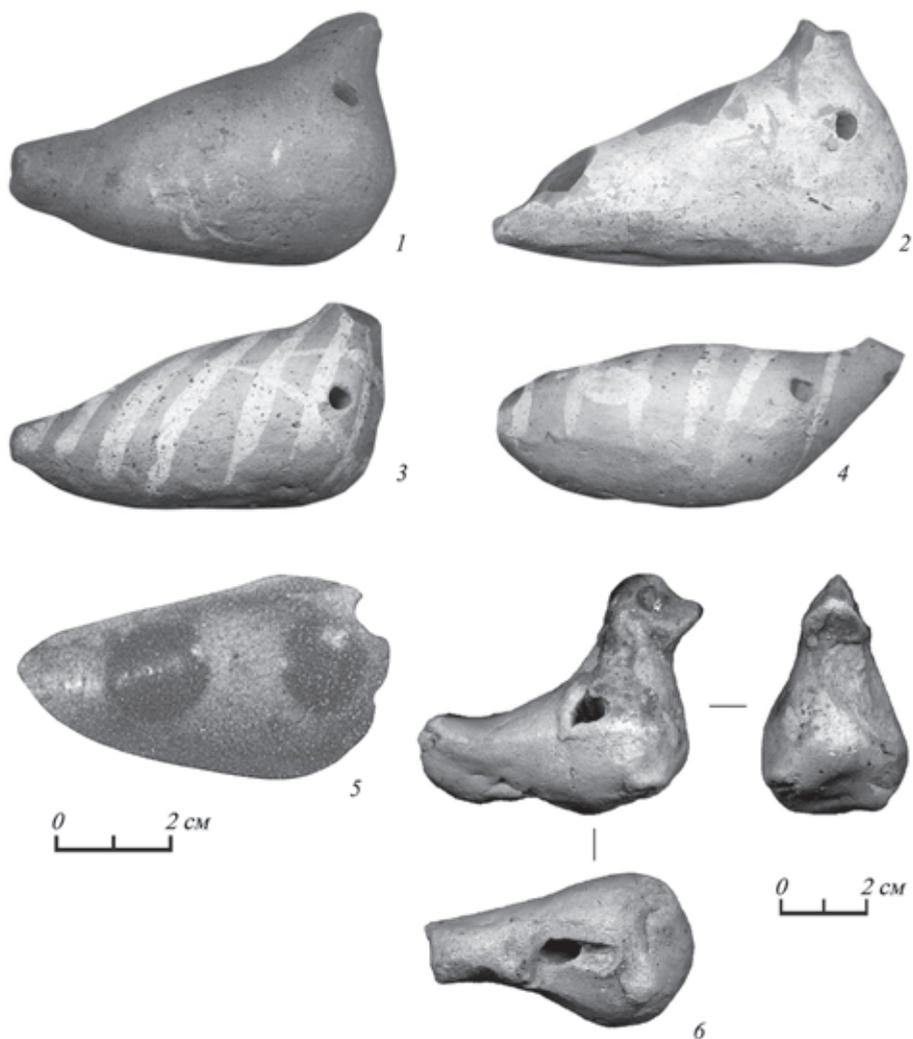

Рис. 4. Звуковые игрушки.

1–6 – фрагменты птичек-свистулек (1–4 – Кабаев Д.А., 2012 г.; 5 – Очеретина С.В., 2006 г.; 6 – Кабаев Д.А., 2004 г.).

К более позднему времени относятся две птички-свистульки из раскопов Жарнова Ю.Э. 2002 г. (ул. Б. Нижегородская, 45А–49) и Кабаева Д.А. 2004 г. (ул. Б. Нижегородская, 45–45А). По внешнему виду это свистульки-уточки (рис. 4, б). Они имеют небольшое тулово длиной около 7 см, голову с типичным утиным клювом и прорисованными глазами, выраженный хвост, две небольшие конусовидные ножки. Изготовлены уточки из беложгущихся глин и покрыты непрозрачной темно-зеленой поливой. По бокам грудки расположены два отверстия – лады, пищик, в отличие от красноглиняных птичек-свистулек расположен на нижней части игрушки, под хвостом. Аналогичные Московские и коломенские поливные игрушки-уточки датируются XVIII в. (Черкасов, 2004. С. 312).

Самая многочисленная группа владимирских игрушек – глиняные колокольчики (рис. 5). В ходе археологических работ в 25 квартале за период 2001–2012 гг. обнаружено 55 таких игрушек. К сожалению, целых колокольчиков не найдено. Из 55 экземпляров – 4 с полным профилем, 1 почти целый – у него отсутствует лишь лопаточка-держатель, 8 фрагментов – лопаточки-держатели, остальные 39 – фрагменты стенок, 3 язычка. Колокольчиков с язычками обнаружено не было.

Все колокольчики красноглиняные от 7 до 9 см в высоту. Изготовлены они вручную из теста хорошего качества, из примесей присутствует только мелкий речной песок. Стенки достаточно тонкие (их толщина в зависимости от размера колокольчика варьируется от 3 до 5 мм – у крупных экземпляров), утолщающиеся кверху и плавно переходящие в лопаточку-держатель. Из-за хрупкости стенок в ходе археологических раскопок практически не находят целых колокольчиков. Обжиг игрушек ровный, поверхность красновато-коричневого цвета, как правило, украшена геометрическими линиями белого ангоба.

В ходе исследования были выявлены две основные формы игрушек-колокольчиков: первая – колокольчики с покатыми плечиками, такую форму имеет большая часть игрушек; вторая – колокольчики с ярко выраженными плечиками «ступенькой» (3 фрагмента). У четырех фрагментов форму определить не представляется возможным, но очевидно, что они могут быть отнесены к какой-либо из двух перечисленных форм. Самыми крупными являются колокольчики, у которых ярко выражено плечико – высота их до 9 см.

Колокольчики у основания держателя имеют два сквозных отверстия для подвешивания язычка. Эти отверстия имеют диаметр 3 мм и расположены либо с одной (12 фрагментов), либо с двух (2 фрагмента) сторон держателя. Язычок представляет собой глиняную палочку длиной 3–4 см (некоторые экземпляры до 6 см) со сквозным отверстием для крепления к колокольчику (рис. 5. 10–11). Судя по находке целого колокольчика с язычком из раскопа 2006 г. Кабаева Д.А. на ул. Большая Московская, 1, крепился язычок к колокольчику небольшой льняной веревочкой (рис. 5, 12).

Владимирские колокольчики различаются не только размерами и орнаментом (о нем ниже), но и формой лопаточки-держателя. Н.В. Нестерова по форме держателя выделила несколько групп колокольчиков (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 9):

- I группа – лопаточка-держатель ромбовидной формы, уплощенная;
- II группа – лопаточка-держатель округлая, плоская;
- III группа – лопаточка-держатель «двурогая».

Третья группа, в свою очередь, делится ею на 3 варианта: 1) Т-образная лопаточка; 2) Т-образная лопаточка с опущенными вниз «рожками» и 3) «рожки», идущие из одной точки в разные стороны (рис. 6).

Представленные колокольчики по форме лопаточки-держателя могут быть отнесены к III группе данной классификации (8 экземпляров). У 4 из них «рожки» идут из одной точки вверх в разные стороны: у 3 «рожки» ровные, заостренные на концах, у одного колокольчика «рожки» широкие, слегка уплощенные.

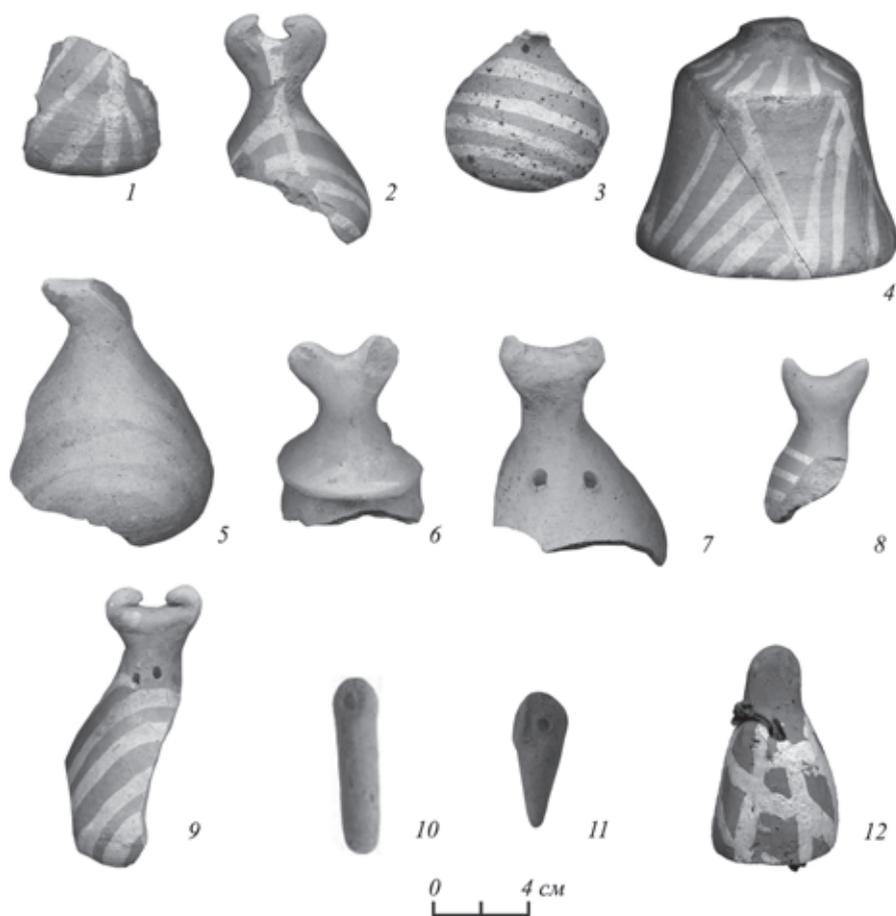

Рис. 5. Игрушки-колокольчики.

1–9 – фрагменты колокольчиков (Кабаев Д.А., 2012 г.); 10–11 – язычки от колокольчиков (Очеретина С.В., 2006 г.); 12 – колокольчик (Кабаев Д.А., 2006 г., Б. Московская, 1).

У 4 колокольчиков в своей основе «рожки» имеют Т-образную форму, но загнуты внутрь. Ее можно выделить в отдельный (четвертый) вариант III группы.

Все представленные в коллекции колокольчики украшены геометрическими линиями белого ангоба. Наиболее распространенным орнаментом является нанесение параллельных изогнутых линий (толщина линии 3 мм) на плечики колокольчика – 22 фрагмента. 9 игрушек украшены более сложным рисунком – сверху вниз по двум сторонам плечиков через лопаточку-держатель проходит прямая линия белого ангоба, от которой по бокам идут параллельные линии на расстоянии 5–7 мм друг от друга, образуя «елочку». Похожий орнамент встречен на двух птичках-свистульках из этой же коллекции. Два колокольчика украшены орнаментом в «сетку». Один колокольчик украшен достаточно редким орнаментом: по выступающему плечу нанесены расходящиеся от центра линии, напоминающие солнечные лучи; по боковым игрушкам линии образуют треугольники с параллельными линиями внутри (рис. 5, 4). По сопутствующему керамическому материалу датируются расписанные белым ангобом колокольчики XV–XVI вв.

Подобные игрушки-колокольчики кроме Владимира находят также в Суздале (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 35).

В археологической литературе не удалось найти публикаций находок глиняных колокольчиков, аналогичных владимирским. Есть упоминание о находках в Москве незначительного количества поздних чернolощеных колокольчиков, но они достаточно сильно отличаются от представленных. Найденный в Зарядье

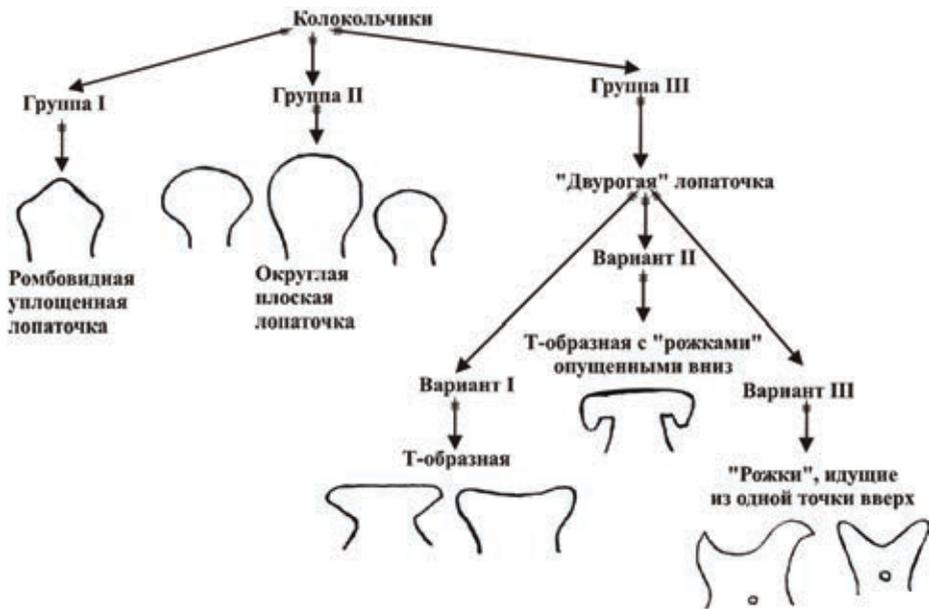

Рис. 6. Классификация игрушек-колокольчиков Нестеровой Н.В. (Глиняные игрушки XIV–XVIII вв..., 2002. С. 13).

целый колокольчик имеет высоту 14 см и максимальный диаметр 14 см, в то время как самые большие колокольчики из раскопок во Владимире высотой всего 8–9 см. Московский колокольчик тщательно залощен снаружи, по его верхней и нижней части проходят полосы линейного орнамента (*Розенфельдт*, 1968. С. 39). По всей видимости, мы можем говорить о том, что производство данной группы игрушек характерно только для нашего края.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в целом глиняные игрушки из раскопок в 25 квартале исторического центра г. Владимира датируются XII–XVIII вв., изготовлены они преимущественно из красножгущихся глин. Большая часть находок происходит из культурных слоев XV–XVII вв. В этот период ассортимент игрушек был достаточно разнообразен: коники, медведи, погремушки, птички-свистульки, колокольчики. По технике изготовления, формам и орнаментации представленные глиняные игрушки наиболее близки московским и коломенским. Судя по всему, во Владимире существовало собственное производство игрушек как в XII–XIII вв., так и в более позднее время. Однако о возможном месте их производства с точностью ничего пока сказать нельзя.

Литература

- Археология севернорусской деревни X–XIII веков: Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. Т. 2. Материальная культура и хронология / Ред. С.Д. Захаров]. М.: Наука, 2008. 365 с.
- Воронин Н.Н.*, 1949. Оборонительные сооружения Владимира, XII в. // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. I. (МИА. № 11). М.: АН СССР. С. 201–243.
- Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологической коллекции ГВСМЗ: Каталог / Авт.-сост. Н.В. Нестерова. Владимир: ГВСМЗ, 2002. 42 с.
- Григорьев Д.Н.*, 2008. Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира // *АВСЗ*. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 92–103.
- Жарнов Ю.Э.* Отчет о раскопках в г. Владимир в 2002 г. (Раскоп 1 на ул. Большая Нижегородская, 45А–49 // *Архив ГВСМЗ*).
- Захаров С.Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Кабает Д.А.* Отчет о раскопках в г. Владимир в 2004 г. (Раскоп 2, Раскоп 2 по ул. Большая Нижегородская, между домами 45 и 45а // *Архив ИА РАН*).
- Кабает Д.А.* Отчет о раскопках в г. Владимир в 2012 г. (Раскоп 1 по ул. Большая Нижегородская, д. 27, д. 29, д. 33) // *Архив ИА РАН*.
- Кользин А.М.*, 1998. Игрушки и игры XII–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) // *РА*. № 2. С. 113–122.
- Макаров Н.А.*, 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв. по материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука.
- Макарова Т.И.*, 1966. О производстве писанок на Руси // *Культура Древней Руси*. М.: Наука. С. 141–145.
- Макарова Т.И.*, 1967. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. (САИ. Вып. Е 1-38). М.: Наука. 76 с.
- Монгайт А.Л.*, 1955. Старая Рязань. (МИА. Вып. 49). М.: Наука. 228 с.
- Морозова Н.А.*, 1990. Игрушки Древнего Новгорода // *ННЗ*. Вып. 3. Новгород. С. 69–70.
- Мухина Т. Ф.*, 1992. Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. в суздальских археологических коллекциях // *Городецкие чтения. Материалы науч. конф. Городец*. С. 63–68.

- Очеретина С.В.* Отчет о раскопках в 2006 г. в г. Владимир (Раскоп 1 по ул. Большая Нижегородская, 27А) // Архив ГВСМЗ.
- Очеретина С.В.* Отчет о раскопках в 2007 г. в г. Владимир (Раскоп 2 по ул. Большая Нижегородская, 27Б) // Архив ГВСМЗ.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. (САИ. Вып. Е 1-39). М.: Наука. 124 с.
- Руденко М.М.*, 1995. Керамическая игрушка средневековой Коломны.: Дипломная работа // Архив Историко-филологического факультета Коломенского государственно-педагогического университета. Коломна. 125 с.
- Рыбаков Б.А.*, 1981. Язычество древних славян. М.: Наука. 380 с.
- Фехнер М.В.*, 1949. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1946 г.) // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II. (МИА. № 12). М. С. 52–56.
- Хорошев А.С.*, 1998. Детские игрушки из Новгорода (классификационный обзор археологических находок) // ННЗ. Вып. 12. Новгород. С. 82–94.
- Черкасов В.В.*, 2004. Коломенская глиняная игрушка XV–XVIII веков в игровой культуре средневековой Руси (по материалам археологических раскопок в Коломне в 1990–2000 годах) // АП. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 309–320.

Summary

T.E. Volodina

CLAY TOYS OF 12TH–19TH CENTURIES FOLLOWING THE MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS 2001–2012 IN THE 25-TH BLOCK OF VLADIMIR HISTORICAL CENTER

The toys which are examined in this article are taken from the archaeological excavations on Bolshaya Nizhegorodskaya street on the territory of the 25-th block of Vladimir historical center. The collection of clay toys in general complication counts 102 fragmented and whole copy. The presented clay toys can be divided into zoomorphic, making noise and musical. As a whole clay toys are dated to the XII–XVIII centuries, and are made mainly from red-burning clay. Greater part of finds takes place from the occupation layer XV–XVII centuries. In this period the assortment of toys was various enough: horses, bears, rattles, whistles, small bells. The presented clay toys on the technique of making are most near forms and ornament toys of Moscow. In archaeological literature it was not succeeded to find the publications of finds of bird-whistles with an engobe ornament and clay small bells such as finds of Vladimir-city. Apparently, we can talk that the manufacturing of these groups of toys is specific of our region.

О.А. Несмиян, А.Н. Федорина

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НА МЕСТЕ ПРОКЛАДКИ ЭЛЕКТРОСЕТЕЙ ПО АДРЕСУ: ГОРОД СУЗДАЛЬ, УЛИЦА ПУШКАРСКАЯ (МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА)

В настоящий момент Суздаль – один из наиболее исследованных средневековых городов Северо-Восточной Руси. Благодаря работам М.В. Седовой наиболее подробно прослежено сложение и обустройство укрепленных частей города: Кремля и Острога, тогда как данные о функционировании открытых посадов и ближайших слобод по-прежнему отрывочны (Седова, 1997). Это положение верно и в отношении расположенной на правом берегу р. Каменки «Дмитриевской стороны», получившей свое название по древнейшему Суздальскому монастырю (рис. 1). В настоящее время частично территория монастыря, а также прилегающих к нему слобод занята музеем деревянного зодчества (далее МДЗ). Участок представляет собой пологий склон высокого берега реки, с севера ограниченный ул. Толстого, пролегающей по дну оврага, обращенного к реке, перепад высот составляет свыше 6 м, наиболее возвышенная юго-западная часть участка расположена в глубине музейной территории.

Исследования Дмитриевской стороны начаты в 1968, 1971–1972 гг. В.В. Седовым и В.П. Глазовым. В результате в глубине музейной территории был зафиксирован культурный слой XI–XIII вв. с характерными находками и плотной застройкой. Мощность культурных напластований на отдельных участках превышала 1 м. Отдельный интерес представляет производственный комплекс (домница с кузницей) (подробнее см. Седова, 1997. С. 138–139). Авторы работ связывали производственный комплекс с функционированием монастырской слободы. Раскоп, заложенный в северо-восточной части музейного комплекса, ниже по склону, продемонстрировал меньшую плотность средневековой активности. Отметим информацию о находке белокаменного саркофага (Седова, 1997. С. 139) – единственном свидетельстве наличия статусных погребений на монастырском некрополе. В 2004–2005 гг. В.В. Бейлекчи и В.В. Родиным были

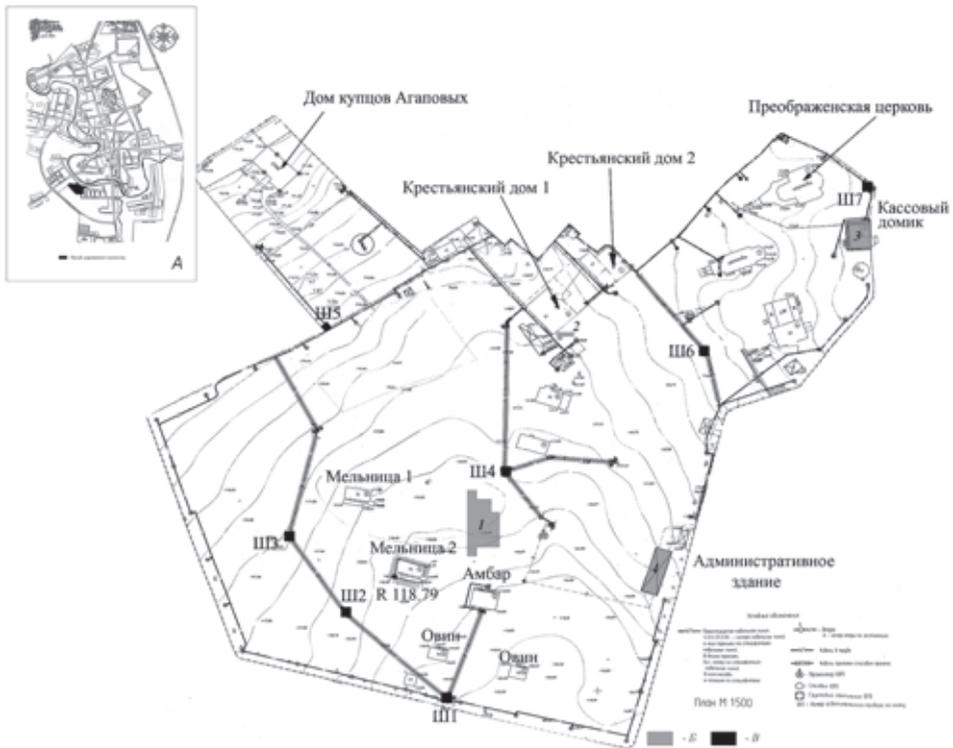

Рис. 1. План музея деревянного зодчества с обозначением траншей и шурфов.

А – план-схема Суздаля с указанием музея деревянного зодчества (МДЗ).

Б – раскопы предшествующих лет;

В – шурфы и траншеи 2014 г.

1 – раскоп 1967–1972 г. (раскопы 1–3); *2* – раскоп 4, 1972 г.; *3* – раскоп 2004–2005 гг.; *4* – раскоп 2009 г.

проведены спасательные раскопки на участке под строительство кассового домика Музея деревянного зодчества, к юго-востоку от раскопа 1972 г. (*Бейлекчи, Родин, 2007. С. 218–228*). Среди находок из домонгольского горизонта: керамическая плитка с зеленой, светлой и бледно-желтой поливой, вероятно, представляющая остатки внутреннего убранства монастырского храма. В раскопе были изучены культурный слой XII–XIII вв., два погребения и сооружение с печью XV–XVI вв. Зафиксированы многочисленные перепланировки XX века. Проведенные в 2009 году раскопки С.В. Сазонова зафиксировали часть усадьбы XI–XIII вв. и следы застройки XIV–XVI вв. у южной границы музейной территории к югу от раскопов 1968, 1971–1972 гг. (*Сазонов, 2011. С. 49–52*).

Настоящая статья посвящена публикации материалов, полученных в ходе работ, проведенных в августе-сентябре 2014 г. Суздальской археологической экспедицией Института археологии РАН под общим руководством Н.А. Макарова. Они носили ограниченный характер, представляя собой археологическое

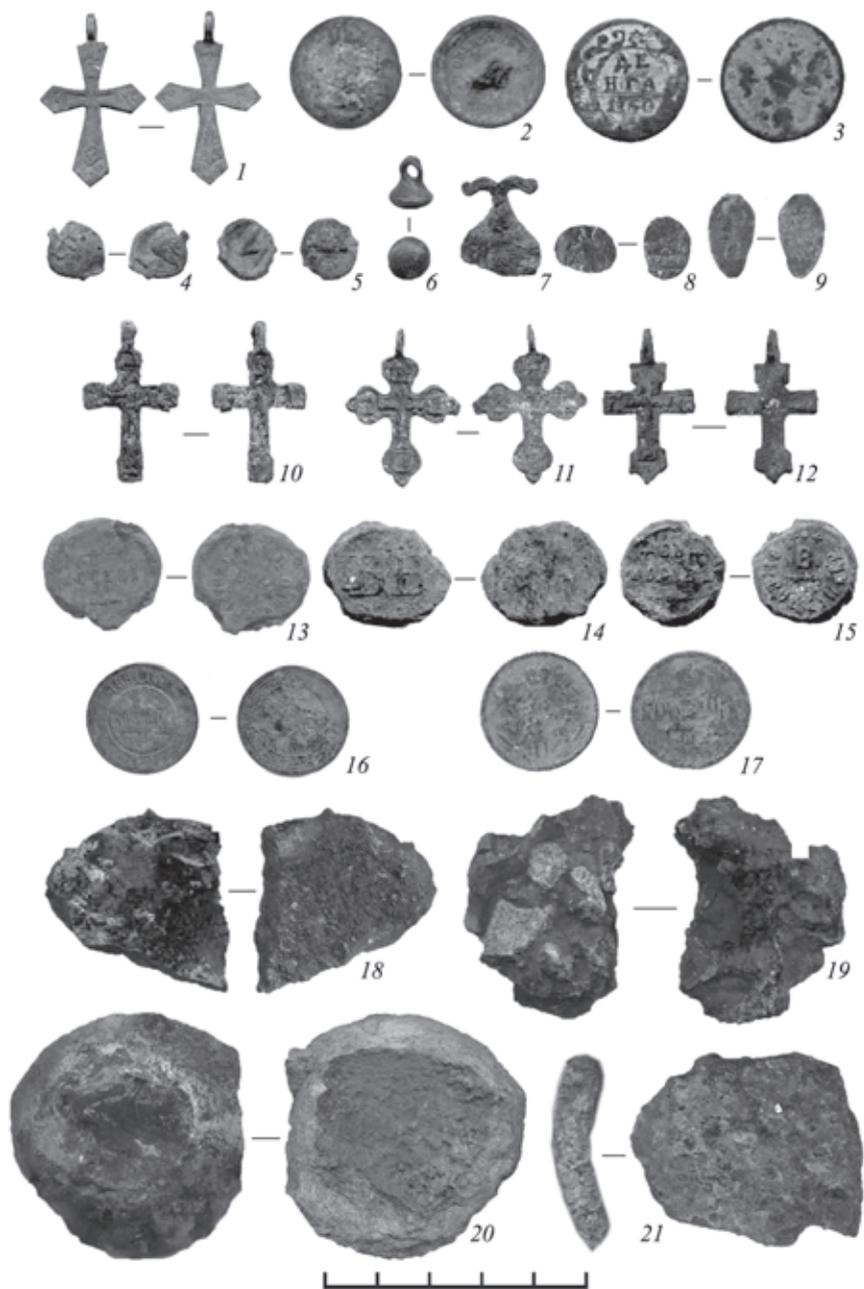

Рис. 2. Музей деревянного зодчества. Находки из шурфов.

1, 10–12 – кресты-тельники; 2, 6 – пуговицы; 3, 8, 9, 16, 17 – монеты; 4, 5 – пломбы драгочинского типа; 7 – железная ременная накладка; 13–15 – пломбы XIX–XX вв.; 18–21 – фрагменты тиглей. 1, 6, 7, 18–20 – шурф 4; 10–17 – шурф 7; 2–5, 8, 9 – шурф 6.

сопровождение работ по благоустройству территории: закладку шурфов¹ на местах установки опор освещения и археологические наблюдения при прокладке траншеи освещения проектной глубиной 30 см и шириной 30 см (рис. 2). Тем не менее был получен выразительный материал, дополняющий информацию о характере освоения этого участка города и сохранности культурных слоев.

В траншее, пролежавшей по периметру музейного участка, собрана выразительная коллекция разновременного керамического и вещевого материала. Обратим внимание на следующие тенденции в распределении материала. Находки и керамика древнерусского периода сконцентрированы в западной и юго-западной частях МДЗ. В юго-восточной части преобладает массовый материал XVI–XVII вв. В северо-восточной части участка, за Преображенской и Воскресенской церквями, фиксируется слой битого кирпича и извести, связанный со строительством во второй половине XVIII в. и последующим разрушением после 1917 г. Дмитриевской церкви.

Среди находок, полученных в ходе наблюдений при прокладке траншеи на территории усадьбы музея «Дом купцов Агаповых», в юго-западной части сада, отметим каменный мельничный жернов диаметром 1,2 м, толщиной 30 см. Жернов имеет центральное сквозное отверстие диаметром 20 см, от которого отходят два паза, для крепления вращающегося механизма. Поверхность жернова прорезана серповидными желобами от центра к окраинам круга, они служили путями, по которым зерно продвигалось по окружности. Известно, что братья Агаповы в 1912 г. установили у себя в доме дизельную мельницу на 1 постав, которая работала вплоть до 60-х годов XX в. Вероятно, верхний жернов этой мельницы и был найден в саду в траншее. На месте находки жернова был заложен шурф 5, зафиксировавший бурый гумусированный слой с включением кирпичного боя, извести, битого стекла, на материке зафиксированы следы от вспашки.

Шурфы 1–3, разбитые в наиболее высоких южной и западной частях МДЗ (рис. 2), имеют схожую стратиграфию. Под дерном зафиксирован бурый гумусированный перемешанный пахотой слой, мощность которого составляет 35–50 см. В заполнении шурфов 1 и 3 нижняя треть этого слоя содержала исключительно керамику XII–XIII вв. (свыше 70 фрагментов). На материке зафиксированы следы ям древнерусского времени: в шурфе 1 яма округлой формы диаметром 65 см (около 40 фрагментов круговой посуды XII–XIII вв., в том числе венчики типов VI и VIII по Лапшину), в шурфе 2 – канавка, шириной 20–25 см, идущая в направлении С–Ю (среди находок – нож древнерусского облика, венчик кругового сосуда типа VIII по Лапшину). Для датировки верхних напластований интересна находка проволочной монеты царя Алексея Михайловича (1629–1676). В шурфах собрана керамическая коллекция, насчитывающая 918 фрагментов: 508 красноглиняной керамики с примесью песка в тесте с венчиками типа 2, 14 (по Ковалю), датирующиеся XVII–XIX вв. и венчики типа 6, вертикальной постановки, датирующимися XV–XVI вв. (Коваль, 2009. С. 156); 94 фрагмента чернолощеной керамики, 7 фрагментов красноглиняной керамики с поливой, 42 фрагмента белоглиняной керамики, 5 фрагментов краснолощеной керамики,

¹ Шурфы № 1, 2, 4, 6, 7 имели размеры – 230×160 см, шурф 3 – 230×230 см, шурф 5 – 150×150 см.

2 фрагмента белоглиняной лощеной керамики, датирующейся концом XVIII в. (*Розенфельдт*, 1968. С. 47), 206 фрагментов древнерусской керамики (в том числе 25 фрагментов с линейным многорядным орнаментом) с венчиками типа VIII (по Лапшину), датирующихся XII–XIII вв. (*Федорина*, 2007. С. 39). Керамический материал свидетельствует о возобновлении хозяйственной активности на участке в XVI–XVII вв., возможно, нивелировочных работах, что позволило сохраниться древнерусским напластованиям в предматериковом слое и западинах материка.

Шурф 4, был заложен в 78 метрах к северо-востоку от шурфа 2 (рис. 1). Мощность культурного слоя в шурфе составила 60 см. На материке зафиксирован комплекс ям: яма 2 подовальной формы, уходящая в северную стенку раскопа, размерами 100×50 см и четыре ямы округлой формы, диаметром от 12 до 30 см, глубиной от 11 до 50 см (ямы 1, 5–7). Среди индивидуальных находок из описываемого комплекса наиболее интересны: донце тигля, пуговка-гирька сфероконической формы, тип III (по Жилиной), которые датируются в основном XVII в. (*Жилина*, 2012. С. 230) (рис. 3; 6, 20). При выборке ям собрано 37 фрагментов керамики: 27 красноглиняной с примесью песка в тесте, 2 фрагмента краслощеной и 8 фрагментов чернолощеной керамики. Зафиксированный в шурфе 4 комплекс ям можно датировать XIV–XVII вв., причем верхняя дата является временем использования участка под сельскохозяйственные нужды. Керамика предшествующего времени собрана в незначительном количестве.

Наибольший интерес представляют материалы шурфа 6. Он был заложен в восточной части МДЗ. Мощность напластований составила 125 см. Под дерном зафиксирован бурый гумусированный слой мощностью до 50 см. При выборке слоя был найден разновременный материал: ошлакованные стенки тиглей (3 шт), монета «денга 1750 г.», проволочная монета «пуло московское» царя Василия III (1505–1533) с изображением двуглавого орла, мундирная гербовая пуговица петербургской фабрики Копейкиных (1840–1917) (*Низовский*, 2008. С. 238) (рис. 3; 2, 3, 9), донце керамического сосуда с клеймом в виде двух соединенных вершинами треугольников (сохранилось фрагментарно). Е.К. Кадиева датирует такие знаки второй половиной XI – началом XIII в. (*Кадиева*, 2007. С. 181. рис. 4, 22–30). На глубине 60 см от дневной поверхности в шурфе зафиксирован серогумусированный слой с примесью угля, с серыми зольными включениями. В северо-восточном углу зафиксирована линза светло-желтой пережжённой супеси с углем диаметром 30 см, уходящая в северную и восточную стенки шурфа. В центральной части шурфа при зачистке зафиксировано скопление камней с термическими сколами. При выборке пласта 3 были найдены фрагмент амфоры (рис. 4; 1), свинцовый выплеск, две проволочные медные монеты, одна из которых монета царя Михаила Федоровича (1613–1645) (рис. 3, 8), обломок лезвия ножа длиной 6 см и шириной 13 мм, железный пробой с цепью из трех восьмеркообразных звеньев. Керамическая коллекция пласта 3 составила 230 фрагментов: 118 фрагментов красноглиняной посуды с примесью песка в тесте, с венчиками типа 4, 5, 6 (по Ковалю), датирующимися XV–XVI вв., 8 фрагментов краслощеной посуды, 10 фрагментов чернолощеной керамики, 5 фрагментов белоглиняной керамики с венчиками типа 4 (по Ковалю), датирующимися второй половиной XVI в. и 72 фрагмента древнерусской керамики, из которой

Рис. 3. Музей деревянного зодчества. Находки из шурфа 6.
1 – фрагмент амфоры; 2–4 – фрагменты керамической плитки; 5 – донце гончарного сосуда с клеймом.

17 фрагментов стенок с линейным многорядным орнаментом. Среди древнерусской керамики, в основном, венчики типа 7, 8 (по Ковалю), датирующиеся XII–XIV вв. (Коваль, 2009. С. 155). Помимо этого зафиксирован полный профиль красноглиняного гончарного сосуда высотой 7,3 см, диаметр устья 13,5 см, тесто с примесью крупного песка, относится к мисковидным сосудам, тип венчика VIБ (по Лапшину), датируется XII–XIII вв. (Лапшин, 1992. С. 100). Анализ вещевого и керамического материала пласта 3 свидетельствует об антропогенном изменении ландшафта и перемещении грунта в XVII в.

Пласт 4 зафиксировал в шурфе древнерусский слой, при выборке было сделано 11 индивидуальных находок. Среди них две свинцовые пломбы – одна с изображением шестиконечного процветшего креста на аверсе и головы святого с короткой бородой на реверсе (класс II, разряд II.2.1. по Белецкому и Петренко), датируются такие пломбы не позднее 30-х годов XII в. (Белецкий, Петренко, С. 232); другая плomba с изображением буквы «И» и головы кудрявого святого (изображение нижней части лица не сохранилось), данный тип пломб может быть широко датирован в пределах домонгольского времени, они широко распространены в материалах Драгочина и других памятников древнерусского времени (Белецкий, Петренко, 1994. С. 237) (рис. 3; 4, 5). Изделия из железа представлены обломком лезвия ножа, длиной 65 мм и шириной 10 мм и трудноопределимым изделием. В коллекции есть донце керамического сосуда с клеймом, представляющим трехстороннюю розетку. Такие клейма характерны для материалов Владимира, Суздаля и их округи и датируются второй половиной XI – XII вв. (Кадиева, 2007. С. 178) (рис. 3; 5). При выборке пласта найдено три фрагмента керамических плиток с желтоватой (кремовой) поливой и один фрагмент керамической плитки с зеленой поливой, толщина плиток 18–20 мм (рис. 3, 2–4). В тесте присутствует дресва, глазурь глухая. Аналогичные находки были сделаны в раскопе 2004–2005 годов (Бейлекчи, Родин, 2007. С. 221). К этой же группе находок относится ошлакованная стенка гончарного сосуда с кремовой поливой. Керамическая коллекция из пласта составила 358 фрагментов древнерусской керамики, из которых 122 фрагмента происходят из углисто-зольного пятна в юго-западном углу. Венчики керамики представлены типами VIA, VIIA, B (по Лапшину), датирующимися XII–XIII вв., в коллекции 72 фрагмента стенок с линейным многорядным орнаментом, 1 фрагмент с волнистым орнаментом, 2 фрагмента с тычковым орнаментом (Лапшин, 1992. С. 100). При прохождении пласта собрано около 1,5 кг железных шлаков. На глубине 100 см от дневной поверхности (пласт 5) зафиксирован темно-бурый суглинок. При выборке пласта собрано 3,3 кг железных шлаков. Индивидуальных находок не обнаружено. Собрано 56 фрагментов древнерусской керамики, в том числе 5 венчиков типов XA, VA, VIIB, PA, датирующиеся XI–XII вв. (Лапшин, 1992. С. 97), и фрагмент красноглиняной стенки с примесью дресвы, который можно отнести к раннегончарной керамике (Лапшин, 1992. С. 100). На глубине 120 см от дневной поверхности зафиксирована коричневатая супесь – материк, имевший уклон в восточном направлении (перепад высот составил 10 см). Выявлено 5 ям подквадратной и подовальной формы. Яма 5 у восточной стенки имеет округлую форму, диаметр 40 см, имеет расширение подовальной формы

Рис. 4. Музей деревянного зодчества. Курительные трубки из шурфа 7.

размерами 70×40 см, уходящее в восточную стенку шурфа. По-видимому, в площади шурфа 6 зафиксирован склон существовавшего в средневековье оврага, трасса которого частично совпадает с южной и восточной границами музейной территории. В настоящее время овраг выположен и снивелирован засыпкой нового времени, что частично подтверждается особенностями массового материала, собранного при наблюдениях на траншее, идущей по направлению к реке: к востоку от шурфа 6 были встречены преимущественно материалы XVI–XIX вв. Вероятно, к этому оврагу была приурочена застройка, зафиксированная в раскопах 1968–1972 и 2009 г. Обилие железосодержащих шлаков, собранных в заполнении шурфа, позволяет предположить размещение в этой зоне производственных комплексов. Отметим традиционность размещения таких объектов у кромок оврагов и на окраинах селитьбенных зон.

Шурф 7 был заложен в 14 м к северу от северо-восточного угла раскопа 2004–2005 гг. Полученные результаты исследований позволяют говорить о значительном перемещении культурного слоя, возможно в период создания деревянного зодчества в 60-е годы XX в. На глубине 120 см от дневной поверхности был зафиксирован край ямы, где могли быть перезахоронены останки, потревоженные в результате работ по устройству музея. Датировка погребений XVI–XIX вв. Напомним, что в раскопе 2004–2005 годов были исследованы два погребения XV–XVI вв., принадлежащие погосту Дмитриевской церкви и Георгиевского храма, разрушенных после 1917 г. (*Бейлекчи, Родин, 2007. С. 228*).

При выборке шурфа было найдено 13 керамических курительных трубок типа I «тахта-чубук» (по Спиридоновой и Рубан), из них 5 имеют клейма типа 3 в форме розетки, 4 клейма типа 1 с имитацией арабской вязи, 1 клеймо трудночитаемое (*Спиридонова, Рубан, 2006. С. 179*) (рис. 4). В коллекции четыре пломбы: три товарные свинцовые пломбы диаметром 20 мм (одна с изображением двух букв по центру «Б.А.», по окружности «Гивартовск», на обороте по центру «Москва», вторая – с изображением в центре буквы «В», по окружности надпись «Высоцкий и К», на обороте – «В Москве», третья – с изображением двух букв «Б» по центру) и таможенная пломба диаметром 12 мм с надписью «ТАМОЖНЯ» и гербом по центру, а также две монеты XIX в. достоинством «1 копейка», четыре креста-тельника, из них два литых с трехлепестковым окончанием лопастей, со сглаженными углами средокрестия и оглавием в виде петли (рис. 2; 10–17). В центре, в рельефно выделенной зоне, расположен восьмиконечный Голгофский крест, стоящий на полукруглой Голгофе. На лопастях квадратные медальоны с надписями. На обороте фиксируется рельефное изображение, возможно, надпись. Кресты такого типа обнаружены при раскопках в Москве в комплексах XVII–XIX вв. (*Векслер, Беркович, 2000. Рис. 15,5*), близкие по форме экземпляры встречены в Сибири (*Молодин, 2007. С. 76. Рис. 128*). Третий крест – односторонний, четырехконечный крест-тельник с прямыми углами средокрестия и оглавием в виде петли. Вверху, под оглавием, находится прямоугольное клеймо с неразличимой надписью, в горизонтальных лопастях – IC XC (Иисус Христос), в центре креста расположен восьмиконечный Голгофский крест, выделенный невысоким рельефом. Нижняя лопасть имеет килевидное завершение, тип IV (по Винокуровой), датирующийся XVI–XVII вв. (*Винокурова, 1999. С. 340*). Четвертый

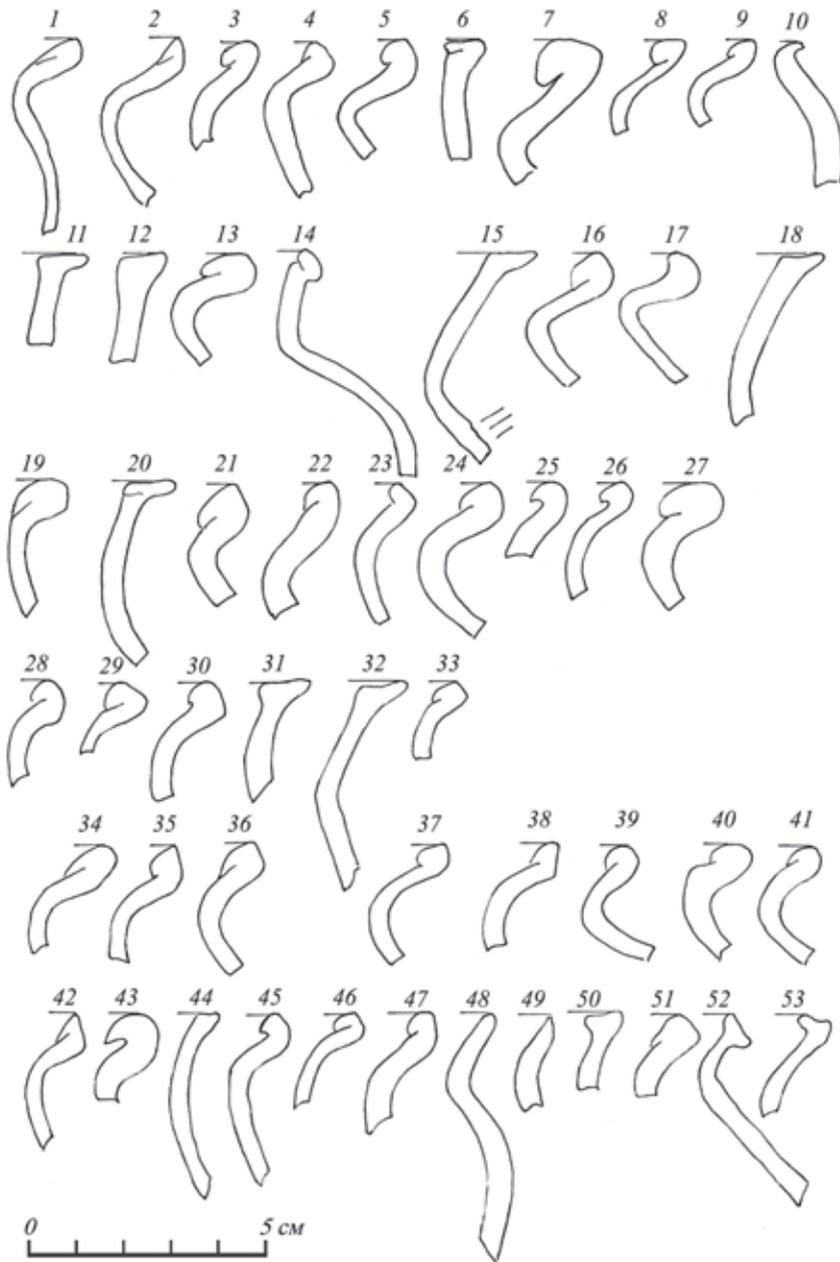

Рис. 5. Керамика из шурфа 6. 1-10 – пласт 4; 11-27 – пласт 5; 28-41 – пласт 6; 42-47 – пласт 7; 48-53 – предматерик.

крест также имеет прямое средокрестие, слегка расширяющиеся лопасти, в центральной части находится рельефное изображение четырехконечного креста, тип III (по Винокуровой), датируется второй половиной XVII – XVIII в. Керамическая коллекция насчитывает 129 фрагмент керамики, представлены венчики типа 13 (по Ковалю), датирующиеся XVII–XIX вв.

Суммируя полученную информацию, отметим, что в южной и западной части МДЗ фиксируется удовлетворительная сохранность культурных слоев и заглубленных в материк объектов XI–XIII веками, отсутствует застройка более позднего времени. В центральной части МДЗ (шурфы 4, 6) древнерусский слой перекрыт напластованиями XV–XVII вв., что также отмечал С.В. Сазонов в раскопе 2009 г. (Сазонов, 2011. С. 52). В северной (двор купцов Агаповых) и северо-восточной (район кассового домика) частях МДЗ культурные слои нарушены в наибольшей степени, тем не менее и здесь возможно проследить характер использования территории в XII–XVII вв.: в северо-восточной части МДЗ подтверждается существование кладбища XVI–XIX вв., относящегося к Дмитриевской и Георгиевской церквям.

Литература

- Бейлекчи В.В., Родин В.В.*, 2007. Исследования на улицах Теремки и Пушкинская в городе Суздале // АП. Вып. 3. М.
- Белецкий С.В., Петренко В. П.*, 1994. Печати и пломбы из старой Ладоги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. Вып. 6. СПб.
- Винокурова Э.П.*, 1999. Металлические кресты-тельники XVII века // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.
- Жилина Н.В.*, 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII веков // АВСЗ. Вып. 4.
- Кадиева Е.К.*, 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН.
- Коваль В.Ю.*, 2009. Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1) // АП. Вып. 5. М.
- Лапишин В.А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
- Молодин В.И.*, 2007. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск.
- Низовский А.Ю.*, 2008. Русские форменные пуговицы 1797–1917 гг.
- Сазонов С.В.*, 2011. Средневековая усадьба на южной окраине Суздаля: предварительные итоги охранных раскопок на территории музея деревянного зодчества // АВСЗ. Вып. 3. М.
- Седова М.В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Спиридонова Е.В., Рубан Е.С.*, 2006. Курительные трубки XVIII–XIX веков из музеев Ярославской области // Археология: история и перспективы. Ярославль.
- Федорина А.Н.*, 2007. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительная характеристика // АВСЗ. Вып. 1. М.

Summary

O.A. Nesmiyan, A.N. Fedorina

**RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH ON THE PLACE OF
LAYING OF POWER SUPPLY NETWORKS TO THE ADDRESS:
CITY OF SUZDAL, PUSHKARSKAYA STREET
(MUSEUM OF WOODEN ARCHITECTURE)**

This article is devoted to the publication of materials obtained in the course of works which were carried out by Suzdal Archeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (RAS) under the general superintendence of Nikolai A. Makarov in August and September 2014. They were limited and were conducted as archaeological supervision of land improvement activities, including probe trench on the site of lighting poles and archaeological surface survey during trenching of lighting. Nevertheless, the meaningful material was obtained, which is supplementing the data about the nature of reclamation of this area of the city and the preservation of occupation layer.

О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян, Д.С. Марков

ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ СКЛОНА ПРАВОГО БЕРЕГА РЕКИ ШОХОНКИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ПЛЕСА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

В июле 2015 г. Шуйской археологической экспедицией были проведены исследования на участке общей площадью 100 кв.м по адресу: Ивановская область, г. Плес Приволжского района, ул. Вичугский проезд, д. 7.

Город Плес расположен на правом Волжском берегу. Волга здесь пересекает цепь конечноморенных гряд Галичско-Чухломской возвышенности. Выраженная расчлененность рельефа связана с неровностями ледниково-аккумулятивного рельефа (рис. 1). Особенностью геологического строения является отсутствие ярко выраженных аллювиальных террас. В пределах Плеса в Волгу впадает река Шохонка, стекающая с возвышенности. Точная дата основания Плеса неизвестна. В 1410 г. московский князь Василий I, сын Дмитрия Донского повелел построить здесь укрепленную таможенно-сторожевую заставу. В 1778 г. Плес становится уездным городом Костромского наместничества. С 1796 г., это заштатный город Нерехтского уезда Костромской губернии, где были две полотняные фабрики, два солодовенных завода, две пивоварни, десять кузниц, казенный соляной склад, торговые лавки. Отсюда доставлялась рыба к царскому столу. При интенсивном развитии промышленности в Иваново-Шуйском районе Плес вплоть до постройки в 1871 г. железной дороги Иваново – Кинешма являлся основным портом на Волге для всего текстильного края.

Начальное заселение Плеса связано с особенностями рельефа; наиболее «комфортными» условиями обладала, как правило, первая береговая терраса, заселение второй береговой террасы требовало усилий для выравнивания площадки и отведения водотоков. На сегодняшний день в пределах города Плеса зафиксировано несколько памятников археологии.

1. Селище Плес 1 находится в нижней части склона правого коренного берега Волги и тянется от Пустынского оврага на западе до ручья Гремячка на востоке. Высота памятника над современным урезом воды в реке Волге составляет 2–14 м.

Памятник обследовался в 1986–1997 гг. П.Н. Травкиным (раскопки). Приказом Министерства культуры России от 26.12.2014 за № 2450 Плесу присвоен статус исторического поселения федерального значения и утверждены границы охранных зон культурного слоя поселения. Благодаря этим мероприятиям в охранную зону была включена территория бассейна реки Шохонки. Исследовалось в 1986–1992 гг. Г.В. Панченко (Плесский музей-заповедник), в 2009–2013 гг. сотрудниками Ивановской археологической экспедиции.

2. Плес. Петропавловское селище и могильник. Располагается на территории горы Левитана. Обследовались в 1989 году Г.В. Панченко (Плесский музей-заповедник).

3. Плес. Курганный могильник 1, XII–XIII вв. Располагается на северной оконечности Соборной горы. Исследовался П.Н. Травкиным в 1989–1991 гг.

Объективная реконструкция средневековой системы расселения Плеса затруднена в силу отсутствия опубликованных материалов.

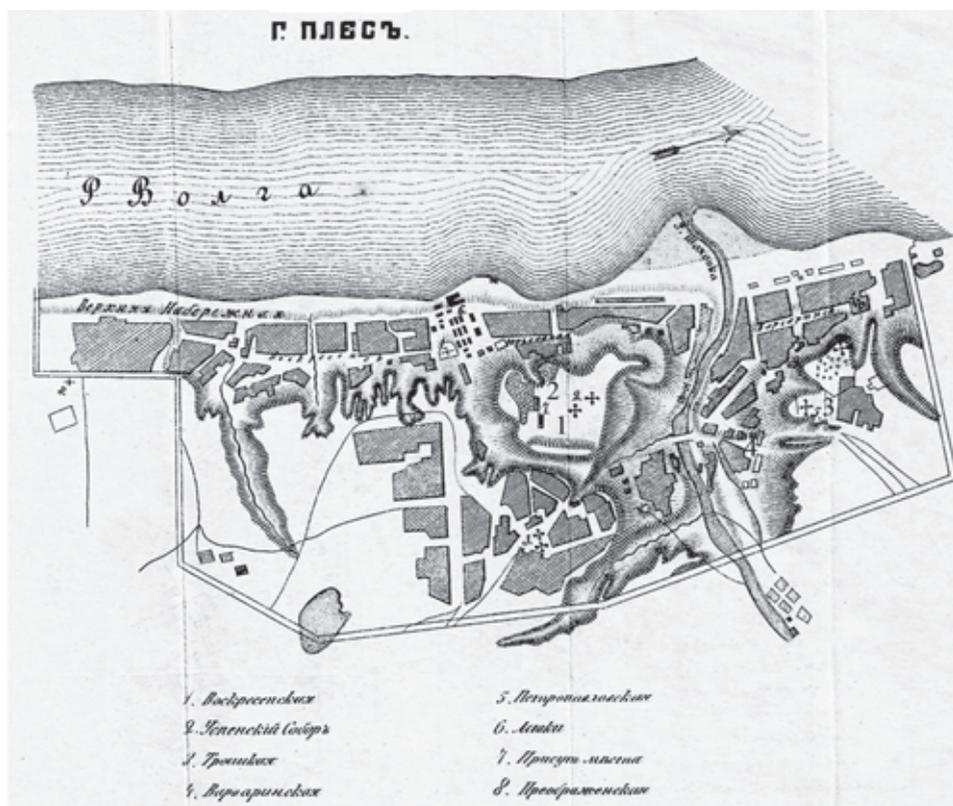

Рис. 1. Карта Плеса 1861 г. (План государственного межевания Плесского уезда Костромской губернии) с обозначением археологических памятников.

1 – Плесская крепость; 2 – Курганный могильник 1, XII–XIII вв.; 3 – Петропавловское селище и могильник; 4 – Вичугский проезд д. 7. Место исследований.

Исследуемый участок по адресу ул. Вичугский проезд, д. 7 располагается на северо-западном склоне горы Левитана (рис. 1). Рельеф в окрестностях участка от р. Шохонка по Вичугскому проезду представлен следующей последовательностью урочищ: от уреза воды в реке резко начинается склон надпойменной террасы длиной до 35 м с уклоном 23° (на некоторых участках до 25°); затем за четко выраженной бровкой склона расположен коллювиальный склон подножья, для которого характерно переотложение материала, плоскостная эрозия, образование конусов, оползание, действие подповерхностных вод. Материнскими породами здесь являются средне- и верхнеюрские плотные глины с оолитами и прослоями оолитовых мергелей, перекрытые толщей моренных суглинков (*Сластенов, Марков, 2010*). В ходе работ 2015 г. представилась возможность уточнить время начала освоения данного участка и характер его использования в разные периоды времени.

Общая мощность культурного слоя на раскопе без учета заглубленных в материк ям колеблется от 20 см в восточной части до 120 см в юго-западной части. В ходе исследований выяснилось, что площадка раскопа представляет собой две одновременные террасы: восточная часть раскопа – площадка, начальное время освоения которой относится к XIII–XIV вв., юго-западная часть – терраса, освоенная в XII веке.

На отметке -329, -339 в юго-западной части раскопа наблюдается хорошо определяемый по комплексу морфологических признаков глееватый почвенный горизонт – минеральный, имеющий преимущественно сизые, ржавые тона окраски, чередующиеся между собой (рис. 2). Глеевый горизонт формируется в условиях избыточного увлажнения при проявлении процесса окисления железа в бедной кислородом среде. Таким образом, очевидно, что в районе участка на небольшой глубине проявлялась деятельность медленнотекущих подземных вод. При этом в современном рельефе и на небольших глубинах проявлений глеевого процесса не выявлено, что указывает на то, что до формирования структуры застройки и проведения противоэрозионных мероприятий по этой территории проходила ложбина стока воды со средней и верхней части склона. Проявления глеевых процессов слабые, что указывает на незначительное (вероятно, сезонное) переувлажнение территории и краткочастотный застой воды. Проведенный геоморфологический анализ пластики рельефа территории участка показал, что раскоп расположен в зоне вогнутого перегиба, для которой характерно образование линий стока, концентрирующих потоки влаги, выпадающей в виде осадков (делювиальные отложения). Подобные элементы рельефа соответствуют оврагам или балкам. Исследованный участок находится именно на таком склоне. Все вышеуказанные особенности данного участка зафиксированы при проведении археологических работ и учтены в итоговом анализе.

На глеевом горизонте залегал слой темно-гумусированного углистого суглинка мощностью 20–45 см. Данный слой связан с жилым горизонтом, относящимся к начальному этапу заселения данного участка (рис. 2). Исследованная в раскопе постройка вошла в раскоп не полностью, поэтому затруднительно связывать ее с каким-либо типом застройки, но некоторые конструктивные особенности все же можно проследить. Предположительно, эта постройка была срубным пятистенным

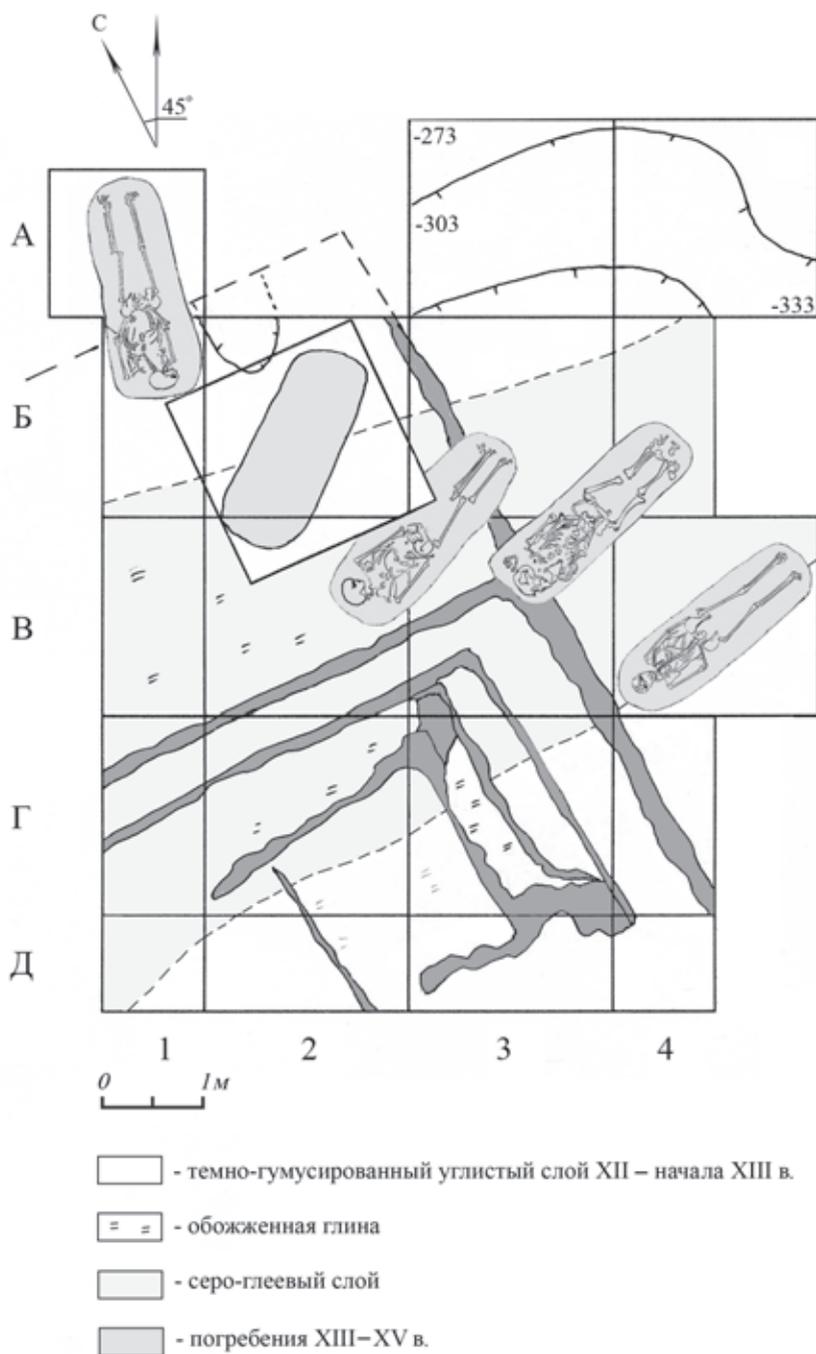

Рис. 2. Сводный план раскопа (пласты 3–6).

домом, внутреннее пространство которого было разделено на 2 камеры размерами 5×5 м. Постройка ориентирована по сторонам света, в северной части постройки (кв. Б2) прослежена яма подовальной формы, являющаяся подпечной ямой печикаменки. При выборке найдены индивидуальные находки: фрагменты глиняной обмазки со следами волокон дерева, нож древнерусской формы с уступом при переходе от лезвия к черешку длиной 10,5 см, шириной лезвия 10 мм и кольцевидная бусина зеленого стекла диаметром 6мм, шириной 3 мм, имеет внутренний канал 3 мм, датируется XII–XIII вв. (*Захаров, Макаров, 2008. С. 290–291*) (рис. 3; см. цв. вклейку). В южной части постройки отопительного устройства не зафиксировано. Постройка была возведена на платформе из плотного серого и буро-охристого суглинка. Внутреннее пространство разделено стеной, под которую тоже был подведен грунтовый фундамент. Мощность платформы увеличивалась с северо-востока на юго-запад, в направлении понижения склона. По внешнему и внутреннему периметру фундаментная площадка была закреплена: с внешней стороны полоса древесного угля шириной 20 см, с внутренней стороны также прослеживается темная углистая полоса, свидетельствующая о существовании какой-то деревянной конструкции, ограничивающей земляную платформу и защищавшей площадку от расползания (рис. 2). Целью сооружения земляной площадки было создание ровной поверхности для последующего строительства сруба. Следы основания стен наземной постройки не фиксируются, но отсутствие рядов столбовых ям свидетельствует в пользу того, что постройка была срубной. Подобная традиция возведения фундаментных земляных площадок хорошо известна в Новгороде X–XI вв. (*Фараджеева, 2009. С. 567*), широко известна в Киеве среди построек X–XII вв. (*Сагайдак, 2010. С. 534*) и зафиксирована во Владимире в восточной части печерного города (середина XII в.) (*Милованов, 2015. С. 20*) Наиболее вероятной датировкой сооружения представляется промежуток от середины XII по первую четверть XIII в. В раскопе было найдено 23 фрагмента стеклянных браслетов: гладких – 6 фрагментов (в том числе 1 фрагмент гладкого перевитого браслета), крученых – 15 фрагментов (из них только 1 фрагмент принадлежит мелкокрученому браслету и 1 фрагмент крученный перевитой), рифленых – 2 фрагмента (рис. 3; см. цв. вклейку). По материалам раскопок в Новгороде М.Д. Полубояриновой установлена зависимость между наибольшим распространением определенных форм стеклянных браслетов и строительными ярусами. Так, крученые браслеты в целом преобладают до 1224 г. При этом браслеты с крупным кручением – с конца XII по первую половину XIII в. До этого заметно преобладание мелкокрученых. Гладкие браслеты преобладают в новгородских слоях значительно позже крученых, с 1268 г. (*Полубояринова, 1963. С. 169–174*). Это наблюдение верно и для других городов Северо-Восточной Руси. К датирующим предметам относится фрагмент донца керамического сосуда с клеймом, предположительно, трехсторонняя розетка. Е.К. Кадиева отмечает, что данные знаки характерны лишь для Владимиро-Суздальской земли, появляются они в XI веке и исчезают во второй четверти XIII в. (*Кадиева, 2007. С. 178*). В коллекции индивидуальных находок – двухрогий железный светец (рис. 3), фрагмент железного ключа к металлическому замку с деревянным засовом первого типа (по Колчину), датирующийся X – серединой XIII в. (*Древняя Русь: быт и*

культура, 1997. С. 253), наконечник стрелы длиной 110 мм, ширина лезвия 20 мм с прямоугольным черешком типа 61 (по Медведеву), датирующийся X–XIII вв. (Медведев, 1966. С. 73), зооморфная шумящая подвеска, представляющая собой объемную фигурку «конька-птицы», по классификации Е.А. Рябина относится к типу XIX и датируется XII–XIII веками (Рябинин, 1981. С. 38) (рис. 3; см. цв. вклейку). Массовый керамический материал из пластов 3, 4 (уровень постройки) включает в себя 682 фрагмента круговой керамики древнерусского времени (рис. 4). Фрагменты с линейным многоярдным орнаментом составляют 14% коллекции, единичными экземплярами представлены фрагменты с волнистым и тычковым орнаментами. Анализ керамической коллекции показал, что она находит аналогии в материалах раскопок Суздаля и селищ Суздальского Ополя середины XII–XIII веков (Лапишин, 1992). Датировку культурного слоя подтверждают находки белоглиняной штампованной керамики. В верхневолжском регионе такой орнамент получил особую популярность в конце XII в., что обусловило его использование вплоть до конца XIII в. (Коваль, 2009. С. 181) (рис. 4).

Постройка погибла в пожаре в начале XIII в., возможно, в 1238 г., когда Плес был сожжен монголо-татарами. Место пожара было тщательно разобрано и сnivelировано, в результате чего общая площадь террасы увеличилась. Выровненная площадка была использована под захоронения. Данную традицию – хоронить умерших на месте сгоревшей жилой постройки – отмечает М.В. Седова на памятнике Ярополч-Залесский (Седова, 1978. С. 71). В результате раскопок на выделенной площади было исследовано 8 погребений, в том числе одно пустое погребение и еще одно погребение, в разведочном шурфе 2014 г. (рис. 2). Выявление второго ряда захоронений на площадке второй ступени свидетельствует о том, что это был некрополь, хотя точно определить размеры и предложить узкие хронологические рамки для большинства погребений в настоящее время (без данных радиоуглеродного и антропологического анализов) затруднительно. Предположительно могильник функционировал в течение достаточно протяженного времени, не менее полутора – двух столетий с первой половины XIII по XV в. Для захоронений характерна западная ориентировка (исключение погребение 6 (юго-западная ориентировка), погребенные лежали на спине в вытянутом положении, руки чаще всего скрещены на животе или в районе таза. Большинство захоронений безинвентарные, исключение погребение 3, в котором слева от черепа найдено трехбусинное височное кольцо, относящееся к типично женским городским украшениям с рубежа X–XI до XIV в. (Седова, 1981. С. 14). В погребении зафиксирована гробовина в виде клетки из досок поставленных на ребро, вдоль длинных сторон – длинные доски, скреплены поперечными досками в углубленных пазах, концы продольных досок выступают за края гробовины. Данный тип гробовин зафиксирован М.В. Седовой при исследованиях могильника на реке Мжара в погребении 1 кургана 57 (Седова, 1997. С. 112), а также в некрополе XII–XIII вв. на территории Суздальского кремля (Нестерова, 2008. С. 192). Перекрытия над головой не зафиксировано (рис. 2).

Вероятно, в XV в. некрополь на склоне уже не использовался, кладбище переместилось на вершину горы Левитана, где к 1645 г. построена деревянная церковь в честь Петра и Павла.

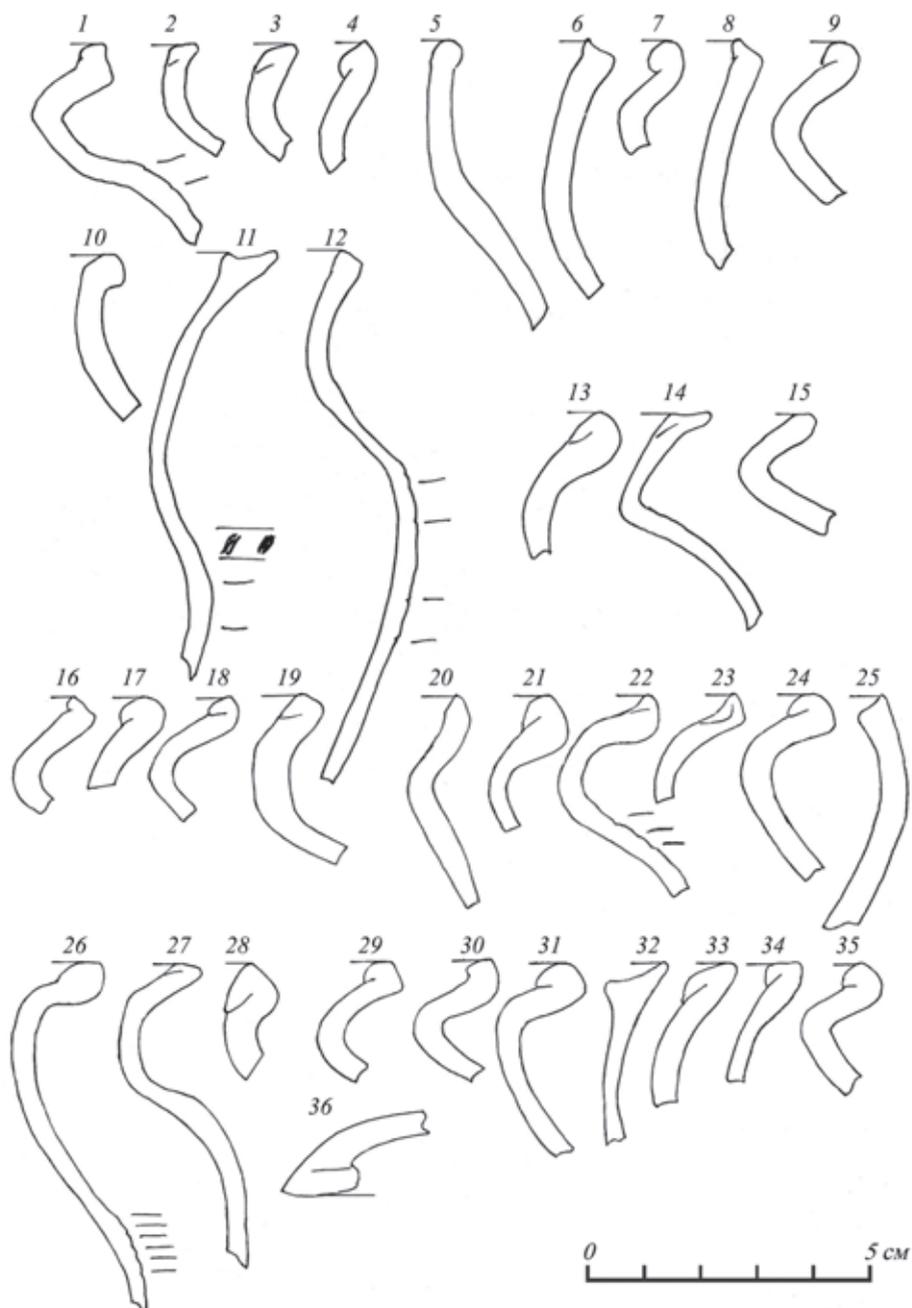

Рис. 4. Керамика из пласта 4 (уровень пола постройки).

1-9, 12-14 – красноглиняная с примесью дровсы и пирита; 11 – белоглиняная керамика; 10, 15 – красноглиняная гладкая керамика.

С XVI в. площадка террасы вновь начинает застраиваться, данный этап застройки вновь предваряет нивелировочное выравнивание площадки, в ходе которого могильные насыпи были срыты. Сама улица Вичугская (Вичугский проезд) появляется не ранее XVIII в., ее появление было связано с екатерининским планом регулярной планировки городов 1780 г. Но вплоть до XX в. жилая застройка располагалась не вдоль красной линии улицы, а глубоко во дворе, ближе к Никольской улице.

Таким образом, по результатам исследований мы можем говорить, что начало заселения юго-восточной части Плеса (северо-западный склон горы Левитана) относится ко второй половине XII в., с этого времени фиксируется застройка на участке и его непрерывное использование прослеживается на протяжении веков.

Литература

- Древняя Русь: быт и культура / Под ред. Б.А. Колчина, Т.И. Макаровой. М.: Наука, 1997 (Археология СССР).
- Захаров С.Д., Макаров Н.А., 2008. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. С. 290–319.
- Зеленцова О.В., Кузина И.Н., 2008. Некоторые итоги раскопок в квартале 13 города Владимира в 2007 году // АВСЗ. Вып. 2. С. 127–136.
- Кадиева Е.К., 2007. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН.
- Коваль В.Ю., 2009. Хронологическая стратификация памятника методами археологической керамологии (на примере селища Мякинино-1) // АП. Вып. 5. М.
- Лапишин В.А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
- Милованов С.И., 2015. Начальный этап освоения восточной части Печерного города Владимира -на-Клязьме // АВСЗ. Вып. 5
- Нестерова Н.В., 2008. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // АВСЗ. Вып. 2.
- Полубояринова М.Д., 1963. Стекланные браслеты древнего Новгорода. (МИА. № 117). М.
- Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. (САИ. Вып. Е1-60). Л.
- Сагайдак М.А., 2010. Гражданская архитектура Киева X–XII вв. (некоторые аспекты изучения восточнославянского жилища) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. СПб.: Нестор-История.
- Седова М.В., 1978. Ярополч Залесский. М.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в XX–IV веках. М.
- Сластенов Ю.Л., Марков Д.С., 2010. Геология Ивановской области. Шуя: Изд-во Шуйского гос. пед. ун-та.
- Фараджева Н.Н., 2009. Фундаментальные конструкции деревянных построек Людина конца средневекового Новгорода // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород. СПб.; М.: ЛеопАрт.

Summary

O.A. Nesmiyan, V.G. Nesmiyan, D.S. Markov

STAGES OF DEVELOPMENT OF THE SLOPE OF THE RIGHT RIVER BANK OF SHOKHONKA IN A SOUTHEASTERN PART OF PLES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

This article is devoted to the publication of materials obtained in the course of works which were carried out by Shuya Archaeological Expedition at the plot with a total area of 100 square meters with the address at the Ivanovo Region, Privolzhsky District, Ples, Vichugsky Proezd, 7 in June and July 2015.

The meaningful material was obtained which enables to reconstruct the stages of settlement in the south-eastern part of Ples (the north-western slope of the Levitan Mount). The beginning of reclamation of this plot is dated back to the second half of the XII century and thereafter its continuous use can be traced over the course of history up to the present moment.

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева

БЕСКУРГАННЫЕ ИНГУМАЦИИ В МОГИЛЬНИКЕ ШЕКШОВО: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА XI в.

На современном этапе изучения средневековых погребальных памятников установлено, что во многих областях Руси в XI–XII вв. одновременно практиковались подкурганная и бескурганная формы погребения, однако их соотношение прояснено не в полной мере. Хорошо видимые в ландшафте, курганные некрополи оказались в поле зрения археологов раньше, чем грунтовые могильники. В течение длительного времени они рассматривались учеными как памятники, отражающие единственную или основную нормативную форму погребального обряда в Древней Руси в это время (*Седов*, 1982. С. 139, 143, 154, 159, 170, 185). Однако еще в 1980-е годы киевский исследователь А.П. Моця сделал аргументированное заключение, что наряду с курганными некрополями в XI–XII вв. в южнорусских землях (прежде всего, в Среднем Поднепровье, на Волыни и в Прутско-Днестровском регионе) массовое распространение получили грунтовые могильники (*Моця*, 1990. С. 53–66). Тогда же бескурганые некрополи с ингумациями XI–XII вв. были выявлены и в центральных районах Новгородской земли. В.Я. Конецкий убедительно показал, что в Приильменье этот обряд был преобладающим (*Конецкий*, 1984. С. 154–172; *Конецкий*, 2014. С. 190–203). В начале 1980-х годов бескурганые могильники с ингумациями XI–XIII вв. были обнаружены на северо-восточной периферии Руси – на Белом озере и р. Шексне (*Макаров*, 1990. С. 17–31). На Северо-Западе Руси и на Белом озере в 1980–1990-х годах были открыты и изучены могильники, погребения в которых совершались как под курганами, так и в грунтовых ямах, не обозначенных земляными насыпями. Наиболее полно исследованный памятник этой группы – Кемский некрополь в Северном Белозерье (*Макаров*, 1990. С. 32–44). Таким образом, уже в 1990-е годы было очевидно, что древнерусский погребальный обряд XI–XII вв. был гораздо более разнообразным по формам, чем это ранее представлялось исследователям. Это разнообразие невозможно объяснить лишь этническими или областными традициями.

Для пересмотра мнения о безраздельном господстве курганного обряда в центральных районах Северо-Восточной Руси в XI–XII вв. до последнего времени как будто бы не было оснований. Это мнение основывается как на обширных материалах раскопок А.С. Уварова, так и на результатах относительно недавних полевых работ на немногочисленных могильниках, сохранившихся после раскопочной кампании 1851–1854 гг. (*Сабурова, Седова, 1984; Седова, 1997; Нестерова, 2008*). Оно хорошо согласуется с археологическими материалами смежных областей, часть которых составляла историческую периферию Северо-Восточной Руси – Верхней Волги, Костромского Поволжья и Москворецкого бассейна, где курганые могильники многочисленны и хорошо изучены (*Степанова, 2009. С. 72–91; Рябинин, 1986; Недошвина, 1974; Кренке, 2003. С. 159–167*). Сомнения в том, что курганый обряд был единственным, широко практикуемым в центре Суздальской земли, появились в 2000-х годах, когда в результате широкомасштабных обследований сельских поселений была установлена существенная диспропорция между количеством курганых групп, документированных в дневниках раскопок А.С. Уварова, и синхронных им поселенческих комплексов в Суздальском Ополе (*Макаров, Красникова, Карпунин, 2009. С. 432–454*). Однако до последнего времени на памятниках Ополья было выявлено и исследовано лишь несколько отдельных бескурганых погребений.

Могильник Шекшово – первый погребальный памятник в Суздальском Ополье, на котором развернуты широкие раскопки после завершения исследований М.В. Седовой и М.А. Сабуровой на Михайловской стороне Суздаля и в Новоселках (*Сабурова, Седова, 1984; Седова, 1997*). Курганы у с. Шекшово в местности «Валганы» или «Половецкая Лужа» хорошо известны по раскопкам А.С. Уварова. В 1852 г. здесь были вскрыты 244 курганые насыпи, содержавшие ингумации и кремации. Шекшово оказалось самым крупным по числу насыпей могильником из всех раскопанных А.С. Уваровым в Суздальском уезде. Новые исследования в Шекшово были начаты Суздальской экспедицией ИА РАН с целью поиска остатков курганного поля и выявления погребений, не затронутых раскопками 1852 г. Сnivelированные курганые насыпи с разрушенными и непо потревоженными погребениями по обряду кремации и ингумации второй половины X – XI вв. были обнаружены в 2011–2012 гг. в двух раскопах (рис. 1). На площадке могильника выявлена серия геофизических аномалий, соответствующих насыпям, которые остаются не вскрытыми. Первые результаты раскопок, полученные в 2011–2012 гг., введены в научный оборот (*Макаров, Красникова, Зайцева, 2013*).

Бескурганые погребения в Шекшово впервые были выявлены в раскопе 3, заложенном в центральной части могильника на участке, где на распаханной поверхности была отмечена высокая концентрация фрагментов металлических украшений и поясной гарнитуры, в том числе предметов со следами пребывания в огне (рис. 1; 2). Эти находки указывали на возможное размещение здесь остатков кремаций. За три года раскопок (2013–2015 гг.) на этом участке была вскрыта площадь 897 кв. м (рис. 2). Пахотный слой мощностью от 15 до 48 см, действительно, содержал фрагменты бронзовых шумящих украшений, поясные накладки, обломки дирхемов, железных ножей, стеклянные бусы и

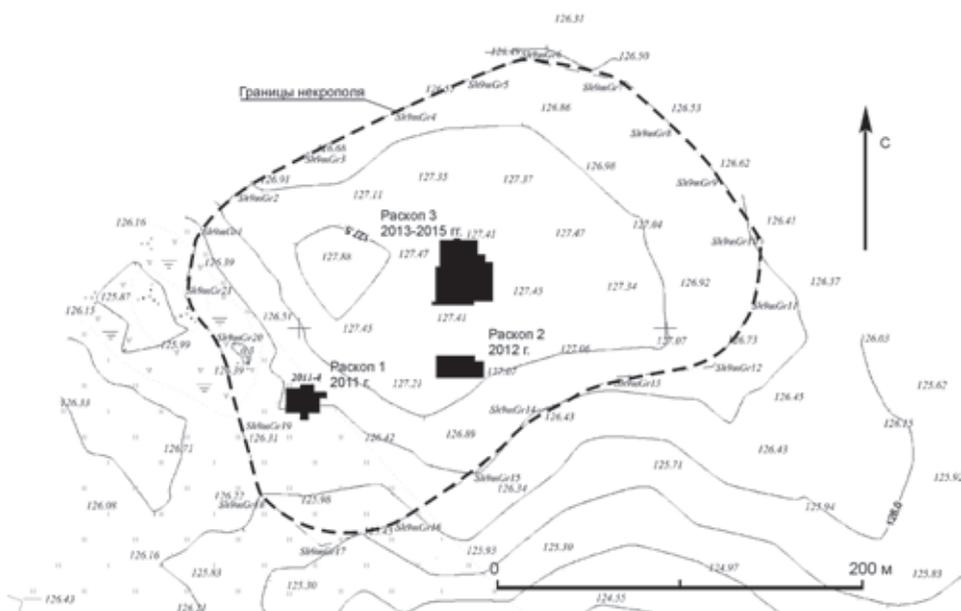

Рис. 1. Могильник Шекшово 9 с указанием мест раскопов 2012–2015 гг.

немногочисленные кальцинированные кости. Большинство металлических предметов и бус было оплавлено. Кальцинированные кости и отдельные металлические вещи были собраны также в заполнении нескольких материковых ям, зафиксированных по всей площади раскопа. Однако ни в одной из них не отмечены отчетливо выраженные скопления пережженных костей и средневековых вещей, которые можно было бы интерпретировать как компактно размещенные остатки кремаций.

В южной части раскопа нами зафиксированы остатки двух (или трех) полностью сnivelированных курганов, располагавшихся вплотную друг к другу. От курганов сохранились площадки и окружающие их ровики, имеющие вид отдельных канав с покатыми стенками шириной от 130 до 480 см, глубиной 55–65 см от уровня снятия пахотного слоя. Ровики были заполнены коричневым гумусированным суглинком и разделялись перемычками. В их придонных частях обнаружены развалы лепных и раннекруговых сосудов, одиночные зубы лошади. Курган 10¹ содержал остатки кремации на стороне не менее 2 человек. От кургана 11 в раскоп попала только северная часть (ровик и край площадки). Площадка прорезана старой траншеей, в верхней части заполнения ровика в переотложенном состоянии находились кости мужчины 35–44 лет (п. 13²). По-видимому, первоначально это погребение располагалось на площадке, кости могли быть выброшены в ровик во время раскопок 1852 г.

¹ Нумерация курганов продолжает начатую в 2011 г.

² Определения костных останков всех погребений проведены д.и.н. М.В. Добровольской.

С севера от кургана 11 раскопками вскрыта площадка овальной формы, вытянутая в направлении юго-запад – северо-восток, размерами 730×600 см, окруженная с трех сторон ямами неправильной формы. В границах этой площадки в центре и у северного края зафиксированы два погребения в материковых ямах. Интерпретация этого объекта остается неясной, следы распаханной насыпи не прослежены, однако нельзя исключить, что площадка была перекрыта курганом (курган 9–?). В центре площадки находилось погребение 12. Женщина в возрасте 30–39 лет лежала вытянуто на спине головой на запад. В ее ногах находились два лепных сосуда, около правого плеча – железный нож, на пальце правой

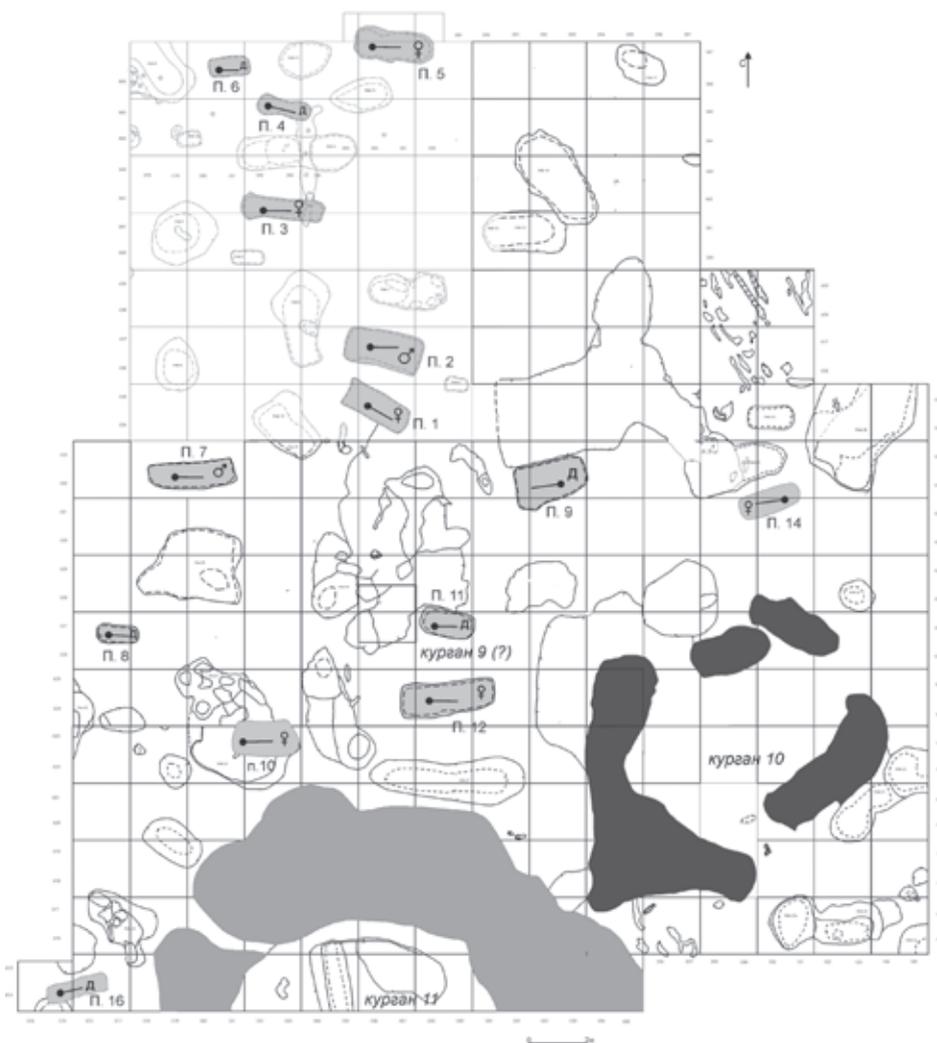

Рис. 2. Могильник Шекшово 9. Раскоп 3. План.

руки – бронзовый пластинчатый перстень. На шее погребенной расчищено ожерелье из 67 стеклянных бусин и бисерин с подвеской из денария (Этельред, Англия, 978–1016 гг.³). На голове располагались 4 бронзовых перстнеобразных височных кольца. Набор бус, включающий желтые и синие, золотостеклянные, серебростеклянные, желтые и синие одночастные и многочастные лимонки, синюю белоромбическую бусину и бисер из тянутых трубочек черного, синего и зеленого цвета позволяет датировать погребение началом – первой половиной XI в., что хорошо согласуется с датой монеты. В северной части площадки, на ее краю, исследовано погребение ребенка в возрасте около 10 лет, от которого сохранилась только эмаль зубов в западной части ямы (п. 11). В районе правой руки погребенного расчищен железный нож, в ногах – лепной сосуд. В заполнении ямы этого погребения расчищен развал второго лепного сосуда, верхняя часть которого была потревожена распашкой. Возможно, погребение 11 было впускным.

Наряду с курганами наиболее выразительными объектами в раскопе оказались погребения по обряду ингумации в грунтовых ямах, не отмеченных земляными насыпями. Они были выявлены на всей площади вскрытого участка. Всего обнаружено 12 таких погребений. Два погребения в южной части раскопа (п. 9, 14) имели восточную ориентировку, они располагались в 5,4 м друг от друга. 10 погребений имели западную ориентировку. Они размещались достаточно свободно, образуя подобие ряда, тянувшегося в западной части раскопа в направлении юг–север с небольшим отклонением к востоку. Ямы, содержащие остатки погребений, перемежались ямами неопределенной формы, заполненными коричневым и серо-коричневым суглинком с мелкими фрагментами керамики, пережженными костями и отдельными средневековыми вещами. В одной из них найдены лежащие в анатомическом порядке зубы нижней челюсти ребенка 10–15 лет (п. 15). Назначение этих ям точно определить пока затруднительно.

В могильных ямах находились остатки костяков разной степени сохранности: в двух могилах сохранились лишь зубы (п. 8, 16), а в одной – зубы и тлен от черепа (п. 14). В погребении 9 остатков костяка вообще не обнаружено. Пять из этих погребений определены как захоронения женщин или девушек-подростков, два – как захоронения мужчин, четыре – детские. Длина могильной ямы и расположение предметов в ней позволяют отнести к детским и погребение 9. Судя по сохранившимся костным останкам, все погребенные были помещены в могильные ямы в вытянутом положении на спине (одно погребение младенца – с поворотом на левый бок), в пяти случаях зафиксировано вытянутое положение рук (рис. 3), в одном левая рука была положена на живот. Вероятно, в могилах находились какие-то деревянные сооружения, однако железные костыли для скрепления досок зафиксированы лишь в одном захоронении (п. 4), еще в одном расчищена деревянная плашка (п. 2).

Все погребения (кроме погребения младенца (п. 6)) содержали украшения и металлические детали костюма: в пяти из них обнаружены специально положенные в могилу предметы, не относящиеся к костюму – бронзовые пластинчатые перстни (п. 3, 5), две железные стрелы (п. 2), железный нож (п. 4), игольник и пряслице (п. 16). Преимущественно, эти предметы располагались в ногах погребенных.

³ Определение монеты проведено чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуковым.

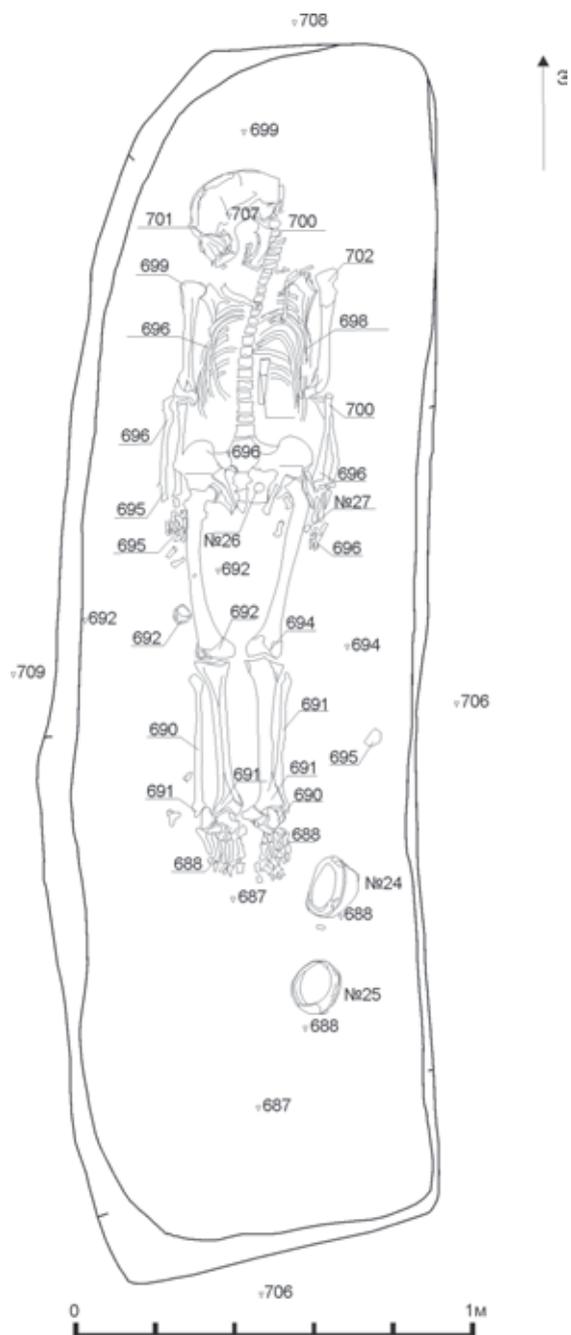

Рис. 3. Могильник Шекшово 9. Погребение 7. План.

24, 25 – лепные сосуды, 26 – поясное кольцо, 27 – сумочка с предметами.

8 погребений сопровождалось сосудами, стоящими преимущественно в ногах (во всех случаях лепными, причем в пяти могилах находилось по два сосуда).

В 8 погребениях в составе костюма обнаружены железные ножи. В детском погребении 4 нож был положен в могилу отдельно. Набор украшений в женских погребениях и погребениях девочек включал височные кольца (найлены в погребениях, в количестве от двух до четырех), ожерелья из бус (в погребениях). В одном погребении найдены бронзовый витой завязанный браслет и шумящая наконная подвеска (п. 3; рис. 4; см. цв. вклейку), в погребении 5 – головной убор или расшивка верхней части одежды из 55 стеклянных бусин и 14 височных колец. В обоих мужских погребениях зафиксированы металлические детали пояса (пряжка, поясное кольцо), у таза мужчин расчищены сумочки (?), в которых лежали кресала с кремнями, наконечники стрел, обоймицы, в одном случае – ключ, в другом – фитильная трубка (рис. 5-1; 5-2; см. цв. вклейку).

Для характеристики обряда существенно, что все погребения взрослых индивидов находились в могильных ямах, размеры которых существенно превышали размеры самих тел, длина могильной ямы в одном случае составляла 270 см, в четырех – немного превышала 3 м, ширина составляла от 100 до 130 см. Истинная глубина могильных ям точно не может быть установлена, в настоящее время нивелировочные отметки их дна находятся на глубине от 35 до 80 см от уровня современной поверхности, однако первоначальный микрорельеф поверхности видоизменен распашкой. В материк ямы углублены на 20–40 см, за исключением мужского погребения 7 и трех детских (п. 6, 8, 16), находящихся в более мелких ямах. Учитывая значительную мощность почвенного слоя, можно полагать, что первоначальная глубина могильных ям составляла не менее 40–60 см.

Большинство металлических украшений и бытовых вещей из погребений относится к числу предметов с широкими хронологическими рамками бытования в пределах X–XII вв. Для определения общего хронологического положения погребений следует учесть, что все сосуды, сопровождавшие захоронения, лепные, верхняя дата их, таким образом, не выходит за рубеж XI–XII вв. С этой датировкой хорошо согласуется присутствие в погребениях завязанных перстня и браслета (п. 2, 3), ножа с прямой спинкой (п. 1). Для уточнения хронологических позиций погребенных существенны наборы бус и бисера из погребений 1, 3, 4, 5 и 14, включавшие от полутора десятков до полутора сотен единиц. В трех из этих наборов в значительном количестве представлены золотостеклянные, серебростеклянные, желтые и синие одночастные и многочастные лимонovidные бусины (п. 1, 3, 14), глазчатые бусы (п. 1, 3, 9) и бисер из тянутых трубочек черного, синего и зеленого цвета (п. 1, 3). Подобные наборы бус характерны для конца X – первой половины XI в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 196). Наиболее позднее положение среди комплексов с ожерельями из бус занимает погребение 5, в котором из 55 бусин 36 – серебростеклянные бочковидные гладкие и ребристые с каймой, а лимонovidных лишь 4 (рис. 6; см. цв. вклейку). Значительная доля серебростеклянных ребристых бус обычна для наборов второй половины XI в. Промежуточное положение занимает погребение 4, где в ожерелье из 16 бусин присутствуют 3 золотостеклянные битрапециoidные и 1 бочковидная серебростеклянная.

Очевидно, наиболее ранними на вскрытом участке могильника можно считать погребения 9 и 14. Оба, расположенные недалеко друг от друга, имеют восточную ориентировку. Погребение 9 – детское, содержавшее лепной сосуд, железный нож и 8 бусин, среди которых 5 двухчастных и одночастных желтых и синих лимонок, 2 черные глазчатые бусины с петлями и сердоликовая призматическая 8-гранная (рис. 7; см. цв. вклейку). В этом наборе отсутствуют бусы, вошедшие в обиход в XI в., вероятно, оно может быть отнесено к концу X – рубежу X–XI вв. В погребении 14 расчищен тлен черепа подростка 15–19 лет. В районе шеи погребенного находилось ожерелье из стеклянных бус, лежащих плотными рядами. Всего в нем было 59 бусин: двухчастные желтые, синие и сербростеклянные пронизки, желтые лимонovidные бусины, синяя шарообразная. Около правой руки стоял лепной сосуд. Развал второго лепного сосуда расчищен в заполнении ямы.

Таким образом, грунтовые бескурганые погребения на исследованном участке могильника Шекшово начали производиться не позднее рубежа X–XI вв. Они совершались на площадке, где ранее, в X в., размещались наземные кремации или кремации в небольших грунтовых ямах, рядом с курганами, к западу и северу от них. Участок осваивался с юга на север, наиболее поздние грунтовые могилы исследованы в северной части раскопа.

Хотя бескурганые погребения в Шекшово не содержат каких-либо престижных вещей или украшений, выделяющихся высоким качеством исполнения, погребальный обряд и набор вещей из погребений весьма выразительны для характеристики культурной ситуации в регионе в это время. Смена погребальных традиций выражается в появлении бескурганых ингумаций в грунтовых ямах сначала с восточной, а потом с западной ориентировкой с ограниченным набором вещей, включающим сосуды для напутственной пищи, ножи, элементы мужского снаряжения (кресала, фитильная трубка). Набор женских украшений с височными кольцами и ожерельями из бус в целом соответствует древнерусской традиции.

Важная черта обряда, заслуживающая специального внимания, – помещение погребений в могильные ямы больших размеров. Использование больших могильных ям для совершения захоронений в XI в. неоднократно отмечалось исследователями при публикации и анализе материалов погребальных памятников различных областей Руси, в том числе на Белоозере (Макаров, 1990. С. 34–35), под Суздалем (Седова, 1997. С. 148), на Луге (Соболев, 1997), в Подесенье (Шинаков, 1995; Шинаков, 1998. С. 307–320), в Гочеве на Верхнем Псле (Щавелев, 2002, С. 209–213; Щавелев А., Щавелев С., 2003. С. 194–200). Высказывалось мнение об особом престижном значении подобных могил, о связи погребений XI в. в больших могильных ямах на юго-востоке Руси с традицией камерных погребений X в. (Шинаков, 1997; Щавелев А., Щавелев С., 2003).

Погребения в больших могильных ямах (длиной более 2,6 и шириной до 1,5 м) хорошо известны в двух курганных могильниках Суздаля – некрополе на Михайловской стороне и некрополе на территории Ризоположенского монастыря. По наблюдениям М.В. Седовой и М.А. Сабуровой, в могильнике на Михайловской стороне в таких ямах чаще производились погребения молодых мужчин, причем многие из этих могил были безынвентарными. Размеры наиболее крупной ямы

составляли $3,45 \times 1,3$ м (Седова, 1997. С. 148; Сабурова, Седова, 1984. С. 106). Из-за отсутствия или малочисленности погребального инвентаря точно датировать отдельные погребения в больших ямах в некрополе на Михайловской стороне невозможно, однако общая датировка могильника XI – первой половиной XII в. надежно аргументирована. В первой публикации материалов могильника авторы раскопок высказали мнение о возможной связи обряда погребения в больших грунтовых ямах с местной финской традицией (Сабурова, Седова, 1984. С. 128), однако в итоговой публикации М.В.Седова отказалась от этого объяснения (Седова, 1997. С. 163). Стоит отметить, что финские могильники второй половины

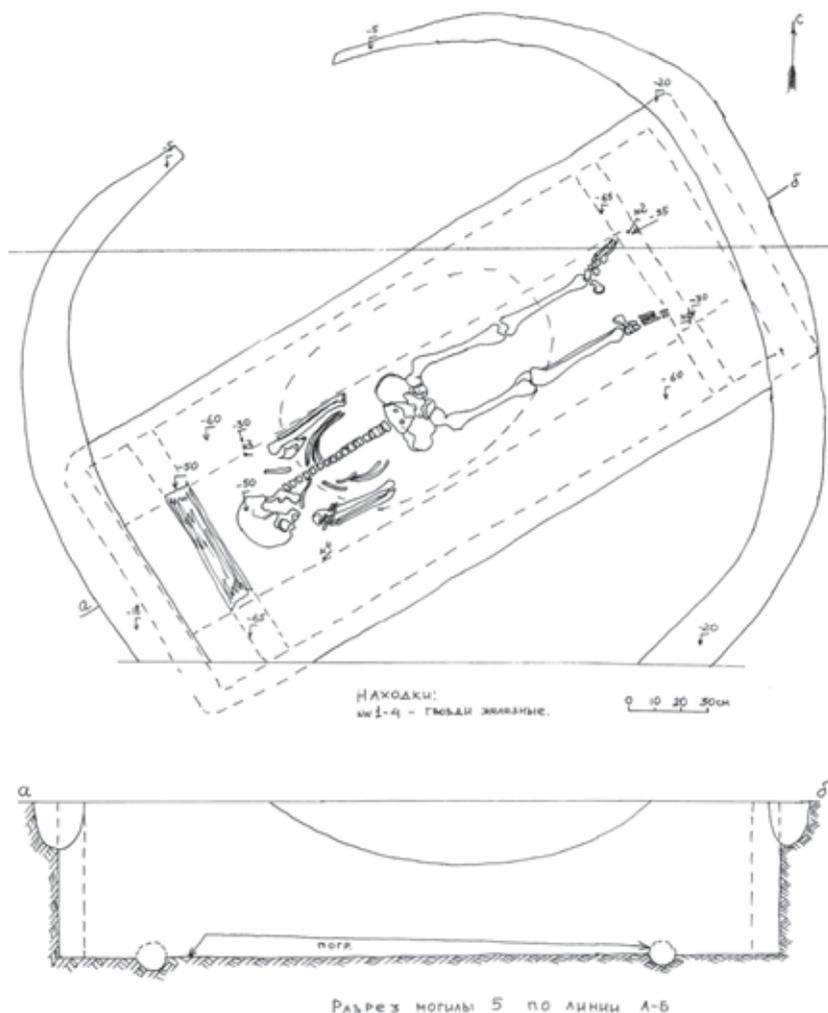

Рис. 8. Суздаль. Могильник на территории Ризоположенского монастыря. Раскопки 1991 г. Погребение 1. Чертеж из отчета М.В.Седовой (Архив ИА РАН, Р-1, № 16413).

I тыс. н.э. с большими могильными ямами, в которых можно было бы видеть истоки этой традиции, в Суздальском Ополее неизвестны.

Шесть погребений в больших могильных ямах (длиной от 2,7 до 3,3 м) были открыты на территории Ризоположенского монастыря под культурным слоем второй половины XII в. (рис. 8; 9). По наблюдениям авторов раскопок, это остатки курганного некрополя: на площадке выявлены остатки ровиков и кольцевых канавок. Как и погребения в больших могильных ямах в некрополе на

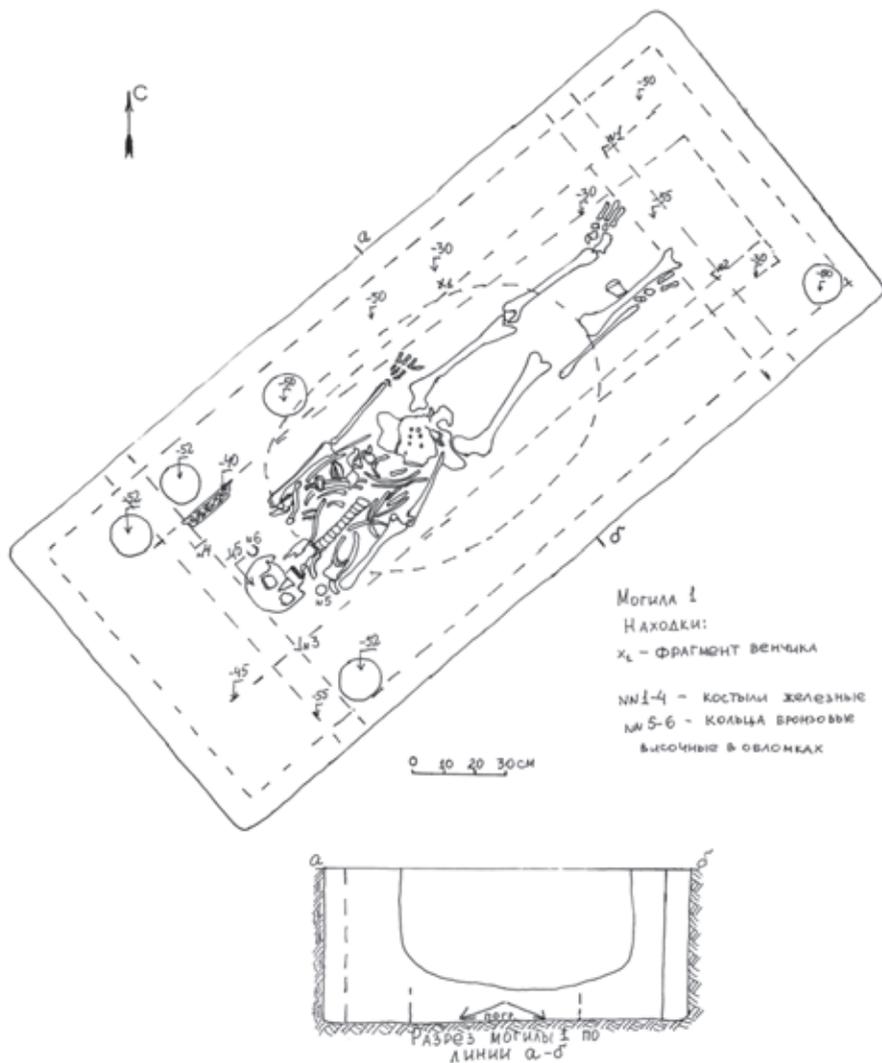

Рис. 9. Суздаль. Могильник на территории Ризоположенского монастыря. Раскопки 1991 г. Погребение 5. Чертеж из отчета М.В. Седовой (Архив ИА РАН, Р-1, № 16413).

Михайловской стороне, эти захоронения содержат скудный инвентарь, по находкам поясной накладки, височного кольца с зернью и сканью и золотостеклянных бус авторы раскопок датировали их XI в. (Седова, Сабурова, Данилов, 1991. Л. 91–102; Нестерова, 2008).

М.В. Седова высказала мнение, что размеры могильных ям в некрополе на Михайловской стороне могут отражать социальный статус погребенных. Большие могильные ямы использовались для погребения суздальской аристократии, поскольку «другие способы выражения высокого их социального положения уже были недопустимы по нормам христианской религии» (Седова, 1997. С. 162–163). По своим размерам (в особенности – по своей длине) большие могильные ямы суздальских некрополей XI в. соответствуют ямам «камерных погребений», однако это различные типы погребальных сооружений, различающиеся как по своим конструктивным особенностям, так и по своему «символическому значению». Точно так же нет оснований для атрибуции в качестве камерных большинства погребений XI в. в могильниках Подесенья и Посемья, что убедительно показал К.А. Михайлов (Михайлов, 2005; Михайлов, 2015. С. 205–208). Можно согласиться с тем, что большие размеры могильных ям не являются достаточным признаком для выделения «камерных погребений» при отсутствии характерных для них погребальных конструкций и погребального инвентаря (Михайлов, 2015. С. 206–207).

Погребения в камерах или больших могильных ямах в бескурганых могильниках X–XI вв. вновь стали предметом активного обсуждения в последнее время после раскопок нескольких могильников с подобными погребениями в Польше (некрополи Бодзя, Пень, Дзекановичи, Кальдуц; Vuko, 2015). На площадках некоторых из этих некрополей могильные ямы помещены на отдельных четырехугольных участках, выделенных специальными канавками. Обсуждается этническая принадлежность погребенных, связь польских погребений в больших могилах со скандинавскими и древнерусским обрядом «камерных погребений» и каролингскими традициями, социальное положение погребенных (Janovski, 2011; Vuko, 2015; Михайлов, 2015). Несмотря на разный уровень исследованности некрополей Северо-Восточной Руси и Польши (ряд могильников на Балтике исследован большими площадями, в Бодзе вскрыта вся площадка могильника) и огромные расстояния, разделяющие эти области Европы, нельзя не обратить внимания на некоторые значимые черты сходства. Те и другие памятники объединяет контраст между скудостью погребального инвентаря и большими размерами погребальных сооружений. Очевидно, обряд погребения в больших могильных ямах с западной ориентировкой и сравнительно скромным набором инвентаря без сооружения земляной насыпи над могилой в XI в. получил широкое распространение в Восточной Европе. Проводником его распространения могла быть новообращенная христианская элита. Находка поясной накладки с княжеским знаком в одной из могил в Бодзя (Vuko, 2015. Р. 215–218) и топорика с княжеским трезубцем в Шекшове свидетельствует о том, что носители этого обряда на востоке и западе могли быть тесно связаны или принадлежать к одной воинской среде.

Таким образом, Шекшовские бескурганые ингумации представляют исключительный интерес в силу нескольких обстоятельств. Это первая серия

погребений, которая надежно документирует существование в центре Северо-Восточной Руси в XI в. бескурганых ингумаций как особой формы погребального обряда, бытование которого было ранее зафиксировано в двух других важнейших областях Руси – на Юге, в том числе в Среднем Поднепровье, и на Севере, в центре Новгородской земли. Бескурганые ингумации в Шекшово – погребальные комплексы XI в., хронологическая позиция которых четко определена, в отличие от подавляющей части погребений, ранее исследованных М.В. Седовой и М.А. Сабуровой, которые сопровождалась очень скудным инвентарем. Шекшовские погребения дают надежное основание датировать появление ингумаций с западной ориентировкой в глубоких грунтовых ямах, в том числе в ямах больших размеров, первой половиной XI в.

Остается неясной возможная связь появления ингумаций с западной ориентировкой и славянским женским убором на участке, где ранее размещались остатки кремаций, сопровождавшиеся шумящими украшениями, с появлением новых поселенцев, проводников древнерусской культуры, или со сменой культурных традиций, не сопровождавшейся подвижками населения.

Шекшовские ингумации XI в., вместе с ранее исследованными подкурганными ингумациями Суздальских могильников, важны для характеристики культурной ситуации в центре Ростово-Суздальской земли в эпоху Владимира и Ярослава. Появление ингумаций с западной ориентировкой отражает христианизацию этих удаленных территорий, которые традиционно рассматривались как оплот язычества. Вместе с тем оно может рассматриваться и в более широком плане – как возникновение новых репрезентативных социально значимых форм погребального обряда в конце X – начале XI в. По-видимому, обряд погребения в больших ямах имел престижное значение и появление его в центре Волго-Окского междуречья – проявление процессов, проходивших на широких территориях, прямо или косвенно связанных с формированием новых культурных традиций среди новокрещеного или еще частично сохранявшего язычество населения, инкорпорированного в структуру ранних государств.

Литература

- Захаров С.Д., Кузина И.Н.*, 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука. С. 142–215.
- Концевий В.Я.*, 1984. Некоторые итоги изучения древнерусских грунтовых могильников в центральных районах Новгородской земли // Археологическое исследование Новгородской земли. Л. С.154–172.
- Концевий В.Я.*, 2014. Древнерусские погребальные памятники центральных районов Новгородской земли (к генезису бескурганых форм – грунтовых могильников и жальников) // ННЗ. Вып. 28 / Отв. ред. В.Л. Янин. Великий Новгород. С. 190–203.
- Кренке Н.А.*, 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука. С. 151–167.
- Макаров Н.А.*, 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука. 216 с.
- Макаров Н.А., Красникова А.М., Зайцева И.Е.*, 2013. Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополе: спустя 160 лет после раскопок А.С. Уварова // КСИА. Вып. 230. С. 219–233.

- Макаров Н.А., Красникова А.М., Карпунин А.А., 2009. Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию акад. В. Л. Янина / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли. С. 432–454.
- Михайлов К.А., 2005. Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв. (по материалам захоронений в погребальных камерах): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Михайлов К.А., 2015. Погребальные камеры или псевдо-камеры эпохи викингов на южном побережье Балтийского моря // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5 / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 200–211.
- Моця А.П., 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев: Наукова думка. 153 с.
- Недошивина Н.Г., 1974. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Нестерова Н.В., 2008. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // ABC3. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 191–199.
- Рябинин Е.А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Сабурова М.А., Седова М.В., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И.П. Русанова. М.: Наука. С. 91–130.
- Седов В.В., 1982. Восточнославянские племена в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Наука.
- Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Информ.-издат. агентство «Русский мир». 236 с.
- Седова М.В., Сабурова М.А., Данилов В.В. Отчет о полевых исследованиях Владимиро-Суздальской экспедиции в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16412.
- Соболев В.Ю., 1997. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск.
- Степанова Ю.В., 2009. Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: пространственный анализ // Вестник Тверского университета. Серия «История». № 40. Вып. 3. С. 72–91.
- Шинаков Е.А., 1995. Камерные захоронения Среднего Подесенья // Деснинские древности: Материалы межгос. конф. «История и археология Подесенья». Брянск.
- Шинаков Е.А., 1998. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья // Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 307–322.
- Щавелев А. С., 2002. Камерные погребения Гочевского могильника: (вопросы атрибуции, социокультурной интерпретации) // Русский сборник. Брянск. С. 209–213.
- Щавелев А.С., Щавелев С.П., 2003. Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця, 17–20 липня 2003 р.) / Отв. ред. П.П. Толочко. Чернігів: Сіверянська думка. С. 194–200.
- Bodzia. A Late-Viking-Age Elite Cemetery in Central Poland / Ed. Andrzej Buko. Leiden; Boston, 2015. 624 p.

Janovsky A., 2011. Early medieval chamber graves on the south coast of the Baltic Sea // Der Wandel um 1000: Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichteder 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. (Sonderdruck aus Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas. 60). Langenweissbach. P. 257–267.

Summary

N.A. Makarov, I.E. Zaitseva

SUBTERRANEAN BURIALS IN THE SHEKSHOVO'S CEMETERY: NEW MATERIALS FOR THE STUDY OF OLD RUSSIAN TRADITIONAL FUNERAL CEREMONY OF THE 11TH CENTURY

The materials of the excavation of the recent years which are carried out by the Suzdal archaeological expedition of Institute of archeology of RAS on the Old Russian necropolis of Shekshovo located in the Suzdal Opolye are introduced for scientific use in the article. The excavation explored the site of 897 sq.m which is located on a joint of the burial mound's field (the remains of 2 or 3 mounds containing burials on an inhumation ceremony (2 mounds) and cremation (1 mound) are studied) and a subterranean part of the burial ground (12 burials are investigated).

Subterranean burials on the explored site of the burial ground began to be made no later than turn of the 10-11th centuries. They were made on the platform where previously, in the 10th century, ground cremation or cremation in small ground pits, near burial mounds, to the West and the North from them, took place. The site developed from the South to the North: early inhumation are synchronous to the mound's cremation, the latest subterranean graves are investigated in a northern part of the excavation.

Though subterranean burials in Shekshovo do not contain any prestigious things or jewelry characterized with high workmanship, the funeral ceremony and a set of things of burials are very expressive for the characteristic of a cultural situation in the region at this time. Change of funeral traditions is expressed in the emergence of the subterranean inhumation in ground pits at first with eastern, and then with the western orientation with a limited set of things including vessels for parting food, knives, elements of men's gear (flints, a fuse pipe). A set of women's jewelry with temple rings and necklaces from beads corresponds to Old Russian tradition in general.

В.Ю. Соболев

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XI–XII ВВ. СЛОЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ

Формирование древнерусской народности в Новгородской земле происходило одновременно со становлением древнерусской государственности. Эти взаимосвязанные процессы оказали влияние на все стороны жизни общества, затронув, очевидно, все сферы духовной и материальной культуры.

Прежде чем обратиться к собственно проблемам формирования древнерусской погребальной культуры населения Новгородской земли, необходимо кратко охарактеризовать погребальный обряд предшествующего времени. Общеизвестно, что основными компонентами складывающегося древнерусского населения Новгородской земли стало население, составлявшее две крупнейшие археологические культуры региона более раннего периода – культуру длинных курганов (КДК)¹ и культуру сопок (рис. 1), при участии более малочисленных, зачастую археологически сложноуловимых, но не менее значимых этнокультурных группировок. Исследователями неоднократно подчеркивалась приуроченность различных археологических памятников, а значит, и оставившего их населения, к строго определенным природным и ландшафтно-географическим условиям и участкам почв (*Платонова*, 1981. С. 39–40; *Носов*, 1982. С. 57–58; *Конецкий*, 1989. С. 4).

Культура длинных курганов возникла на рубеже V–VI вв. или в самом начале VI в. и существовала вплоть до II тыс. н. э., ее носители во многом составили демографическую базу древнерусского населения Новгородской и Псковской земель. Именно с погребальной обрядностью населения этой культуры связывается появление курганных насыпей в лесной зоне Восточной Европы. Насыпи КДК

¹ Иногда называемую исследователями «культурой псковских длинных курганов» (напр.: *Седов*, 1999. С. 117 и далее; *Петров*, 2006. С. 155, 160 и далее; *Михайлова*, 2007. С. 389 и далее) или «культурой псковско–боровичских длинных курганов» (напр.: *Петров*, 1993. С. 78; *Лебедев*, 2005. С. 437. Рис. 132 и далее; *Васильев*, 2012. С. 15).

различны по форме² и размерам; многие из курганов возводились в несколько этапов и имели сложную строительную историю, иногда удавалось зафиксировать применение при строительстве курганов дерна и/или деревянных плах (напр.: Михайлова, 2010. С. 100–102).

По мнению исследователей (Михайлова, 2007. С. 389), культура длинных курганов не оставила заметного следа в материальной культуре Древней Руси, но, на мой взгляд, оказала значительное влияние на сложение древнерусских погребальных памятников всего Северо-Запада.

Культура сопок (рис. 1), также получившая свое название от народного названия погребальных памятников региона, появляется на Северо-Западе в IX в. и существует на протяжении 200 лет. Ее появление связывается исследователями с расселением на территории будущей Новгородской земли словен новгородских.

Обряд погребения в сопках – кремация – тесно связан со структурой насыпей и этапностью их возведения и варьирует от сожжений, совершенных на месте строительства насыпи, до кремации на стороне, в последнем случае останки могли помещаться как индивидуально, так и в коллективные «кусыпальницы» различных конструкций. В то же время общее число погребений, выявленных в каждой отдельно взятой сопочной насыпи, не превышает трех десятков человек. Малое число захоронений, явное несоответствие количества погребений и трудовых затрат и, соответственно, численности возводивших насыпи коллективов поставили перед исследователями целый ряд вопросов.

Исследования высоких насыпей Северо-Запада показывают, что сопки являлись не только, а возможно, не столько погребальными, сколь культово-меморативными памятниками, доминантами освоенного средневекового пространства; массовый погребальный обряд возводившего сопки населения до сих пор остается очень слабо изученным и является одним из ключевых вопросов средневековой археологии Северо-Запада.

Возможным его решением стали выявленные в составе комплекса памятников Которского погоста могильники с так называемыми бескурганскими, или поверхностными, трупосожжениями (подробную характеристику этих памятников см.: Кузьмин, Михайлова, 1997. С. 138–146; Кузьмин и др., 2010. С. 70–82; Михайлова, 2014. С. 317–335). Вещевой материал этих могильников полностью соответствует набору вещей из сопок и надежно связывается с материалами из культурных напластований локальных центров запада Новгородской земли, что позволяет соотнести их с массовым погребальным обрядом населения культуры сопок.

Данный тип погребальных памятников в силу своих особенностей (помещение остатков кремаций на дневной поверхности и в дерне) легко подвергается практически полному разрушению и, как следствие, сложно уловим археологически. В настоящее время в окрестностях Которского погоста выявлено 5 бескурганских могильников, еще несколько случаев находок не маркированных насыпями россыпей кальцинированных костей было зафиксировано на одном из притоков Луги в ее среднем течении (Соболев, 2010. С. 118).

² Собственно, культура получила свое название по самому яркому отличительному признаку – погребальным насыпям удлинённой формы.

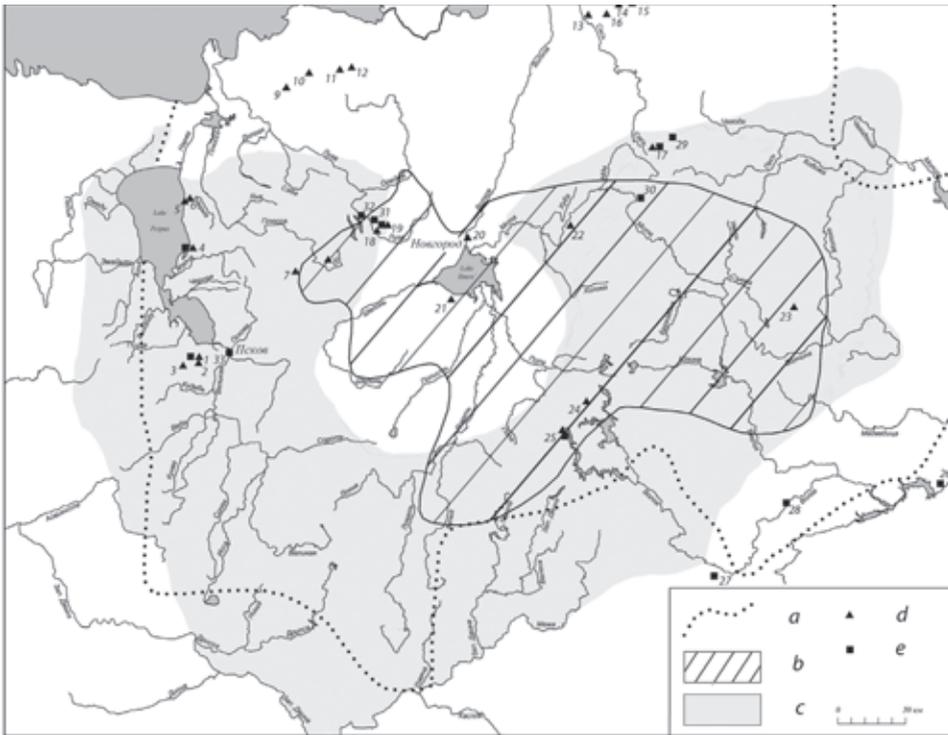

Рис. 1. Новгородская земля.

a – границы Новгородской земли (по: *Насонов, 1951*), *b* – ареал культуры сопок (по: *Седов, 1982. С. 181. Карта 32*); *c* – ареал культуры длинных курганов (по: *Михайлова, 2009. IV. Карта I*); *d* – находки скандинавских предметов в древнерусских погребениях; *e* – камерные погребения XI – начала XII в.

1 – Малы; 2 – Новая; 3 – Тяково; 4 – Залахтовье; 5 – Калихновщина; 6 – Верхоялане; 7 – Березица; 8 – Которск; 9 – Беседа; 10 – Терпилицы; 11 – Б. Борницы; 12 – Тяглино; 13 – Городище; 14 – Кирилина; 15 – Сязнега; 16 – Вахрушево; 17 – Дрегли; 18 – Княжая Гора; 19 – Хрепле; 20 – Деревяницы; 21 – Устрека; 22 – Заручевье; 23 – Бустрыгино; 24 – Боково; 25 – Березовец; 26 – Пекуново; 27 – Струйско; 28 – Избрижье; 29 – Мозолево; 30 – Черезборицы; 31 – Удрай; 32 – Рапти-Наволок; 33 – Псков.

Наиболее поздние погребения в могильниках КДК содержат элементы древнерусского убора (проволочные височные кольца, ножи IV группы по Р.С. Минасяну)³, нехарактерные для более ранних этапов существования этой культуры, и могут датироваться второй половиной X в., а отдельные курганы, вероятно, функционировали вплоть до рубежа X–XI ст.

Захоронения, открытые в вершинах исследовавшихся в последние три десятилетия сопок и датированные археологическими и естественно-научными

³ Более подробно этот вопрос рассматривается в статье Е.Р. Михайловой, напечатанной в Вестнике Санкт-Петербургского университета (*Михайлова, 2007*), и в ее диссертационном исследовании (*Михайлова, 2009*).

методами, позволяют утверждать, что наиболее поздние могут быть отнесены к рубежу X–XI или даже к первой половине XI ст. (*Кузьмин*, 2001).

Хронология бескурганных (грунтовых) могильников с погребениями по обряду кремации, исследованных в Которском погосте, была подробно проанализирована Е.Р. Михайловой (*Михайлова*, 2014). Верхняя дата, как и в случае с захоронениями в сопках, может быть определена временем до или около середины XI ст.⁴

Таким образом, в конце X в. все население Новгородской земли практиковало обряд кремации, при этом существовало несколько вариантов захоронения праха – в курганных насыпях, сопках, бескурганных могильниках. Важно отметить практически полное отсутствие на всей обширной подконтрольной Новгороду территории могильников и отдельных «дружинных» захоронений. При безусловном присутствии значительной по численности группы скандинавского населения в самом Новгороде камерные погребения не обнаружены в окрестностях города, включая Рюриково городище, не встречены они и при исследованиях некрополей локальных центров и сельских кладбищ Новгородской земли X в. Исключение составляют некрополь Пскова⁵, несколько захоронений в могильнике Залахтовье (курганы 131 и 202, возможно, грунтовое погребение 22) (*Хвоцинская*, 2004. С. 189, 194–195, 201) и, возможно, одно погребение в могильнике у дер. Калихновщина (*Кирпичников, Попов*, 2012).

Смена погребального обряда произошла, по всей вероятности, в первой половине XI ст. Причина массового и резкого перехода к захоронениям по обряду трупоположения кроется в сложении христианской общины после акта крещения основной массы населения. Одновременная и повсеместная смена погребального обряда, единовременное появление первых ингумаций в различных, весьма удаленных друг от друга и от самого Новгорода, регионах является, на мой взгляд, несомненным свидетельством акта крещения и принятия основ христианства населением. Следует обратить внимание на хронологический разрыв между летописным известием о крещении Новгорода и временем появления первых ингумаций на сельских кладбищах Новгородской земли.

Особенностью, отличающей Новгород от многих древнерусских городов, является невыявленность городских кладбищ X–XIII или даже XIV вв. Несмотря на вероятное существование в Новгороде христианской общины до официального принятия христианства (*Мусин*, 2002. С. 97) и значительную исследованную площадь территории средневекового города, средневековые кладбища городского населения до настоящего времени не обнаружены; исключение составляют лишь отдельные княжеские и ктиторские погребения внутри храмов. Археологически исследованные церковные кладбища датируются лишь XV в. (*Арциховский*, 1941.

⁴ Е.Р. Михайлова при анализе материала бескурганных могильников и определении времени их функционирования обратила внимание на отсутствие в материалах, происходящих с территории бескурганных могильников, керамики, изготовленной на гончарном круге. По мнению исследовательницы, данный факт объясняется не хронологией этого типа погребальных памятников, а консервативностью погребального обряда (*Михайлова*, 2014. С. 239). Присоединяясь к данному мнению, хочу указать на использование изготовленных без применения гончарного круга сосудов, сделанных специально для помещения их в могилы, и в ранних захоронениях по обряду ингумации.

⁵ Вопрос наличия собственного княжения во Пскове в X – первой половине XI в. или его вхождении в состав Новгородской земли должен быть оставлен за рамками настоящей статьи.

С. 26–28) и более поздним временем. Неизвестно и место упокоения в районе княжеской резиденции на Рюриковом Городище. Таким образом, в Новгороде отсутствуют ранние христианские погребения, которые могли бы быть признаны «эталонными» — маркирующими появление и начало существования в городе христианской общины — погребениями, которые могли бы являться образцом для сельского населения. Погребальные памятники древнерусского времени в ближайших окрестностях Новгорода (Нередицкий, Деревяницкий могильники, могильник у поселения на р. Прость) представлены лишь курганными кладбищами населения сельской округи; проведенные на них археологические работы выявили погребальный обряд, убор и иные детали, аналогичные синхронным памятникам других сельских районов Новгородской земли (Конецкий, 1981; Конецкий, Носов, 1985. С. 100–113; Носов и др., 2005. С. 144–145).

Ранний этап формирования древнерусской погребальной обрядности — первые 60–70 лет после летописной даты принятия христианства — на всей Новгородской территории до сих пор остается мало изученным археологически. Надежно датированные ранее середины XI ст. погребальные памятники пока не известны. С середины XI в. древнерусские трупоположения «резко и вдруг» появляются на значительной территории Новгородской земли, как на ее западе — в восточном Причудье (Лесман, 1984. С. 141–148. Таб. 2), на Луге (Удрай, Естомичи, Рапти-Наволоки), в Поплюсье (Которск, Березицы), так и на востоке (Дрегли, Черзборицы, Заручевье, Сорогожское, Бустрыгино) и юге (Отмичи, Боково, Березовец) (рис. 1).

Для середины — второй половины XI в. характерно многообразие вариантов погребального обряда: практически каждое исследованное кладбище демонстрирует собственный местный набор деталей обрядности, находящихся в целом в рамках христианского канона. Вероятное объяснение столь широкой вариативности кроется в неразвитости церковной организации в сельской местности и в отсутствии прямых указаний и требований в канонических памятниках Древней Руси (Мусин, 2002. С. 73 и след.).

Анализ археологического отражения процесса формирования погребальной культуры древнерусского населения позволяет выделить несколько специфических особенностей, часть из которых характерна не только для населения Новгородской земли, но для древнерусского населения лесной зоны Восточной Европы в целом.

Первая особенность, которую стоит отметить, это длительное сохранение традиции возведения курганных насыпей. Появление и распространение обряда ингумации сопровождается изменением высоты, формы и внутреннего строения насыпей, тем не менее сам факт наличия намогильного сооружения — земляной насыпи — остается неизменным. Возведение намогильной насыпи является, по мнению некоторых исследователей, признаком, дающим основания интерпретировать захоронение (а следовательно, локальный коллектив и общество в целом) как языческое или имеющее значительные пережитки языческих традиций в мировоззрении (см., напр., Пронин, 1988. С. 12). Однако более обоснованным видится отсутствие столь жесткого противопоставления. Наличие кургана, равно как и иного намогильного сооружения, не вступает, на мой взгляд, в противоречие с немногочисленными каноническими памятниками Древней Руси.

Второе, что обращает на себя внимание исследователей, – обнаружение во многих древнерусских захоронениях деталей костюма и различных предметов: среди них оказываются элементы вооружения, инструменты и сельскохозяйственные орудия, орудия рыбной ловли, украшения, монеты, керамика. Совокупность находок, обычно обозначаемая как «*инвентарь погребения*», также является основанием для интерпретации погребения и общества как языческого или имеющего сильные языческие пережитки. Данные утверждения, на мой взгляд, также заслуживают пристального рассмотрения и подробной критики, выходящей за рамки настоящего исследования. Стоит лишь напомнить, что даже в безусловно христианских захоронениях, совершенных внутри храмов и на церковных кладбищах древнерусских городов (например, в Киеве и Новгороде), были найдены не только детали костюма и убора, но также и украшения⁶, монеты, скорлупа орехов, кости рыб и пр.

Для захоронений, датируемых второй половиной XI – первой третью XII в., характерно присутствие яркой «скандинавской вуали». По всей территории Новгородской земли в погребениях встречаются вещи североевропейского производства или подражания им⁷: бусины на проволочных колечках (рис. 2, 1–5; см. цв. вклейку), подвески, фибулы (рис. 2, 13–17; см. цв. вклейку) и застежки (рис. 2, 34, 35; см. цв. вклейку), браслеты (рис. 2, 29–33; см. цв. вклейку), детали поясной гарнитуры (рис. 2, 24–28; см. цв. вклейку) и упряжи (рис. 2, 18–21; см. цв. вклейку). Североевропейские вещи встречены в древнерусских ингумациях в Причудье, на Ижорском плато, в Поплюсье и Полужье, Приладожье, в бассейне Мологи, в районе Верхневолжских озер. Картирование показывает достаточно равномерное распределение этих находок, отражая, на мой взгляд, степень изученности отдельных регионов и «удачливость» авторов раскопок.

Указанная особенность не может быть интерпретирована как единовременный или хронологически сжатый «выплеск» на рынок Новгорода и его сельской округи большой партии скандинавских импортов, так как в это же время в Новгородской земле отмечается распространение «моды» на погребения в камерах (Соболев, 1997а. С. 183–185; 1997б. С. 272–277). В более ранний, дохристианский, период камерный обряд захоронения, зафиксированный в ярких нерядовых кладбищах Киева, Чернигова, Гнездова, на северо-западе Руси, характерен лишь для части населения Пскова. При безусловном присутствии группы скандинавского населения в Новгороде, камерные погребения не обнаружены ни в самом городе, ни в окрестностях Рюрикова Городища, ни в некрополях локальных центров Новгородской земли X в. Однако именно во второй половине XI ст. камерный обряд погребения

⁶ Можно предположить, что некоторые женские украшения носились постоянно и вообще не снимались. В качестве примера можно привести небольшие проволочные перстнеобразные височные кольца, являвшиеся в действительности серьгами и часто находимые вдетыми в уши (РО НА ИИМК РАН. Ф. 5. Д. № 267. Л. 58). В целом, анализируя находки, нужно четко отделять предметы, умышленно помещенные в могилу, и вещи, оказавшиеся в погребении «естественным» путем (детали одежды, часть украшений и т.п.).

⁷ Североевропейскому влиянию на материальную культуру Древней Руси посвящено большое исследование Ю.М. Лесмана, вышедшее в свет после смерти автора (Лесман, 2014. С. 43–87). Говоря о «вуали», я хочу обратить внимание на довольно широкое распространение наиболее характерных вещей, традиционно связываемых со скандинавскими древностями.

распространяется и существует в Новгородской земле достаточно массово до конца первой трети или, возможно, до середины XII ст. Наиболее известные камеры древнерусского времени исследованы Н.И. Платоновой в курганной группе у дер. Малый Удрай (*Платонова*, 1998. С. 372–380) и Н.В. Хвоцинской в могильнике у дер. Залахтовые на берегу Чудского озера (*Хвоцинская*, 2004); в общей сложности на сегодняшний день на территории Новгородской земли насчитывается около 20 пунктов, в которых раскопаны подкурганные камерные погребения (*Соболев*, 1997а. С. 183–185; 1997б. С. 272–277). Здесь еще раз хочется подчеркнуть их связь и с местной элитой, и с христианским обрядом погребения, и обратить внимание на находку в одном из мужских камерных погребений Удряя крестика, изготовленного из листового серебра (*Платонова*, 1998. С. 372–380). Аналогичные находки происходят из более ранних камерных погребений Гнездова (*Авоусин, Пушкина*, 1989. Рис. 4, 2, 7), Киева, Тимеревского и Шестовицкого могильников (*Недошивина*, 1983. С. 222–225) и связываются исследователями с распространением христианства на древнерусской территории.

Особенностью древнерусской погребальной обрядности является малое число находок предметов личного благочестия на всем протяжении рассматриваемого хронологического интервала. В полностью или почти полностью исследованных древнерусских сельских некрополях нательные крестики и другие предметы личного благочестия составляют крайне немногочисленную категорию находок, зачастую данная категория находок отсутствует полностью.

По всей вероятности, специфическая особенность древнерусского православия или древнерусского православного погребального обряда заключается в том, что предметы личного благочестия либо не были обязательны к повседневному ношению, либо не должны были быть погребены вместе с владельцем, возможно, за исключением каких-то особых условий жизни или обстоятельств кончины. В пользу такого предположения говорит и почти полное отсутствие предметов личного благочестия в погребальных памятниках XIII–XV вв., хотя было бы логичным предположить рост числа христианских символов по мере укоренения христианства. Уместно также отметить, что и в несомненно христианских погребениях, совершенных внутри церквей и соборов, интерпретируемых как княжеские и боярские захоронения, в XII–XIII вв. предметы личного благочестия также чаще всего отсутствуют (*Строков*, 1945. С. 71–73; *Дубынин*, 1945. С. 97–98), а позднесредневековые новгородские кладбища демонстрируют как многочисленные находки предметов личного благочестия, так и полное отсутствие оных⁸.

Важно обратить внимание, что при соблюдении основных требований, предъявляемых православием к обряду погребения (погребение некремированных останков, погребение тела головой на восток), некоторые детали погребальной обрядности древнерусского общества, не регламентированные православным канонем, продолжают развиваться на основе дохристианских традиций. В первую очередь это касается факта самого наличия намогильных курганных насыпей и их региональных конструктивных особенностей.

На западе – в бассейне верхнего и среднего течения Плюссы, Восточном Причудье, а также на юге и юго-востоке Новгородской земли формирование

⁸ Благодарю за любезную консультацию Д.В. Пежемского.

древнерусского населения происходило в условиях синтеза культурных традиций населения культуры сопок, КДК, при участии финноязычных племен и, возможно, при регулярных торговых (?) контактах с выходцами из Скандинавии. Здесь сложился обряд погребения в могилах или – реже – на поверхности материка; насыпь над ними возводилась из грунта (песка) без использования валунного камня или плитняка (рис. 3, 1, 2), лишь иногда в насыпях встречаются следы деревянных конструкций.

В Полужье, по берегам Шелони и к востоку и северо-востоку от озера Ильмень формирование древнерусской культуры проходило в условиях преобладания культурных традиций населения культуры сопок. В этих регионах сложилась иная форма намогильного сооружения, называемого «жальниками» или «курганами-жальниками» (рис. 3, 3–5). Вокруг могилы возводилось кольцо из крупных валунов, внутреннее пространство которого засыпалось землей, зачастую вровень с окружающими камнями.

Указанная разница в способах возведения намогильных сооружений позволяет зафиксировать смену населения, произошедшую в западной части Новгородской земли в середине XII ст. (Соболев, 2013. С. 278–286). Древнерусские курганные некрополи, в которых насыпи сооружены без применения камней, функционируют с

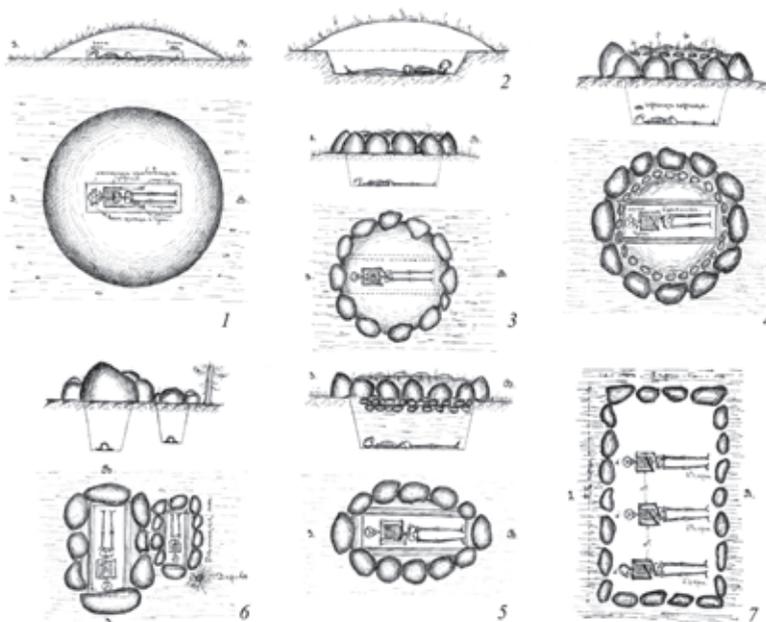

Рис. 3. Типы средневековых намогильных сооружений (по: 1, 3–7 – Трофимов, 1909а. Л. 67, 68; 2 – Трофимов, 1909б Л. 61).

1 – курган с погребением на уровне земли, возведенный без каменных конструкций; 2 – курган с погребением в могиле, возведенный без каменных конструкций; 3–4 – курган и курган-жальник с каменным кольцом в основании; 5 – жальник овальной формы; 6 – Жальник прямоугольной формы; 7 – коллективное погребение – скудельница.

середины XI в. и до конца XII ст. В середине XII в. на территории большого региона, охватывающего верхнее и среднее течение р. Плюсы, Псковы и Восточное Причудье, появляются курганы, окруженные камнями. Чаще всего эти насыпи образуют новые некрополи, топографически не связанные с древнерусскими погребальными памятниками более раннего времени. Число могильников, где в состав единого кладбища одновременно входят насыпи, сооруженные без использования камней, и окруженные кольцом из валунов, крайне невелико. Также можно отметить, что вновь появляющиеся курганно-жальничные или жальничные могильники зачастую пристраивались к дохристианским, относящимся к КДК, курганным группам.

Вероятно, фиксируемый на основании погребальных памятников приток нового населения в западные районы Новгородской земли отражает процесс «обоярщивания» территории, начавшийся в первой трети XII в. и продолжавшийся до конца столетия. Возможным толчком к переселению из центральных и северо-восточных районов Новгородской земли на запад мог стать отмеченный в летописях катастрофический голод между 1125–1130 гг., ставший причиной высокой смертности и оттока значительных масс населения. Косвенным доказательством этого может служить появление на территории слабо заселенного в XI – начале XII в. Ижорского плато выходцев из Восточного Причудья и Поплюсья именно в это время (*Лесман*, 1982).

Первые храмы появляются в погостах, вероятно, в середине – второй половине XII ст., этим же временем, скорее всего, должно датироваться и появление первых кладбищ при храмах. Вплоть до XIII–XIV вв. в пределах одного погоста сосуществуют захоронения умерших на освященной земле в церковной ограде и на внецерковных кладбищах⁹. На протяжении XIII ст. на территории Новгородской земли погребальный обряд в значительной степени «унифицируется», повсеместно распространяются курганы-жальники и жальники (рис. 3, 3–7); на некоторых из них устанавливаются каменные кресты. XIII век – время постепенного перехода от погребения в повседневном или праздничном костюме к обряжению покойного в специальный погребальный костюм, время практически полного исчезновения деталей костюма, украшений и вещей из погребений. Ижорское плато, пожалуй, единственный регион, в это время существенно отличающийся от территории остальной Новгородской земли. Слабозаселенный в XI – первой половине XII ст., на протяжении следующих двухсот лет он сохраняет культурную специфику.

Литература

- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.*, 1989. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.
- Арциховский А.В.*, 1941. Новгород. Славенский холм, 1936 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Ред. В.В. Гольмстен. М.; Л.
- Васильев В.Л.*, 2012. Славянские топонимические древности Новгородской земли. (150 лет российской государственности). М.: Рукописные памятники Древней Руси. 816 с.

⁹ Источниками XIX в. на курганно-жальничных и жальничных могильниках фиксировались часовни (напр.: О раскопках Л.Н. Целепи; *Иессен*, 1927). По всей вероятности, строительство часовен на жальниках может быть отнесено к XVIII, самое раннее к XVII в. Источников и оснований, позволяющих предполагать существование часовен в более раннее время, нет.

- Дубынин А.Ф.*, 1945. Археологические исследования г. Суздаля (1936–1940 гг.) // Краткие сообщения ИИМК. Вып. XI. М.; Л.
- Иссен А.А.*, 1927. Отчет о палеоэтнологических разведках в Лужском и Кингисеппском уездах Ленинградской губернии // РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 109.
- Кирпичников А.Н., Попов С.Г.*, 2012. Меч с Чудских берегов // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 3. СПб. С. 90–101.
- Конецкий В.Я.*, 1981. Нередицкий могильник // КСИА. Вып. 164.
- Конецкий В.Я.*, 1989. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // НИС. Вып. 3 (13) / Отв. ред. Б.В. Ананьич и др. Л.
- Конецкий В.Я., Носов Е.Н.*, 1985. Загадки Новгородской округи. Л.
- Кузьмин С.Л.*, 2001. Комплекс памятников в урочище Миложь у д. Сквородка в контексте древностей Верхнего Поплюсья рубежа I и II тыс н. э. // Вестник молодых ученых. ист. науки. № 1. С. 56–62.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р.*, 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на северо-западе Руси // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю.*, 2010. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // Stratum plus. № 5. Ремесло археолога. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест.
- Лебедев Г.С.*, 2005. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия. 640 с.
- Лесман Ю.М.*, 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья / Ред. А.Д. Столяр. Л.
- Лесман Ю.М.*, 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. / Ред. Г.С. Лебедев. Л.
- Михайлова Е.Р.*, 2007. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Вып. 4. С. 389–398.
- Михайлова Е.Р.*, 2009. Культура псковских длинных курганов. Проблемы хронологии и развития материальной культуры: Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Михайлова Е.*, 2010. Комплекс памятников в урочище Колода близ д. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.) / Отв. ред. Е.Р. Михайлова. СПб.: Нестор–История. С. 81–108.
- Михайлова Е.Р.*, 2014. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура / Ред.: Н.А. Макаров, Е.А. Леонтьев. М.; Вологда.
- Мусин А.Е.*, 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Недошивина Н.Г.*, 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. № 4.
- Носов Е.Н.*, 1982. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // НИС / Отв. ред. Б.В. Ананьич и др. Вып. 1 (11). Л.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.*, 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя: Новые материалы исслед. СПб.
- О раскопках Л.Н. Целепи в Новгородском и Лужском уездах // РО НА ИИМК. Ф. 1, 1900. № 92.
- Петров Н.И.*, 1993. О судьбах традиции сооружения сопок в северо-западной Руси: археологическая конкретика и культурные реалии // ННЗ. Вып. 7 / Отв. ред. акад. В.Л. Янин. Великий Новгород. С. 78–91

- Петров Н.И.*, 2006. Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы: опыт культурной стратиграфии // ННЗ. Вып. 20 / Отв. ред. акад. В.Л. Янин. Великий Новгород. С. 155–171.
- Платонова Н.И.*, 1981. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // КСИА. Вып. 166. Средневековые древности.
- Платонова Н.И.*, 1998. Камерные погребения XI – начала XII вв. в Новгородской земле (анализ погребального обряда) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М.
- Пронин Г.Н.*, 1988. Об этнической принадлежности жальников (опыт ретроспективного анализа) // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М.
- Седов В.В.*, 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры.
- Соболев В.Ю.*, 1997а. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Петрозаводск.
- Соболев В.Ю.*, 1997б. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Памяти В.Д. Белецкого, 1919–1997. Т. 2. СПб.; Псков.
- Соболев В.Ю.*, 2010. Исследования древнерусских курганов у дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.) // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли / Отв. ред. Е.Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История. С. 109–119.
- Соболев В.Ю.*, 2013. Смена населения на западе Новгородской земли в XII вв. Археологические данные и летописные свидетельства // ННЗ. Вып. 27 / Ред. Е.Н. Носов и др. Великий Новгород.
- Строков А.А.*, 1945. Раскопки в Новгороде в 1940 г. // Краткие сообщения ИИМК. Вып. XI. М.; Л.
- Трофимов К.Д.*, 1909а. О раскопках Московского археологического института в Гдовском и Лужском у.у. СПбургской губ. и в Керчи // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1, оп. 1. 1909 г. № 31.
- Трофимов К.Д.*, 1909б. О исследовании К.Д. Трофимовым кургана в дер. Средние Озерцы, Гдовского уезда, СПбургской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1, оп. 1. 1909 г. № 128.
- Хвоцинская Н.В.*, 2004. Финны на западе Новгородской земли. Могильник Залахтовье. СПб.

Summary

V.U. Sobolev

FUNERAL CEREMONY OF THE POPULATION OF THE NOVGOROD LAND IN 11TH–12TH CENTURIES. FORMATION OF TRADITION

This paper deals with the problems concerned with the formation of the Ancient Russian funerary culture of the Novgorod Land. The change in the burial rite and establishing of the new funerary practices are explained by the Christianization of the populace and appearance of the Christian community.

О.В. Данилов

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК СТЕПАНЬКОВО НА РЕКЕ ВОРША

В 2013 г. археологическим отделом ГБУК ВО «Госцентр» был обследован выявленный памятник археологии «Курганный могильник Степаньково XI–XII вв.», расположенный в Собинском районе Владимирской области, у деревни Степаньково. Цель исследования заключалась в уточнении местоположения и состояния данного памятника.

Курганный могильник Степаньково XI–XII вв. был обнаружен в 1994 г. А.Е. Леонтьевым и Ю.Э. Жарновым в северо-западной части мыса коренного левого берега р. Ворша (левого притока р. Клязьма), в юго-западной части которого было обнаружено селище Степаньково I домонгольского времени, расположенное на расстоянии около 200–250 м к юго-востоку от могильника.

Курганный могильник Степаньково XI–XII вв. расположен в 700 метрах к северо-западу от северо-западной окраины д. Степаньково, занимает пологий северо-западный склон мыса, ограниченного с севера ложиной с безымянным ручьем – притоком р. Ворша, вытянут вдоль обрывистого юго-западного берега ложины. (рис. 1).

Площадка курганного могильника в плане имеет подромбовидную форму, вытянута по направлению восток – запад на 82 м, а по линии север–северо-восток – юг–юго-запад – на 43 м, максимально возвышается над уровнем воды в реке на 25 м, перепад высот на территории памятника вдоль склона с востока на запад составляет 8 м. С южной стороны от территории памятника в направлении северо-восток – юго-запад проходит грунтовая дорога к р. Ворша. Территория памятника сильно заросла лиственными деревьями (дуб, берёза, ольха) и кустарником (орешник), в отдельных местах на площадке могильника имеются буреломные завалы деревьев (рис. 2).

В ходе разведки был осмотрен соседний береговой мыс, расположенный через ложину на расстоянии 150 м к северо-северо-западу от курганного могильника (рис. 1). При визуальном осмотре мыса (земляные работы не проводились) в выбросах грунта из кротовин был собран подъёмный материал, представляющий фрагменты домонгольской керамики XII–XIII вв. с характерными размерами от 1 до 4 см (8 экземпляров).

Рис. 1. Памятники археологии у д. Степаньково.
a – курганный могильник Степаньково; *б* - селище Степаньково I; *в* – подъемный материал (керамика).

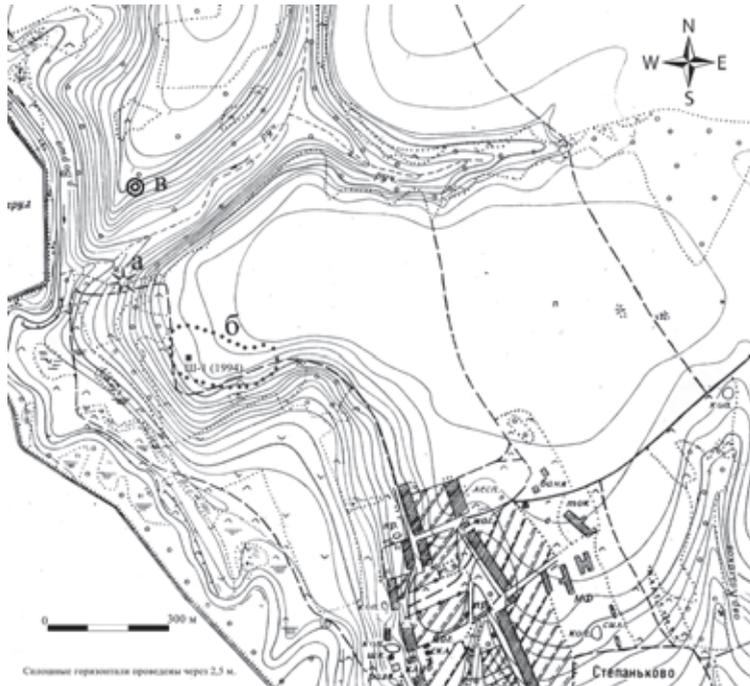

Рис. 2. Курганный могильник Степаньково.

Курганный могильник насчитывает 58 насыпей, в соответствии с данными паспорта на памятник археологии «Курганный могильник Степаньково XI–XII вв.». Все курганы близко расположены друг к другу, некоторые насыпи соприкасаются основаниями или слились между собой. Высота насыпей от 0,19 до 1,38 м при поперечнике по краю подошвы от 1,90 до 8,40 м. Насыпи в разрезе имеют сегментовидную форму с уплощённой вершиной, в плане они или округлые, или подовальные, в одном случае – подтреугольной со скругленными углами формы. В основании ряда насыпей зафиксированы следы ровиков и грунтовых выемок. Ввиду близкого взаиморасположения курганов многие ровики и выемки являются общими для двух и более насыпей. Насыпи задернованы, поросли деревьями и кустарником. На двенадцати курганах зафиксированы повреждения мародёрами, пять насыпей имеют свежие следы разграбления.

Могильник по признаку группировки насыпей делится на восточную, центральную и западную части.

В восточной части могильника насчитывается 22 сегментовидные насыпи (№ 1–21, 24); округлую в плане форму имеют 15 насыпей, овальную форму – 1 насыпь и подовальную – 6 насыпей; на 4 курганах зафиксированы повреждения «чёрными копателями».

В центральной части могильника насчитываются 24 сегментовидные насыпи (№ 22–23, 25–46); округлую в плане форму имеют 18 насыпей, овальную форму – 2 насыпи, подовальную – 3 насыпи, подтреугольную со скругленными углами – 1 насыпь; на 4 курганах имеются повреждения мародёрами.

В западной части курганного могильника насчитываются 12 сегментовидных насыпей (№ 47–58); округлую в плане форму имеют 8 насыпей, подовальную форму – 4 насыпи; на 4 курганах обнаружены грабительские углубления.

Наиболее ранней частью некрополя предположительно является центральная, где все насыпи планиграфически концентрируются вокруг кургана № 30. Этот курган на уровне дневной поверхности фиксируется как сегментовидная с уплощённой вершиной насыпь, с максимальной высотой над краем подошвы с северо-западной стороны до 123 см, округлой в плане формы, со следующими поперечными размерами: по линии север – юг 500 см, в направлении восток – запад 550 см, по линии северо-запад – юго-восток 570 см, в направлении северо-восток – юго-запад 540 см. Данная насыпь с северной и южной сторон имеет два мощных серповидных в плане ровика. Размеры северного ровика: длина 720 см, ширина 150 см, глубина от края подошвы с северо-восточной стороны до 10 см, с северо-западной стороны до 44 см. Размеры южного ровика: длина 680 см, ширина 90–160 см, глубина от края подошвы с юго-восточной стороны до 37 см, с юго-западной стороны до 34 см. Расстояние между ровиками по перемычкам составляет с востока 350 см, с запада 240 см.

Обращает внимание наличие на всей площадке «Курганного могильника Степаньково» (особенно на участках деятельности мародёров) разных обломков местного камня, возможно, имеющих отношение к курганным насыпям. По этому признаку в западной части некрополя выделяется курган № 56, имеющий следующие параметры: на уровне дневной поверхности – сегментовидной с уплощённой вершиной формы, с максимальной высотой от подошвы с северо-

западной стороны до 116 см, округлый в плане, вытянут по линии север – юг на 480 см, в направлении восток – запад на 550 см, по линии северо-запад – юго-восток на 520 см, в направлении северо-восток – юго-запад на 540 см. Центр насыпи разрушен свежей грабительской ямой подквадратной в плане формы размерами до 140×130 см, с неровным дном и глубиной до 121 см. Грунт из ямы разбросан по всем полам насыпи, представляет собой желтовато-серую супесь с вкраплениями угольков, в которой вещевой материал не обнаружен. В выкиде присутствовали камни размерами от 5 до 20 см в диаметре, часть которых расколота, возможно, от термического воздействия; подобные же камни наблюдались в грунте насыпи в стенках и на дне ямы. Напрашивается версия использования камней в качестве конструктивных элементов – например, каменной обкладки. Однако данный вид конструкций не характерен для Владимиро-Суздальского региона, а имел широкое распространение у новгородских словен (*Седов*, 1982. С. 86, 169. Табл. XX/2, 4, 6, 7).

Незаурядным явлением для зоны притяжения курганных некрополей является также наличие к западу от западной окраины некрополя (ниже по склону) вала с внутренним рвом. Высота верхушки вала над уровнем воды в р. Ворша достигает 12,5 м (в Балтийской системе высот 127 м), в плане он слегка изогнут, ориентирован по линии северо-запад – юго-восток, протяженность составляет 24,6 м, ширина до 2,5 м, высота от подножия с западной стороны до 71 см. Со стороны мыса у основания вала имеется ров шириною до 1,8 м, глубиной до 61 см. Вал и ров заросли кустами орешника и деревьями. Функциональное назначение данного укрепления неясно. Предположительно, данная конструкция может являться: 1) остатками укреплений городища, относящегося к более раннему времени, например, к раннему железному веку (*Смирнов*, 1974. С. 7–17); 2) укреплением от воздействия природных факторов, то есть дамбой; 3) остатками объекта религиозного назначения.

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, Курганный могильник Степаньково XI–XIII вв. является одним из немногих памятников истории и культуры, дошедших до настоящего времени в первоизданном виде, не подвергшихся «истребительскому» исследованию в XIX в., частично пострадавших от мародёров в XX–XXI вв. Необходимо осуществить предусмотренные законом мероприятия по внесению памятника «Курганный могильник Степаньково XI–XII вв.» в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ. Во-вторых, исходя из результатов исследований 1994 и 2013 гг. (*Леонтьев*, 1995; *Данилов*, 2014), можно заключить, что Курганный могильник Степаньково XI–XII вв. является некрополем селища Степаньково I, XII–XIII вв., расположенного юго-восточней (приблизительно в 200–250 м) курганной группы. О существовании одноименного исторического поселения на данной территории известно по письменным источникам с XVI в., когда эти земли принадлежали к владениям Троице-Сергиева монастыря, находящимся на территории Илмехотцкого стана (*Калачов*, 1872. С. 788). Однако, как отмечается в литературе, количество курганных насыпей, достигающее нескольких десятков, является местом погребения для нескольких деревень (*Успенская*, *Фехнер*, 1956. С. 9), что косвенно подтверждает возможное нахождение поселения на соседнем мысе, находящемся в 150 м к северо-северо-западу от курганной группы «Степаньково XI–XII вв.».

Литература

- Данилов О.В.*, 2014. Отчет о проведенных в 2013 г. археологических работах на объекте археологического наследия «Курганный могильник Степаньково XI–XII вв.» // Архив ИА РАН. Владимир
- Калачов Н.В.*, 1872. Писцовые книги XVI века. СПб.
- Леонтьев А.Е.* Отчет о разведочных работах во Владимирской области в 1994 г. // Архив Госцентра. 1995. № Ар-58.
- Седов В.В.*, 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. (Археология СССР). М.: Наука.
- Смирнов К.А.*, 1974. Дьяковская культура. М.
- Успенская А.В., Фехнер М. В.*, 1956. Поселения древней Руси // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. Вып. 32). М.

Summary

O.V. Danilov

STEPAN'KOVO BURIAL MOUND ON THE RIVER VORSHA

The article presents the results of a research reconnaissance on the site of archeology «Stepan'kovo burial mounds group of the 12th–13th centuries» (Vladimir region, Sobinka district) in 2013, which had the aim of clarifying its geographical location and condition. The paper contains a detailed description of the burial mounds group, including the characteristics and location of its constituent barrows as well as the character of damage inflicted by looters. The research revealed using the stones in a construction of barrows which is not typical for the Vladimir-Suzdal Land, but is widespread among Ilmen Slavs.

It is shown that the considered burial mounds group is a necropolis of several settlements located around it. One of these settlements is previously detected settlement «Stepan'kovo I, 12th–13th centuries». Another settlement is supposedly located to the north-north-west of the burial mounds group on the neighboring coastal promontory where a lifted material (ceramic of the 12th–13th centuries) was found by visual inspection.

Д.А. Антонов

РАСКОПКИ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО СЕЛИЩА XIII в. ГОРОДЕЦКОЙ ОКРУГИ

В ходе обследований сельской округи г. Городца, сформировавшейся в период конца XII – первой половины XIII в., исследователями было выявлено значительное количество русских средневековых селищ и немногочисленные курганные могильники в бассейнах р. Узола, Линда и др. Полученные материалы позволили составить общую картину освоения Городецкой округи, определить хронологию и территорию заселения. Основу достаточно плотного освоения заволжских волостей составили небольшие, малодворные поселения, равномерно расположенные по территории, что отражает определённое своеобразие в формировании системы расселения под влиянием, прежде всего, природных условий. Дальнейшее рассмотрение структуры расселения и динамики её развития выявило трудности, связанные с оценкой статуса поселений и их взаимозависимости. Отсутствие крупных по площади селищ, широкая датировка большинства из них и связанная с этими моментами сложность выделения центров развития и управления потребовали перехода к более детальному исследованию поселений.

Методом раскопок на территории заволжских волостей помимо г. Городца исследовалось 5 селищ (ближайшая округа и бассейн р. Санда) и городище (р. Ватома), как правило, небольшими площадями (Антонов, 2012. С. 126; Коновалова, 1992. С. 49; Коновалова, 1995. С. 119–125). Среди них по степени изученности в настоящее время выделяется селище Першино-1, расположенное в нижнем течении р. Санда, на расстоянии более 30 км от средневекового городского центра. По результатам раскопок время существования поселения датируется концом XII – серединой XIII в. Оно расположено на расстоянии около 0,5 км от русла реки, на склоне пологого берега небольшого оврага – истока из группы заболоченных низин, расположенных на водоразделе к югу от селища (рис. 1). Площадь памятника около 7 тыс. кв. м. Его площадка лежит на небольшой возвышенности, с общим уклоном поверхности в сторону поймы. Перепад высот поверхности до 2 м. Северная часть селища, наиболее низкая, выходит к распаханному устью оврага, а наиболее высокая часть – южная. Раскопами, общей

Раскопки русского средневекового селища XIII в. Городецкой округи

площадью 1100 кв. м., были исследованы центр, северо-западная и юго-восточная части усадьбы селища и получен своеобразный разрез её территории по диагонали с северо-запада на юго-восток (рис. 2).

Вся площадка селища регулярно распахивается, что привело к разрушению культурных напластований на большей части площади до материка. Мощность пахотного слоя до 40 см. Распашка селища проводится более 150 лет, а тракторная обработка – со 2 половины XX в. По данным межевания XIX в., склоны оврага и его русло зарастали кустарником и деревьями, а сама распашка велась вдоль русла оврага, что обеспечило сохранность средневековых напластований и здесь, в западной части, по склону оврага, и частично в северной стороне селища, где в понижениях под пашней были вскрыты средневековые культурные напластования и горизонт погребенной почвы (горизонт А1). Как показали раскопки, в южной и восточной части памятника культурный слой сохранился только в заполнении

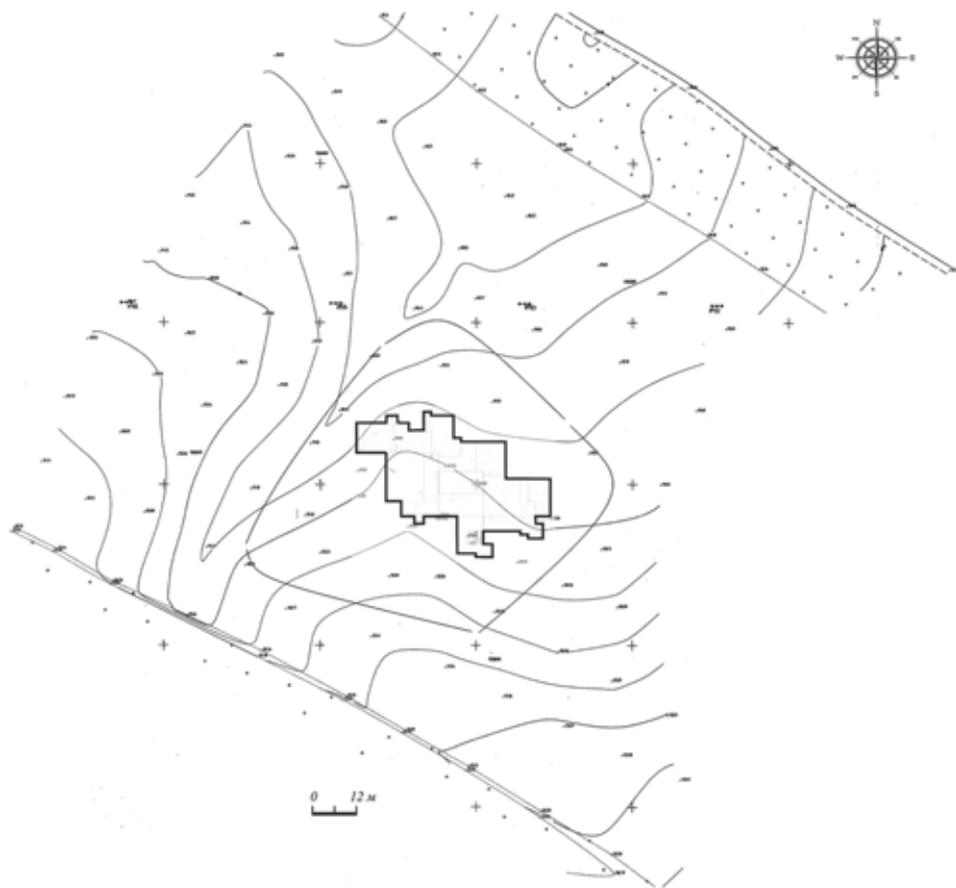

Рис. 1. Топографический план селища Першино-1. Границы памятника проведены по распространению подъемного материала на пашне.

материковых ям (рис. 2, участки III, IV). Материк, с изрезанной бороздами поверхностью, из-за распахки и почвенных условий неоднороден. В нижней части памятника он представлен подзолом (горизонт А2), достаточно мощным на склоне, а в сторону повышения рельефа в южном направлении срезан до поверхности бурого суглинка (горизонт В) с близким залеганием слоистого песка (горизонт С), который прорезается котлованами наиболее глубоких ям и формирует их борта и дно.

В северной части селища (рис. 2, ямы № 1–3, участок VI) под пашней были исследованы сохранившиеся культурные напластования (слой угля с включениями крупных фрагментов керамики, пачины, содержащий вещевой материал, частично обожженный или оплавленный, в слое найдена золотостеклянная бусина), перекрытые материковой глиной, песком, переотложенным белесым суглинком (подзол), уплотнёнными, с ровной горизонтальной поверхностью. Слой угля перекрывал собой столбовые ямы, видимо, от разрушенной постройки. На отдельных участках под пашней прослеживались пятна тёмно-серого суглинка с древесным углём, стратиграфически связанные с обозначенным слоем угля,

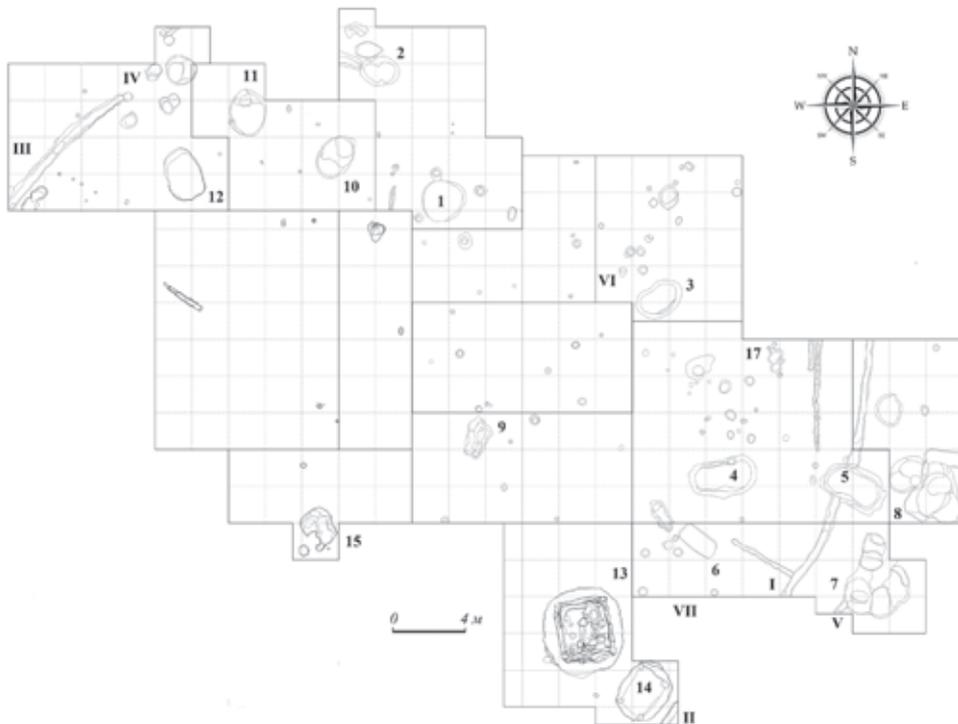

Рис. 2. Сводный план раскопов селища Першино-1.

1–15 – нумерация ям, принятая для публикации, I–VII – выделенные участки застройки и распространения культурного слоя).

который распространялся в котлованы близлежащих ям. По всей видимости, данные напластования формируют общий горизонт пожара, сильного, но не прекратившего существование поселения, т.к. здесь выявлены столбовые ямы, которые были прокопаны с уровня перекрывающей его глины.

Методика раскопок селища формировалась и корректировалась в процессе изучения памятника и ориентировалась на возможно полный сбор археологических предметов, с применением промывки сохранившихся средневековых напластований и разбора пашни ручным способом. Результативность применения «тонких» методов исследований ранее уже оценивалась исследователями, и их применение на селище Першино-1 подтверждает выводы о преимуществах этого подхода для увеличения количества собранного материала и степени его информативности (Захаров, 2014. С. 100–111). Тщательный просмотр пахотного слоя позволил собрать дополнительные материалы для планиграфии памятника и выявления в условиях распашки жилых, хозяйственных и производственных зон по скоплению характерных материалов и предметов. К примеру, основная масса найденного металлургического шлака, кусков железной руды и криц располагалась в юго-восточной части усадьбы, ближе к частоколу, что может говорить о возможном расположении здесь зоны металлургического производства, несмотря на отсутствие остатков производственного комплекса (рис. 2, участок VII). Это подтверждается и заполнением ям 6, 14 (рис. 2), в слоях которых было найдено наибольшее количество такого материала. Расположение в этой части усадьбы кузнечного производства фиксируется по находкам обрубков железа, кускам железного лома и отходам кузнечного шлака в виде пластинок окалины и полых шариков (брызги металла, капли), образовавшихся при ковке. Заполнение ямы № 6 было насыщено подобными материалами, а на её северо-западном борту лежали крупные обломки известняка с плоской поверхностью, покрытой пластинками окалины. Стоит отметить, что месторождение железной руды расположено у реки, в непосредственной близости от поселения (на берегу глубокие ямы, возможно, образовавшиеся при разработках). Наибольшее количество бытовых предметов, связанных с повседневной жизнью, было найдено в северной и северо-западной стороне усадьбы, в заполнении однотипных ям с развалами печей и в сохранившихся напластованиях.

По изученным заглаблениям материковых ям, их форме и расположению, по линиям канавок планировка селища может быть реконструируема следующим образом (рис. 2). Центральная и, возможно, большая часть площади поселения была огорожена частоколом, линия канавки которого прослеживается в раскопах с восточной, северо-восточной и западной сторон селища (рис. 2, I–III). На северо-восточной стороне она дублируется второй линией (участок V), а в северо-западном углу селища, близко ко дну оврага, прослеживается разрыв линии с остатками столбовых ям и признаками подновления опор, связанный с выходом из усадьбы (рис. 2, участок IV). Условный диаметр усадьбы между двумя линиями канавок составляет около 50 м. Судя по всему, территория усадьбы была округлой формы и её общая площадь могла составлять около 4000 кв. м. Остатки различных построек в виде котлованов ям расположены преимущественно полукругом, вдоль линии ограды, образуя в центре пустую площадку, по всей видимости, являвшуюся

внутридворовой территорией с временными столбовыми конструкциями. Следует отметить, что территория селища не ограничивалась частоколом вокруг усадьбы. Котлованы крупных ям (рис. 2, ямы № 7, 8) исследованы с восточной стороны, за границами частокола. Они не имеют чёткой формы и остатков конструкций и напоминают современные ямы, выкопанные при добыче глины или песка.

Вопрос о времени складывания, развитии и изменениях планировочной структуры, этапах застройки усадьбы достаточно сложный для решения. Учитывая тот факт, что не выявлено следов пересечения границ ям (за исключением юго-восточного угла раскопанного участка, где линия канавки «накрыта» котлованом подпольной ямы № 5 (рис. 2)), можно говорить о достаточно узком периоде и одновременном существовании большинства построек. Вопрос о хронологическом разделении ям в рамках XIII в. также сложен для решения, т.к. они содержат в своём заполнении однотипный материал, соединяющиеся фрагменты одних и тех же глиняных сосудов, и, к примеру, по всей раскопанной площади усадьбы в ямах найдены фрагменты сосуда из жёлтого прозрачного стекла, соединяющиеся между собой. Эта характеристика может свидетельствовать об одновременном заполнении ряда котлованов ям. В южной и юго-восточной стороне раскопанной площади расположены ямы (рис. 2, № 5, 7, 8), заполненные микрослоистым, смытым в котлован с окружающей поверхности подзолом с включениями большого количества новообразований из-за избытка увлажнения почвы, без признаков скидывания в них производственных и бытовых отходов (ямы 7, 8). Возможно, что заполнение ям происходило позднее, на финальной стадии существования поселения или после его оставления жителями, что говорит о том, что развитие застройки могло происходить в юго-восточном направлении. Здесь же, на небольшом отрезке, как уже говорилось выше, была прослежена линия второго ряда частокольной канавки (рис. 2, участок V).

Остатки построек внутри усадьбы представлены котлованами ям различной формы и глубины. Наиболее распространённый тип – овальная в плане, линзовидная или с отвесными стенками, закругляющимися к ровному дну, глубиной не более 1 м, как правило, со сброшенным внутрь развалом печи, лежащим на разных уровнях в верхней части, в середине или ближе ко дну ям (рис. 2, ямы № 2, 3, 4, 10, 11, 12). Можно предположить, что часть из них это участки расположения жилых построек с размещением «подпечных» или «припечных» ям. Интерес из них представляет яма № 4, по северо-восточному борту которой, перекрывая остатки деревянных столбов-опор лежал на материке развал упавшей печи. Остатки опор печи были обуглены. В яме № 2, линзовидной формы и глубиной около 30 см в центре, расположенной на участке «пожарища», по дну были расчищены остатки отдельных досок в виде тлена, плотно прижатых торцами друг к другу. Концы досок заходили за границу ямы и спускались по стенкам ко дну, напоминая изогнутые и проломленные доски. Под тленом культурные напластования отсутствовали; по всей видимости, это остатки просевшего в котлован ямы перекрытия или пола постройки. Основное заполнение ям этого типа – насыщенные печиной и углём суглинки, прослойки угля, золы, скопления печины, в которых найдены преимущественно бытовые вещи и украшения.

Ко второму типу можно отнести наиболее крупные котлованы ям, представляющие собой подполья, которые были выявлены только в юго-восточной части усадьбы, у частокола. Характерным признаком конструкций подполий является наличие деревянной обшивки стен котлованов. Представлено два варианта обшивки: вертикальными плахами (горбылем), заглубленными в дно котлована, и горизонтально расположенными досками, закреплёнными в пазах угловых столбов. Наиболее крупная постройка (рис. 2, яма № 13) представляла собой подполье глубиной около 2 м, с размерами котлована примерно 6×4 м, с отвесными стенками. По углам ямы были поставлены деревянные столбы, которые поддерживали перекладки, в свою очередь, поддерживающие обшивку стен. Обшивка была выполнена в виде широких горбылей, вкопанных в канавки вдоль стен ямы. При разборе ямы прослежены следы пожара, ремонта и расширения постройки в южном направлении. На дне котлована выявлены остатки внутренних конструкций в виде столбовых ям, приямков и углублений. У восточной стены ямы оставлена возвышенная площадка, которая, судя по характерным отпечаткам на грунте, была отделена от основного объёма ямы плетнём (чёткие извилистые отпечатки, напоминающие переплетение прутьев, их углубления были заполнены коричневым растительным тленом). В одной из столбовых ям был найден целый сосуд, выполненный из беложгущейся глины, его горловина, укреплённая железным ободом, была отломана по всему диаметру на уровне шейки или плечика, перевернута и помещена на дно ямы, а внутрь кольца горловины был дном вставлен сам сосуд.

Вторая подпольная яма меньшего размера (рис. 2, яма № 14), с вертикальными стенками и ровным дном. Стены ямы были обшиты горизонтальными досками, которые вставлялись в угловые столбы. В яме сохранились нижние ярусы обшивки, а на дне два уровня деревянного настила пола на песке. Яма интересна своим наполнением, представленным в центре разреза мощным слоем металлургического шлака и криц, дробленой руды, которые лежали в соприкосновении со слоем коричневого плотного тлена. При промывке этого слоя было найдено большое количество бисера.

К данному типу по своей форме и размерам может быть отнесена и яма № 5, внутри которой следов конструкций не выявлено, за исключением отдельных прослоек тлена, возможно, от обрушившихся деревянных перекрытий или сброшенных внутрь досок.

К третьему типу относится яма № 1, округлая в плане, выкопанная на глубину 90 см, с отвесными стенами и песчаным дном, перекрытым прослойкой утопанной глины, без следов конструкций внутри котлована. Вокруг ямы располагались 4 столбовых углубления, образуя четырехугольную конструкцию (рис. 2, яма № 1).

Четвёртый тип – ямы с неровными очертаниями в плане, стенками и дном, заполненные, как правило, материковым или предматериковым грунтом, с почти полным отсутствием археологического материала (рис. 1, ямы № 9, 17). Возможно, они представляют собой случайные разрытия или естественные природные углубления в почве.

Кроме котлованов ям от построек исследовано большое количество столбовых ям, различных углублений в материковой поверхности, заполненных

культурным слоем, небольших по глубине и протяженности канавок, возможно, представляющих собой дополнительные ограждения или следы постановки стен построек. Объединить большинство из этих ям в единые комплексы достаточно сложно.

Состав коллекции предметов, собранных в ходе раскопок, разнообразен и в целом характерен для селищ домонгольского периода. Стекланные изделия представлены фрагментами сосудов, браслетов, бусами и бисером, основное количество которых найдено при промывании (описание части коллекции опубликовано, см.: Антонов, 2006. С. 25–35). Среди браслетов по способу изготовления преобладают кручёные ложновитые коричневые, а по цветовой гамме голубые, зелёные, коричневые, жёлтые. Бусы разнообразны по типологии, и среди них стоит выделить: эллипсоидные с валиком по краям и декорированные зигзагом, золотостеклянную, рыбовидные бусы. Находки бисера многочисленны и разнообразны по цвету, размеру, и среди них стоит выделить находки рубленого бисера. В яме № 12 был найден набор плохо сохранившихся фиолетовых и жёлтых бус, собранных на одну нить. Кроме того, на селище найдены стекланные вставки от перстня, фрагменты стекланных сосудов жёлтого, зелёного и голубого цветов, фрагменты тонких стекланных нитей инкрустации стенок сосудов. Найдены также бусы из горного хрусталя, сердолика, глиняные с поливой, кашинные, янтарный бисер. Изделия из цветных металлов: медные перстнеобразные височные кольца, рубчатые перстни, витой перстень, витые проволоочные браслеты, литые шаровидные бронзовые бубенчики, пуговицы, костыльковые звенья цепочки, оловянная бляшка от очелья в виде дробницы, медные нательные крестики с шаровидными окончаниями, пуговицы (рис. 4, 16). Найдены каменные кресты с простым средокрестием, образованным простым пересечением ветвей.

К предметам быта и хозяйственному инструментарию относятся: многочисленные железные черешковые ножи, овальные кресала (рис. 3, 14; рис. 4, 9, 10), ключи от цилиндрических замков, многочисленные шилья (рис. 4, 11) и иглы, фрагменты инструментов, железные ременные пряжки и накладки (рис. 3, 7; рис. 4, 1–5), подвеска (рис. 4, 6), ведёрные дужки, фрагмент лезвия косы-горбуши, фрагменты топоров, пробои и цепи (рис. 3, 10), скобы, железные кольца, железная булавка с подвижной кольцеобразной головкой, фрагменты медной посуды. Изделия из камня представлены оселками, шиферными пряслицами, грузилом, фрагментами известняковых жерновов. Из кости изготовлены наборный двусторонний гребень, фрагменты резных изделий (рис. 4, 14, 15). К рыболовному снаряжению относятся крючки и глиняные грузила (рис. 3, 13; рис. 4, 17–18).

К предметам вооружения и конской упряжи относятся наконечники стрел (рис. 3, 1–6; рис. 4, 12–13), фрагменты кольчатых удил, подков в виде полуокружности с одним шипом и прямоугольными отверстиями, фрагмент шпоры (предположительно тип II, с покрытием медью и серебряными вставками, петли не сохранились, шип типа Д, публикация см.: Антонов, 2012. С. 129, рис. 2), фрагмент стремени предположительно тип VII (рис. 4, 7) (Кирпичников А.Н., 1973. С. 45, 64–65). В массовом материале присутствуют прокаленные камни, по всей видимости, от печей. Собраны палеозоологические и палеоботанические материалы.

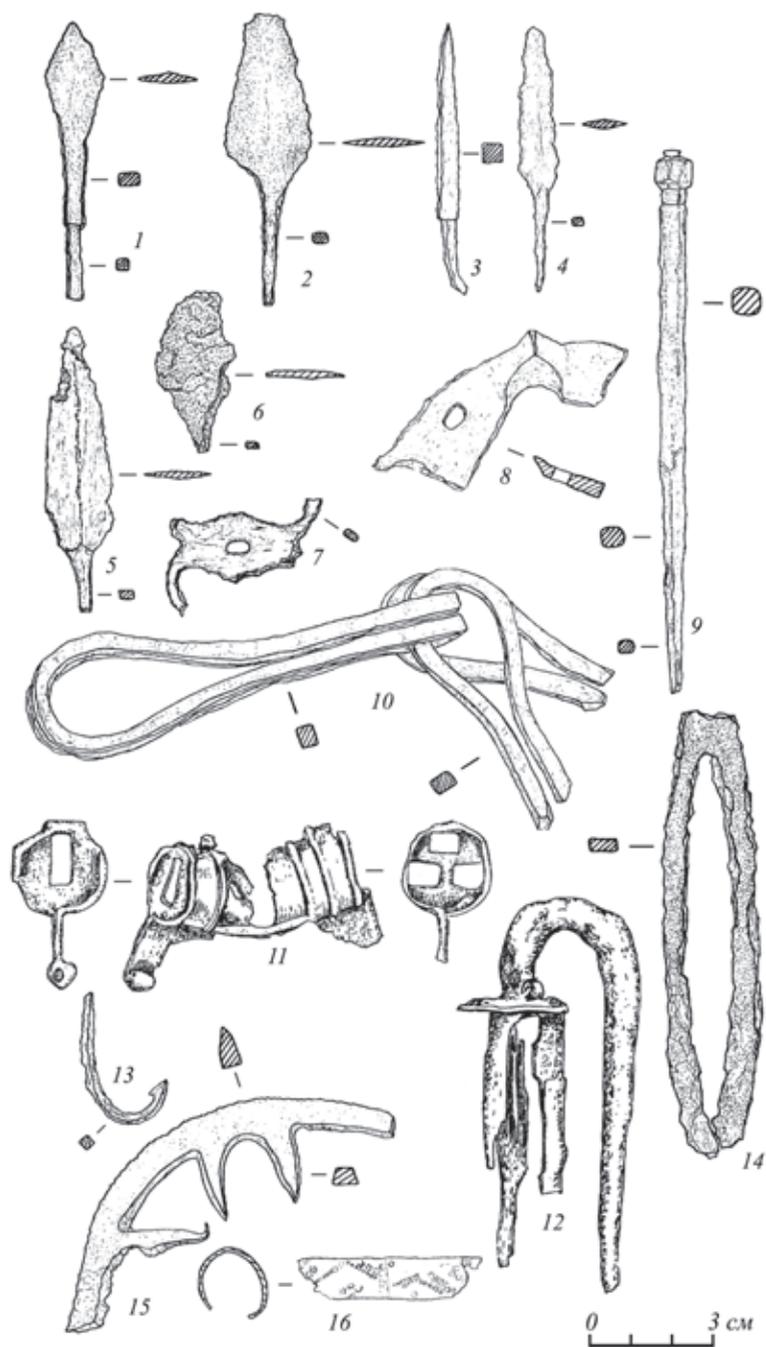

Рис. 3. Селище Першино-1. Вещевой материал.
1-13 – железо, 15-16 – бронза, медь.

Рис. 4. Селище Першино-1. Вещевой материал.

1–13 – железо, 14–15 – кость, 16 – цветной металл, 17–18 – глина.

В керамической коллекции преобладает керамика из красножгущейся глины, традиционная для культурных напластований сельских и городских памятников Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII вв. Посуда изготовлена спиральным налепом, на ручном гончарном круге, использованном для профилировки и заглаживания частей сосудов с обеих сторон. В качестве примесей использованы песок и дресва. Поверхность посуды в основном тёмных тонов, коричневого и чёрного цветов. По форме преобладают горшки различного объёма, встречаются плоски, фрагменты латок. В орнаменте преобладают линейный, волнистый, встречен ногтевой и тычковый орнамент. Отдельно стоит выделить значительное количество фрагментов керамики, орнаментированных отпечатками зубчатого штампа (11%), характерных для комплексов, существовавших до конца XIII в. на территории Верхней Волги и рязанского Поочья (*Коваль, Хижняков, 2005. С. 166*). На памятниках городецкой округи керамика с зубчатым штампом была распространена и в более позднее время (*Грибов, 2007. С. 61; Антонов, 2004. С. 13*).

Основные формы венчиков объединяются в следующие группы. Преобладают венчики с завёрнутым внутрь черновым краем, образующим валик округлого сечения – так называемый общерусский тип, характерный для домонгольского периода. Встречены горшки с вертикальной цилиндрической и раструбообразной горловинами. Близкими к общерусскому типу являются венчики с небольшим наклоном наружу и загибом верхнего края внутрь сосуда (*Аникин, 2013. С. 166*). Небольшой процент составляют сосуды из беложгущейся глины.

В целом полученные результаты позволяют характеризовать селище как малодворное поселение с центральной усадьбой, окруженной частоколом, возникшее предположительно на рубеже XII–XIII вв. и существовавшее предположительно до середины XIII в. Предметы социально-престижного значения (фрагменты стеклянных сосудов, предметы снаряжения всадника и коня, из которых стоит выделить фрагмент железной шпоры, янтарный бисер, кашинные бусы, поясные накладки, очелье и др.) свидетельствуют о более высоком статусе владельцев усадьбы. Большое количество вещевого материала, наличие долговременных построек, многоотраслевого хозяйства свидетельствует о долговременном, по сравнению с окрестными населёнными пунктами, функционировании поселения. При промывании грунта удалось расширить коллекцию находок и массового материала, и даже учитывая наличие большого количества малоинформативных обломков, можно говорить о её представительности и возможности использования в плане понимания особенностей материальной культуры поселения. Это позволит опираться на полученные результаты в ходе дальнейших исследований других селищ Городецкой округи, в сопоставлении их хронологии, статуса и особенностей хозяйствования.

Литература

- Аникин И.С.*, 2013. Керамический комплекс из ближайшей округи древнерусского Муром (район села Карачарово) // АП. Вып. 9. М. С. 152–167.
- Антонов Д.А.*, 2004. Древнерусские селища XII–XIV вв. в Нижегородском Заволжье // НИКА. Н. Новгород. С. 11–22.
- Антонов Д.А.*, 2006. Украшения и предметы мелкой христианской пластики с русских заволжских селищ XIII–XIV вв. нижнего течения р. Санда // НИКА. Н. Новгород. С. 25–35.
- Антонов Д.А.*, 2012. Данные археологии по истории освоения Нижегородского Заволжья в XII–XIV вв. // АВСЗ. Вып. 4. М.; СПб. С. 125–132.
- Грибов Н.Н.*, 2007. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // АВСЗ. Вып. 1. М.; СПб. С. 58–67.
- Захаров С.Д.*, 2014. Информационный потенциал культурного слоя пострадавшего от распашки // КСИА. Вып. 233. С. 100–111.
- Кирпичников А.Н.*, 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. С. 64–64.
- Коваль В.Ю., Хижняков О.И.*, 2005. Средневековые поселения в селе Аносино на Истре (к вопросу о керамике верхнего Москворечья в XII веке) // АП. Вып. 2. М.
- Коновалова З.С.*, 1992. Раскопки древнерусского селища Нагавицыно в Городецком районе Нижегородской области // Городецкие чтения: Материалы науч.-практ. конф. Городец. С. 49.
- Коновалова З.С.*, 1995. Средневековая керамика сельских поселений XII–XIV вв. // Городецкие чтения: Материалы науч.-практ. конф. Городец. С. 119–125.

Summary

D.A. Antonov

EXCAVATION OF THE RUSSIAN MEDIEVAL SETTLEMENT OF THE 13TH CENTURY OF GORODETSKAYA DISTRICT

Results of excavation in Russian settlement of XIII century Pershino-1 are considered in this article. The settlement is situated in Gorodetsky district of Nigorodsky region at the Middle-aged area of Gorodets-on-Volga. Exploring the archaeological site sectors of economy, social status of settlement owners, layout of farmstead-building were determined in general. Using a «slim» methods of studding a cultural stratification allowed to expand a great collection of assembled materials and to increase a degree of informational content.

Our settlement was determined as a small-courted with a central farmstead which was surrounded with stockade. That had been occurred at the turn of XII–XIII centuries and was existed until the middle of the XIII century. Expensive and prestigious subjects attest to a higher social status of the farmstead owners. Comparing with other surrounding locality lots of a real stuff, the availability of long-term buildings, diversified economy shows us a long-term functioning of settlement.

С.В. Томсинский

ЕЩЕ РАЗ О ПОСТРОЙКАХ СЕЛИЩ ТИМЕРЕВО И ГНЕЗДИЛОВО И «ПОВОЛХОВСКОМ ТИПЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА»

Любая реконструкция построек по остаткам, зафиксированным в процессе археологических исследований – даже дескриптивная, тем более графическая или объемная – создает устойчивую иллюзию проникновения в отдаленное и недавнее прошлое, создает тот самый *образ* прошлого, ради которого, собственно (а не ради «широких» и «узких» хронологий и пространственных классификаций тех или иных древностей) и работают археологи. Разумеется, в полной мере это относится и к нашим давним, относящимся еще к самому началу научной деятельности, реконструкциям сооружений Тимеревского поселения, исследовавшегося в 1973–1977 гг. И.В. Дубовым. Две небольшие статьи, опубликованные в 1982 г., и доклад на секторе ЛОИА АН СССР, в которых мы пытались систематизировать данные об остатках сооружений, обнаруженных на этом памятнике, и удостоились резкой критики Е.Н. Носова (*Томсинский, 1982а; Томсинский, 1982б*).

Уже тогда нам было непонятно, как непонятно и до сих пор, на каком, собственно, основании можно критиковать реконструкцию амбара на столбе по одной самой глубокой столбовой яме – и уверенно реконструировать постройки на поселениях северо-запада Восточной Европы конца I тыс. н.э. как многовенечные срубные сооружения, если на исследованных памятниках сохранились только нижние венцы? Разумеется, этот «контраргумент» был откровенно слабым – однако именно рассуждения в этом направлении неожиданно удержали меня тогда от дальнейшей полемики с Е.Н. Носовым. Посему осталось без ответа и повторение критики в монографии Е.Н. Носова, посвященной материалам раскопок Рюрикова городища. (*Носов, 1990. С. 114, 143*). Тем более что и для нас собственно тимеревская тема потеряла актуальность. Вряд ли мы бы и вернулись к этой теме, если бы В.А. Лапшин не напомнил мне о ней, рассуждая об остатках построек селища Гнездилово, поскольку уважаемый Владимир Анатольевич *de facto* присоединился к уважаемому Евгению Николаевичу в критике наших давних реконструкций (*Лапшин, 2015*).

Защищать свои выводы спустя 30 лет несколько неловко, но отказ от защиты в данном случае был бы расценен как признание правоты оппонентов, а признать их правыми мы все же никак не можем. Хотя нет и оснований отрицать свои очевидные ошибки. Мне остается только поблагодарить В.А. Лапшина, предоставившего мне возможность еще раз высказаться по этому вопросу – возвращение «на круги своя» бывает сколь неизбежно, столь и полезно.

Возвращаясь к проблеме реконструкции некоторых построек Тимерева и соотнесения последних с остатками построек селища Гнездилово и других синхронных памятников на территории лесной зоны Восточной Европы, уместно напомнить, что остатки построек, зафиксированные на селищах с распаханым культурным слоем относительно небольшой мощности, по вполне понятным причинам признаются более сложными для интерпретаций, чем остатки построек из хорошо сохраняющих органику антропогенных отложений древнерусских городов. Более того, далеко не всегда исследователи могут однозначно установить, можно ли признать обнаруженные в ходе раскопок ямы различной глубины и конфигурации именно остатками построек. Разумеется, сейчас эти сложности реконструкции остатков сооружений по материалам раскопок осознаются нами отчетливей, чем в 1982 г., тем более что на Тимеревском поселении культурный слой оказался распаханым на всю глубину залегания, до материка. От некоторых выводов, представляющихся сейчас, в новых контекстах изучения материалов раскопок средневековых селищ, слишком поспешными, нам остается только отказаться – причем без особых сожалений. Однако мы и по сей день убеждены, что данная в 1982 г. общая характеристика застройки Тимеревского поселения по материалам раскопок 1974–1976 гг. не нуждается в коррективах: «Для Тимеревского поселения характерна свободная застройка, но здесь наряду с обычными срубными домами (остатки одного из них, как упоминалось выше, были обнаружены) существовали и узкие длинные постройки с углубленным входом, и постройки с входом-коридором, и амбары на столбе, и различные шалаши и навесы, и конические чумообразные постройки» (Томсинский, 1982б. С. 191). Единственное исправление, которое все же необходимо внести в этот текст спустя 32 года: когда был составлен сводный план тимереvских раскопок 1974–1976 гг. (уже после публикаций 1982 г.), стало очевидно, что застройка поселения все же была не «свободной», а приречно-рядовой.

Напомним, о каких именно «постройках с входом-коридором», «чумообразных построеках» и «амбарах на столбе» шла речь.

Наиболее выразительным оказался комплекс из трех ям – № 29, 29а и 30, исследованных в 1975 г. Яма № 29 имела размеры 5,0×1,8×0,5 м; в яме зафиксированы 5 столбовых ямок, скорее всего, от воткнутых вертикально толстых жердей, конструктивное назначение которых не устанавливается. От этой ямы под тупым углом отходило ответвление размерами 7,0×1×0,3 м. Никакой другой реконструкции, кроме предложенной мной в 1982 г., для этого сооружения предложить просто невозможно – здесь вариативность предположений сводится к минимуму: речь идет о длинном узком сооружении с углубленным «входом-коридором», перекрытым, скорее всего, простейшей двухскатной кровлей, – в противном случае по этому «желобу» атмосферные осадки свободно стекали бы

в котлован постройки. Наличие низких срубных стен – также не просто догадка: я ссылаясь на основательное исследование А.А. Шенникова, показавшего широкое распространение у разных народов лесной зоны Восточной Европы «утепленных шалашей» именно такой конструкции (Шенников, 1997. С. 45–67) Настаивать на этом предположении со стопроцентной уверенностью, разумеется, нельзя – это *гипотетическая реконструкция*, т.е. *недостовверное знание* об отдаленном прошлом, но и опровергать его достаточно сложно.

Единый комплекс с ямой № 29 образовывали ямы № 29а и 30, интерпретированные мной соответственно как остатки небольшого сооружения с двухскатной кровлей (что, разумеется, небесспорно) и остатки конического чумообразного шалаша с центральным столбом (что не вызывает никаких сомнений). Так и появилась графическая реконструкция этих сооружений, на которую мы бы, наверное, сейчас не рискнули (слишком много осталось за непреодолимым порогом познания), но и отрекаться от которой не видим ровным счетом никаких оснований (Томсинский, 1982б. С. 190) (рис. 1).

Вопрос о назначении этих построек не имеет однозначного ответа, поскольку в материалах раскопок на сей счет не обнаруживается никаких достоверных данных, а поиски близких аналогий пока не дали положительных результатов. Можно лишь утверждать, что перед нами остатки скорее хозяйственных построек, чем даже самых примитивных жилищ. Может быть, уместно напомнить о близких по размерам длинных узких ямах, но без узкого длинного входа-коридора (что, впрочем, не столь и существенно), зафиксированных И.И. Ляпушкиным на поселениях салтовской культуры и вполне убедительно, на наш взгляд, интерпретированных как остатки овчарен. Не исключено, что и тимеревское сооружение предназначалось для зимнего содержания, например, молодняка домашних животных. Однако это предположение подтвердить пока нечем. Несомненно одно: все три постройки образовывали небольшой «дворик», видимо, замкнутый плетнем, от которого сохранилась только одна ямка, пробившая распаханные антропогенные отложения до материка.

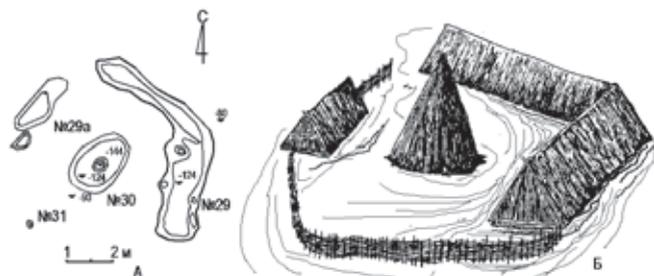

Рис. 1. Тимеревское селище. 1975 г. Ямы № 29, 29а и 30. Котлованы и гипотетическая реконструкция комплекса сооружений.

Сложнее обстоит дело с двумя другими комплексами, отнесенными мной в 1982 г. к тому же типу, что и постройка, остатками которой оказалась яма № 29, с очевидной натяжкой. Яма № 25, 1975 г. – это, собственно, две большие ямы, общими размерами $9,25 \times 1,5 \times 0,5$ м и $7,0 \times 1,0 \times 0,25$ м, примыкающие одна к другой под прямым углом; в одной из ям зафиксирован развал обожженных камней и глины (Томсинский, 1982б. С. 190). Яма № 24, 1975 г. – это также две ямы, причем внушительных размеров: $8,0 \times 2,3 \times 0,2$ м и $8,5 \times 2,4 \times 0,3$ м. Ямы также смыкаются почти под прямым углом, причем в одной из них зафиксированы неясного назначения столбовые угмки (рис. 2) (Томсинский, 1982б:191).

Камень преткновения в интерпретации этих ям – их примыкание почти под прямым углом, а не под тупым, как в яме № 29. Такая Г-образная конфигурация комплекса порождает соблазн заподозрить в данном случае «недокоп». Доказать таковой невозможно, но достаточно именно подозрения. Тогда мы продолжим линии контура – и увидим прямоугольную постройку весьма внушительных размеров: 8×8 м или 9×7 м, с пониженным до $0,3\text{--}0,5$ м уровнем пола. Однако утверждаясь в ничем не подкрепленных, кроме желания видеть везде прямоуголь-

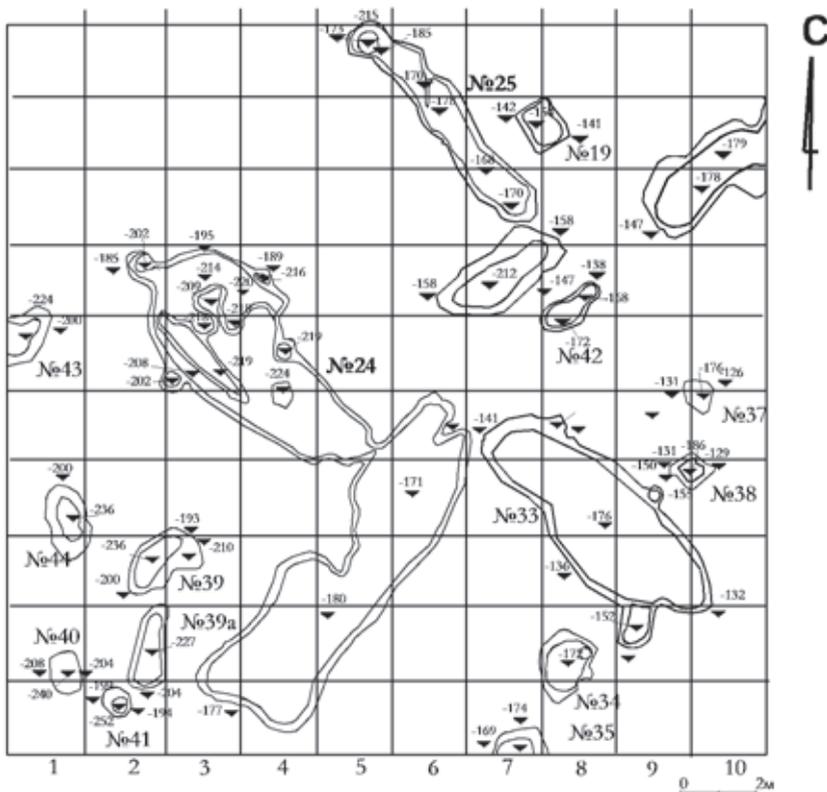

Рис. 2. Тимереvское селище. 1975 г. Ямы № 25 и 24.

Еще раз о постройках селищ Тимерево и Гнездилово

ные в плане сооружения, подозрениях в «недокопе», нам пришлось бы объяснить и процесс засыпки или заплывания ямы: почему более темное заполнение должно было обозначить именно зафиксированный в процессе раскопок Г-образный контур? Очевидно, предположение о «недокопе» все же придется оставить и признать, что перед нами Г-образные в плане комплексы ям. Остатки построек или все же канавы, выкопанные с неизвестной нам целью? Неясно, хотя нам все же кажется, что остатки построек, как и яма № 29 – однако реконструировать эти сооружения мы сейчас не рискуем.

Обратимся теперь к амбару на столбе. Остатками этого сооружения мы признавали и признаем самую крупную столбовую яму на поселении, воронкообразного профиля с плоским дном, общими размерами 2,03×1,94×1,1 м. Параметры ямы определенно свидетельствуют о том, что она предназначалась для тщательно вкопанного одиночного и очень толстого столба (рис. 3а). Эта яма определенно не связана ни с зафиксированными поблизости ямами от столбов значительно меньшего диаметра, входивших в конструкцию некой ограды, которую

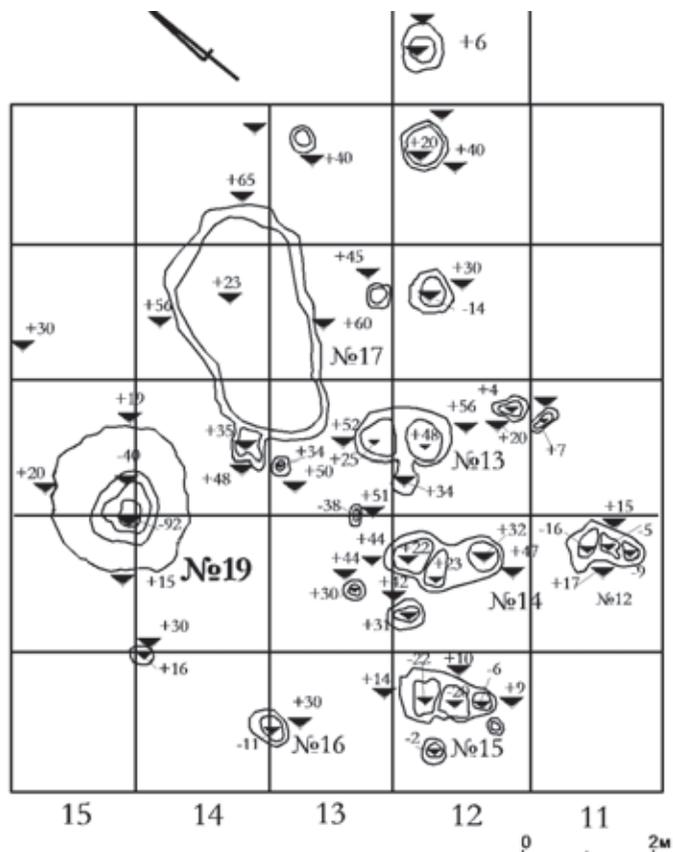

Рис. 3а. Тимеревское селище. 1975 г. Яма № 19.

И.В. Дубов без особых на то оснований представлял укреплениями древнейшей части поселения и которая вполне могла ограждать один из тимеревских дворов, ни с ямками от другого ограждения, видимо, плетня. Но при этом размеры столба свидетельствуют о том, что этот столб должен был испытывать сильную нагрузку – если только, конечно, не выдвигать абсолютно безосновательных в данном случае предположений о неконструктивном назначении столба – например,

рис. 36. Охотничий амбарчик на столбе.

языческий идол. И если так, то есть все основания вспомнить о хорошо известных этнографам сооружениях, а именно, амбарах на столбе (лабазах), которые, надо полагать, с глубокой древности ставили на охотничьих зимовьях и тропах для хранения добытой пушнины и припасов (рис. 3б) У финно-угров таежной зоны Восточной Европы и Западной Сибири (манси) амбарчики на столбе были и культовыми сооружениями, связанными с заупокойным культом. Следует отметить, что охотничьи амбарчики в лесу ставились непосредственно на срубленное на нужную высоту дерево, но могли возводиться и на окраинах поселений, обитатели которых активно занимались охотой. Насколько можно судить по этнографическим материалам, амбарчики были невелики по размерам, но столбы под ними могли быть столь же мощными, как тимереvский.

Впрочем, эта постройка на Тимеревском поселении вполне могла быть и более основательной, хотя и принадлежащей той же традиции сооружения миниатюрных охотничьих амбаров. В этом амбаре, например, вполне могли хранить не только пушнину, но и нечто более тяжелое, или все же пушнину, но в значительно больших объемах, чем в индивидуальных охотничьих хозяйствах. Появление столь основательных хранилищ на поселении, обитатели которого активно занимались охотой, вполне вероятно, особенно если признать селище остатками погоста.

Отметим, что этнографам известны амбарчики-лабазы не только на одном, но и на двух столбах (ох уж эти «избушки на курьих ножках!» – но это особый сюжет) – факт, небезынтересный, полагаем, для интерпретации материалов раскопок раннесредневековых поселений лесной зоны.

Таковыми представлялись нам в начале 1980-х годов и представляются до сих пор некоторые сооружения Тимеревского поселения. Попробуем разобраться, насколько убедительны возражения оппонентов.

Насколько можно понять из текста монографии Е.Н. Носова 1990 г., Евгений Николаевич, рассуждая о постройках Рюрикова городища и критикуя наши реконструкции построек Тимерева (кстати, мимоходом – в сносках к своему тексту), обнаружил некий «поволховский тип домостроительства», представленный в материалах раскопок Старой Ладogi, Рюрикова городища, городища Новые Дубовики и, конечно, Новгорода. Этот самый «поволховский тип домостроительства» – а правильное было бы все же сказать «традиция домостроительства» якобы предполагает сосуществование жилищ исключительно срубной конструкции и хозяйственных сооружений – столбовой конструкции. Именно несоответствие предложенных реконструкций построек Тимерева – поселения, основанного выходцами с северо-запада, и вызвало столь резкую ответную реакцию (Носов, 1990. С. 110).

В этом контексте Е.Н. Носову нужно было объяснить и наличие на том же Рюриковом городище и на некоторых других исследованных памятниках разных регионов лесной зоны, в том числе и на Тимеревском селище, достаточно многочисленных ям, которые он интерпретировал как остатки хозяйственных сооружений, – и, соответственно, объяснить, почему эти ямы малочисленны в Ладoge и Новгороде. И объяснение было найдено: оказывается, все дело во влажности культурного слоя Ладogi и Новгорода, в котором органические остатки не перегнивали, быстро нарастающий, насыщенный влагой культурный

слой становился непригодным для устройства хозяйственных ям и углубленных построек (Носов, 1990. С. 114). Может быть, и так. Но – все же и в Ладоге, и в Новгороде ямы были, а если бы участки, выбранные под застройку, изначально были бы переувлажнены, использование этих ям стало бы невозможным, они просто наполнялись бы водой. Очевидно, вопрос не так прост, как кажется на первый взгляд.

Начать с того, что Ладога, Новые Дубовики, Новгород и Рюриково городище – не «Поволховье», а только *несколько поселений* на Волхове, причём с единодушно признаваемым исследователями *особым статусом*. Какие, собственно, основания полагать, что жилища и усадьбы пусть даже рядовых ладожан или новгородцев, щеголявших в кожаных сапогах и мостивших улицы с X в., ничем принципиально не отличались от жилищ и усадеб «лапотников», которые вели совсем иной образ жизни? Да ровным счетом никаких, кроме самоуверенности. Наоборот, мы вправе скорее а priori полагать, что на сельских поселениях, в том числе и в Тимереве, с IX–X вв. возводили сооружения, мало похожие или совсем непохожие на застройку развивающихся городов. И при этом в некоторых случаях в культурном слое и от тех, и от других сохраняются весьма похожие по простейшим геометрическим контурам ямы: прямоугольные, «корытообразные», круглые, овальные и, конечно, столбовые.

Именно к такому выводу, проанализировав огромный этнографический материал по крестьянским постройкам лесной зоны Восточной Европы в соотношении с известными ему археологическими источниками, пришел А.А. Шенников, констатировавший, что «постройки... начиная с простейших шалашей, несомненно, имелись не только в VIII–XIII вв. в крестьянских раменьях вокруг Новгорода, Белоозера и Ладоги, но и во всем восточно-славянском регионе с самого появления славян, т.е. с V–VI вв., и не только в лесной, но и в лесостепной зоне» (Шенников, 1997. С. 118). К этому можно только добавить напоминание о возможности появления «простейших» построек не только на «раменьях» – сезонных поселениях при отдаленных полях – но и, по тем или иным причинам, на сельских поселениях иного статуса. Собственно говоря, из этого вывода, представляющегося более обоснованным, чем чисто умозрительные рассуждения о «поволховском типе домостроительства», мы и исходили в реконструкциях построек Тимерева.

В дальнейшем становилось все более очевидно, что предположение о «поволховском типе домостроительства» противоречит не только результатам анализа письменных источников, характеризующих хозяйственный уклад и постройки населения Восточной Европы, но и собственно результатам археологического изучения сельских поселений Новгородской земли. К тому времени, когда Е.Н. Носов высказал это предположение, уже была опубликована небольшая, но весьма информативная и основательная работа Н.И. Платоновой, также обращавшейся к исследованиям А.А. Шенникова, о постройках селища Удрай. Селище, по заключению автора раскопок, представляло собой остатки малодворной деревни, периодически переносившейся с места на место по территории, контролируемой некой сельской общиной. Н.И. Платонова вполне правомерно предположила наличие на этом поселении срубных конструкций по

периметру неглубоких котлованов – однако воздержалась от суждений о высоте этих срубов и перекрытиях, ибо никаких исходных данных для таких выводов в материалах раскопок не было. Во всяком случае, однозначно представлять постройки Удряя как многовенечные высокие срубы «поволховского типа домостроительства» нет оснований (Платонова, 1985).

С течением времени стали появляться публикации материалов раскопок сельских поселений и в других регионах, весьма близких нашим реконструкциям построек Тимерева, что свидетельствует, по крайней мере, о движении мысли некоторых исследователей в том же направлении.

Уместно напомнить и о том, что реконструкции собственно ладожских построек IX–X вв. не столь бесспорны, как того хотелось бы многим исследователям. Например, относительно возможной высоты стен и конструктивного назначения столбов в «больших домах» Старой Ладogi высказывались различные предположения (Спегальский, 1972. С. 18–36; Рябинин, 2002. С. 15–30). Между тем этот самый «большой дом» со столбами внутри некой срубной конструкции обнаруживает несомненное сходство, не только с некоторыми сооружениями дьяковской культуры, как отмечал еще Ю.П. Спегальский (Спегальский, 1972. С. 22), но и, например, с постройками Роданова городища XII в. в Прикамье, реконструированными исследователями именно как «утепленные шалаши» с низкими срубными стенами и высокими двухскатными перекрытиями, опирающимися на столбы (Талицкий, 1951. С. 40–42). Вообще воссоздавать срубные постройки по сохранившимся нижним венцам можно только будучи априорно уверенным в принадлежности этих построек той или иной строительной традиции (высокие многовенечные избы, низкие срубы с примитивными перекрытиями разных конструкций, «утепленные шалаши»). Причем в этих разнотипных сооружениях обогревательные или отопительные устройства, остатки которых, как правило, сохраняются очень плохо, могли занимать различное положение, как центральное, так и угловое. Посему – какими именно были срубные постройки Старой Ладogi, представлявшиеся Е.Н. Носову эталоном «поволховского типа домостроительства», на самом деле понять вовсе не просто, если вообще возможно. Впрочем, подробный анализ этих проблем уведет нас слишком далеко от темы настоящей работы.

Достаточно признать, исходя из вышесказанного, этот самый «поволховский тип домостроительства» *понятием с ложным объемом и содержанием*. А стало быть, и давняя критика предложенных нами еще в начале 1980-х годов реконструкций построек Тимерева, основанная на утверждении реальности понятия с ложным объемом и содержанием, *безосновательна*.

В.А. Лапшин, усомнившись, в свою очередь, в правомерности наших реконструкций сооружений Тимеревского селища, приводит иные аргументы: «Столь архаичные временные постройки доживают до этнографической современности. Их можно представить где-нибудь в лесу как временное пристанище. Но на большом поселении со сложившейся планировкой это выглядит, на мой взгляд, недостаточно убедительно» (Лапшин, 2015. С. 141). Здесь речь идет уже не о «поволховском типе домостроительства», а о простом несоответствии наших реконструкций тому, *что должно быть*, в представлениях исследователя,

«на большом поселении со сложившейся планировкой». Едва ли такие рассуждения могут быть приняты всерьез. Просто потому, что размеры поселения и даже наличие сложившейся планировки вовсе не исключают сосуществования разных типов построек различного назначения, в т.ч. и таких, которые могут представляться весьма «архаичными». Например, если верить мусульманской традиции, столица Хазарского каганата Итиль (город не город, но, во всяком случае, несомненно, «большое поселение со сложившейся планировкой») был плотно застроен «кибитками» – стационарными юртами или утепленными шалашами с коническими кровлями, типичными для хозяйственного уклада оседающих кочевников. То есть жилищами уж никак не более презентабельными, если ориентироваться на этнографические материалы, сравнительно с нашими реконструкциями тимеревских построек. (Флеров, 2011. С. 90–95)

Тем не менее соотнесение тимеревских и гнездиловских комплексов вполне логично и, как нам представляется, позволяет сделать некоторые выводы. Однако при этом следует учитывать весьма существенные обстоятельства.

Хронологическая близость селищ Тимерево и Гнездилово сомнений не вызывает, равно и как отмечаемое В.А. Лапшиным сходство обоих памятников по степени сохранности остатков сооружений. И в том, и в другом случае в распаханном культурном слое и материке зафиксированы ямы различных размеров и конфигурации, расположение которых на планах исследованных участков отражает усадебную планировку поселений. На этом, собственно говоря, сходство и заканчивается: Тимерево и Гнездилово в исторической действительности существовали в разных ландшафтах, о тождестве хозяйственного уклада, происхождения и социальной структуры населения, определявших, несомненно, планировку застройки, достоверных данных нет.

Сходные по размерам и конфигурации ямы, как уже отмечалось выше, вполне могут представлять собой остатки совершенно различных по конструкции и назначению сооружений, следовательно, интерпретации этих комплексов, как и интерпретации остатков наземных срубных и столбовых построек, могут быть только сугубо гипотетическими – за редкими исключениями, которые только подтверждают правило. В Тимерево такие комплексы обнаруживаются, в Гнездилово же, как представляется – нет.

Ямы селища Гнездилово, о которых рассуждает В.А. Лапшин, вообще не обнаруживают, судя по приведенным планам, столь близкого сходства с тимеревскими, как это утверждает исследователь, кроме, пожалуй, одного комплекса с примыканием двух ям под прямым углом.

Исходя из вышесказанного, попробуем оценить степень достоверности рассуждений В.А. Лапшина. Исследователь полагает, что на селище Гнездилово открыты остатки наземных срубных построек двух типов:

В первом случае, по-видимому, имела место срубная конструкция с земляным полом, требующая наличия дренажных канав. Такие канавообразные ямы, помимо Гнездилово, известны в Старой Ладоге, на Рюриковом городище и в Тимерево, где они соответственно датируются второй половиной VIII, IX и X вв.

Во втором случае можно предполагать, что сруб был приподнят на стульях или подклете, пол, возможно, был деревянным и дополнительного осушения не

требовалось. Сохранившиеся от таких построек подпечные или припечные ямы известны в Суздале.

Первую строительную традицию можно предположительно связать с Северо-Западной Русью, возможно, с её финским населением. Для того чтобы связывать эту традицию со Скандинавией, данных нет. Появление второй строительной традиции можно связать с приходом нового населения после 1024 г. (Лапшин, 2015. С. 143). Характеристика второго типа сооружений представляется нам хотя и гипотетической, как любая реконструкция построек по археологическим остаткам, но вполне имеющей право на существование. Кстати, остатки одной такой постройки – небольшого квадратного в плане сруба, поставленного на четыре столба и с неглубоким подпольем, в котором вполне могли храниться, например, горшки с припасами, зафиксированы нами и среди построек Тимеревского селища (что, впрочем, также не убедило Е.Н. Носова).

А вот что касается устройства дренажей вокруг срубов – сомнительно. Во-первых, дренаж по определению должен иметь куда-то сток, в противном случае на долговременном поселении эта самая канава быстро заплывет и перестанет функционировать. Постройки разных конструкций с полами на уровне дневной поверхности или слегка пониженным уровнем пола (снятый дерн, до 0,25–0,3 м) широко распространены во времени и пространстве по всей территории лесной зоны Восточной Европы, однако дренажи вокруг этих сооружений, судя по публикациям, не практиковались. По одной простой причине: в тех местах, где повышенная влажность почвы делала проживание в постройках с пониженным уровнем пола некомфортным, люди просто не селились. Что касается конкретно Ладоги, то мы полагаем, что интерпретации материалов раскопок этого памятника во многом далеко не так бесспорны, как это представляется. В частности, необходимо конкретизировать представления о климате и ландшафте начального периода существования поселения.

Во-вторых, и в Гнездилово, и тем более в Тимерево в наличии дренажей вряд ли была необходимость: Тимеревское поселение расположено на хорошо дренированном пологом склоне.

В-третьих, наконец, канавы вокруг некой площадки, на которой исследователь предполагает наличие сооружения, вполне могут не иметь никакого конструктивного назначения. Поскольку, как известно, окапывание, как и опахивание, как и строительство любых ограждений и укреплений – от плетней до крепостных стен – устанавливало не только естественные преграды для передвижений врагов, злоумышленников и диких животных, но и сакральные границы освоенной территории. Такие меры вполне могли предприниматься и частью обитателей поселения Гнездилово – это недоказуемо, но вовсе не лишено вероятности.

Правда, какое бы назначение не имели зафиксированные при раскопках канавы на поселении Гнездилово, это никак не приближает нас к достоверным представлениям о тех сооружениях, которые стояли на площадках, ограниченных этими канавами и, скорее всего, действительно имели земляной пол. Что это было: многовенечные срубы? утепленные прямоугольные шалаши? а почему, собственно, не просто конические шалаши? На сей счет в материалах раскопок В.А. Лапшина

просто нет и не могло быть никаких данных по вполне объективным причинам.

Однако из всего вышесказанного вовсе не следует, что мы полностью отрицаем предположения В.А. Лапшина о неких изменениях в домостроительстве Гнездилова в первой четверти XI в., связанных с «установлением» Суздальской земли Ярославом Мудрым (или, скорее, с предшествующим таковому голодом и мятежом) и возможным притоком нового населения или, во всяком случае, какими-то перепланировками застройки. Более того, это предположение представляется весьма правдоподобным. Приводимые В.А. Лапшиным датировки комплексов в этом контексте вполне убедительны. Просто отражение реалий исторической действительности в археологическом памятнике может быть и не столь однозначным; как нам того бы хотелось, слишком многое останется навсегда вне поля зрения исследователей.

Тимеревско-гнездиловский сюжет в общем контексте проблем становления культуры сельского населения Волго-Окского междуречья в IX–X вв. достаточно заметен и значим, несмотря на то, что каждый сезон приносит новые материалы по этой сложной теме. Значим, прежде всего, потому, что эти новые материалы, как и материалы уже давно завершенных раскопок Тимерева и Гнездилова, содержат не только и, может быть, даже не столько ответы на вопросы, давно занимающие исследователей, сколько новые и порой неожиданные вопросы.

Литература

- Лапшин В.А.*, 2015. Две группы построек селища Гнездилово-2 под Суздаlem // АВСЗ. Вып. 5. С. 141–146.
- Носов Е.Н.*, 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Платонова Н.И.*, 1985. Новые исследования древнерусских поселений в Новгородской земле (к вопросу о сельском домостроительстве) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука. С. 65–70.
- Рябинин Е.А.*, 2002. Новые данные о «больших домах» Старой Ладogi (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.
- Спегальский Ю.П.*, 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л.: Наука.
- Талицкий М.В.*, 1951. Верхнее Прикамье в X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. 3. (МИА. № 22). М.; Л.
- Томсинский С.В.*, 1982а. О двух типах построек Тимеревского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука. 1982. С. 118–123.
- Томсинский С.В.*, 1982б. Постройки Тимеревского поселения // Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л.: Наука. С. 188–191.
- Флеров В.С.*, 2011. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.
- Шенников А.А.*, 1997. Гороховецкие зимницы. СПб.

Summary

S.V. Tomsinsky

ONCE AGAIN ABOUT THE CONSTRUCTIONS OF THE SETTLEMENTS OF TIMEREVO AND GNEZDILOVO AND «POVOLKHOVSKY TYPE OF A HOUSE BUILDING»

The author returns in the article to the interpretation of the results of the excavation on the Timerevsky settlement in the 70th of the 20th century. Comparing them to the results of the excavation of the settlement of Gnezdilovo near Suzdal, recently published by V. A. Lapshin, once again he suggests to examine previously published reconstruction discovered during the excavations of the complexes.

The offered interpretation of structures («barns on a column», «choom like dwellings», «constructions with vestibule-corridor»), despite argumentativeness, according to the author, is quite right to exist.

В.Л. Щербаков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА ТЕТЕРИНСКОЕ XIII–XIX вв. В НЕРЕХТСКОМ РАЙОНЕ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 2012–2014 гг. (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

В 2012 г. Костромским музеем-заповедником начаты археологические исследования исторических поселений Костромского края. Первым пунктом для изучения было выбрано село Тетеринское вблизи летописной Нерехты. Ранее археологические раскопки сельских поселений на данной территории не проводились. На данный момент Тетеринское является единственным известным населенным пунктом в северной части Нерехтской округи, функционировавшим в XIII–XIV вв. (рис.1). Археологическое обследование северо-восточных окрестностей села в 2013 г. выявило отсутствие здесь синхронных селищ, найденные в ходе разведки сельские поселения относятся к периоду конца XV – XVIII и XVI–XVIII вв. (Щербаков, 2013б). Не исключено, что при проведении дальнейших разведочных работ возможно выявление селищ XII–XIV вв.

Селище Тетеринское выявлено и обследовано в 1975 г. Костромским отрядом ИА АН СССР под руководством Н.В. Малиновской. Тогда же снят инструментальный план памятника и определены его размеры и мощность культурного слоя. По результатам работ 1975 г. составлен паспорт объекта культурного наследия, согласно которому размеры селища около 260×100 м, высота над уровнем воды в ручье Бобровец до 15 м (Паспорт памятника, 1975; АКР, 1999. С. 249). На момент обследования 1975 г. территория памятника была частично занята строениями и распаивалась под огороды (Паспорт памятника, 1975). Мощность культурного слоя определена Н.В. Малиновской в пределах 0,5–0,9 м, отмечено, что в верхней части слой нарушен распашкой (Паспорт памятника, 1975). Общее состояние памятника, согласно паспорту, плохое. На основании анализа находок (фрагменты гончарной древнерусской и позднесредневековой посуды) Н.В. Малиновская определила время функционирования селища XII–XIII и XV–XVII вв. (Паспорт памятника, 1975).

Рис. 1. Селище Тетеринское на карте Костромской области.

В 1995 г. селище осмотрено археологом костромского ГНПЦ по охране памятников истории и культуры П.Г. Инягиным. Каких-либо уточнений в отношении границ памятника или его датировки сделано не было (Инягин, 1996. С. 43–44). Визуальный осмотр селища Тетеринское и сбор подъемного материала в 2008 г. не дали дополнительной информации о памятнике археологии (Краткий научный отчет, 2008).

В полевом сезоне 2012 г. на территории с. Тетеринское под руководством автора статьи проведена археологическая разведка, позволившая определить места будущих археологических раскопов, уточнить границы памятника (Щербаков, 2013а). Обследованное селище расположено на мысу при вхождении ручья Бобровец в пойму р. Солоницы, правого притока р. Волги (рис. 2). Помимо описанного мыса на правом берегу р. Бобровец культурный слой Нового времени

Рис. 2. План селища Тетеринское с указанием мест проведения археологических работ и границ распространения средневекового культурного слоя.

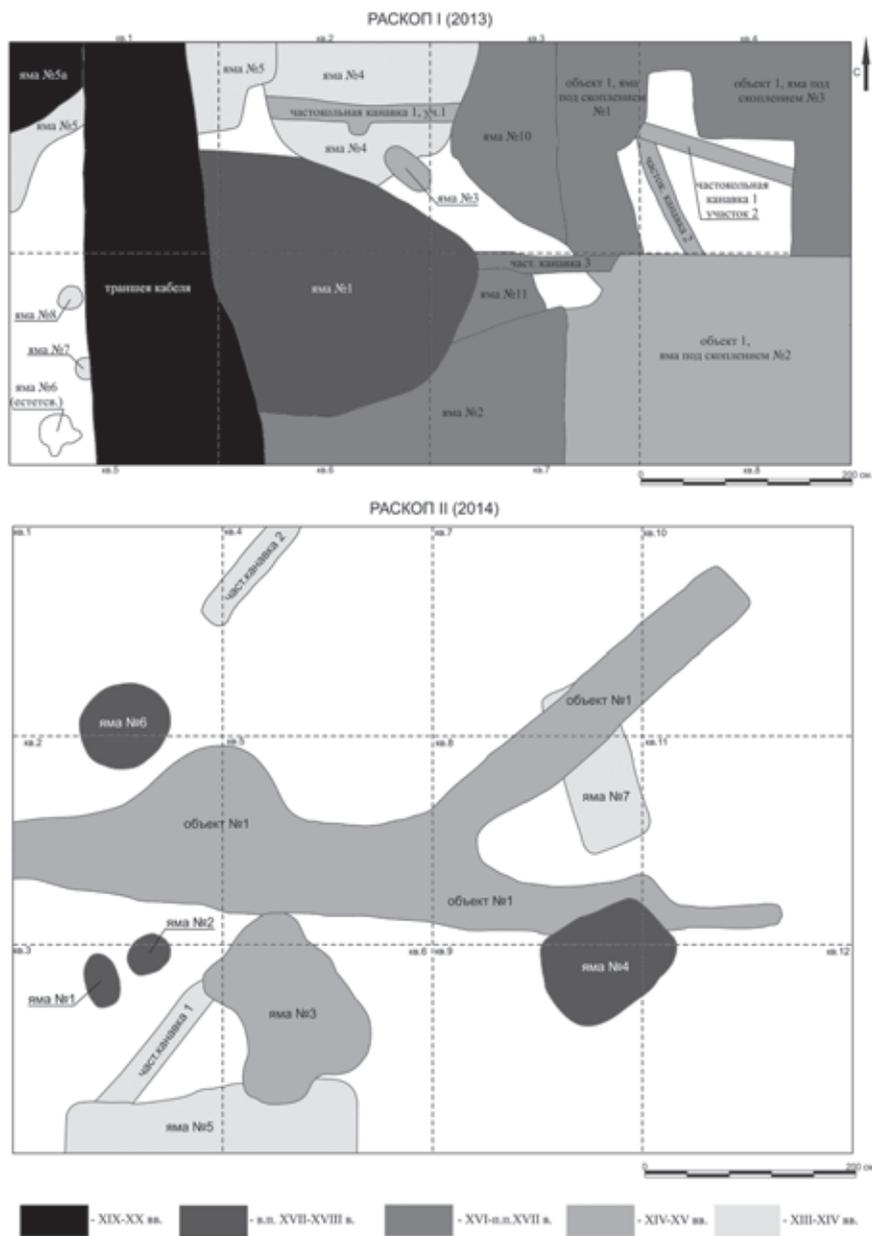

Рис. 3. Раскопы I (2013) и II (2014) на уровне материка.

(XVIII–XIX вв.) выявлен на левом берегу ручья в результате зачистки обнажения (борта оврага). Площадь шурфов 2012 г. составила 8 кв. м.

Археологическим раскопом 2013 года (Щербаков, 2014а) был изучен большой участок к юго-востоку от Успенской церкви (1724 г.) села Тетеринское (рис. 2). Площадь раскопа I составила 32 кв. м. Верхний горизонт культурного слоя на участке исследований нарушен многолетней огородной распахкой. Слои XIII–XV вв. на месте раскопок полностью переработаны в процессе образования напластований XVI–XVII вв., отложения XIII–XV вв. сохранились только в материковых ямах. На материке в раскопе прослежены остатки построек второй половины XIII – первой половины XVIII в. хозяйственного и, возможно, жилого назначения (рис. 3). Характер вещевого комплекса и прослеженные в раскопе остатки частокола в виде канавок позволяют предполагать, что работами 2013 г. затронут южный край усадебного комплекса, предварительно датированного в пределах XIV–XVI вв., в том числе остатки постройки конца XIV – первой половины XV в., перекрытой мощным слоем, состоящим из кусков обожженной глины и глиняных плиток, по своим метрическим параметрам близких средневековой плинфе.

В 2014 г. исследования памятника были продолжены (Щербаков, 2014б). К югу от Успенской церкви заложен раскоп II площадью 48 кв. м (рис. 2). Раскопом II исследованы отложения культурного слоя и объекты второй половины XIII – XIX в. Культурный слой XIII–XV вв. на месте раскопок, как и в случае с раскопом I, полностью переработан в процессе образования напластований XVI–XVII вв., отложения XIII–XV вв. сохранились только в материковых ямах (рис. 3). Наиболее интенсивной жизнь на изученном в 2014 г. участке поселения была во второй половине XIII – XV в. и во второй половине XVII – XX в. В первый из указанных периодов данная территория, предположительно, входила в зону хозяйственной застройки, во второй половине XVII – XIX в. также была в зоне хозяйственного освоения, в XX в. здесь располагались приусадебные участки селян. В период наименее интенсивного использования участка, в конце XV – первой половине XVII в., здесь, вероятнее всего, располагались пашни, покосы, выгоны.

Стратиграфические наблюдения 2013–2014 гг. выявили отсутствие стратифицированных отложений XIII–XV вв. вне ям, наличие слоя XVI–XVII вв. удовлетворительной сохранности, а также перемешанность отложений XVIII–XX вв.

Характеристику находок и объектов целесообразно будет произвести по хронологическому принципу, акцентируя внимание на достаточно надежно датированных комплексах, хронологическая позиция которых определена на основе данных стратиграфии, планиграфии, анализа заполнения, массовых и индивидуальных находок. Описание керамики в предлагаемой статье дается обобщенно, только из комплексов, поскольку данной группе находок будет посвящена отдельная работа.

Вторая половина XIII – первая половина XIV в. К данному периоду относятся яма 4 в раскопе I (2013 г.) и яма 5 в раскопе II (2014 г.). Первая из ям представляет собой слабо углубленную часть наземной постройки с отопительным устройством, определенным по многочисленным камням со следами гари и

кускам обожженной глины в заполнении. Индивидуальные находки из ямы 4 немногочисленны: железный нож и заклепка из медного сплава (рис. 4).

Яма 5 в раскопе II представляет собой подпол хозяйственной (возможно, производственной) постройки. Однозначно судить о наличии или отсутствии отопительного устройства не представляется возможным: в заполнении ямы присутствует некоторое количество слабообожженной глины. Индивидуальные находки представлены опиленным куском кости, небольшой стамеской, согнутым в кольцо лезвием ножа, железным изделием в виде щитка со штифтами и петлей (накладка?), пробоем, фрагментом шила, железной накладкой на конскую упряжь в виде восьмилепестковой розетки, неполные аналогии накладке датируются XIV – первой половиной XV в. (Блохина, 2010. С. 186. Рис. 7), либо второй половиной XIV – началом XV в. (Лапшин, 2009. С. 92, 327. Рис. 77) (рис. 5).

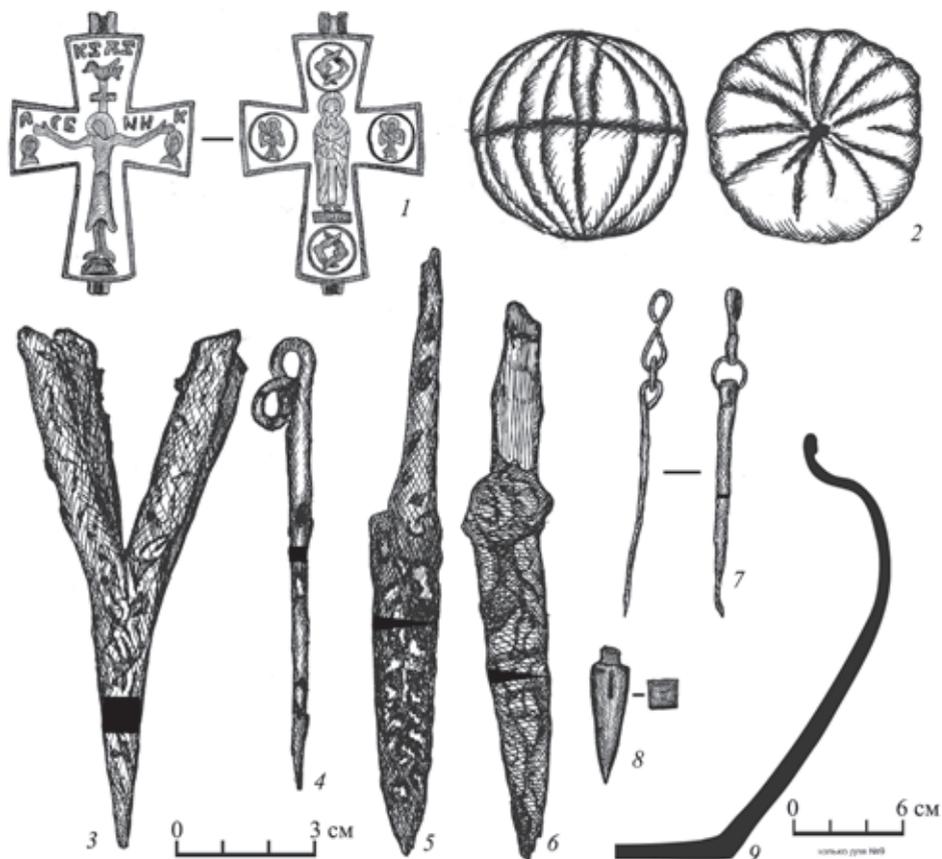

Рис. 4. Наиболее выразительные индивидуальные находки из материковых ям раскопа I. 1 – крест-энколпион; 2 – погремушка; 3 – светец; 4 – кудельная булавка; 5, 6 – ножи; 7 – булавка; 8 – наконечник стрелы; 9 – профиль сосуда (1, 4, 5, 7, 8 – яма под скоплением обожженной глины 2; 2, 3 – яма 2; 6 – яма 4; 9 – яма 1).

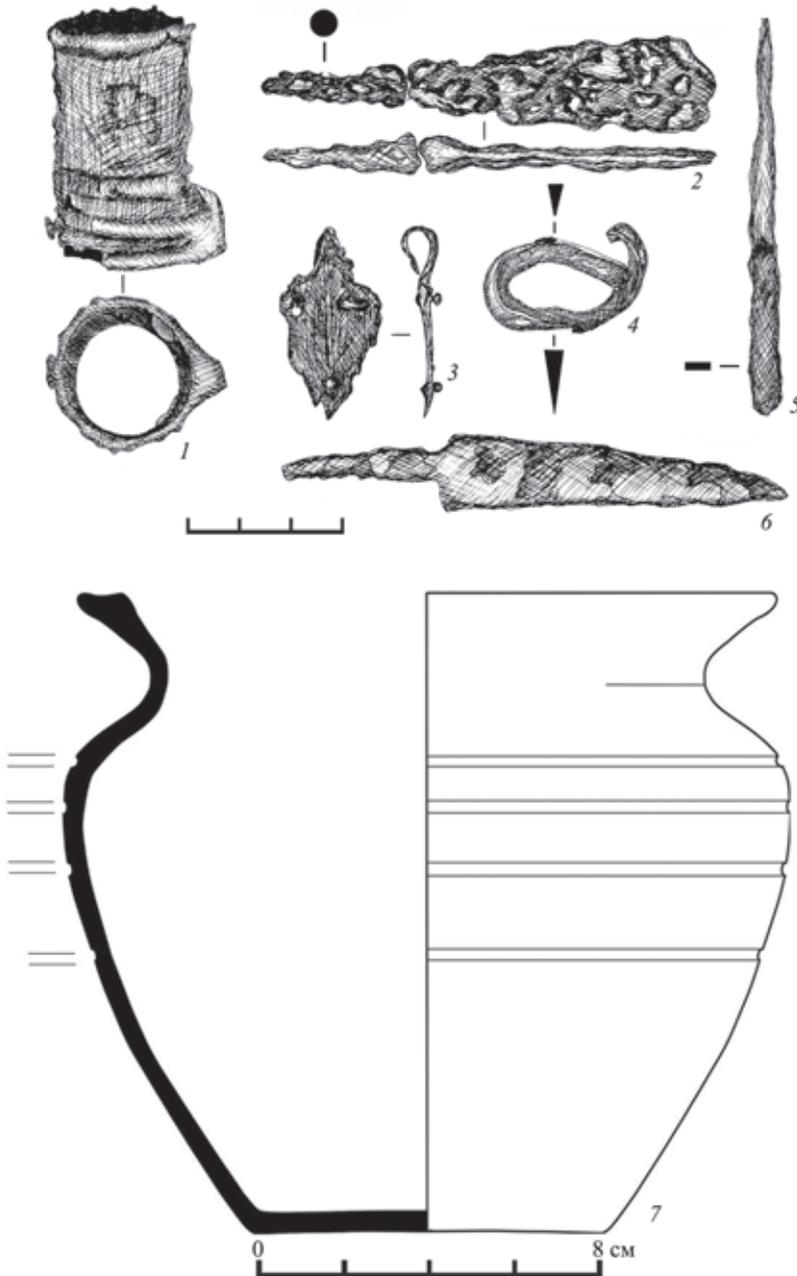

Рис. 5. Наиболее выразительные индивидуальные находки из материковых ям раскопа II. 1 – корпус замка; 2 – наконечник стрелы (срезень); 3 – накладка (?); 4, 6 – ножи; 5 – стамеска; 7 – сосуд (1, 2, 7 – яма 3; 3, 4, 5 – яма 5; 6 – объект 1).

Керамика из заполнения ямы 4 (р. I) представлена 94 фрагментами с грубой поверхностью. У 59 фрагментов (63%) в тесте прослежена примесь дресвы, у 35 (37%) – песка и дресвы. Орнаментировано 35 фрагментов керамики (37%), в том числе линейный орнамент прослежен на 20 фрагментов (21%), волнистый – на 13 (14%), сочетание линий и волн – на 2 (2%). В заполнении ямы 5 (р. II) найдено 73 фрагмента посуды с грубой поверхностью и примесью дресвы (45 ед., 62%), дресвы и песка (26 ед., 35%), дресвы и шамота (2 ед., 3%). Орнаментированных фрагментов всего 10, то есть около 14% (9 экз. с линейным орнаментом, 1 – с волнистым).

Найденные в заполнении ям 4 (р. I) и 5 (р. II) венчики сосудов по форме находят наибольшее число аналогий в керамике Владимира, Новгорода, Твери, Москвы, Ростова XIII–XIV вв., однако среди венчиков из ямы 5 (р. II) встречается достаточно много экземпляров, соотносимых с сосудами, бытовавшими в XIV–XV вв. (рис. 6, 7).

XIV в. В этот период происходит формирование заполнения объекта 1 в раскопе II (2014 г.). Объект, возможно, является углубленной частью наземной постройки сложной конфигурации. В заполнении выявлено четыре индивидуальных находки: железный нож (рис. 5) и фрагмент лезвия ножа, фрагмент инструмента (стамески?), каменная пластина с желобками на плоскостях.

Всего при разборке заполнения объекта 1 (р. II) собрано 96 фрагментов глиняной посуды. Сосуды второй половины XVII – XIX в. с гладкой поверхностью представлены 9 ед. (9%), в том числе с примесью песка в тесте 7 ед. (7%), с примесью дресвы 1 ед. (1%), дресвы и песка 1 ед. (1%). Сосуды конца XV – первой половины XVII в. с грубой поверхностью и примесью песка в тесте представлены 6 фрагментами (6%). Двумя фрагментами (2%) представлена ангобированная посуда XV–XVI вв. (*Розенфельдт*, 1968. С. 20). Наибольшим числом обломков представлены сосуды XII–XV вв. с грубой поверхностью (79 ед.), в том числе с примесью дресвы 50 ед. (52%), дресвы и песка 29 ед. (30%). Орнаментированная посуда представлена 17 фрагментами (18%), в том числе 1 фрагментом с волнистым орнаментом (1%) и 1 с линейно-волнистым (1%), 12 фрагментами с линейным орнаментом (13%) и 3 фрагментами с ногтевыми вдавлениями (3%).

Найденные в заполнении объекта 1 венчики сосудов встречают аналогии в посуде Твери и Владимира конца XIII – XV в. (*Лапшин*, 2009; *Майорова*, 2011) (Рис. 7).

Вторая половина XIV в. К этому периоду относятся частокольные канавки 1, 2 в раскопах I, II. В раскопе II канавки фрагментарны и не связаны с остатками каких-либо объектов, сооружений, не содержат находок. В раскопе I ситуация иная – канавки маркируют границу усадьбы, существовавшей, по крайней мере, со второй половины XIV в. В заполнении канавок собраны немногочисленные фрагменты керамики и необработанные кости.

Найденные в частокольных канавках 1, 2 (р. I) фрагменты глиняных сосудов (8 экз.) имеют грубую поверхность и примесь дресвы и песка с дресвой в тесте. Единственный венчик сосуда из заполнения первой канавки по форме обнаруживает сходство с посудой типа 8 г. Владимира (по Е.В. Майоровой), где такая посуда распространена в XIII–XIV вв., хотя бытовала и в домонгольский

период (*Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1). В качестве еще одной аналогии указанному фрагменту следует отметить рассматриваемые в работе И.А. Бойцова сосуды, бытующие с XIII–XIV вв. в Москве (*Бойцов*, 1991. С. 37. Рис. 1: А), несколько отличающиеся от найденного нами венчика способом профилировки закраины (рис. 6).

Вторая половина XIV – первая половина XV в. К этому периоду относится заполнение ямы под скоплением кусков обожженной глины и глиняных плиток № 2 раскопа I и яма 3 в раскопе II. Яма в раскопе I представляет собой подпол жилой (?) наземной постройки, попавшей в раскоп не полностью. Заполнение ямы характеризуется разнообразием вещевых находок: были найдены бронебойный наконечник стрелы (тип 1Б по О.В. Двуреченскому: см. *Двуреченский*, 2007. С. 282. Рис. 5) XV – середины XVII(?) в., крест-энколпион XIV–XV вв. или XV–XVII(?) вв.,¹ кудельная булава, одежная булава с обрывком цепочки, железный нож (рис. 4), фрагмент дна сосуда с клеймом (сохранились только концы солярного знака), фрагмент привозной красноглиняной керамики, предположительно произведенной в XIV в. в Маджаре².

Яма 3 в раскопе II определена как мусорная. В заполнении собраны многочисленные индивидуальные находки: две железные заклепки, опиленная с двух сторон кость, три фрагмента дна керамических сосудов с клеймами (в одном случае – окружность, в другом – свастика, в третьем – пересекающиеся линии), железный наконечник стрелы-срезня XIII – первой половины XV в. (тип 17 по О.В. Двуреченскому: см. *Двуреченский*, 2007. С. 288. Рис. 16; *Медведев*, 1959. С. 167), черенок железного ножа, железный нож, корпус цилиндрического замка (ввиду фрагментарности может быть отнесен к замкам типов, бытовавших в широких рамках XII–XV вв. (*Колчин*, 1959. С. 82–84. Рис.70)), железный костыль, глиняный горшок (собиран в процессе камеральной обработки массового материала) с линейным орнаментом, сильно профилированный, с наклоненной наружу шейкой, завернутым внутрь и уплощенным черновым краем, следами зольной (?) подсыпки на днище, по форме обнаруживающий сходство с тверской посудой типа VII (по В.А. Лапшину), бытовавшей до 60-х годов XIV в. (*Лапшин*, 2009), с посудой типа 5 города Владимира (по Е.В. Майоровой), датирующейся концом XIV – XV в. (*Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1) (рис. 5).

В заполнении ямы под скоплением обожженной глины и глиняных плиток № 2 (р. I) найдено 39 фрагментов керамики. Представлена грубая посуда с примесью песка в тесте (3 экз.) и посуда с примесью дресвы, песка и дресвы в тесте (36 ед.) Орнаментировано 15 фрагментов (около 2/5), представлены следующие виды орнамента: линейный – 6 экз., волнистый – 7 экз., линейно-волнистый – 1 экз., пояс круглых вдавлений – 11 экз. В заполнении ямы 3 (р.

¹ Аналогии данному кресту неполные: сходные экземпляры опубликованы в Каталоге собрания графа А.С. Уварова (Каталог, 1908. С. 182. Рис. 158), в каталоге собрания Б.И. и В.Н. Ханенко (*Древности Русские, кресты и образки*. – Киев, 1899. Табл. XI. С. 25–26), в каталоге энколпионов из собрания ГИМ (*Асташова, Петрова, Сарачева*, 2013. С. 296–298). В каталоге А.С. Уварова кресты не датированы, Б.И. и В.Н. Ханенко датируют такой энколпион XIV–XV вв., кресты из собрания ГИМ отнесены авторами каталога к XV–XVII (?) вв.

² Атрибуция произведена к.и.н. И.В. Волковым, с высокой долей вероятности определившим происхождение и дату найденного фрагмента.

II) найдено 354 фрагмента керамики. Все они происходят от сосудов с грубой поверхностью. Посуда с примесью дресвы в тесте представлена 235 обломками (66,4%), с примесью песка и дресвы 107 единицами (30,2%), с примесью дресвы и шамота 12 фрагментами (3,4%). Все орнаментированные линиями фрагменты происходят от трех (либо четырех) сосудов, профили которых собрать полностью не представляется возможным. Единичным фрагментом представлена посуда с волнистым орнаментом и примесью дресвы и песка в тесте.

Встреченные в заполнении указанных ям венчики сосудов обнаруживают аналогии в материалах Владимира, Твери, Новгорода XIV–XV вв., однако в яме 3 (р. II) выявлена также представительная серия профилированных частей сосудов, период бытования которых на основании аналогий в посуде Твери и Владимира может быть не позднее XIV в. (*Лапшин*, 2009. С. 128, 443, рис. 193; *Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1) (рис. 6, 7).

Облик массового материала ямы 3 (р. II) – отсутствие фрагментов только с примесью песка в тесте, форма некоторых венчиков сосудов – дает основания для несколько более ранней ее датировки по сравнению с ямой под скоплением кусков обожженной глины и плиток № 2 в раскопе I. В качестве такой даты мы рассматриваем вторую половину XIV – начало XV в., менее вероятная дата – только вторая половина XIV в.

XVI – первая половина XVII в. В этот период формируется заполнение ямы 2 в раскопе I (2013 г.), являвшейся углубленной частью жилой постройки с печью. Вероятно, к этой постройке тяготеет частокольная канавка 3, параллельная длинной стороне ямы 2 (в канавке находки не выявлены). В яме были найдены следующие вещи: четырехзубый светец и глиняная погребушка восстановительного обжига, шарообразной формы, с двумя отверстиями на «полюсах» и прочерченными меридиональными линиями, предварительно датированная XVII в. на основании неполных аналогий (*Спиридонова*, 2007. С. 199; *Глиняные игрушки...*, 2002. С. 21, 22. № 31–33, 35) (рис. 4).

Всего при разборке ямы 2 (р. I) найдено 70 фрагментов глиняной посуды. Наиболее многочисленны фрагменты посуды с грубой поверхностью и примесью песка в тесте (25 ед., 35,7%). Вторая по численности группа – фрагменты от сосудов с гладкой поверхностью и без визуально заметных искусственных примесей (18 ед., 25,7%). Достаточно многочисленны среди находок из ямы фрагменты с грубой поверхностью и примесью дресвы в тесте (15 фр., 21,4%). Остальные группы статистически невыразительны, представлены единичными экземплярами (как, например, чернолощенная посуда XVI–XVIII вв.).

Венчики керамических сосудов из ямы 2 (р. I) находят аналогии в посуде Владимира и Твери XVI–XVIII вв. (*Лапшин*, 2009. С. 129, 448. Рис. 198; *Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1). Единичными фрагментами представлены венчики сосудов с отогнутой наружу прямой шейкой и профилированным краем, сходные с новгородской посудой XV в. (*Смирнова*, 1956. С. 229, 234. Рис. 1, 2) (рис. 6).

Вторая половина XVII – XVIII в. В этот период формируется заполнение ямы 1 (раскоп I), являющейся углубленной частью наземной постройки, рассматриваемой в более узких хронологических рамках XVII – первой половины XVIII в., и ям 1, 2, 4 и 6 (раскоп II). В результате обработки массового материала

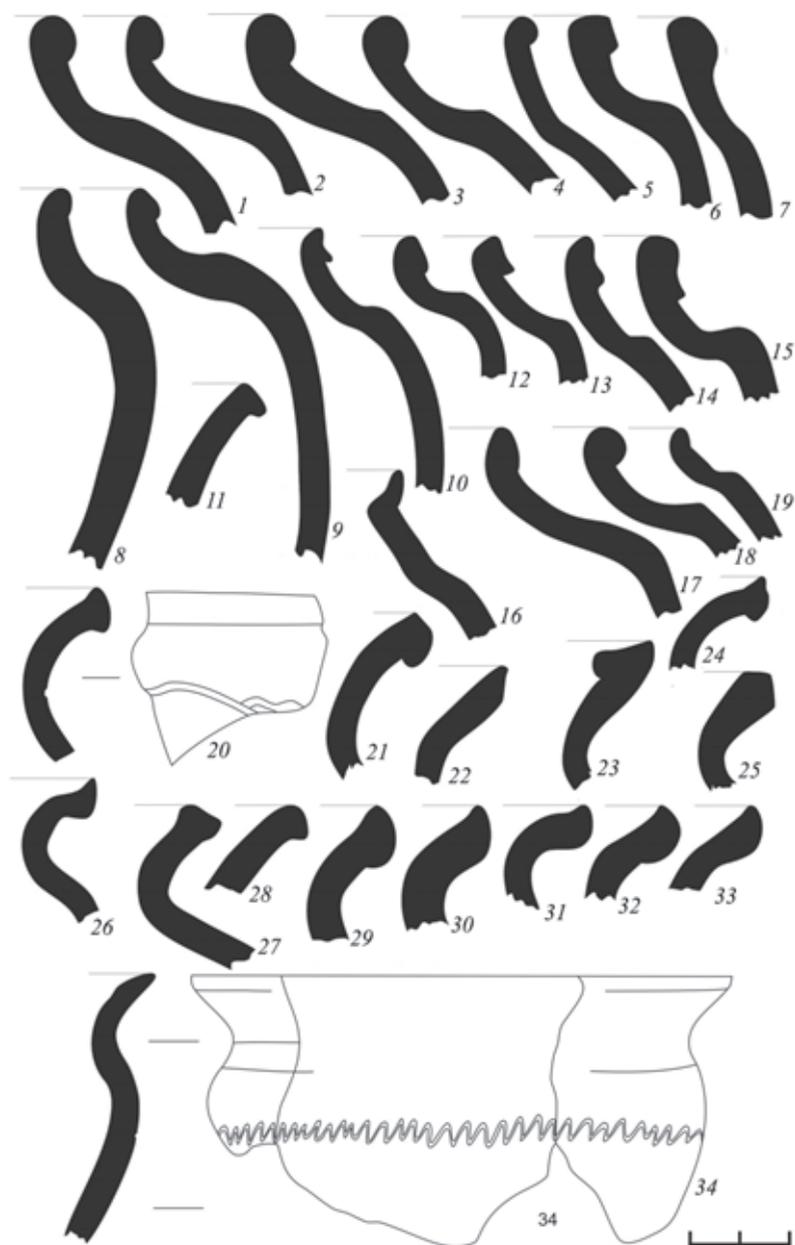

Рис. 6. Венчики сосудов из материковых ям раскопа I.

1–10 – яма 1; 11–19 – яма 2; 20–25 – яма под скоплением обожженной глины 2; 26 –
 частокольная канавка 1; 27–34 – яма 4.

раскопа I собран развал сосуда из ямы 1 (рис. 4). Горшок имеет вертикальный венчик с завернутым наружу и прижатым к шейке черновым краем, имеющим небольшую ложбинку. Форма венчика сходна с гжельской белоглиняной посудой XVI в. (Коваль, 2014. С. 541), подобная конструкция венчика характерна также для поздней кустарной красноглиняной керамики Подмосковья XVIII – начала XX в. (Панченко, 2010. С. 251). В этой же яме был найден мелкий фрагмент лезвия железного ножа.

При разборке заполнения ямы 1 (р. I) собрано 304 фрагмента глиняных сосудов. Наиболее многочисленны фрагменты от сосудов с гладкой поверхностью (151 ед., 50%), среди них преобладают фрагменты с примесью песка в тесте (107 фр., 35% от общего количества керамики пласта). 79 фрагментами

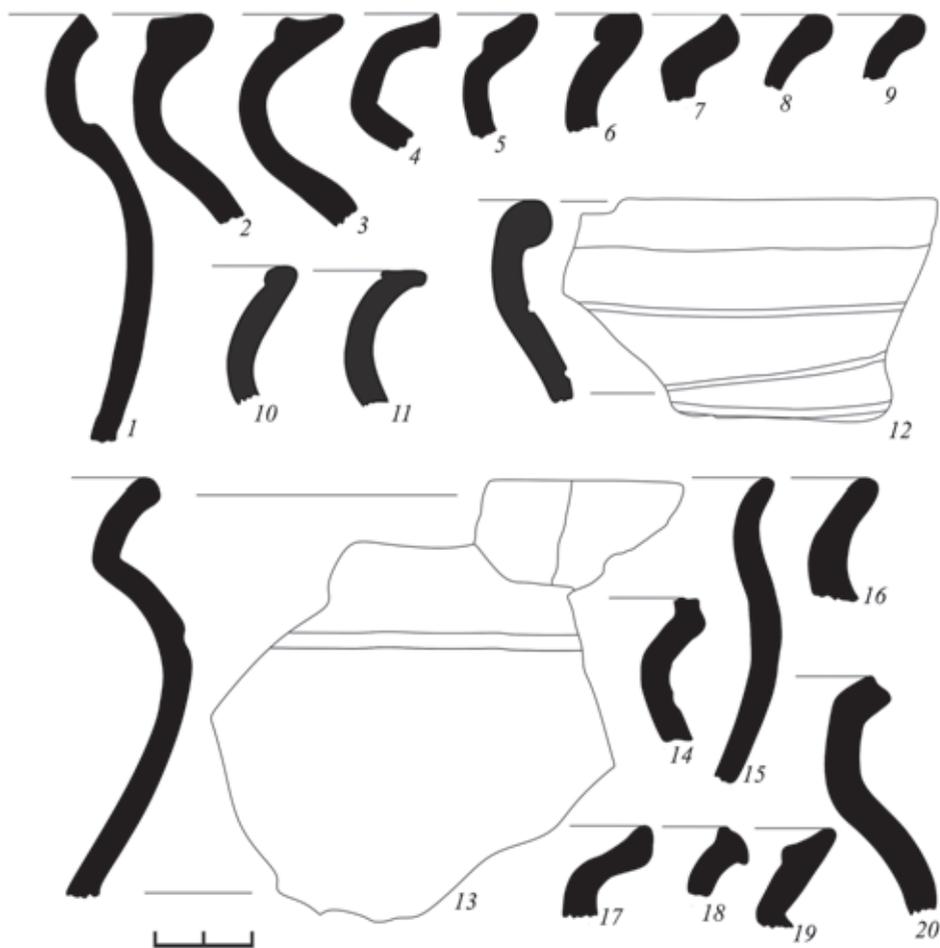

Рис. 7. Венчики сосудов из материковых ям раскопа II.
1–9 – яма 3; 10–12 – объект 1; 13–20 – яма 5.

(26%) представлена посуда с грубой поверхностью и примесью песка в тесте. Чернолощенная, серолощенная и мореная посуда представлена в данном комплексе 24 фрагментами (около 1%) (9, 11, 4 фр. соответственно). Фрагментов краснолощенной посуды встречено 11, вероятно, все они происходят от одного сосуда. Помимо описанных групп керамики среди находок представлены 18 фрагментов (6%) с примесью песка и дресвы, дресвы, дресвы и шамота в тесте.

Венчики керамических сосудов из ямы 1 (р. I) находят аналогии в посуде Владимира, Твери, датирующейся в пределах XVI–XVIII вв. (*Лапшин*, 2009. С. 129, 448. Рис. 198; *Майорова*, 2011. С. 145, 146. Рис. 1) (рис. 6).

В упоминавшихся выше ямах № 1, 2, 4 (р. I) встречены многочисленные фрагменты керамики, среди которых преобладают обломки с гладкой поверхностью, присутствуют лощеные и мореные фрагменты. Единичны фрагменты с грубой поверхностью и примесью дресвы.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют констатировать значительное преобладание в комплексах селища Тетеринское до первой половины XV в. включительно фрагментов посуды с грубой поверхностью и примесью дресвы либо песка и дресвы в тесте. В материалах XVI – первой половины XVII в. несколько преобладает над остальными группами в количественном отношении керамика с грубой поверхностью и примесью песка в тесте. В комплексах второй половины XVII – XVIII в. преобладает посуда с гладкой поверхностью, с примесью песка в тесте. Здесь же встречаются фрагменты мореной, черно- и серолощенной керамики.

Помимо материалов из материковых ям рассмотрим **находки из культурного слоя селища**, которые можно датировать на основании аналогий и стилистических особенностей. Материалы советского периода нами сознательно не приводятся, как и происходящие из культурного слоя вещи, не имеющие выраженного культурно-хронологического облика (кованые гвозди, скобы, оселки и т.п.).

В перемешанных отложениях XVIII–XX вв. в раскопе I найдена двусторонняя серьга из медного сплава (рис. 8). Серьга имеет фигурный щиток, присоединенный петлей к дужке из проволоки круглого сечения в виде несомкнутого кольца. Щиток украшен белой и голубой эмалью, залитой в углубления литой заготовки, которые образуют орнамент из геометрических фигур и изогнутых лепестков. В центре щитка с обеих сторон прослеживается паз, вероятно, предназначенный для крепления вставки из стекла или камня (?). Снизу к пяти петелькам привешены бусины из прозрачного зеленого стекла. Подобные серьги найдены в погребениях XVII–XVIII вв. в Смоленской и Московской областях (*Зоц*, 2011. С. 408; *Лихтер, Сергина*, 2012. С. 278).

В раскопе II в слое дерна и первом пласте, то есть в отложениях второй половины XVII – XX в., были найдены серебряная пуговица, фрагмент плоского поливного изразца с синей росписью по белому фону и голова глиняной фигурки (Рис. 8). Литая пуговица с ушком имеет тулово округлой формы, украшенное в нижней части орнаментом в виде окружности и двойных насечек, делящих окружность на три части, а также сочетаний точек, аналогична пуговице XVI–XVIII вв., представленной в каталоге Владимиро-Суздальского музея-

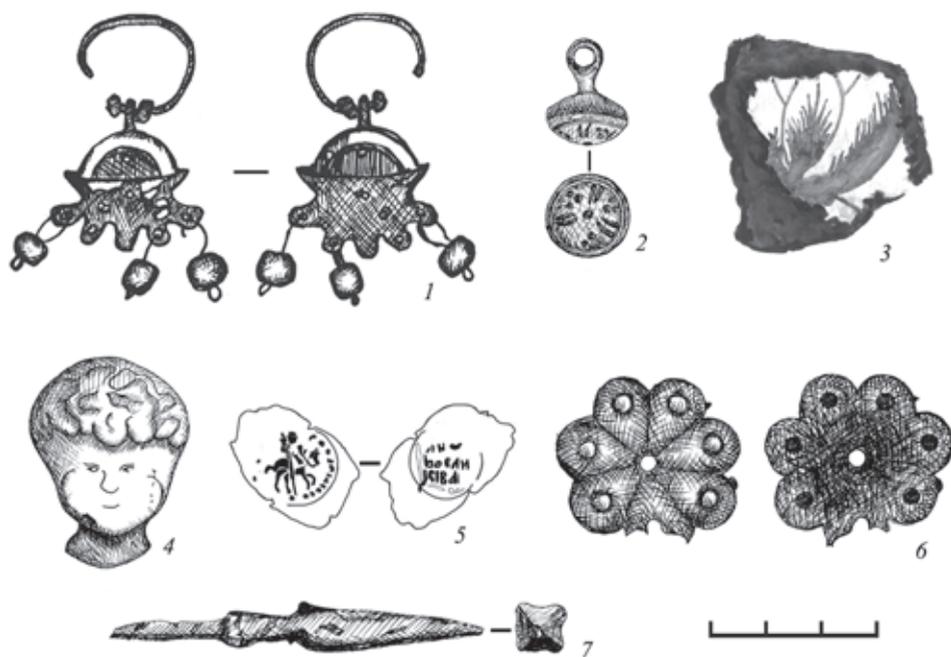

Рис. 8. Наиболее выразительные индивидуальные находки из культурного слоя раскопов I (№ 1) и II (№ 2–7). 1 – серьга; 2 – пуговица; 3 – фрагмент изразца; 4 – голова статуэтки; 5 – монета; 6 – накладка; 7 – наконечник стрелы.

заповедника (Пуговицы..., 2015. С. 33. № 33). Изразец по технике исполнения и стилистическим признакам датируется концом XVIII – началом XIX в. (Маслих, 1983. С. 23–26). Голова фигурки, изготовленная из светложгущейся глины с желтоватым оттенком, хорошо смоделирована, различимы глаза, нос, рот, щеки и кудри. На основании стилистических особенностей фигурка отнесена ко времени не ранее XVIII в. О широком распространении мелких глиняных фигурок в быту в XVIII ст. свидетельствует факт их массового производства в Москве на мануфактуре А.К. Гребенщикова (Владимирская, 1987. С. 160), не исключено также более позднее бытование подобного рода вещей.

При разборке второго пласта раскопа II были найдены железная семилепестковая накладка на конскую упряжь с лучеобразными бороздками между лепестками и умбовидными выступами на концах лепестков, аналогии которой датируются XIV – первой половиной XV в. (Блохина, 2010. С. 186. Рис. 7), либо второй половиной XIV – началом XV в. (Лапшин, 2009. С. 92, 327. Рис. 77), фрагмент перстня из синего полупрозрачного стекла, датируемый XII–XIV вв., граненый черешковый наконечник стрелы XII – второй половины XV в. (тип 1в по О.В. Двуреченскому: см. Двуреченский, 2007. С. 282. Рис. 5), серебряная монета XV в.³ (рис. 8).

³ В отчете о раскопках монета ошибочно отнесена к XVI в.

Материалы, полученные в ходе работ 2012–2014 гг., позволяют предварительно определить хронологию начального этапа в жизни поселения в пределах второй половины XIII в. При раскопках 2014 г. помимо ручной переборки весь культурный слой раскопа был подвергнут просеиванию через мелкоячеистое сито (2×2 мм). Итогом такой проверки более 20 м³ грунта стала находка мелкого неинформативного осколка стеклянной бусины и осколка стеклянного перстня, основная часть которого была найдена при переборке. Отсутствие бус в материалах селища является, на наш взгляд, свидетельством необитаемости изученной площадки в домонгольское время. Вероятно, появление на данном участке поселения во второй половине XIII в. связано с отмечавшимся исследователями оттоком населения из центральных районов Северо-Восточной Руси в периферийный районы в связи с неоднократными походами монголо-татар (Кучкин, 1984. С. 122). Однако вероятность выявления участков поселения XII – первой половины XIII в. сохраняется. На это указывают данные о несохранившемся курганном могильнике XII–XIII(?) вв. вблизи села (АКР, 1999. С. 319).

Со второй половины XIII в. Тетеринское последовательно проходит в своей истории несколько этапов: поселок переселенцев, бежавших от татарских набегов второй половины XIII в., феодальная вотчина второй половины XIV – начала XV в., монастырское владение XV–XVIII вв. (до секуляризации), религиозный и административный центр небольшой округи второй половины XVIII – XIX в. Первые два этапа отражены, главным образом, в археологическом материале, последующие документированы помимо археологических находок и наблюдений письменными источниками, заслуживающими характеристики в рамках отдельного исследования.

Относительно перспектив дальнейших археологических исследований памятника отметим следующее: возможности изучения планировки средневекового поселения чрезвычайно ограничены ввиду плотной современной застройки центральной части селища, соответствующей средневековой жилой зоне. Перспективными представляются исследования хозяйственной зоны поселения, значительные по площади участки которой не заняты современной застройкой и не подвергаются существенным разрушительным антропогенным и природным воздействиям.

Литература

- Археологическая карта России. Костромская область / Сост. К.И. Комаров. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 368 с.
- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г., 2013. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг. 319 с.
- Блохина О.А., 2010. Исследования на селище Старбеево близ города Химки // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С.180–195.
- Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика. Новые данные о хронологии / Ред.: С.З. Чернов, М.Д. Полубояринова. М. С. 33–62.
- Владимирская Н.С., 1987. Художественная керамика XVIII века из Алевизова рва на Красной площади // ГММК МИИ. Вып. V. М. С.151–163.

- Глиняные игрушки XIV–XVIII вв. из археологических коллекций ВСМЗ: Каталог/ Авт.-сост. Н.В. Нестерова. Владимир, 2002. 42 с.
- Двуреченский О.В.*, 2007. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 277–331.
- Зоц (Захарова) Е.Л.*, 2011. Раскопки одиночного кургана Холмы // АП. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 405–411.
- Инягин П.Г.*, 1996. Разведочные работы в Нерехтском районе Костромской области // АО 1995 г. М. С. 43–44.
- Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М., 1908. 203 с.
- Коваль В.Ю.*, 2014. Первичная статистическая фиксация массового керамического материала на памятниках эпохи средневековья (X–XVII века) и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы (методические рекомендации) // АП. Вып. 10. М. С. 489–571.
- Колчин Б.А.*, 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–120.
- Краткий научный отчет о проведенной инвентаризации объектов археологического наследия Костромской области // Архив Департамента культуры Костромской области. Кострома. 2008. № 268 реестра.
- Кучкин В.А.*, 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука. 350 с.
- Лапишин В.А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Лихтер Ю.А., Сергина Т. В.*, 2012. Стекланные бусы из сельского некрополя XVII–XVIII веков на городище Волочёк Вяземский // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 278–285.
- Майорова Е.В.*, 2011. Опыт статистической обработки керамики их раскопок в 13-м квартале города Владимира в 2008 г. // АВСЗ. Вып. 3 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 142–153.
- Маслих С.А.*, 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М. 268 с.
- Медведев А.Ф.*, 1959. Оружие Новгорода Великого // Труды Новгородской Археологической экспедиции. Т. II / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР. С. 121–191.
- Панченко К.И.*, 2010. Гончарная керамика XVIII–XIX веков с селища Багаевский карьер // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 248–257.
- Паспорт памятника археологии / Сост. Н.В. Малиновская // Архив Департамента культуры Костромской области. Кострома. 1975.
- Пуговицы XI–XVIII вв. из археологической коллекции Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост.: Н.А. Кокорина, А.Н. Денисова, Н.А. Князева. Владимир, 2015. 88 с.
- Розенфельд Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука. 123 с.
- Смирнова Г.П.*, 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. (МИА. Вып. 55). М.: Изд-во АН СССР. С. 228–248.
- Спиридонова Е.В.*, 2007. Керамические игрушки XIII–XVIII вв. из Ярославля // Археология: история и перспективы: Сб. ст. 3-й межрегион. конф. Ярославль: Ремдер. С. 193–203.
- Ханенко Б.И., Ханенко В.Н.*, 1899. Древности Русские. Кресты и образки. Собрание Б.И. и В.Н. Ханенко. Киев, 1899. 35 с.

Щербаков В.Л., 2013а. Отчет об археологическом обследовании селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012 г. Кострома.

Щербаков В.Л., 2013б. Отчет об археологической разведке в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома.

Щербаков В.Л., 2014а. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома.

Щербаков В.Л., 2014б. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2014 г. Кострома.

Summary

V.L. Scherbakov

ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF THE SETTLEMENT TETERINSKOYE OF THE 13–19TH CENTURIES IN NEREKHTSKY DISTRICT OF KOSTROMA REGION IN 2012–2014 (PRELIMINARY RESULTS)

The article presents the first results of the excavation works of the Kostroma state museum archaeological expedition at the medieval rural settlement Teterinskoe near the ancient city Nerekhta in 2012–2014. The article contains the information about the stratigraphy, planigraphy and chronology of this settlement and about the artifacts of XIII–XIX cc.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Н.В. Жилина

СЛАВЯНО-РУССКИЕ И ФИНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ: КОРНИ И ТРАДИЦИИ (НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Параллельное рассмотрение славяно-русских и финно-угорских головных уборов важно для дальнейшего анализа вопроса о взаимных воздействиях в сфере убора из украшений, связанных с головным ярусом.

Для классификации славяно-русского головного убора я пользуюсь классификацией Д.К. Зеленина (*Зеленин*, 1991. С. 254–267). К ней добавляется тип ленточного головного убора, основной для эпохи раннего Средневековья (*Сабурова*, 1997. С. 93–102; *Жилина*, 2002а. С. 160–165; 2002б. С. 49–60; 2010. С. 255–267). Главная часть убора – налобная лента – идет вокруг головы (диадема), держит платок и украшения; вторая часть – платок – покрывает голову. Типичны парные группы височных колец по сторонам головы, украшения крепятся и по всему протяжению ленты. В девичьем уборе представлена только лента, материал известен от X–XIII вв. по начало XX в., зафиксировано крепление украшений к волосам, заплетенным косам, ленте (рис. 1, 1–5) (рис. 1 по: *Степанова*, 2009. Рис. 12, 6; *Грицак*, 2006. С. 168; *Собрание рисунков*, 1827. Спб. 39, 56; *Соснина*, *Шангина*, 1998. Фотовклейка. С. 238, 302; *Сабурова*, 1997. Табл. 78, 1; 66, 14; *Русская икона*, 2004. Илл. 19; *Жилина*, 2001. Рис. 1, 2; *Сабурова*, 1975. Рис. 1; *Радзивилловская летопись*, 1994. Л. 33 об.; *Жилина*, 1996. Рис. 1; *Панова*, *Синицына*, 1987. С. 340; *Рабинович*, 1986. Рис. 37. Цв. рис. 1. Рис. 20а; *Моисеенко*, *Фалеева*, 1990. Шмуцтитул; *Лицевой летописный свод XVI века*, 2009. С. 380). Платок был и отдельным полотенчатым убором (*Левашиова*, 1968. С. 91–97; *Седов*, 1994. С. 115–118; *Сабурова*, 1997. С. 95–99; *Степанова*, 2009. С. 84. Рис. 12, 6; *Жилина*, 2010. С. 257–263. Рис. 1–3). Археологические данные о платках или покрывалах фрагментарны, но изображения XI–XVII вв., а также этнографические материалы позволяют выстроить линию его развития (рис. 1, 6–10).

В ленточном уборе замужних женщин венки держат платок и украшения; платок – покрывает голову. Ленточный убор известен у славян Поднепровья VI–

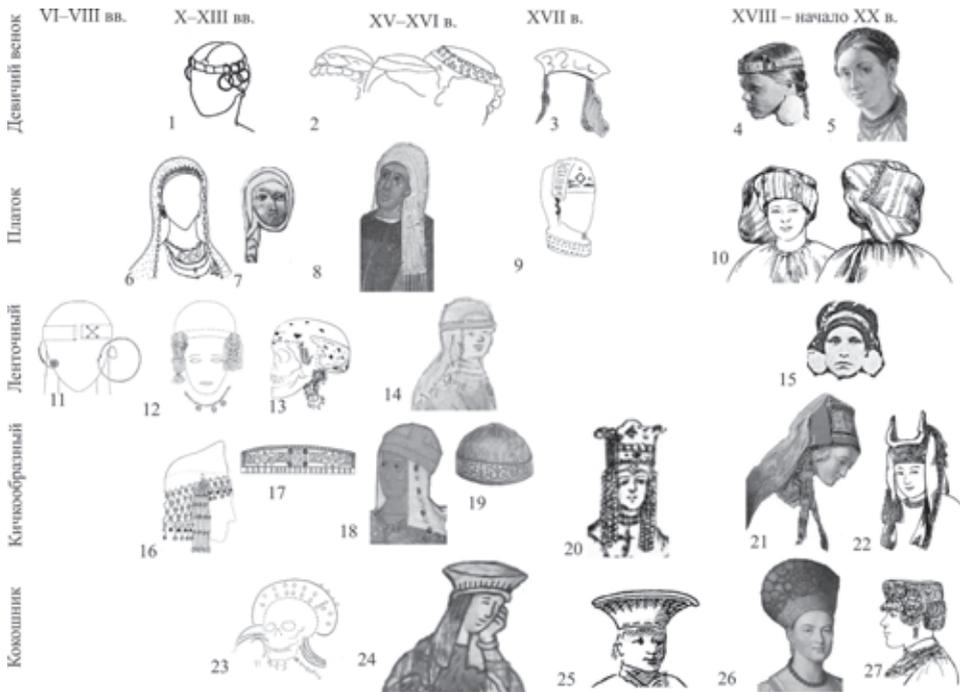

Рис. 1. Славяно-русский головной убор.

Девичий венок: 1 – Верхневолжье, Березовецкий могильник, курган 54, XI в. (Степанова, 2009. Рис. 12, б); 2 – икона «О тебе радуется» мастерской Дионисия, XVI в. (Грицак, 2006. С. 168); 3 – рисунок из Альбома Мейерберга (Собрание рисунков..., 1827. Л. 39); 4 – Воронежская губ., 1908 г. (Соснина, Шангина, 1998. Фотоклейка); 5 – В.А. Тропинин. «Пряха», 1821 г.;

платок: 6 – Вологодская обл., Новинки, курган 9, XI в. (Сабурова, 1997. Табл. 78: 1); 7 – супруга Святослава, миниатюра «Изборника Святослава», XI в. (Древняя одежда... 1986. Цв. рис. 1); 8 – новгородская женщина, икона «Молящиеся новгородцы», вторая половина XV в., Новгород (Русская икона..., 2004. Илл. 19); 9 – царица рисунок из Альбома Мейерберга (Собрание рисунков..., 1827. Л. 56); 10 – головное полотенце (Соснина, Шангина, 1998. С. 238);

ленточный убор: 11 – Среднее Поднепровье, Гапоновский клад, VI–VII вв. (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 57); 12 – округа Звенигорода Московской обл., Клопово, курган 1, XII – первая половина XIII в. (Жилина, 2001. Рис. 1, 2); 13 – Белорусия, с. Юдичи (территория радимичей) (Сабурова, 1975. Рис. 1); 14 – княгиня Ольга, миниатюра XV в. (Радзивилловская летопись..., 1994. Л. 33об); 15 – Тульская губ., 1902 г. (Соснина, Шангина, 1998. Фотоклейка);

кичкообразный убор: 16 – клады из Новгородской губ. 1892 г. и Старой Рязани 1967 г. № 2, XI–XII вв. (Жилина, 1996. Рис. 1); 17 – очелье из погребения в Борисоглебском соборе Новгорода (Сабурова, 1997. Табл. 66, 14); 18 – шапка-волосник с покрывалом, икона «О тебе радуется» мастерской Дионисия, XVI в. (Грицак, 2006. С. 168); 19 – волосник/поддубрусник Марии Темрюковны 1569 г. из раскопок Вознесенского монастыря в Москве (Панова,

VII вв. (рис. 1, 11). На бронзовых и серебряных головных лентах (венках) кучно (концентрически) закреплены височные кольца крупного диаметра, связанные с пластинами-наушниками (*Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 57; Родинкова, 2007. С. 358–388. Рис. 3, 4*).

К VIII в. убор облегчился, боковые украшения стали миниатюрней, некоторые из них носили как серьги. В IX–XIII вв. налобные ленты выполняются из металла и ткани, подкладывают берестой, украшают металлическими бляшками. Шерстяные, льняные, клетчатые и узорные платки обшивают бляшками и подвесками, бисером. Ленточному женскому убору сопутствовали группы височных колец по сторонам головы, закрепленные вертикально на лентах или в системах, имитирующих волосную покров или косу (в виде кистей). Существовал архаичный способ одновременного крепления украшений к мягким тканям уха за дужки колец, и, вероятно, к головному убору с помощью шнурков, продетых в специальные петельки височных колец (рис. 1, 12, 13). Примеры известны в Гочевском могильнике XI в., в курганах округа Звенигорода XII – первой трети XIII в. (*Сабурова, 1974; 1975. С. 18–22; 1976. С. 127–132; Аганов, Сарачева, 1997. С. 99–108.; Жилина, 2001. С. 29–38. Рис. 1; 2002а. С. 49–55. Рис. 1, 2; 2002б. С. 161–163. Рис. 1–3; 2010. С. 260; Ёлкина, 2003. С. 34–41. рис. 1–3*).

На наш взгляд, это система архаичного крепления, предусматривающая ношение колец в волосах для девушек и буквально заковывающая голову замужней женщины в единый убор (объединяющий уши, волосы или имитирующие их конструкции и части головного убора).

Гроздевидные филигранные наушницы X в. могли носить прежними способами, в том числе, возможно, сохранялось и кучное расположение. Височные кольца прикреплялись дугообразными скобками. Пересопницкий могильник X в., Березовецкий могильник в Верхневолжье, где шпильками они прикреплялись к волосам (*Мельник, 1901. С. 479–513; Успенская, 1993. С. 92, 93. Рис. 5*).

Ленточный убор известен Радзивилловской летописи XV в., в нем показана княгиня Ольга (рис. 1, 14). Ленточная конструкция головного убора с шарообразными украшениями-пушками сохранилась в костюме южно-русского комплекса (рис. 1, 15). С усложнением убора линию ленты повторяет отдельный металлический наголовник (в этнографической параллели из Брянской обл. – повязальник), на него в погребениях Гочевского могильника по всему кругу надеваются височные кольца (*Сабурова, 2008. С. 209–213; Шпилев, 2009. С. 348–350*).

Происходит развитие в более сложный составной или кичкообразный головной убор, в котором выделяются высокая лицевая (налобное очелье прямо-

Синицына, 1987. С. 340); 20 – свадебная кика, рисунок к сочинению А. Олеария (*Рабинович, 1986. рис. 37*); 21 – неизвестный художник «Женщина с мальчиком у колодца», вторая половина XIX в. (*Моисеевко, Фалеева, 1990. Шмуцтитул*); 22 – сорока (*Соснина, Шангина, 1998. С. 302*);

кокошник: 23 – Смоленская обл., Харлапова, курган 8, XI–XIII вв.; 24 – княгиня, миниатюра XVI в., Лаптевский том, л. 479 об., 1197 г. (Лицевой летописный свод, 2009. С. 380); 25 – крестьянка, рисунок из Альбома Мейерберга, XVII в. (Древняя одежда, 1986. рис. 20а); 26 – И.П. Аргунов, «Портрет неизвестной в русском костюме», 1784 г.; 27 – Олонечская губ. (*Соснина, Шангина, 1998. С. 302*).

угольной или сегментообразной формы, иногда с выделенным средником) и задняя (позатыльник) части. Повышение лицевой части обуславливается заломами при укладке платка, а также подкладками под лицевую сторону налобной ленты (рис. 1, 17). Примерами являются очелье из погребения в Борисоглебском соборе Новгорода, из Московской обл., из раскопок Московского Кремля (*Сабурова*, 1997. С. 96, 98, 99. Табл. 66, 13, 14, 15; *Шпилев*, 2009. С. 341).

Кичкообразный убор XI – первой половины XII в. реконструируется и по клатам: среди серебряных украшений имеются поднизи-позатыльники. Лента как отдельная деталь постепенно утрачивается. Сохраняются прежние украшения, но основными являются кистевидные, происходящие от завязок, которыми соединялись части убора. В древнерусском драгоценном уборе они получили ювелирную форму колоколовидных подвесок (рис. 1, 16).

В XVI–XVII в. кичкообразная конструкция хорошо известна по данным Домостроя (покрывала, волосник, кика), археологии и изображениям, используются обильные жемчужные рясна (рис. 1, 18–20) (*Жилина*, 2013. С. 154–174. рис. 4, 2–9). Примеры кичкообразного убора из этнографического материала многочисленны (рис. 1, 21, 22), он входит в южно-русский этнографический комплекс (*Жилина*, 2002а. С. 162, 163. Рис. 4; *Соснина, Шангина*, 1998. С. 302–307).

Определенных данных о женских шапках по археологическим материалам нет. Данные о жестких цельных уборах кокошниках по древнерусским погребениям предположительны и немногочисленны (рис. 1, 23). Некоторые изображения Лицевого летописного свода XVI в. позволяют узнать кокошник (рис. 1, 24). Он известен по изображениям XVII–XVIII вв., представлен в северо-русском этнографическом комплексе (рис. 1, 26–28) (*Калашиникова*, 2002. С. 105–113; *Жилина*, 2013. С. 167–170. Рис. 7; 9, 6).

У прибалтийско-финских народов главную роль в головном уборе играет платок, укладка которого поддерживается металлическими застежками. Нехарактерно ношение серег и височных колец.

В археологическом материале финнов суоми VII–XI вв. есть небольшие булавки с круглыми, кубическими и Т-образными головками, возможно, применявшиеся для укладки платка (*Kivikoski*, 1973. Taf. 47, 437–439. S. 66). Отсутствие тяжелых конструкций из металла может косвенно свидетельствовать о полотенчатом уборе.

Для конца X – начала XI в. в известной реконструкции по женскому погребению 56 из Еура в Луистари в Юго-Западной Финляндии головной убор не отражен, так как недостаточно данных, но остатки головного платка или покрывала были. Для поддержания полотнища на голове обязательны какие-либо металлические детали, которые поддерживали бы сложные складки. В Западной Финляндии покрывала скальвались фибулами, орнаментированные бронзовыми спиральками женские покрывала известны с XI в. Таким образом, в качестве основного головного убора фигурирует полотенчатый, причем, вероятно, это покрывало для всего костюма, головная часть мало выделена (*Lechtosalo-Hilander*, 1984. P. 38, 52, 57, 58, 60. Fig. 29, 31, 37).

Головной убор корелы состоял из платка и нарядного головного украшения-застежки «сюкерё», являвшейся наиболее оригинальной его частью. Ажурные

головные застежки известны с XII в., они выполнялись из бронзы и серебра, их функцией было поддерживать укладку волос или платка. Типовой реконструкцией костюма и убора из украшений является реконструкция по погребениям в Кекомьяки (Каукола): головное покрывало, возможно, было украшено рядом спиралек, застежка реконструирована под платком на волосах (*Кочкуркина*, 1981. С. 4, 102. Табл. 20; 1982. С. 54, 55; 2010. С. 128. рис. 44; *Lehtosalo-Hilander*, 1984. Р. 35–40, 58. Fig. 29). В системе головного убора отсутствовали серьги и височные кольца (рис. 2, 2–4) (рис. 2 по: *Лаул*, 1986. С. 190–207. Рис. 74а; б; 77а; б; *Lehtosalo-Hilander*, 1984. Fig. 29. Обложка; *Кочкуркина*, 1981. Табл. 22; Финно-угры, 1987. Табл. VIII, 14, 17; *Зариня*, 1986. С. 172–189. рис. 68а; 3 на цветной вклейке; Археология Севернорусской деревни, 2009. рис. 55).

О головном уборе эстов известно с XI в., причем, археологические данные находят хорошие параллели с этнографическими. Девичий венок – вайнагас или ваник – состоял из бронзовых спиралей (рис. 2, 10). Женский головной убор эстов – белый линик – сохранял полотенчатый характер. В его украшении использовались бронзовые пронизки и колечки. В XII–XIII вв. элементами украшения и одновременно скрепления линика были цепочки, присоединенные к булавкам с парноспиральными головками. Линик отражен на рисунке Олеария, в XVII–XX вв. существует в этнографическом костюме (рис. 2, 1, 5, 12). (*Лаул*, 1986. С. 197, 203. Рис. 74; 77а; б). Полотенчатый убор, по-видимому, сохранял элементы ленточной конструкции (рис. 2, 12, 14).

В XI в. у ливов употреблялся полотенчатый шерстяной головной убор, украшенный бронзовыми колечками или спиральками (рис. 2, 6–9). Женский или девичий венок в X–XI вв. не представлен, в XII в. известны венцы из нанизанных на нити бронзовых кружков, а также – в виде валика из бронзовых пластин и проволоки (рис. 2, 11). У мужчин в составе головного убора есть парчовая лента (*Зариня*, 1986. С. 183–186. Рис. 66; 67а; Финно-угры, 1987. Табл. VIII, 14, 17). Здесь также главным является полотенчатый головной убор и элементы ленточного.

На территории белозерской веси в IX–X вв. проживало поволжское финское и прибалтийско-финское население. Головной убор для этого времени неизвестен. Для XI–XII вв. определены данные о ленточной конструкции, совмещающей славянские и финские черты. Основные составляющие: венки (лента или ремешок, полоска бересты, обшитая тканью) и височные кольца славянского (браслетообразные) или поволжско-камского (лунничные, втульчатые) происхождения (рис. 2, 13). Височные кольца на венке расположены горизонтально, вертикально и кучно относительно венка. В финском варианте убора конца XII – первой половине XIII в. Восточного Прионежья сочетается очелье с бронзовыми спиральными пронизками и лунничные височные кольца (Финно-угры, 1987. С. 60, 61. Табл. XVIII, 5; XVI: 7; *Макаров*, 1990. С. 83–91. Рис. 4, 5; Археология Севернорусской деревни, 2008. С. 100; 2009. С. 96, 97. Рис. 55–59).

У финно-угорских поволжских и прикамских народов наблюдаются разнообразные варианты развития головного убора. У мери Волго-Клязьминского междуречья с конца VII – VIII в. известны височные кольца (втульчатые и с несомкнутыми концами), у мери Заволжья в VI–VII вв. – браслетообразные с

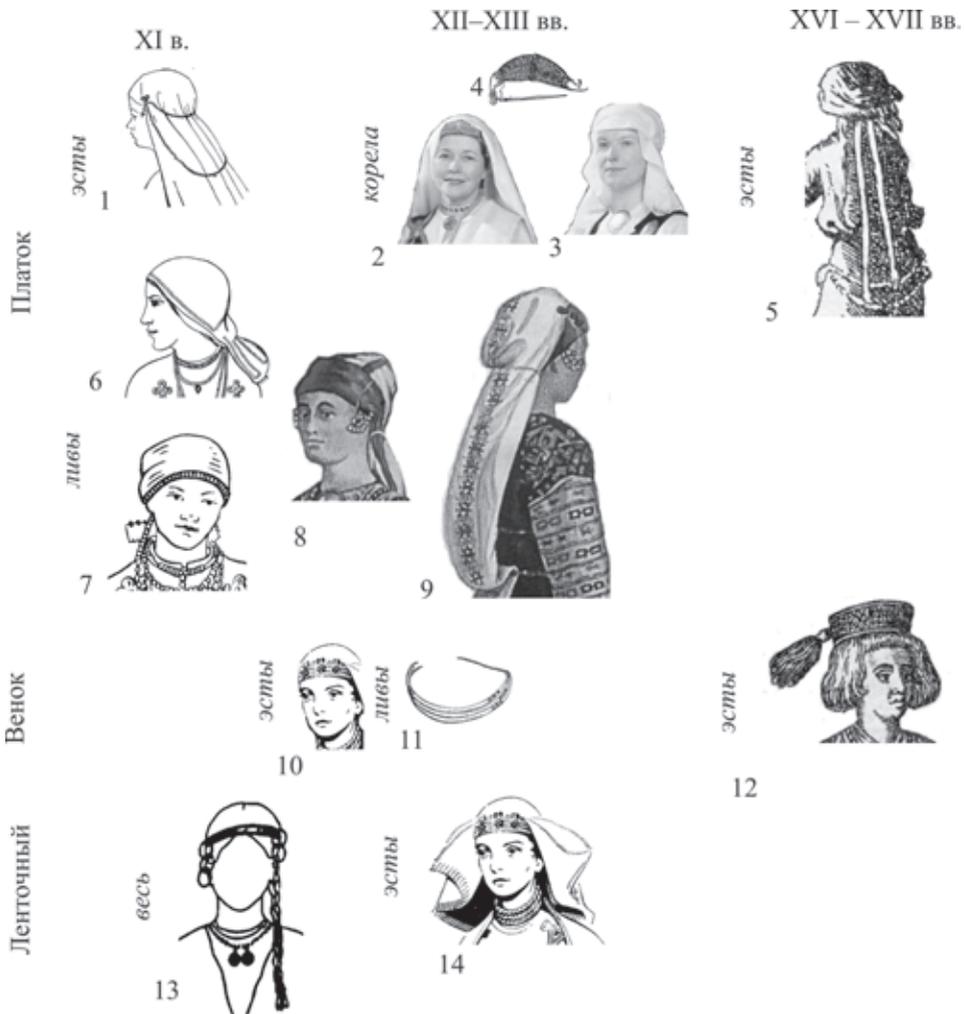

Рис. 2. Головной убор прибалтийско-финских народов.

Платок: 1 – линик эстов (Лаул, 1986. рис. 74а); 2, 3 – корела XII–XIII вв.: погребение 5 в Кекомяки, Каукола и погребение 26 в Тууккала, Миккели (*Lehtosalo-Hilander*, 1984. Fig. 29. Обложка); 4 – головная застежка «сюкере», могила 6 Кекомяки (*Кочкуркина*, 1981. Табл. 22); 5 – эстонский полотенчатый убор, рисунок к сочинению А. Олеария (Лаул, 1986. Рис. 77а); 6–9 – полотенчатый убор ливов XI в. по погребениям из Лауксколы 191 и 480 (Финно-угры... 1987. Табл. VIII: 14; *Зариня*, 1986. Рис. 68а. Рис. 3 на цветной вклейке);

венки: 10 – вайнагас эстов (Лаул, 1986. Рис. 74б); 11 – венок ливов (Финно-угры..., 1987. Табл. VIII, 17); 12 – венок лифляндской девушки, конец XVI в. (Лаул, 1986. Рис. 77б);

ленточный убор: 13 – весь, Минино II, погребение 17 (Археология севернорусской деревни..., 2009. Рис. 55); 14 – эсты (Лаул, 1986. Рис. 74б).

несомкнутыми концами, с запором в виде щитка и крючка (Финно-угры, 1987. Табл. XXVI–XXX; *Леонтьев*, 1999. С. 43–63. Рис. 9, 14–17; 10, 12).

Головной убор мешеры также представлен височными кольцами: браслетообразными, перстнеобразными. Луновидные украшения могли использоваться как серьги (*Рябинин*, 1999. С. 67–88. С. 77. Рис. 2, 4). Распространенность височных колец может свидетельствовать о головном уборе ленточной конструкции.

Невелики данные о головном уборе коми-пермяков, их предкам соответствует родановская культура XI–XV вв. Известна разновидность женского головного убора, включающая ленточный текстильный венчик с нашивными бляшками, на висках крепились связки пронизок с шумящими привесками. Мужской головной убор также включал кожаную ленту с медными круглыми бляшками, известен также меховой головной убор (мехом внутрь). Уборы украшались накладками и бляшками, нижний край – сложными подвесками на шнурах (Финно-угры, 1987. С. 161. Табл. LXV; LXVI; *Оборин*, 1999. С. 268, 274, рис. 2–4). Такой убор, по-видимому, имел ленточную конструкцию, о ее деталях и дополнениях нет сведений.

Сходны и сведения о головном уборе коми-зырян, предкам которых соответствует вымская культура XI–XIV вв. Основу его составляет широкий обруч из бересты, обтянутый сверху тканью, с задней тканевой лопастью. Украшением головного убора были кожаные шнуры с металлическими пронизками и бусинами. Край убора украшался нашивными металлическими украшениями (крестообразными бляшками) или бусинами. Известна мужская шапка из сукна. Из височных украшений первоначально использовались перстнеобразные, однобусинные со сходящимися концами, позже распространились трехбусинные. Известны лунничные формы подвесок или серег, трубчатые пронизки и бубенчики (Финно-угры, 1987. С. 128. Табл. LVIII; *Савельева, Истомина, Королев*, 1999. С. 328–333. Рис. 11–14).

Головной убор муромы дает наиболее развитую конструкцию ленточного головного убора, усиленную и дополненную обильно-металлическим убором из украшений (рис. 3, 8, 16, 17) (рис. 3 по: *Воронина, Зеленцова, Энгватова*, 2005. Рис. 55; 33, 2, 3; Финно-угры, 1987. Табл. LXI, 34; XXXVI, 4, 5; L, 12; *Иванова*, 1992. Рис. 50, 51; *Шутова*, 2008. Рис. 6, 1–3; *Никитина*, 1999. Рис. 9, 4, 8, 1; 8; *Гришаков, Зеленева*, 1999. Рис. 4, 4; *Вихляев, Петербургский*, 1999. Рис. 3, 1, 12; *Воронина*, 1973. Рис. 13, 3, 2; 14, 2; *Никитина*, 1992. Рис. 26; 27; 25; 28; *Воронина*, 2007. Рис. 6, 3, 4; *Мартьянов*, 1976. Рис. 2; 4, 19; *Лебедева, Атаманов*, 1987. Рис. 8; 15).

Его складывание происходит в несколько этапов. В VII – начало VIII в. в его состав входит шапка на волосы с задней лопастью (низ лицевой части чепца обшивался бронзовыми пронизками в чередовании с серебряными обоймицами с полулунными подвесками), венки из спиральных пронизок и пластинчатых обойм (дополнялся подвесками) поверх шапки; два (по одному у виска) браслетообразных височных кольца с обрубленными концами (диаметром 6–9 см). Лицевая часть шапки украшалась псевдофибулами. Известны головные ремни шириной до 3 см, дополнявшие или заменявшие венчик.

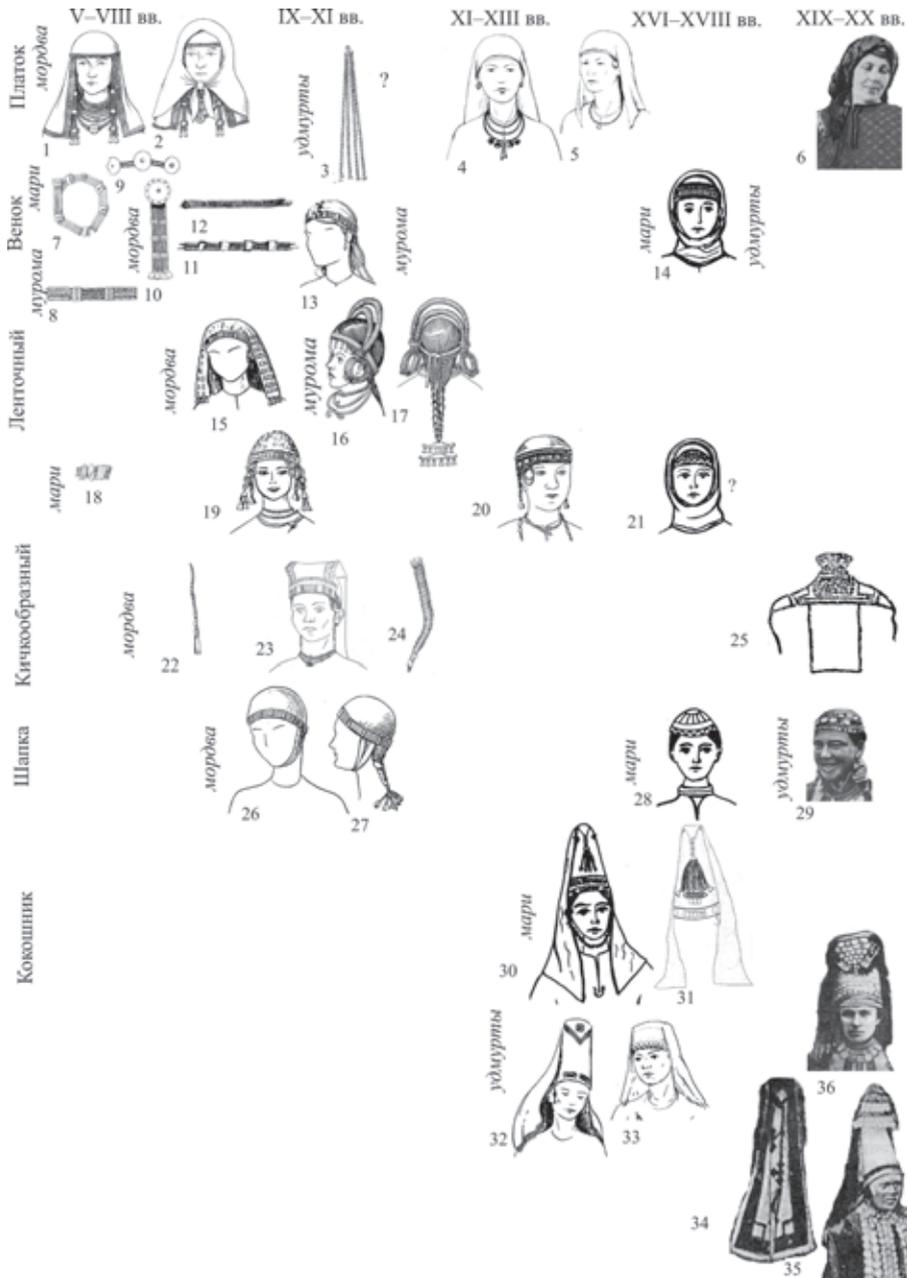

Рис. 3. Головной убор поволжских и прикамских финнов.

Платок: 1, 2 – мордва, V–VI вв., Никитинский могильник, погребение 7а (Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005. Рис. 55); удмурты; 3 – подвеска, чепецкая культура, IX–XII вв. (Финно-угры..., 1987. Табл. LXI, 34); 4, 5 – могильник Кузьмино, погребения 91 и 120, XI–XIII вв. (Иванова, 1992. рис. 50, 51); 6 – убор йыршет с платком (Шутова, 2008. Рис. 6);

В VIII – начале IX в. поверх шапки от виска к виску кладется жгут из шерстяных или полотняных нитей, обернутых кожаным ремешком и бронзовой проволокой. Венки выполняются из кожаной ленты с бронзовыми пластинками-обоймами, распространяются височные кольца с замком в виде крючка и щитка с отверстием.

В IX – первой половине X в. появились массивные, плотно оббитые головные жгуты, в центре надевалась шумящая цилиндрическая подвеска с лапчатыми привесками. Использовались более широкие налобные венки, плотно охваченные обоймами, некоторые венки приняли вид бронзовой цепки с бутылковидными или колоколовидными подвесками. Височные кольца диаметром 9–13 см насчитывают до 10 экз. с каждой стороны, щиток уменьшается и становится аморфным. Распространяются лунничные украшения. Девичий головной убор включает жгут вокруг головы, головной ремень, венков, височные кольца, височные пронизки в виде полуцилиндров с шумящими привесками. Головной убор замужней женщины дополнен двумя дугообразными жгутами.

В X – первой половине XI в. головной убор облегчается, исчезают головные жгуты и налобные венки, основным украшением становятся пластинчатые лунницы. В мужском головном уборе муромы также существуют венки (кожаные ремни с бронзовыми спиральными пронизками) в 2 или 3 оборота, встречен бронзовый пластинчатый обруч с орнаментом IX – первая половина X в.) (Финно-угры, 1987. С. 87–90. Табл. XXXIII–XXXVI; Гришаков, Зеленева, 1999. С. 100–109. Рис. 3–6).

Аналогична история головного убора мари. В V–VII вв. головные венки сделаны из кожаных ремешков и соединены на затылке пряжками, на них надеты ряды бронзовых пластинок и обоек, а поверх – жгуты из конского волоса или шерсти с нанизанными бронзовыми пронизками (рис. 3, 7, 18). Накосники выполнены сходно с венками и завершены пирамидальными и трубчатыми

венков: 7 – мари, V–VII вв., Младший Ахмыловский могильник (Никитина, 1999. рис. 9: 4); 8 – мурома, VI–VIII вв. (Гришаков, Зеленева, 1999. Рис. 4, 4); мордва – 9, 10 – венков и накосник, III–VII вв. (Вихляев, Петербургский, 1999. Рис. 3, 1, 12), 11, 12 – V–VI вв., Никитинский могильник (Воронина Зеленева, Энговатова, 2005. Рис. 33: 2, 3); 13 – VIII–XI вв. (Воронина, 1973. Рис. 13, 3); 14, мари, XVI–XVIII вв. (Никитина, 1992. Рис. 26);

ленточный: 15 – мордва, VIII–XI вв. (Воронина, 1973. Рис. 13, 2); 16, 17 – мурома, IX–X вв. Подболотьевский могильник (Финно-угры... 1987. Табл. XXXVI, 4, 5); мари – 18 – мари, головной жгут, V–VII вв., Младший Ахмыловский могильник (Никитина, 1999. Рис. 9, 1); 19 – IX–X вв. (Финно-угры... 1987. Табл. L, 12); 20 – X–XIII вв. (Никитина, 1999. Рис. 8); 21 – XVI–XVIII вв. (Никитина, 1992. Рис. 27);

кичкообразный: мордва – 22 – теменной шнур, VIII–XI вв. (Воронина, 2007. Рис. 6, 3); 23 – VIII–XI вв. (Мартьянов, 1976. Рис. 2); 24 – футляр для косы пулокерь (Воронина, 2007. Рис. 6, 4); 25 – XIX–XX вв. (Мартьянов, 1976. Рис. 4, 19);

шапка: 26, 27 – мордва, VIII–XI вв. (Воронина, 1973. Рис. 14, 2); 28 – мари, XVI–XVIII вв. (Никитина, 1992. Рис. 25); 29 – завятские удмурты, XX в. (Лебедева, Атаманов, 1987. Рис. 8);

кокошник: 30, 31 – мари, шурка, XVI–XVIII вв. (Никитина, 1992. Рис. 28); удмурты, айшон – 32, 33 – XVII–XVIII вв., 34, 35 – XIX в. (Шутова, 2008. Рис. 1–3); 36 – XX в. (Лебедева, Атаманов, 1987. Рис. 15).

подвесками. Убору соответствуют височные кольца с обрубленными концами, один конец имеет форму щитка с отверстием.

В IX–XI вв. венки приняты вид кожаной полосы с металлическими накладками на жесткой основе (береста), завязанной шнурами или застегнутой пряжками (рис. 3, 19). Используются разнообразный набор височных колец и украшений: с заходящими отогнутыми или перевитыми концами, один конец со втулкой или завитком, подвески с треугольным или арочным щитком и шумящими привесками. Преобладают кольца с заходящими концами, один отогнут и оформлен в виде плоской, многогранной или округлой головки. С IX в. в мужских погребениях наблюдаются серьги по обеим сторонам головы, в женских они встречаются реже и по 1 экз. Распространены калачевидные и круглопроволочные серьги подтреугольной формы, салтовского типа.

В X–XIII вв. поверх венчика носили цепи из многочисленных проволочных звеньев, обернутые вокруг головы в несколько рядов (до семи). От головной цепи в области висков или за ушами спускались шумящие подвески с шариками и амулетами (рис. 3, 20). Распространены перстнеобразные кольца с заходящими концами (славянизация), около XI в. – у женщин, с XII в. – у мужчин. В XII–XIII вв. серьги не употребляются. Головной убор дополняли крестовидные фибулы и колокольчики.

В XVI–XVII вв. наконечники сменились лопастями и поясным наспинным украшением, прикрывающим окончание косы (юпинэ), из кожаных ремешков с нанизанными бусинами и бронзовыми обоймами. К лопасти привешивались монеты, колоколовидные подвески, заменившие шумящие украшения предшествующего периода (Финно-угры, 1987. С. 110–112. Табл. XLIX–LI; Никитина, 1999. С. 179–183. Рис. 8–12). Высокий конусообразный головной убор (шурка) приближается к цельной жесткой конструкции типа кокошника (рис. 3, 30, 31). Девушки и молодые женщины носили небольшие шапки, на которых иногда выделена лента (рис. 3, 14, 21, 28).

В V–VII вв. в головном уборе мордвы присутствуют венки (из звеньев бронзовых пронизок, нанизанных на кожаные ремешки, разделенные круглыми бронзовыми бляшками), украшения в виде цилиндрической спирали, витого стержня с грузиком (со временем стержень удлинялся, грани на грузике исчезали), они подвешивались на шнурах в виде петли на ухо, или спирали ввинчивались в мочку уха (рис. 3, 9, 11, 12).

Головные уборы в рязано-окских могильниках V–VI вв. содержат по два и по три наконечника (два по сторонам головы и третий на затылке), крепившиеся к головному убору под платком с помощью колец, снаружи платка располагается венчик (рис. 3, 10). Иногда в таких уборах наблюдается шапка с отверстием для затылочного наконечника. Вокруг головы идет полоса, украшенная оловянным бисером (либо венки, либо край платка). Такие уборы украшаются шумящими височными привесками и лопастными брошами. Зафиксирован и наружный платок поверх всего головного убора (рис. 3, 1, 2). В состав головного убора входил теменной шнур, кожаный ремешок с бронзовыми обоймами (прикреплялся к волосам на темени, опускался на спину), возможно, связанный с кистевидным наконечником. Кистевидные наконечники из кожаных ремешков с бронзовыми

пронизками сверху соединялись с круглыми бляхами, крепившимися к венку, а внизу украшались бутылковидными привесками.

В VIII–IX вв. головной убор усложняется, он имеет тканевую основу (полотнище, шапка из льна или шерсти) (рис. 3, 15, 26, 27). Один конец полотнища накладывался на лоб и удерживался налобником (лента из ткани, расшитая оловянным бисером) и металлическим венком, второй конец образовывал заднюю лопасть, также украшенную оловянным бисером. Лицевая часть убора приподнималась благодаря подложенной снизу жесткой основе. С конца VIII в. по XI в. венок состоял из штампованных трубочек и прямоугольных обойм, дополнялся шумящими привесками, имел берестяную основу, застегивался на пряжку или завязывался ремешками сзади. С X–XI вв. появился футляр для косы или палочки, ее имитирующей («пулокерь» или трубчатый накосник), лубяная трубка, обмотанная проволокой или кожаным ремешком (сохранялась до XVIII в.). Этот головной убор можно характеризовать как кичкообразный, характерный и для этнографического костюма (рис. 3, 22–25).

В XII–XV вв. не используются металлические головные венки и височные подвески с грузиком, распространены серьги с отходящим стержнем. Венки без металла используются до XX в. (*Мартьянов*, 1976. С. 88–106.; *Вихляев, Петербургский*, 1999. С. 124, 125. Рис. 3, 7; *Финно-угры*, 1987. С. 102–104. Табл. XLIV–XLVII; *Воронина, Зеленцова, Энгватова*, 2005. С. 88–93. Рис. 53–55; *Воронина*, 2007. С. 8–13. Рис. 4–7).

Определенного представления об уборе удмуртов раннего Средневековья нет. В V–VII вв., судя по материалам поломской культуры, он украшался пучками ременных шнуров с надетыми фигурными металлическими пронизками, завершавшимися подвесками в виде колокольчиков, флакончиков, фигурок животных, металлических рожков. По материалам чепецкой культуры X в. предложены реконструкции полотненчатого убора, но в погребениях остатки ткани платка не отмечены, а в районе головы наблюдается береста (рис. 3, 3–5). В составе украшений преобладают серьги. Используются кольцевидные, бусинные серьги, иногда височные кольца, круглые подвески. В X в. известны серебряные лунничные серьги, их находят вместе с мехом. В XI в. в мужских погребениях есть восьмеркообразные серьги и рубчатые кольца. В XII–XIII вв. серьги увеличиваются в размерах вследствие оформления вставками и зернью. До XII в. бытует грозевидная форма. Распространяются бусинные кольца, с бусинами от одной до трех (*Финно-угры*, 1987. С. 132–135, 140–143. Табл. LX; *Иванова*, 1992. С. 85–87, 97, 98, 102. Рис. 48–54; *Иванова*, 1999. С. 257–254. С. 226–229; *Генинг*, 1979. С. 87–106).

Эволюцию головного убора удмуртов помогает прояснить археологический материал XVII–XVIII вв., а также этнографические материалы XIX – начала XX в. Уборы этого времени содержат венок, как девичий (полоса бересты или кожи, украшенная позументом, бусинами, монетами, бисером, металлическими привесками), так и женский (под головным убором). У девушек складывается мягкая шапка типа колпака с круглым дном или сборника с отверстием на макушке (такья) (рис. 3, 29). У женщин образуются жесткие уборы с основой из бересты или луба (айшон), сужающиеся (высокие) или расширяющиеся (средней высоты и низкие) (рис. 3, 32–35). Они украшаются нашивными бляшками, пластинками,

бисером и бусинами, дополняются платком-покрывалом, соответствуют двусторонней прическе в виде расширяющихся гиреобразных жгутов. Известна еще одна разновидность головного убора удмуртов-калмезов, сочетающая мягкую часть (шапка-сборник с завязками) и жесткий берестяной колпачок на макушке или его имитацию (рис. 3, б). Важно, что одним из вариантов головного убора остается полотенчатый, который также украшался металлическими украшениями (жетонами), бусами и бисером, вышивкой, шерстяными кистями (рис. 3, б). Причем формы полотенчатого убора разнообразны: треугольный платок (поверх шапки), чалма и круглая шапка с тканевыми концами, обшитыми кружевом (между налобной повязкой и айшоном с верхним покрывалом), верхнее покрывало (сюлык) из тяжелой парчевой ткани. В XX в. платки замещают прежние сложносоставные уборы (*Шутова*, 2008. С. 193–209). В тех случаях, когда айшоны сочетаются с другими многочисленными частями, конструкцию можно считать кичкообразной. Но она, безусловно, движется к кокошнику.

Таким образом, в славянской традиции, основанной на тяжелом обильно-металлическом уборе, длительный этап существует ленточная конструкция с парными комплектами височных колец. Платок и шапка играют дополняющую роль. Шапка, как правило, покрывалась платком или кикой, шапка-волосник в XVI в. составляла повседневный головной убор. На базе ленточного складываются кичкообразный составной головной убор и кокошник.

У прибалтийских финнов главную роль играет крупный драпируемый платок, укладка которого поддерживается металлическими застежками и цепочками сзади или спереди. Мало распространен венок, не распространены серьги и височные кольца.

У поволжских и прикамских финнов у ряда народов распространена ленточная конструкция, в эпоху Средневековья приобретающая самый тяжелый обильно-металлический вариант с использованием нескольких головных жгутов и оборотов цепей (мурома, мари). На этой основе образуется составная кичкообразная конструкция.

У других народов большую роль играет платок (удмурты, мари на позднем этапе), на базе платка возникает колпакообразная форма шапки и конусовидная форма кокошника. Распространена форма девичей мягкой шапки.

Литература

- Агапов А.С., Сарачева Т.Г.*, 1997. О способах ношения височных колец // РА. № 1. С. 99–108.
- Археология Севернорусской деревни. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. Т. 2. Материальная культура и хронология / Отв. ред. Н.А. Макаров; ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
- Археология Севернорусской деревни. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. И.Е. Зайцева. М.: Наука, 2009. 233 с.
- Вихляев В.И., Петербургский И.М.*, 1999. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 119–160.
- Воронина Р.Ф.*, 1973. Женский головной убор средне-циннской мордвы VIII–XI вв // КСИА. М. Вып. 136. С. 47–96.

- Воронина Р.Ф., 2007. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX–XI века. М.: Наука. 164 с.
- Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., 2005. Никитинский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. (Труды Отдела охранных раскопок ИА РАН. Т. 3) / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. 176 с.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. (Раннеславянский мир. Вып. 3) / Ред.: Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН; Курский областной археологический музей. 296 с.
- Генинг В.Ф., 1979. Могильник чепецкой культуры у д. Вельякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тыс. н. э. / Науч. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при Совете министров Удмуртской АССР. С. 87–106.
- Грицак Е.Н., 2006. Мир Рублева. М.: Terra–Книжный клуб. 192 с.
- Гришаков В.В., Зеленева Ю.А., 1999. Муром // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 89–118.
- Ёлкина И.И., 2003. Текстиль из древнерусских погребальных памятников округа Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы X регион. конф. Калуга: Гриф. С. 34–41.
- Жилина Н.В., 1996. Зернь и скань Древней Руси и русская народная вышивка // Живая старина. № 3. С. 24–28.
- Жилина Н.В., 2001. О различии убора, воссоздаваемого по древнерусскимкладам и погребениям // Звенигородская земля. История, археология, краеведение: Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея / Отв. ред. А.К. Станюкович. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей. С. 29–38.
- Жилина Н.В., 2002а. Русский ювелирный убор // Родина. № 11, 12. С. 160–165.
- Жилина Н.В., 2002б. Эволюция височной подвески славяно-русского металлического убора // КСИА. Вып. 213. С. 49–60.
- Жилина Н.В., 2010. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum plus. № 6. С. 255–267.
- Жилина Н.В., 2013. Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. № 4. С. 154–174.
- Зариня А.Э., 1986. Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука. С. 172–189.
- Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография, М.: Наука. 511 с.
- Иванова М.Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 184 с.
- Иванова М.Г., 1999. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 207–254.
- Калашишникова Н.М., 2002. Народный костюм (семиотические функции). М.: Сварог и К. 374 с.
- Кочкуркина С.И., 1981. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 160 с.
- Кочкуркина С.И., 1982. Древняя корела. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 214 с.
- Кочкуркина С.И., 2010. Древнекарельские городища эпохи средневековья. СПб.; Петрозаводск: Взлет. 264 с.
- Лаул С.К., 1986. Одежда эстонцев XI–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука. С. 190–207.
- Лебедева С.Х., Атаманов М.Г., 1987. Костюмные комплексы удмуртов в связи с их этногенезом // Проблемы этногенеза удмуртов: Сб. ст. / Отв. ред. М.Г. Атаманов. Устинов: НИИ при Совете министров удмуртской АССР. С. 112–162.

- Левашова В.П.*, 1968. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Русь / Отв. ред.: Е.И. Крупнов. М.: Наука. С. 91–97.
- Леонтьев А.Е.*, 1999. Меря // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 18–66.
- Макаров Н.А.*, 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников Восточного Прионежья. М.: Наука. 216 с.
- Мартьянов В.Н.*, 1976. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI веков // Материалы по археологии Мордовии. (Труды Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Вып. 52) / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 88–106.
- Мельник Е.Н.*, 1901. Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897–1898 гг. // Труды XI Археологического съезда в Киеве. Т. I. М. С. 479–513.
- Моисеенко Е., Фалеева В.*, 1990. Бисер и стеклярус в России. XVIII – начало XX века. Л.: Художник РСФСР. 256 с.
- Никитина Т.Б.*, 1992. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: Марийский НИИ языка, литературы и истории. 159 с.
- Никитина Т.Б.*, 1999. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред.: М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 161–206.
- Оборин В.А.*, 1999. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 255–298.
- Панова Т.Д., Синицына Н.П.*, 1987. Волосники из погребений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1986 г. Л.: Наука. С. 338–342.
- Рабинович М.Г.*, 1986. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука. С. 63–111.
- Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание Миниатюр: Факсимильное воспроизведение рукописи. Кн. 1, 2. СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994. 936 с.
- Родинкова В.Е.*, 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) / Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред.: И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. Москва: ИА РАН. С. 358–388.
- Русская икона XI–XIX веков в собрании Новгородского музея: Путеводитель по экспозиции. М.: Северный паломник, 2004. 164 с.
- Русская Летописная история. Кн. 3. ЛЛС XVI века. М.: Актеон, 2009. 532 с.
- Рябинин Е.А.*, 1999. Мещера // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 67–88.
- Сабурова М. А.*, 1974. Женский головной убор славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2. С. 85–97.
- Сабурова М.А.*, 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. С. 18–22.
- Сабурова М.А.*, 1976. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // Советская этнография. № 3. С. 127–132.
- Сабурова М.А.*, 1997. Древнерусский костюм. Одежда // Археология. Древняя Русь. Быт и культура / Ред.: Б.А. Рыбаков, Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука. С. 93–102.
- Сабурова М.А.*, 2008. Вариант реконструкции женского головного убора по материалам погребений Гочевского могильника // КСИА. Вып. 222. С. 209–213.
- Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С.*, 1999. Пермь Вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 299–349.

- Седов В.В.*, 1994. Очерки по археологии славян. М.: ИА РАН. 128 с.
Собрание рисунков к путешествию Мейерберга. СПб., 1827.
- Соснина Н., Шангина И.*, 1998. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство. 400 с.
- Степанова Ю.В.*, 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. ун-т. 364 с.
- Успенская А.В.*, 1993. Березовецкий курганный могильник X–XII вв. // Средневековые древности Восточной Европы. (Труды ГИМ. Вып. 82) / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: ГИМ. С. 79–135.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья. (Археология СССР) / Ред.: Б.А. Рыбаков, В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.
- Шпилев А.Г.*, 2009. Об одном типе погребальных головных уборов у южных северян в конце X–XI вв. // *Stratum plus*. № 5/2005–2009. С. 338–351.
- Шутова Н.И.*, 2008. Женские головные уборы удмуртов XVII – начала XX вв.: (археолого-этнографические параллели) // КСИА. Вып. 222. С. 193–209.
- Kivikoski E.*, 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und text. Neuauflage. (Finnische Altertumsgesellschaft. Abb. 587). Helsinki, 1973. 83 S.
- Lechtosalo-Hilander P.L.*, 1984. Ancient Finnish costumes. Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala. 77 p.

Summary

N.V. Zhilina

SLAVONIC-RUSSIAN AND FINNISH HEADGEARS: THE ROOTS AND TRADITIONS (ON ARCHAEOLOGICAL, FIGURATIVE AND ETHNOGRAPHIC MATERIAL)

A parallel review of the headgears for further analysis of interactions in a suit was carried out. Ribbon design with twin sets of temporal rings exists long among the Slavs, shawl and cap play a complementary role. Composite headgear (kichka) and kokoshnik formed then.

Drape scarf supported with metal details plays the main role in the headgear of Baltic Finns. earrings and temporal rings are no common.

Heavy belt structure with multiple harnesses and chains is characteristic for some Volga and Kama Finns (Muroma, Mari), integral kichka design forms. A shawl plays an important role for other peoples (Udmurts and Mari at a late stage), kolpak cap and conical kokoshnik formed.

А.Г. Лапшин, А.В. Бисерова

ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА (ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ)¹

Сероглиняная керамика является традиционно многочисленной группой материалов археологического изучения древнерусских городов. Особую подгруппу этих материалов составляют рельефные изображения на донцах керамических сосудов. Эти изображения принято называть гончарными клеймами. Данные находки зафиксированы во всех древнерусских городах, в том числе и во Владимире.

Возникновение научного интереса к материалам данной группы относится к середине XIX в. (*Тышкевич*, 1867. С. 115–124. Табл. VI–XI; *Котляревский*, 1867. С. 242–248). К настоящему времени накоплен значительный опыт изучения гончарных клейм средневековой Руси. Основное внимание исследователей концентрируется на проблеме морфологии знака, которая предполагает работу в двух направлениях:

- а) систематизация знаков клейм по формам (графическим последовательностям),
- б) выявление денотата знака клейма.

Критерием классификации форм клейм чаще всего выступает изображение фигуры, лежащей в основе рисунка. Такой подход был успешно апробирован в работах 60–80-х годов XX в. Развитием данной методики является типология клейм, учитывающая «единство и различия конфигурации основы клейма» (*Гупало*, 1985. С. 236–242. рис. 1–7). В публикациях последнего десятилетия получила распространение предложенная В.Ю. Ковалем (*Коваль*, 2002. С. 125–135; *Кадиева*, 2007а. С. 130–138) классификационная схема на основе определения «характера рисунка оттиска» (*Кадиева*, 2007б. С. 172–196; *Князева*, 2007. С. 122–127). Такое деление клейм предполагает анализ графических последовательностей и учет денотата знака. Вместе с тем в научной литературе высказывалось мнение о том, что в данной классификации «символика и семантика клейм не учитывается вообще» (*Панченко*, 2007. С. 199)

Мнения по вопросу о назначении клейм можно свести к трем гипотезам (*Розенфельдт*, 1997. С. 26): первая определяет клейма как знаки-обереги инстру-

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Гончарные клейма древнего Владимира: трехлепестковая розетка» РГНФ № 16-11-33001а(р).

ментов, пищи, благополучия владельца сосуда; вторая – интерпретирует клейма как знаки собственности; третья предлагает считать клейма знаками мастеров, изготовивших сосуды. Каждая из гипотез обеспечена аргументами и имеет своих сторонников. В публикациях последних десяти лет исследователи чаще всего обращаются к версии понимания клейма как знака-оберега (Грибов, 2001. С. 51; Гупало, 2001. С. 27; Князева, 2007. С. 122–123).

Накопление материалов по теме отразилось в появлении обобщающих работ, в значительной степени продвинувших методику исследования гончарных клейм средневековой Руси (Гоняный, Заидов, 2002; Коваль, 2002; Кадиева, 2007б). При этом работа по аналитике групп клейм, имевших хождение в малых длительностях и на небольших территориях, остается востребованной.

Особое место в историографии рассматриваемого вопроса занимает небольшая по объему статья А.А. Бобринского «О некоторых результатах трассологического изучения древнерусских гончарных клейм» (Бобринский, 1972. С. 182–190). Вышедшая более 40 лет назад работа не утратила своей актуальности и сегодня. Обращаясь к приемам трассологии, А.А. Бобринский сделал попытку охарактеризовать матрицу клейма на основе анализа деталей рельефного изображения на донце керамического сосуда. Говоря другими словами, он перенес фокус исследования с *морфологии* знака на *технологию выполнения* рельефного изображения. Таким образом было обозначено новое направление изучения гончарных клейм Древней Руси.

Идея учета технологических характеристик при систематизации гончарных клейм принята в современной историографии. Примером в данном случае является статья Н.Н. Грибова «Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1» (Грибов, 2001. С. 38–55), представляющая, в частности, результаты изучения соотношения клейм и локальных гончарных традиций (рецептура формовочной массы). По итогам проведенного анализа Н.Н. Грибов смог идентифицировать продукцию минимум четырех гончарных мастерских (или мастеров), изделия которых различались рецептами формовочной массы и наборами клейм, а также предположить, что основная гончарная мастерская поселения входила в вотчинное хозяйство раскопанного селища.

В целом «технологический» подход при изучении гончарных клейм средневековой Руси представляется перспективным. Однако публикации по данному вопросу редки и единичны. Это явно контрастирует с массовым характером данной группы материалов. Вне внимания исследователей до настоящего времени остается вопрос о матрицах рельефных изображений на днищах древнерусских керамических сосудов. Вышеназванная работа А.А. Бобринского является единственной в своем роде.

В настоящее время не известно ни одной матрицы-инталии, соотносимой с древнерусским гончарным производством. Между тем наблюдения над особенностями оттиска матрицы позволят сформулировать некоторые характеристики оттискивающей поверхности. Положительный опыт А.А. Бобринского дает основания обратиться также к приемам трассологии при систематизации клейменных днищ.

Характеристика клейма (рельефного оттиска рисунка-инталии матрицы) включает следующие позиции: симметричность рисунка клейма; детальность

его проработки; профиль валика, формирующего рисунок клейма; расположение клейма по отношению к центру дна сосуда. С последней характеристикой связан еще один показатель: наличие на днище сосуда дополнительной окружности. Совокупность данных характеристик позволит определить тип матрицы.

Для апробирования данной схемы характеристики гончарных клейм были привлечены материалы древнего Владимира на Клязьме (Лапшин, Бисерова, 2011. С. 125–126; Лапшин, Бисерова, 2012. С. 152–158; Лапшин, Бисерова, 2013. С. 65–69; Лапшин, Бисерова, 2014а. С. 283–285; Лапшин, Бисерова, 2014б. С. 69–78; Лапшин, Бисерова, 2015а. С. 211–221; Лапшин, Бисерова, 2015б. С. 29–33). Фокусная группа включала 124 фрагмента сосудов с клеймами на днищах. Все фрагменты получены в ходе археологических работ на одном участке, в южной части «Ветчаного города», по адресу ул. Большая Нижегородская, 14–22. Типологически все фрагменты относятся к древнерусской керамике, часто определяемой как «сероглиняная». Формовочная масса сосудов этого группы составлялась на основе красножгущей глины с примесью мелкой дресвы, песка и шамота; обжиг был окислительный, часто неполный (Лапшин, Бисерова, 2015а. С. 211–221). По археологическому контексту обнаружения и технологическим особенностям черепка фрагменты фокусной группы датируются XII–XIII вв. Мы сознательно ограничили фокусную группу только фрагментами сероглиняных сосудов и оставили за рамками нашего опыта другие технологические группы керамики. Массовый характер сероглиняной керамики во Владимире домонгольского времени позволяет говорить о ее местном происхождении. Красноглиняная керамика, найденная во Владимире при разборе слоев домонгольского времени, определяется как импортная (Коваль, 2010. С. 146–149). Таким образом, в фокусную группу вошли фрагменты сосудов местного производства, бытовавших в XII–XIII вв.

Изучаемые клейма включают знаки, в основе которых лежит геометрическая фигура, двузубцы и трезубцы, «розетки», знаки сложной конфигурации, не входящие в первые три группы (табл. 1).

Выявление характеристик матрицы на основе анализа поверхности клейма предполагает обращение к трем базовым понятиям трасологии: *след* (остаточное явление, которое представляет собой материально фиксированное отображение на одном объекте внешнего строения другого объекта), *идентификация* (установление индивидуально определённого объекта, оставившего след) и *диагностика* (вывод о способе образования следа).

Для обнаружения, изучения и фиксации следов на донцах сероглиняных сосудов был проведен визуально-диагностический осмотр исследуемых образцов при помощи микроскопа МБС-1. Фотофиксация осуществлялась с применением цифрового зеркального фотоаппарата «OLYMPUS E-500 KIT Zuiko Digital 18–180 mm f/3.5–6.3» со сменной оптикой для макросъемки «Olympus Zuiko Digital ED 50mm 1:2.0 Macro».

Перейдем к представлению результатов нашей работы. Клеймение сероглиняной посуды происходило в самом начале технологического процесса изготовления сосуда на ручном круге. Первым этапом работы было изготовление днища. По классификации А.А. Бобринского, «начин» реализовывался в рамках «донной программы»: конструирование стенок сосуда происходило после формирования дни-

ща (Бобринский, 1978. С. 144). Лепка днища выполнялась на поверхности круглой подставки, диаметр которой был меньше диаметра круга-маховика. Условно этот круг называют «малый круг», «малый круг-подставка», «укрепленная съемная подставка» (Розенфельдт, 1997. С. 26). На наличие малого круга указывают особенности валиков днищ. Валики днищ сосудов исследуемой группы были сформированы по внешнему периметру малого круга. Именно поэтому внутренний диаметр валика часто был неаккуратен (рис. 1), в некоторых случаях его подправляли или совсем убрали (рис. 2). Таким образом, диаметр днища определялся диаметром малого круга. Можно полагать, что малый круг служил своеобразным лекалом донца, а с учетом пропорций форм, и всего сосуда. Это, возможно, связано с предполагаемым сменным характером малого круга: сосуды разного объема и форм могли формироваться на разных кругах-подставках.

Перед началом работ поверхность круга-подставки покрывалась подсыпкой. Это делалось для того, чтобы предотвратить адгезию формовочной массы к по-

Рис. 1. Фрагменты сероглиняных сосудов с неаккуратно оформленным валиком днища.

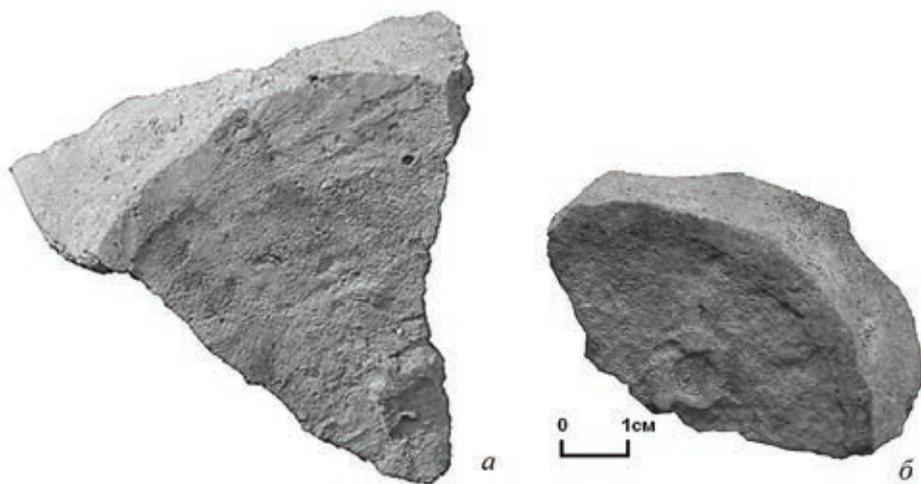

Рис. 2. Фрагменты сероглиняных сосудов со следами правки днища после его формовки.

верхности круга. Необходимость этой процедуры определялась еще и тем, что в процессе трансформации кома формовочной массы в днище сосуда давление сверху вниз по вертикали было сильным, что и увеличивало опасность адгезии. Слой подсыпки делали тонким, т.к. толщина подсыпки обратно пропорциональна устойчивости заготовки на круге. Принято считать, что для подсыпки использовали золу, песок и дресву (Розенфельдт, 1997. С. 22–28). В данном типологическом ряду зола обладает наиболее высокими показателями дисперсности. Это отражается на характере оттискиваемой поверхности: при подсыпке песком или дресвой на днище при визуальном осмотре просматриваются характерные вкрапления и вдавливания от гранул подсыпки. При проведении бинокулярной микроскопии все фрагменты фокусной группы определены как изготовленные на круге с зольной подсыпкой.

В ходе визуально-диагностического осмотра на днищах с клеймами были обнаружены дугообразные параллельные линии и концентрические окружности (рис. 3). Радиусы дуг в сегментах и окружностей прямо пропорциональны близости к центру донца – чем ближе к центру, тем меньше радиус. Данная группа следов идентифицирована как оттиски годовичных колец поперечного спила дерева. При использовании пилы происходит выкрашивание мягкой части годовичного кольца. Образовавшаяся лагуна при изготовлении днища заполняется глиной, создавая характерный рисунок (рис. 3а). Все это позволяет предположить, что круги-подставки изготавливались из поперечных спилов *хлыста* (ствол поваленного дерева, отделённый от корневой части и очищенный от сучьев) или толстых *жердей*.

Вместе с тем среди обследованных фрагментов имеется один образец днища, оттиск на котором соответствует матрице, вырезанной на плоскости с продольным сечением древесины, где годовичные слои древесины вытянуты в одном направле-

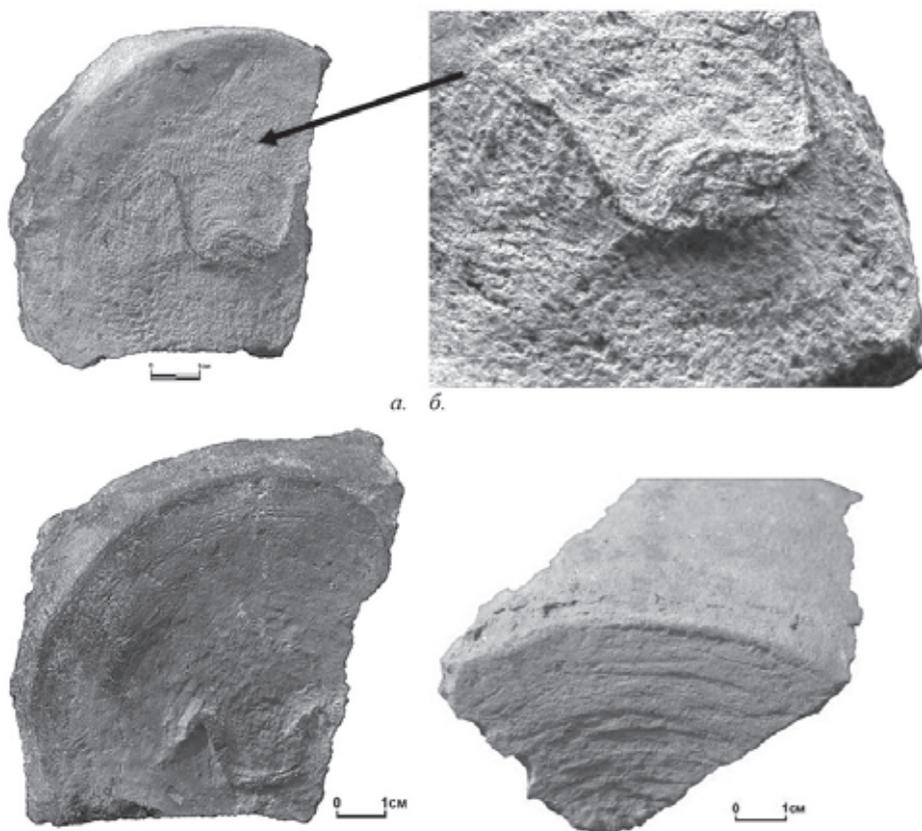

Рис. 3. Фрагменты сероглиняных сосудов с оттисками годовичных колец на днище.

нии (рис. 4). Характерными трасологическими признаками этого являются прямые параллельные линии на поверхности днища. Имеются также оттиски следов местного разрушения поверхности деревянной плоскости вдоль линии матрицы, следы скалывания поверхности древесины и следы искажения дуговидных и прямых линий знака, следы надрезов на линиях знака и следы наложения линий в местах их пересечения (Бобринский, 1972. С. 188). Таким образом, можно полагать, что часть матриц изготавливалась из *досок*.

Инталия клейма располагалась на поверхности круга-подставки. В процессе изготовления днища сосуда формовочная масса заполняла желобки, формирующие рисунок матрицы. На исследуемых образцах высота рельефного рисунка клейма не превышает 2 мм. Это позволяет предположить, что глубина выемки для образования рисунка на матрице не превышала 3 мм. В процессе производства матрица забивалась формовочной массой и не восстанавливалась, или восстанавливалась редко. Т.е. по мере использования подставки с матрицей качество оттиска снижалось. В конечном итоге оттиск исчезал, а на круге производили продукцию без

Рис. 4. Днище сосуда с отпечатком матрицы, выполненной по продольному спилу дерева.

клейма. По мнению Н.Н. Грибова, это отчасти объясняет малый процент клейменных днищ в общей массе находок древнерусской керамики (Грибов, 2001. С. 51).

Рисунок клейма мог быть простым и сложным, что учитывается в классификациях древнерусских гончарных клейм. Эту группу признаков дополняет еще один – *симметричность клейма*, которая понимается как свойство рисунка, одна половина которого является зеркальным отражением другой. По этому показателю клейма разделяются на симметричные и несимметричные (рис. 5, табл. 1). В отдельную группу выделяются фрагменты днищ сосудов, сохранность которых не позволяет определить рисунок клейма полностью. Из поддающихся идентификации клейм исследуемой группы симметричные составляют большинство – 29% против 19% несимметричных. В каждой из отдельных классификационных групп клейм преобладают симметричные. Вне идентификации по данному критерию оказалось 52% фрагментов с клеймами (65 единиц) – это фрагменты клейм или днища с некачественным оттиском клейма. Таким образом, статистическое большинство материалов осталось вне обработки. Это, однако, не умаляет значения выводов по данному вопросу. Из «некондиционных» 65 единиц – 7 фрагментов клейм первой группы («геометрическая фигура») и 7 фрагментов 3-хлепестковых розеток – т.е. изображений, гипотетически симметричных изначально. Эта поправка составляет 11% от общего числа имеющихся в нашем распоряжении материалов и увеличивает количество симметричных изображений до 40%.

Следующей характеристикой является *детальность проработки клейма*. Систематизация изучаемых образцов по данному признаку предполагает выделе-

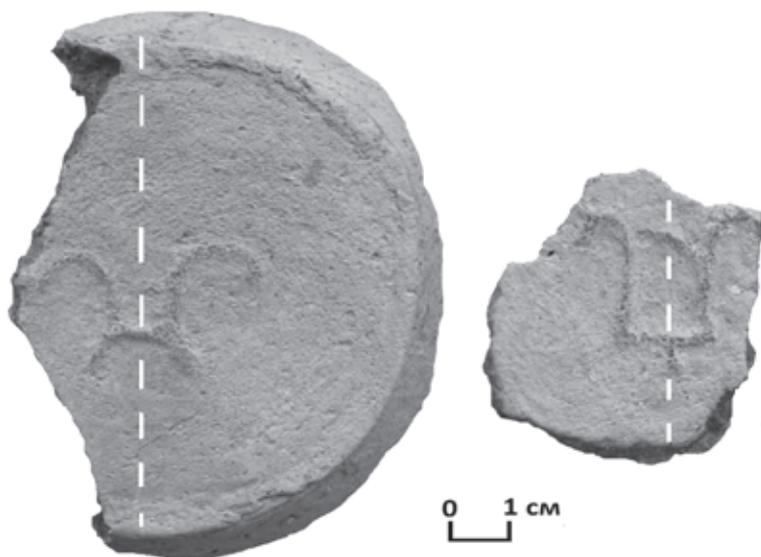

Рис. 5. Симметричность клейма: *а* – симметричный знак клейма; *б* – несимметричный знак клейма.

ние группы клейм с детально проработанной инталией (четкий оттиск, детали которого хорошо просматриваются) (рис. 6*а-б*) и группы клейм с недетально проработанной инталией (оттиск нечеткий, детали оттиска не просматриваются) (рис. 6, *в*). При этом следует учитывать фактор снижения качества оттиска клейма в процессе эксплуатации круга. Поэтому в отдельную группу выделяются фрагменты клейм с некачественным оттиском. В группе исследуемых образцов общий процент детально проработанных клейм больше: 37% против 20% (табл.1). Почти во всех классификационных группах преобладают клейма с детальной проработкой. Исключение составляет подгруппа «трезубцы», где недетально проработанные клейма составляют 60% от общего количества клейм этой группы. Вне идентификации по данному критерию оказалось 43% фрагментов с некачественным оттиском клейма.

Расположение клейма по отношению к центру днища сосуда варьировалось: клеймо могло располагаться по центру или быть смещенным от него (рис. 7, табл. 1). Данный показатель определялся с учетом внешнего очерка днища – диаметра у целых форм, дуги у фрагментов сосудов. Фрагменты клейменных днищ, сохранность которых не позволяет определить радиус окружности донца, были отнесены в отдельную – третью – группу. Большинство клейм (60%) исследуемой группы расположены в центре днища сосуда. Эта доминанта просматривается почти во всех типологических группах клейм. Исключение составляет подгруппа «трезубцы», где клейма в большинстве случаев (60% от числа единиц группы) смещены от центра днища сосуда. Вне идентификации по данному критерию оказалось 17% фрагментов с клеймами.

Рис. 6. Детальность проработки клейма.

а–б – детально проработанные клейма; *в* – недетально проработанные клейма.

На 19 исследуемых образцах (15% от общего числа) имеется *дополнительная окружность*, в которую вписано клеймо (рис. 8, табл. 1). Эта окружность располагается по центру дна и обозначает границу между более тонкой (в центре) и более толстой (по периферии) частями дна. Разница в толщине небольшая – 1–2 мм. Наибольшее количество дна с дополнительной окружностью – 32% – имеется среди дна с рельефным изображением розетки. Наличие дополнительной окружности представляется неслучайным. Это след оттискивающей поверхности. Следовательно, мы вправе предположить сложную в профиле форму матрицы.

Профиль валика, формирующего рисунок клейма (т.е. профиль выемки рисунка-инталии матрицы) был различным: треугольник, полукруг, трапеция, прямоугольник (рис. 9, табл. 1). По частоте встречаемости абсолютной доминантой является полукруг (66% от общего числа клейм). Вероятно, в большинстве случаев инталия на матрице наносилась специальным инструментом типа «резец по дереву полукруглый», диаметр которого был 3–4 мм. Инструменты такого типа известны по раскопкам в Новгороде (Колчин, 1985. С. 258. Табл. 100, 2–3). Наименьшие показатели относятся к треугольному профилю выемки матрицы – 2% от общего количества. Как правило, инталия треугольного профиля неаккуратно проработана

Гончарные клейма древнего Владимира (опыт систематизации)

и мало детализирована, изображение, которое она формирует, несимметрично и смещено от центра днища. Можно полагать, что инталии треугольного профиля выемки на эти матрицы наносились инструментом, наименее подходящим для данных целей, но наиболее доступным – ножом. Трапециевидный профиль зафиксирован на 20% образцов, прямоугольный – только на 6% образцов. Резцов по дереву с трапециевидным или прямоугольным контуром режущей части в материалах археологического изучения древнерусских городов нам не известно. В современных наборах для художественной резьбы по дереву их также нет. Выше мы писали о том, что в процессе использования матрица забивалась формовочной массой и не прочищалась. Можно предположить, что рельефные изображения с валиками трапециевидного или прямоугольного профилей сформированы на матрицах с прямо-

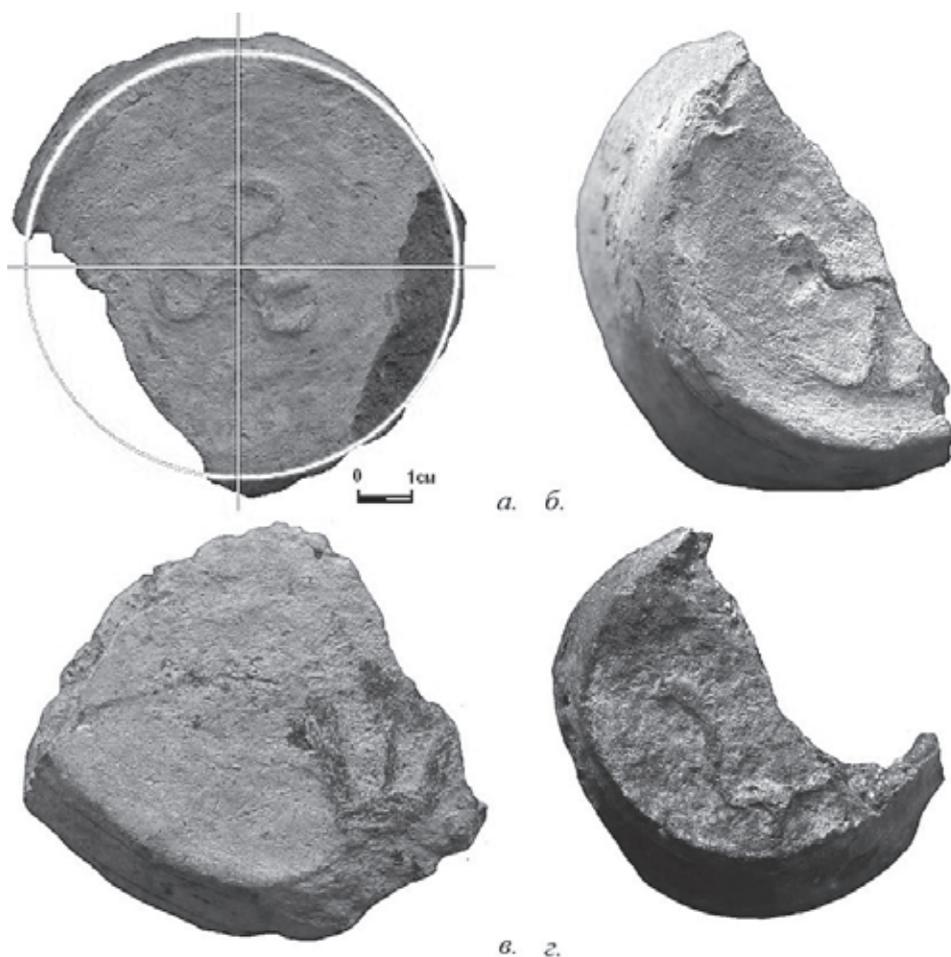

Рис. 7. Расположение клейма по отношению к центру днища сосуда.

а – клеймо расположено по центру днища сосуда; *б–г* – клеймо смещено по отношению к центру днища сосуда.

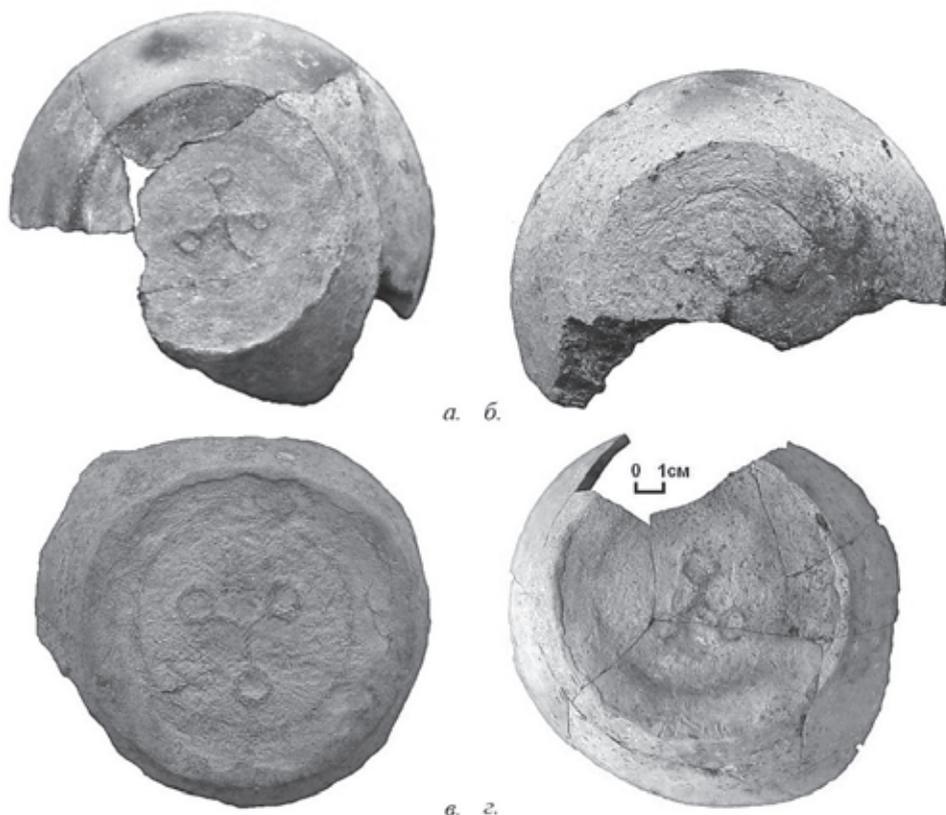

Рис. 8. Наличие дополнительной окружности на днище сероглиняного сосуда.

угольным и треугольным профилем инталии, использовавшихся более одного раза и частично забитых глиной. Понятно, что сначала забивалось самое дно выемки. Таким образом полукруг или треугольник мог трансформироваться в трапецию или прямоугольник.

В некоторых клеймах, изображения которых сочетают кривые и прямые линии, встречены два профиля валика рисунка – полукруг в кривых линиях и треугольник в прямых. Такие профили встречаются на клеймах «крест в круге». Предположительно при изготовлении такой матрицы использовалось два режущих инструмента – резец полукруглый и нож. На основании этого мы выделили еще одну группу профилей валика, условно назвав ее *комбинированный профиль*.

Трасологическое исследование днищ с клеймами позволяет сделать вывод о том, что при клеймении сосудов использовались матрицы двух типов, различающиеся по профилю вертикального сечения. (рис. 10, табл. 1). Матрицы первого типа имеют горизонтальную поверхность. Эта группа подразделяется на три подтипа. Матрицы первого и второго подтипов имеют одинаковую толщину по всей плоскости, но различаются формой краев (прямоугольные края и закругленные края).

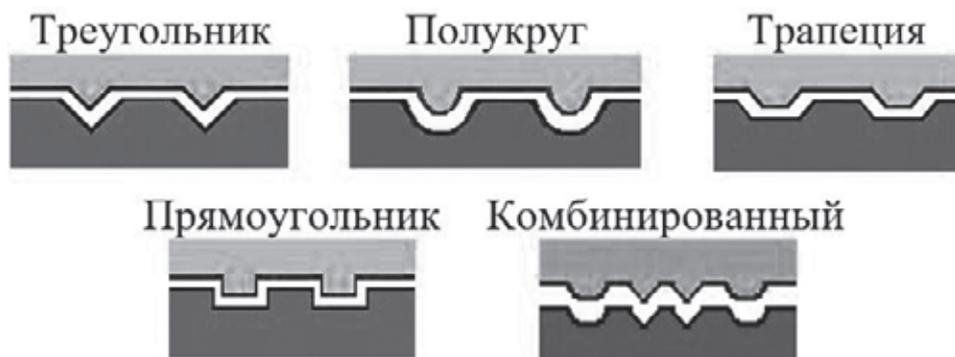

Рис. 9. Профиль валика, формирующего рисунок клейма.

Матрицы третьего подтипа имеют сложный профиль с горизонтальной поверхностью в двух уровнях – утолщением в центральной части и истончением по периферии круга, формирующим своеобразные плечики. Матрицы второго типа имеют

Тип	Подтип	Характеристика
1	1 а	Матрица в сечении плоская, в сечении прямоугольная
	1 б	Матрица в сечении плоская, со скругленными верхними углами
	1 в	Матрица сложной формы, двухуровневая, в сечении плоская
2	2 а	Матрица в сечении сегментовидная
	2 б	Матрица сложной формы, двухуровневая, сегментовидная

Рис. 10. Типология матриц рельефных изображений на днищах сероглиняных сосудов.

сферическую поверхность. Они подразделяются на два подтипа: матрицы с простым профилем и матрицы со сложным профилем. Последние имеют утолщение в центральной части и истончение по периферии круга, формирующее своеобразные

Таблица 1. Характеристики клейм на днищах сероглиняных сосудов

Характеристики клейма		Тип клейма					
		Геометрическая фигура	Тамга		Розетка	Разное	Всего
			Двузубец	Трезубец			
Симметричность клейма	симметрично	3	16	5	10	2	36
	несимметрично	2	14	4	2	1	23
	неизвестно	7	28	4	7	19	65
Всего		12	58	13	19	22	124
Детальность проработки клейма	детально	3	25	3	10	5	46
	недетально	2	12	8	2	1	25
	неизвестно	7	21	2	7	16	53
Всего		12	58	13	19	22	124
Расположение изображения клейма по отношению к центру донца сосуда	центр	8	43	1	14	8	74
	смещено	–	13	10	3	3	29
	неизвестно	4	2	2	2	11	21
Всего		12	58	13	19	22	124
Наличие дополнительной окружности на донце сосуда	да	–	10	2	6	1	19
	нет	12	47	11	5	21	96
	неизвестно	–	1	–	8	–	9
Всего		12	58	13	19	22	124
Тип сосуда	горшок	10	46	11	12	20	99
	блюдец	–	7	1	4	1	13
	стакан	–	4	1	1	–	6
	миска	–	–	–	2	1	3
	неизвестно	2	1	–	–	–	3
Всего		12	58	13	19	22	124
Наличие нагара на сосуде	есть	9	38	10	14	18	89
	нет	3	20	3	5	4	35
Всего		12	58	13	19	22	124

Гончарные клейма древнего Владимира (опыт систематизации)

Тип матрицы клейма	1	1 а	6	40	8	9	7	70
		1 б	–	–	2	–	3	5
		1 в	–	6	1	5	1	13
	2	2 а	6	6	1	4	11	28
		2 б	–	6	1	1	–	8
неизвестно		–	–	–	–	–	–	
Всего			12	58	13	19	22	124
Профиль валика, формирующего рисунок клейма	треугольник		–	1	–	–	2	3
	полукруг		8	36	7	15	16	82
	трапеция		1	15	4	2	3	25
	прямоугольник		2	2	1	1	1	7
	комбинированный		1	4	1	1	–	7
Всего			12	58	13	19	22	124

плечики. 1-й тип матрицы использовался в подавляющем большинстве случаев – 71% от общего количества. При этом подтип матрицы «1а» является наиболее распространенным: использование матриц этого подтипа выявлено в 56% случаев от общего количества. При рассмотрении процентного соотношения используемых типов матриц можно констатировать, что при изготовлении клейм с простыми рисунками (геометрические фигуры) использовались матрицы более простой профилировки – типов «1а» и «2а». Для изготовления клейм со сложными рисунками (тамга, розетка и т.д.) использовались все виды матриц. Вариации профиля вертикального сечения матриц вряд ли были случайны. Можно полагать, что это результат целенаправленной обработки поверхности круга-подставки. Целью такой обработки могло быть решение технологической проблемы оформления границы днища: днища сосудов, сформованных на матрицах типов 1а и 1б, предполагали валик по границе днища. Использование матриц типов 1в, 2а и 2б допускало производство сосудов без валика по границе днища, что в конечном итоге вело к снижению трудозатрат и удешевлению производства.

Представленные выше заключения основываются на анализе небольшой группы клейм, полученных в ходе археологического изучения лишь одного участка древнего Владимира. За последние четверть века во Владимире проводились многочисленные охранные раскопки. Полученные в ходе этих работ материалы постепенно вводятся в научный оборот. И мы надеемся, что новые публикации в ближайшие годы позволят верифицировать и уточнить наши наблюдения.

Литература

- Бобринский А.А.*, 1972. О некоторых результатах трассологического изучения древнерусских гончарных клейм // Новое в археологии. М.: МГУ. С. 182–190.
- Бобринский А.А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Гоняный М.И., Заидов О.Н.*, 2002. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля: (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России: В 2 т. Т. 1. Археология / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: ИНФРА. С. 130–152.
- Грибов Н.Н.*, 2001. Гончарные клейма селища Ближнее Константиново-1 // НИКА. Н. Новгород: НГУ. С. 38–55.
- Гупало В.Д.*, 1985. Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации) // СА. № 4. С. 236–242. Рис.1–7
- Гупало В.Д.*, 2001. Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении) // РА. № 1. С. 27–36.
- Кадиева Е.К.*, 2003. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII вв. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII в. Древности темного времени / Отв. ред.: Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука. С. 315–339.
- Кадиева Е. К.*, 2004. Поздняя древнерусская круговая керамика XIII–XIV вв. Ростова Великого (по материалам раскопа Конюшенного двора 2002/03 гг.) // История и культура Ростовской земли: Материалы конф. (Ростов, 2003 г.) / Ред. В.В. Зякин и др. Ростов: Гос. музейзаповедник «Ростовский кремль». С. 516–527.
- Кадиева Е.К.*, 2007а. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // КСИА. № 221. С. 130–138.
- Кадиева Е.К.*, 2007б. Клейма на круговой посуде Центра России Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 172–196.
- Князева Н.А.*, 2007. Гончарные клейма средневекового Владимира (Из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника) // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 122–127.
- Коваль В.Ю.*, 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 125–135.
- Коваль В.Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука. 269 с.
- Колчин Б.А.*, 1985. Ремесло. Обработка дерева // Древняя Русь. Город, замок, село. (Археология СССР). М.: Наука. С. 254–260. Табл.100, 2–3
- Котляревский А.А.*, 1867. Заметки к статье гр. А.П. Тышкевича: О свинцовых оттичках // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 1 / Под ред. А.С. Уварова. М.: Тип. Грачева и Ко. С. 242–248.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2011. О матрицах клейм на сероглиняных сосудах древнего Владимира // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. (Великий Новгород – Старая Русса, 2011). Т. 3 / Отв. ред.: Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. СПб.; М.: Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 125–126.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2012. О клеймах на сероглиняных сосудах древнего Владимира (по материалам раскопок в 2009 г.) // АВСЗ. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 152–158.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2013. Особенности клеймения сероглиняных сосудов Древнего Владимира // Владимирский край в истории России: проблемы

- взаимодействия власти и общества: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. д.и.н., проф. Е.М. Петровичевой. Владимир: ВлГУ. С. 65–69.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2014а. Гончарные клейма с трехлепестковой розеткой из древнего Владимира // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. (Казань, 2014). Т. III / Отв. ред.: А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: ИА АН РТ; КФУ; ИА РАН. С. 283–285.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2014б. О критериях систематизации клейм на сероглиняных сосудах древнего Владимира // Культурный слой: Сб. науч. ст. Вып. 3. Отв. ред. Е.А. Молев. Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 69–78.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2015а. Гончарные клейма с трехлепестковой розеткой из древнего Владимира (Опыт систематизации) // Вестник ВлГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». № 2 (6). Владимир: ВлГУ. С. 29–33.
- Лапшин А.Г., Бисерова А.В.*, 2015б. Технологические особенности сероглиняной керамики древнего Владимира: исходное сырье и состав формовочной массы // АВСЗ. Вып. V / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 211–221.
- Панченко К.И.*, 2007. Клейма XII–XIX веков на донцах керамических сосудов из раскопок в городе Дмитрове // АП. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 197–204.
- Розенфельд Р.Л.*, 1997. Керамика // Древняя Русь. Культура и быт. (Археология СССР) / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука. С. 22–28. Табл. 18.
- Тышкевич К.П.*, 1867. Свинцовые оттиски, найденные на р. Буге у Дрогичина // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 1 / Под ред. А.С. Уварова. М.: Тип. Грачева и Ко. С. 115–124. Табл. VI–XI;

Summary

A.G. Lapshin, A.V. Biserova

POTTER HALLMARKS FROM MEDIEVAL VLADIMIR (APPROACHES FOR SYSTEMATIZATION)

The publication is deal with relief images on bottom of gray-clay vessels from medieval Vladimir. A systematization of these materials is executed on the basis of statistics analysis and with methods of trassology. Characteristics of a hallmark (a relief image of intaglio matrix) include the following point: symmetry of image, quality of elaboration of matrix, hallmark's location relative to the center of the vessel bottom and presence of supplementary circle on the bottom of the vessel. The totality of these characteristics permits to identify a type of matrix: there were used matrix of two types that differ in the profile of the vertical section.

О.А. Несмиян, А.В. Уткин

ДРЕВНЕРУССКАЯ АКТОВАЯ ПЕЧАТЬ С ВЕХОВЬЕВ ТЕЗЫ

Летом 2015 г. поисковым отрядом Шуйской археологической экспедиции под руководством одного из авторов настоящей заметки в 1,4 км к юго-востоку от д. Вондога Родниковского р-на Ивановской обл., на правом берегу притока р. Тезы – лесной речки Вондыга был найден моливдовул – металлическая «вислая» печать.

Основой моливдовула является диск из мягкого свинца диаметром чуть более 2 см при толщине 2–3 мм. Какие-либо механические повреждения антропогенного характера на кружке отсутствуют, чего не скажешь о природных, а именно о песчаных кристаллах и эоловой пыли, намертво «въевшихся» в его плоскости, придав им грубую шершавость и некую брезгливость в восприятии артефакта.

На обеих поверхностях довольно чётко фиксируются отдельные участки рисунков (рис. 1). На лицевой – евангелическая композиция «Богородица на троне с Младенцем на коленях». Лицо Богородицы изображено анфас. В крупных глазах зафиксирован цепкий, пронизывающий зрителя взгляд. Лоб высокий, на него ниспадают редкие, ровно подстриженные волосы. Нос крупный, рельефный. В целом, черты лица смотрятся как европеоидные. Единственное, что ставит под сомнение наше умозаключение, так это абрис нижней челюсти. Челюсть относительно больших размеров, слегка выступает вперед и выглядит утяжеленной (рис. 2). На изображениях ликов Богородицы, будь то мозаичных или темперных, такой нюанс нам неизвестен; возможно, это всего лишь недоработка безвестного резчика матрицы. Однако в настоящее время данная недоработка приобрела новое значение. Она стала одним из основных реперов в изучении подобных древнерусских актов печати, по которому они точно атрибутируются и достаточно уверенно датируются.

Одеяние Марии – мафорий с узкой каймой вместо ворота, со свободно ниспадающими широкими складками. Ниже всё изображение плотно перекрыто и смято фракциями мелкого песка; просматриваются лишь отдельные, крохотные и разрозненные контуры композиции. При многократном компьютерном увеличении абриса смутно угадывается сидячая поза Богородицы с согнутыми в локтях руками и поднятыми вверх ладонями. Контуры Младенца густо «засыпаны» песком; их обрывки никак не складываются воедино.

Рис. 1. Вондога. Изображение композиции «Богоматерь на троне с Младенцем на коленях» на аверсе (б) и «процветший крест на Голгофе» на реверсе (а).

Низ рисунка отсутствовал изначально, диаметр свинцовой заготовки оказался чуть меньше диаметра матрицы.

Аналогичная ситуация и на обороте моливдовула с композицией «процветший крест на Голгофе» (рис. 1). Из неё выпала верхушка горы и голова праотца. В остальном же весь рисунок сохранился отлично, если исключить немногочисленные песчаные вкрапления, ставшие изящным фоном для шестиконечного креста и побегов молодой лозы по его краям.

Аналогов вондогской буллы немного; по публикациям нам известно всего три: две с крупного торгово-таможенного пункта Усть-Шексна (*Гайдуков, Янин, 2007. С. 4–6*) и одна из города Владимира (*Уткин, Костылева, 2015. С. 197–200*). На лицевой и оборотной плоскостях у них сохранились более-менее «читаемые» композиции, и если ориентироваться на утяжеленные очертания нижних челюстей, а также на одинаковые расстояния между поперечными перекладинами крестов на всех без исключения печатях, то следует безоговорочно признать, что все они оттиснуты одной и той же парой матриц (*Гайдуков, Янин, 2007. С. 4–6*).

Время бытования этих матриц устанавливается довольно точно – первая треть XIII в., если же быть точными, то полагаем, с 1214 г., года образования владимирской епископии, до катастрофического разорения столицы Северо-Восточной Руси в начале февраля 1238 г. монгольскими войсками. К такому выводу приводят данные всестороннего анализа условий находки владимирской печати, которая на момент написания данной заметки является пока самой информативной. Эта булла была обнаружена при охранных раскопках на «стрелке» коренного берега реки Клязьмы и Ерофеевского оврага, вне городских валов, в углу деревянной постройки, относящейся к культурному слою XII – начала XIII в. Постройка сгорела дотла в последний зимний месяц 1238 г. Этой постройкой, по нашему мнению, являлось здание владимирского епархиального управления.

Вскоре на его пепелище было возведено новое, которое, не меняя хозяев, но много раз перестроенное, просуществовало до конца 1920-х годов.

Об усть-шексинских буллах в печатных материалах сообщается, что они найдены в древнерусском слое поселения, внятная же стратиграфическая характеристика отсутствует. На Вондыге помимо печати в вещевой коллекции еще 9 предметов: 4 предмета из железа, 1 предмет из камня и 4 предмета из цветного металла. Изделия из железа представлены обломком железной косы с шириной лезвия 23 мм, двулезвийным кресалом, заостренным с концов, длиной 9 см, датирующимся XIII–XV вв. (*Ступан*, 2011. С. 198), железной ременной накладкой, датировка которой может быть установлена в пределах второй половины XIII– первой половины XV в. (*Шполянский*, 2015. С. 205), ножом древнерусской формы с уступом при переходе от черешка к лезвию, длиной 114 мм, шириной лезвия 13 мм (рис. 2). Среди предметов из цветного металла корпус шумящей подвески треугольной формы, внутреннее пространство щитка разделено вертикально опущенными из вершины на основание сдвоенными проволочками с тремя петлями для привесок, наибольшее распространение привески этого типа получили в XII в. (Финно-угры и балты..., 1987. С. 79); шумящая подвеска, корпус которой состоит из спиралей, расположенных треугольником, с тремя петлями для привесок (сохранилась одна привеска в виде утиной лапки с тремя проволочными звеньями из двух взаимно перпендикулярных петель), датирующаяся X–XI вв. (Финно-угры и балты..., 1987. С. 79); ложновитой перстень, имеющий довольно широкую датировку XI–XV вв. (*Седова*, 1981. С. 126) (рис. 2). Для определения датировки культурного слоя интересна находка дирхема Золотой Орды: Джучиды, Джанибек, Гюлистан, 753 г.х. (1352/1353 г.) (определение А.А. Гомзина). Изделия из камня представлены фрагментом точильного бруска размерами 50×20×20 (рис. 2). Характер и датировка предметов позволяют предположить существование селища XII–XV вв. в бассейне реки Вондыги близ деревни Вондога.

Возможно, что найденная на Вондыге печать относится к корпусу печатей какого-то монастыря, «расположенного где-то в Верхневолжье или во Владимирско-Суздальских землях». По упоминаниям в источниках выявлено, что в западной половине Волго-Клязминского междуречья в домонгольское время насчитывалось 14 монашеских обителей, располагавшихся в Переславле, Владимире, Суздале и Ростове (*Бълхова*, 2002. С. 54–55).

Монастыри рубежа XII–XIII ст. имели жалкий вид. Ежедневные молитвы и тяжёлый крестьянский труд не давали возможность обителям расширять их деятельность на другие территории, рассылать грамоты. Да рассылать-то их они не могли; из-за скудности средств монахи, полагая, элементарно не имели возможностей купить необходимые письменные принадлежности – пергамент, перья, чернила, стоившие баснословно дорого в те далёкие времена.

Эту возможность, ставшую позднее правом, имели только епископии. Это они рассылали по приходам и монастырям всевозможные послания и предписания, в том числе духовные благословения на открытие новых обителей. В нашем случае таковой являлась молодая, но активная Владимирская епископия. И если картографировать находки тех немногих печатей с изображениями, «Богородицы

Рис. 2. Вондога. Селище. Находки из сборов.

1-2 – шумящие подвески; 3 – ложновитое кольцо; 4 – золотоордынская монета; 5 – фрагмент точильного бруска; 6 – обломок косы; 7 – нож; 8 – ременная накладка; 9 – кресало.
1-4 – цветной металл; 5 – камень; 6-9 – железо.

на троне с Младенцем на коленях», то наглядно видно, что они происходят из ядра Северо-Восточной Руси.

Другими словами, печать с Вондыги, как и прочие аналогичные буллы, была отгиснута в первой трети XIII ст. в «доме Пресвятой Богородицы» – в «канцелярии» Владимирской епархии.

Литература

- Бълхова М.И.*, 2002. Монастыри на Руси XI – середины XIV века // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М.: Наука.
- Гайдуков П.Г., Янин В.Л.*, 2007. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // ННЗ. Вып. 21. Великий Новгород.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н.*, 2011. Рыбинск: Путешествие сквозь века. Археология земли Рыбинской. Рыбинск: Медиарост.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М.*, 2004. Тысячелетия вокруг Шексны. Рыбинск: Рыбинский Дом печати.
- Ступан Ю.С.*, 2015. Железные кресала из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // АВСЗ. Вып. 3. М.: ИА РАН.
- Уткин А.В., Костылёва Е.Л.*, 2015. Древнерусская актовая печать из Владимира-на-Клязьме // АВСЗ. Вып. 5. М.: ИА РАН.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В.В. Седов. М., 1987.
- Шполянский С.В.*, 2015. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова / ИА РАН; отв. ред. П.Г. Гайдуков. Москва; Вологда: Древности Севера.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.*, 1998. Актовые печати Древней Руси. Т. III. М.: ИНТРАДА.

Summary

О.А.Nesmiyan, A.V. Utkin

THE OLD RUSSIAN HANGING SEAL FROM TEZA'S UPPER COURSES

The article deals with the lead seal which was found in the Ivanovo Region in 2015. It comes under the number of anonymous seals depicting «Holy Mother lapping the infant on the throne». This is the sixth seal of such kind which was found in the Upper Volga Region.

The bull which was found in Vondoga village is analogous to the find in Vladimir (both of them are impressed by the same pair of matrixes), and can be dated back to the first third of the XIII century.

They can be dated back to the first third of the XIII century and come from the Vladimir Diocese Office.

А.А. Медынцева

ГРАМОТНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИКИ)

Многие памятники древнерусской архитектуры исчерчены многочисленными надписями. Надписи-граффити по массовости и, особенно, распространенности в разных регионах Древней Руси, иногда превосходят материалы таких важных источников, как берестяные грамоты, наличие которых требует определенных условий, в первую очередь сохранности культурного слоя, грамотности и мобильности населения. Являясь источниками по письменной культуре в такой важной сфере, как «бытовая» культура, надписи-граффити содержат материал и по политической истории, художественной культуре, истории языка и письменности, ментальности средневекового общества. Они позволяют заглянуть в такие области повседневной жизни, куда очень редко проникают взоры летописцев и авторов религиозной, житийной литературы, юридических кодексов и даже частных писем. Общей задачей эпиграфических источников является изучение грамотности, на протяжении всей письменной истории являющейся первым показателем уровня культуры общества.

Надписи-граффити для решения этой проблемы имеют особое значение, так как известны практически почти в каждом храме, сохранившем древнюю штукатурку. Большое количество надписей-граффити на стенах храмов, выполненных разными авторами на протяжении столетий, само по себе является свидетельством распространения грамотности не только среди клириков, но и других социальных слоев, которые иногда поддаются определению либо по прямому указанию в надписи профессии писавшего (епископ, дьяк, пономарь, отрок, дружинник, швец), а чаще по косвенным указаниям: способу и месту написания, наличию дополнительных рисунков. Это позволяет проследить ее распространение не только в традиционной «литературной» среде, но и более широких слоях общества, отношение к грамотности и писанию на стенах, изменяющееся с течением времени, гендерный характер письма, отражение в надписях повседневной религиозной практики. Записи на стенах отдельных литургических текстов и другие богослужебные тексты демонстрируют значение для общества религии и письменное оформление повседневной христианской обрядности, роль письма в жизни средневекового обще-

ства и, следовательно, особенности его ментальности. Надпись на стенах храмов занимает промежуточное место между «бытовой» культурой и духовной, религиозной, очень редко выходя на чисто «бытовой» уровень. Это обстоятельство, несомненно, сказывается и на тематике, и на графике надписей-граффити. В этом состоит и основное отличие надписей-граффити от берестяных грамот, большинство которых является частными письмами, написанными по разным поводам, от событий личной жизни до событий государственного значения, прямо отражающими проблемы повседневной жизни средневекового горожанина.

Граффити на стенах храмовых построек по большей части связаны с сакральным назначением самого храма. Поэтому в первую очередь они демонстрируют религиозную культуру средневекового общества, но отраженную в повседневном быту, степень восприятия ее различными слоями городского (в основном) населения (рис. 1).

В изучении и издании надписей-граффити в последние десятилетия заметен определенный прогресс. Уже сейчас в научный оборот включены надписи-граффити многих регионов Древней Руси. Каждая надпись, независимо от сохранности, размера и содержания, является фактом письменной культуры, свидетельством грамотности писавшего. Далеко не каждый древнерусский город обладает этими объектами категориями (берестяными грамотами и граффити) нарративных источников по повседневной жизни. Счастливым исключением является Новгород, где обширная коллекция берестяных грамот, насчитывающая более 1000 писем, дополняется не менее обширным комплексом надписей-граффити (полное издание граффити новгородских храмов только начинается и количественно обещает быть не менее значимым. (Михеев, 2010, 2011; Гиппиус, Михеев, 2011). Пожалуй, наиболее охваченными в этом отношении являются Киев, Чернигов, Новгород, затем следуют Ладога, западные области Древней Руси (Полоцк, Гродно, Новогрудок, Витебск).

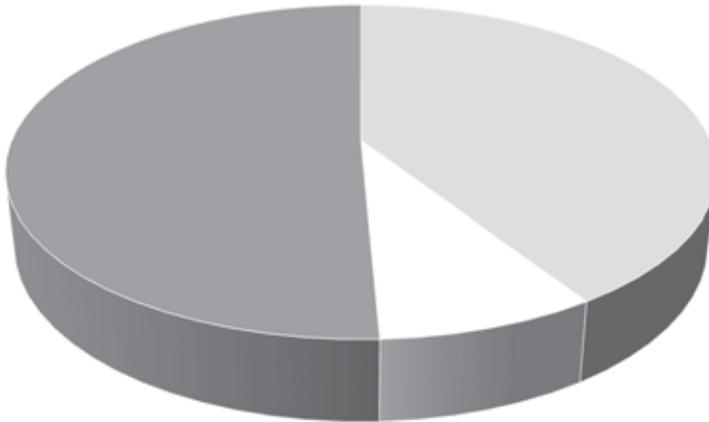

Рис. 1. Процентное соотношение надписей на стенах по содержанию.
Всего – 90, неопределимых – 36, «сакральных» – 48, «фольклорных» – 6.

К настоящему времени накоплен значительный эпиграфический материал по отдельным памятникам древнерусского зодчества из разных древнерусских городов. Опубликованы монографии и статьи по надписям-граффити некоторых городов и регионов, по отдельным архитектурным памятникам (*Рыбаков*, 1964, *Высоцкий*, 1966; 1976; 1985; *Воронин*, 1961. С. 75, 88, 140, 227; *Воронин*, 1940; 1956; 1949; 1968; *Монгайт*, 1949; *Медынцева*, 1978; 2008 и др., *Рождественская*, 1992; 2008).

О «бытовой» письменности обширных и цветущих земель Владимиро-Суздальской Руси долгое время мы могли судить только по отдельным памятникам эпиграфики: Нерльскому и Святославу крестам, антиминос 1148 г., Суздальскому змевику и тому подобным артефактам (*Орлов*, 1952. № 16, 43, 54, 71, 81, 83, 91, 101, 122, 132), сохранившимся в основном в музейных хранилищах. Перечень этих артефактов довольно внушительный, что позволяет предполагать широкое бытование грамотности в этих землях. К ним может быть добавлена надпись мастера на крестике из серого шифера из Ярополча Залесского, несколько надписей на пряслицах (*Седов*, 1959. С. 275–277; *Седова*, 1978. С. 53–54; *Медынцева*, 2000. С. 185–187) и несколько предметов христианского культа с именами-подписями святых, найденных при археологических раскопках в последние десятилетия (*Жарнов*, *Жарнова*, 1999, *Жарнов*, 1999; *Медынцева*, 1999. С. 149–159; *Седова*, *Мухина*, 1999, С. 160–164; *Макаров*, *Федорина*, 2008. С. 141). Последняя категория находок (крестики и иконки) не может быть непременно отнесена именно к Владимиро-Суздальскому региону, так как теоретически они могли быть привезены сюда из других мест. По характеристикам культурного слоя, как правило, не сохраняющего органические остатки, берестяных грамот в этом регионе древней Руси до сих пор не обнаружено; находки их в будущем возможны, но вряд ли будут так многочисленны как в Новгороде или Старой Руссе.

Первые публикации надписей-граффити на стенах Владимиро-Суздальских белокаменных храмов стали известны с середины прошлого столетия (несколько обрывков граффити были опубликованы Н.Н. Ворониным (*Воронин*, 1940; 1949а; 1949б; 1956). В 1987 г. была опубликована статья М.В. Седовой, обобщающей наблюдения над «бытовой» эпиграфикой из Суздаля, где наряду с писалами, актовыми печатями, надписью на пряслице, были опубликованы и фрагменты надписей-граффити (*Седова*, 1987; 1997. С. 213–219).

В 2008–2010 гг. по инициативе Владимиро-Суздальской экспедиции ИА РАН было предпринято планомерное изучение рисунков и надписей-граффити как в фондах музея, так и сохранившихся *in situ* на стенах белокаменных сооружений Владимиро-Суздальской земли. С.Н. Вахтанов взял на себя труд по выявлению, систематизации и публикации рисунков-граффити и строительных меток. От Института археологии РАН выявлением и фиксацией надписей-граффити занималась А.А. Медынцева.

Особенностью сохранности белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси является почти полное отсутствие фресковой росписи, особенно в нижних частях стен, где обычно, на уровне доступности для человека, и находятся древние граффити. Поэтому большинство вновь открытых надписей и рисунков-граффити найдены на внешних стенах построек. Поиск надписей и

рисунок на стенах белокаменных сооружений отличается особыми трудностями, которые были бы непреодолимы без содействия и помощи местных музейных работников и духовных властей, в ведении которых (или совместном владении с Владимиро-Суздальским музеем-заповедником) находится значительная часть памятников.

Были обследованы сохранившиеся древние белокаменные сооружения: Золотые ворота, Дмитровский и Успенский соборы во Владимире, храм Покрова на Нерли, дворцовая башня и храм Рождества Богородицы в Боголюбове, Рождественский собор в Суздале, храм Бориса и Глеба в селе Кидекша под Суздалем, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском. В последние годы к ним добавлено обследование¹ Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залеском, на внешней стене апсиды которого А.А. Гиппиусом и С.М. Михеевым обнаружены две уникальнейшие надписи, повествующие об убийстве Андрея Боголюбского: одна из них содержит информацию об убийстве князя с перечислением имен его убийц, среди которых есть имена, неизвестные по другим письменным источникам. Другая – анафема (церковное проклятие) убийцам. В надписи об убийстве князя не отмечен год, упомянут только месяц и число события – 29 июня, но дата этого трагического и такого исключительного события, как убийство князя собственными «холопами», отмечена в летописи (ПСРЛ. Т. I, стб. 370), 1174 г. Надпись об убийстве князя и предании анафеме его убийц, скорее всего, появилась после погребения князя и суда над убийцами, состоявшегося короткое время спустя. Таким образом, новооткрытые надписи датируются после этого времени и помимо исторических сведений пополняют немногочисленное количество датированных надписей. Для этого времени и региона они уникальны, и помимо исключительности исторических сведений являются точной хронологической вехой, характеризующий особенности письма этого региона. Из этого храма опубликовано несколько крестов-граффити (*Ижигов, Шадуни*, 2008, С. 32–39) и с середины XIX в. известно о некогда существовавших нескольких надписях в алтаре, изданных в передаче В.В. Сулова, в том числе и граффити о возобновлении храма «при благоверном князе Василии Васильевиче» в 6950 (1442) г. Помимо перечисленных выше архитектурных объектов дополнительно в общий обзор включены резные надписи при рельефных изображениях, расчищенных в 1976 г. на фасадах Дмитриевского собора во Владимире, хотя относительно их атрибуции и принадлежности высказываются разные предположения (*Вагнер*, 1976. С. 270–272; *Гладкая*, 2009. С. 173). При этом одни и те же авторы в разное время меняют свои взгляды и на атрибуцию рельефов, и на принадлежность исполнителей к романской или древнерусской традиции. К тому же часть рельефов в процессе долгого существования храма была заменены новыми или изменили свое место. Это создает дополнительные трудности и требует специального изучения. Все же с древнерусскими мастерами и первоначальным этапом строительства можно связывать несколько надписей при рельефах центрального прясла западного фасада (надписи при рельефах Давида на троне, апостолов и Георгия, где

¹ Надписи пока не опубликованы. Сведения о них сообщались авторами открытия в многочисленных интервью и докладе на Эпиграфическом семинаре, посвященном памяти В.Д. Сарабьянова, в декабре 2014 г.

присутствуют не только кириллические буквы, но и отражены специфические для древней Руси фонетические изменения в передаче греческих имен). Как известно, точная дата строительства Дмитриевского собора неизвестна, но упоминание о нем в летописном некрологе Всеволоду III позволяет относительно точно датировать его возведение 1194–1197 гг. Вероятно, этим временем датируются и пять надписей при упомянутых рельефах. Перечисленные изменения учтены в данной работе. Резные надписи на стенах храмов необходимо включать в общее обозрение, хотя формально они не являются граффити, но зачастую их вырезают одни и те же мастера, иногда они совпадают и тематически.

В каждом из указанных объектов удалось обнаружить древние граффити: как минимум рисунки крестов и строительные знаки, а в большинстве из них и средневековые надписи (граффити и резные). По результатам этих работ опубликовано несколько статей и заметок (*Вахтанов*, 2006; 2007; 2011а, 2011б; 2014; *Медынцева*, 2008; 2008а; 2011; 2012; 2013; 2014а, 2014б.).

В целом было открыто и вновь изучено около 90 надписей и более 350 рисунков-граффити и строительных меток, включая резные надписи,

Учитывая цели данного исследования, следует дать общую оценку надписей-граффити, найденных на памятниках Владимиро-Суздальской архитектуры, как нового исторического источника, их значения для решения вопроса о грамотности этого региона Древней Руси. Тематически надписи-граффити связаны с храмовыми постройками, что следует из их содержания, а частично и местоположения (рис. 1). Например, часть надписей из Успенского собора во Владимире обнаружена в алтаре, куда доступ имели только люди, связанные с церковью. Из всех надписей-граффити Владимиро-Суздальских храмов только несколько можно считать условно светскими, не связанными с религиозно-обрядовой тематикой. Сопоставление этого материала с более обширным материалом достоверно изданных надписей-граффити из двух крупнейших древнерусских храмов – Софии Киевской и Софии Новгородской – уже дает определенный, взаимно дополняющий материал как по тематике, так и по социальному составу авторов надписей, а следовательно, и по составу грамотных людей (*Медынцева*, 2014б) В обоих соборах преобладают надписи, связанные с самим храмом, с церковной обрядностью. К молитвенным записям следует относить как традиционные формулы «Господи помози» с указанием имени, так и автографы: «писал имярек».

Из 93 известных надписей-граффити исключаются сначала 3 надписи, так как один писец трижды написал по две надписи (2 надписи Федора, 2 надписи о попе и дьяконе из Успенского собора и 2 надписи Офоноса из Георгиевского собора). Т.е. автор, оставивший не одну надпись, считается за одного, исключаются из подсчета 2 надписи Нового времени (XVIII–XIX вв.). Таким образом остается для подсчета 90 надписей, включая фрагменты. Из них пригодны для определения далеко не все. Нужно исключить из наблюдений над социальным составом нечитаемые фрагменты (11) надписей из фондов Суздальского музея и некоторые нечитаемые фрагменты. Среди надписей, поддающихся определению, можно отметить только несколько социальных страт: на первом месте находятся авторы из церковного клира или каким-либо образом с ним связанные. Они выделяются в основном по местоположению в храме (алтарь), обозначению

религиозных сюжетов или по содержанию; затем – ремесленники, резчики по камню, их известно не менее 14, причем в разных храмах и разного времени; 2 надписи предположительно оставлены либо князьями, либо знатными воинами. Т.е. среди владими́ро-суздальских надписей, несмотря на их сравнительную немногочисленность, выделяются те же категории грамотного населения, что и в двух крупнейших центрах Древней Руси. Также почти полностью отсутствуют надписи с женскими именами (известна только одна надпись с женским именем «Фекла» из Рождественского собора в Суздале, но неизвестно, что она обозначает, имя святой или автора – женщину). Это противоречит данным эпиграфики и берестяных грамот о женской грамотности на Руси и, вероятно, связано каким-то образом с преимущественно сакральным назначением надписей-граффити.

Таким образом, полное исследование всех сохранившихся надписей-граффити Владимиро-Суздальской Руси говорит о распространении грамотности начиная с середины XII – XIII в. среди слоев населения, связанных с клиром, профессиональными переписчиками, знатью и высококвалифицированными ремесленниками, затем следует спад и дальнейшее ее значительное повышение только в XVI в., что, очевидно является особенностью сохранности древних фресок и не может характеризовать грамотность населения этого времени (рис. 2) Практически удается определить среди грамотных людей представителей тех же социальных слоев, что в Киеве и в Новгороде. Это – клир, «книжные» люди – профессиональные писцы, воины и ремесленники. (Медынцева, 2014б. С. 51–52).

Рис. 2. Хронологический график надписей на стенах от XI в. до начала XIX в.

Особенностью Владимиро-Суздальской Руси по сравнению с Киевом и Новгородом является значительное количество мастеров-камнерезов, что, возможно, связано со спецификой сохранности надписей и, конечно, большим количеством этих мастеров, что является отличительной чертой храмового строительства этого региона. Отсутствие надписей более раннего времени, на первый взгляд, объясняется отсутствием сохранившихся памятников архитектуры ранее середины XII в., хотя может обозначать и меньшее распространение грамотности в более раннее время. Материала надписей-граффити, ввиду особенностей сохранности архитектурных памятников и фресковой штукатурки, явно недостаточно для корректного суждения. Восполнить недостаточность сведений надписей-граффити до некоторой степени могут другие эпиграфические и археологические источники.

Показательным в этом отношении может быть распространение памятников эпиграфики этого региона. Первые относительно точно датированные памятники эпиграфики связаны с именами князей Юрия Долгорукого и его сына – Андрея Боголюбского (потир Юрия Долгорукого и надписи на белокаменных крестах – Нерльском кресте (около 1161 г.), антиминсе 1148 г. из церкви св. Георгия (*Рыбаков*, 1964. С. 29–32), строительные пометки XII в. на листах кровли Успенского собора (не ранее 1185–1189 гг.)). Последние нуждаются в дополнительном изучении, так как могут быть разновременными (*Орлов*, 1952. № 91. С. 71–72). Нужно упомянуть и фрагмент (вкладной?) надписи на позолоченной пластине к иконе из раскопок Успенского собора, предположительно упоминающей Андрея Боголюбского (*Воронин*, 1940. С. 20). Так называемый «топорик Андрея Боголюбского», датируется, скорее всего, XI в. и не имеет отношения к этому князю и вряд ли относится к древностям Владимиро-Суздальской земли (*Медынцева*, 2000. С. 95–98). (Динамику распространения грамотности по датированным надписям Владимиро-Суздальских земель до XV в. см. рис. 3).

Помимо памятников эпиграфики материал для суждения о степени распространения грамотности представляют и археологические находки, такие как писала для письма по бересте или книжные заставки. Особенно это важно для периода XI – первой половины XII в., по которому отсутствуют и граффити, и другие памятники эпиграфики. Итоги наблюдений над теми и другими подведены в специальной статье и монографии М.В. Седовой (*Седова*, 1987; 1997. С. 213–219). Она отмечает, что за все годы раскопок в Суздале было найдено 14 писал. Из них к интересующему нас периоду относятся два. Одно из них – костяное, принадлежит к наиболее древнему типу, датирующемуся от середины X – первой половины XI вв, другое – к распространенному в XI – первой половине XII в., Остальные же либо имеют более широкую дату, либо принадлежат к более поздним типам инструментов для письма. Эти находки свидетельствуют, что и ранее середины XII в. в Суздале «бытовая» грамотность имела какое-то распространение, что вполне естественно, так как город осуществлял и административные, и военные, и религиозно-управленческие функции. Интересно, что в Суздале открыты две усадьбы с богатым инвентарем, погибшие, по всей вероятности, от пожара 1096 г. В одной из них найдена литейная форма с изображениями двух фибул, на одной из которых читается руническая надпись

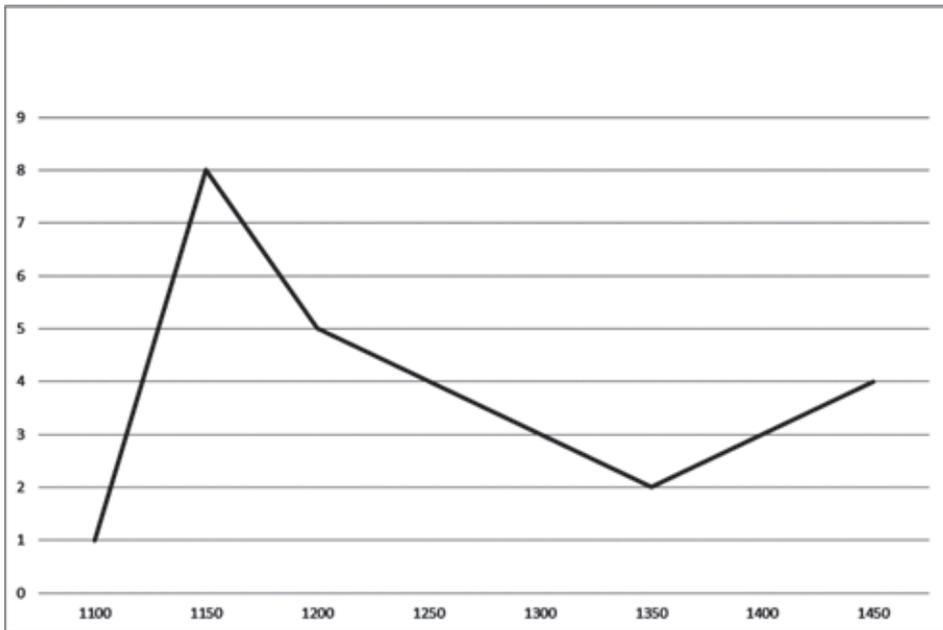

Рис. 3. Хронологический график памятников эпитафии Владимиро-Суздальских земель (кроме надписей на стенах) от XI до XV в.

«*это Олавов*», представляющая собой скандинавское имя владельца или заказчика. В той же усадьбе обнаружена амфора южнорусского происхождения с надписью кириллицей в виде монограммы, которую можно расшифровать как славянскую транскрипцию того же скандинавского имени Олав. Таким образом, обнаружены археологические доказательства распространения грамотности среди жителей Суздаля и ранее середины XII в., отражающие к тому же процесс постепенного вливания скандинавов в славянскую среду, в ее элитную часть. Но о более или менее широком распространении грамотности в это время данных нет. Вероятно, лишь в княжение Юрия Долгорукого, когда начинается строительство храмов и княжеских крепостей, особенно в правление Андрея Боголюбского с его бурной строительной деятельностью, устройством монастырских обителей и притоком различных мастеров из разных стран и областей Древней Руси, мы можем говорить о значительном распространении грамотности, прежде всего среди церковных служителей, ремесленников – каменотесов и других, работающих по княжескому заказу (поддаются определению не менее 15, относящихся к XII–XVI вв.). Именно в это время (середина, вторая половина XII в.) появляются и памятные кресты с надписями, и подписные рельефы на стенах храмов, что знаменует выход грамотности на более высокий уровень, так как подразумевает наличие значительного количества грамотных людей. Дальнейший спад грамотности, вероятно, связан с татаро-монгольским разгромом. Повышение ее демонстрируют сохранившиеся артефакты с надписями и сохранившиеся надписи-графити

начиная с рубежа XIV–XV вв. и XVI в. Но значение памятников эпиграфики для суждения о распространении грамотности в позднем средневековье утрачивает свое значение ввиду изменения взглядов на писание надписей на церковных стенах и наличия других, более обширных письменных источников.

Литература

- Артлебен Н.А.*, 1864. Древние фрески, открытые, в переяславском Спасо-Преображенском соборе // ТВСГСК. Вып. 1. С. 77–85
- Вагнер Г.К.*, 1966. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском // СА. 1966. № 3. С. 99–108.
- Вагнер Г.К.*, 1976. Об открытии резных надписей среди фасадной скульптуры Дмитриевского собора во Владимире. СА. № 1. С. 270–272.
- Вахтанов С.Н.*, 2007. Граффити церкви свв. Бориса и Глеба XII в. в селе Кидекша // Материалы исследований / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Вып. 13. Владимир. С. 20–25.
- Вахтанов С.Н.*, 2011. Золотых ворот в г. Владимире // АВСЗ. Вып. 3 / Сост. С.В. Шполянский. М.; СПб. С. 181–186.
- Вахтанов С.Н.*, 2011. Средневековые граффити XII – начала XV церкви Покрова на Нерли // Материалы исследований / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Вып. 17. Владимир. С. 88–91.
- Вахтанов С.Н.*, 2014. Средневековые рисунки-граффити белокаменных памятников владими́ро-суздальского зодчества // Материалы исследований / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Вып. 20. Владимир. С. 149–158.
- Вахтанов С.Н.*, 2006. Граффити суздальского Рождественского собора XIII в. // Материалы исследований / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Вып. 12. Владимир. С. 103–113.
- Воронин Н.Н.*, 1940. Новые памятники русской эпиграфики // СА. Вып. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 311–313.
- Воронин Н.Н.*, 1949. Оборонительные сооружения Владимира. Золотые ворота // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. (МИА. № 11). М.: АН СССР. С. 268–269.
- Воронин Н.Н.*, 1949. Раскопки в Переяславле-Залесском // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. (МИА. № 11). М.: АН СССР. С. 193–202.
- Воронин Н.Н.*, 1956. Археологические заметки // Краткие сообщения ИИМК. М. Вып. 62. С. 17.
- Воронин Н.Н.*, 1968. Граффити 2 февраля 1238 г. // Славяне и Русь: К 60-летию академика Б.А. Рыбакова. М.
- Высоцкий С.А.*, 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев: Наукова думка. 240 с.
- Высоцкий С.А.*, 1976. Средневековые надписи Софии Киевской. Киев: Наукова думка. 456 с.
- Высоцкий С.А.*, 1985. Киевские граффити XI–XVII вв. Киев: Наукова думка. 208 с.
- Гиппиус А.А., Михеев С.М.*, 2011. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. III // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (44). М. С. 37–57.
- Гладкая М.Р.*, 2009. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Опыт комплексного исследования. М.: Индрик.

- Жарнов Ю.Э.*, 1999. Две каменные иконки домонгольского времени из Владимира. РА. 3. С. 165–174.
- Жарнов Ю.Э., Жарнова В.И.*, 1999. Произведения прикладного искусства из раскопок во Владимире // Древнерусское искусство: Византия и древняя Русь. СПб.
- Ижиков В.Н., Шадунц Е.К.*, 2008. К вопросу о граффити Спасо-Преображенского собора Переяславля-Залесского: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. Междунар. дню памятников и ист. мест. (Переяславль –Залесский, 17 апреля 2008 г.). Ярославль.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н.*, 2008. О находках энколпионов на суздальских селищах // АВСЗ. Вып 2. М. С. 132–137.
- Медынцева А.А.*, 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М. 312 с.
- Медынцева А.А.*, 1999. Мастерская Тудора // РА. № 3.
- Медынцева А.А.*, 2000. Грамотность в Древней Руси. М. 295 с.
- Медынцева А.А.*, 2008а. Автограф мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М. С. 357–359.
- Медынцева А.А.*, 2008б. Граффити Золотых ворот во Владимире // АВСЗ. Вып. 2. М. С. 155–170.
- Медынцева А.А.*, 2011. Надписи-граффити Успенского собора во Владимире // АВСЗ. Вып. 3. М.; СПб. С.171–180.
- Медынцева А.А.*, 2012. Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // РА. № 2. С. 149–155.
- Медынцева А.А.*, 2013. Датированные надписи мастеров из Георгиевского собора в Юрьеве Польском // КСИА. Вып. 229.
- Медынцева А.А.*, 2014. Надписи-граффити как показатель грамотности в главных городских центрах Древней Руси // Міста Давньої Русі: збірка наук. праць пам'яті А.В. Кузи / Наук. ред. П. П. Толочко. Київ. С. 45–53.
- Медынцева А.А.*, 2014. Надписи-граффити храма Свв. Бориса и Глеба в с. Кидекша (Суздаль) // Средневековият човек и неговиет свят: Сб. в чест 70-годишнина поф. д.и.н. Казимир Попконстантинов. Велико-Търново. С. 751–759.
- Михеев С.М.*, 2010. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (40). С. 91–102.
- Михеев С.М.*, 2010. Заметки о надписях-граффити новгородского Софийского собора. Ч. I // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (40). С. 91–102.
- Михеев С.М.*, 2011. Заметки о надписях-граффити... Ч. II // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3(41). С. 74–84.
- Монгайт А.Л.*, 1949. Археологические исследования Старой Рязани в 1948 г. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VI. № 5.
- Орлов А.С.*, 1952. Библиография русских надписей XI–XV вв. М.; Л. 238 с. ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928.
- Рождественская Т.В.*, 1992. Древнерусские надписи на стенах храма: новые источники XI–XV вв. СПб.
- Рождественская Т.В.*, 2008. Рождественская Т.В. Язык и письменность средневекового Новгорода. Богослужбные надписи и берестяные грамоты. СПб. 136 с.
- Рыбаков Б.А.*, 1964. Русские датированные надписи XI–XIV веков. (САИ. Вып. Е1-44). М.
- Седов В.В.*, 1959. Каменный крестик с надписью из Пиррова городища // СА. № 1. С. 275–277.
- Седова М.В.*, 1987. Эпиграфические находки из Суздаля // КСИА. № 190. С. 7–13.

Седова М.В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.

Седова М.В., Мухина Т. Ф., 1999. Новые находки мелкой каменной пластики во Владимире // РА. № 3. С. 160–164.

Summary

A.A. Medyntseva

THE LITERACY OF THE RESIDENTS OF VLADIMIR-SUZDAL LAND IN THE MIDDLE AGES (ACCORDING TO EPIGRAPHY)

The article is devoted to the study of literacy in the Vladimir-Suzdal lands based on the currently known monuments of epigraphy. The focus is on the inscriptions on the walls of white stone architecture. The study of their number and the comparison to relatively accurately dated artifacts with inscriptions allows us to trace its dynamics during XI-XV centuries, i.e. the time where the epigraphic material is of primary importance. The emergence of the «mundane» of literacy from the XI century and a significant rise in the middle of the XII century is revealed in the monuments of epigraphy and archaeology that correlates with the construction of temples and fortresses by the Prince Yuri Dolgoruky. Particularly we can speak of a significant spread of literacy, during the reign of Andrei Bogolyubsky, because of his active construction activities, the dispensation of monastic centers and the influx of different craftsmen from different countries and regions of Ancient Russia.

Т.П. Тимофеева

НАДГЛАВНЫЕ КРЕСТЫ ВЛАДИМИРСКИХ СОБОРОВ XII ВЕКА

К архитектурно-художественному ансамблю белокаменных соборов XII в. – Дмитриевского и Успенского – помимо архитектуры, резных рельефов, дверных и оконных заполнений, покрытия главы и кровли и пр. принадлежала еще одна категория предметов наружного убранства – надглавные кресты. Соборы были увенчаны необычными крестами, состоящими из железного каркаса, обтянутого листовой золоченой медью с ажурным просечным орнаментом.

Крест Дмитриевского собора необычен и формой: в основании его имеется дополнение в виде цаты или «полумесяца» с сильно загнутыми и заостренными концами. Орнамент креста составляли ветви с трилистниками-кринами и птицы с длинными хвостами и приподнятыми крыльями. Продольная мачта и поперечная перекладина расширились на концах в виде «ушей» и завершались медальонами с вписанным «богородичным» крестом (с подобным же, только более пологим «полумесяцем», как на самом кресте).

Исторических сведений о кресте Дмитриевского собора немного. Сообщения о крупнейших пожарах, в которых пострадал собор, – 1238, 1536 и 1719 гг. – не содержат упоминаний собственно креста. Самые ранние относятся к XVIII в. В 1756 г. протопоп собора Иоанн сообщал в Духовную консисторию: «...церковь от давних лет весьма обветшала... глава и *крест* (курсив здесь и далее мой – Т.Т.), которые позлащены были, от давних лет потемнели и заржавели... и оная на главе и на церкви ветхость чрез подаяния христоробцев доброхотнодателей нами возобновляется...» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 122. Л. 1). К XVIII в. относится, вероятно, и недатированное сообщение, приводимое в документах XIX в.: «На главе *крест* медный (зачеркнуто и написано “железный” – Т.Т.), у оного не оказалось же крыла, а притом и у голубовки крыла не имеется, и оная глава местами ветха...» (ГАВО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 10; в данной статье фигурка голубя, венчавшего крест, не рассматривается). В 1781 г. в прошении священника Дмитриевского собора Антония Степанова упоминается «*крест* железный позлащенный» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1399. Л. 32).

В 1806 г. впервые деревянную кровлю заменяют железной: «Кровлю покрыть всю железом вгладь и в закрой шахматом... а старую на настоящей церкви главу

всю перекрыть снова тем же старым материалом в заклеп, а вокруг всей вообще кровли сделать подзор и на всех главах переправить *кресты*» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1399. Л. 34 об.). Имеются в виду кресты на самом соборе, двух приделах и двух колокольнях. В многочисленных документах о ремонте 1838–1847 гг. собственно о кресте не упоминается, однако в сентябре 1838 г., после сломки галерей, о куполе речь все же заходит: «...остается токмо очистить кумпол от бывших слоев краски...» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1399. Л. 135); эти работы могли повлечь какое-то воздействие и на крест. В июне 1848 г. «от двух сильных бурь *крест* на оном соборе, укрепленный в кирпиче, до того расшатался, что в кровле около *креста* сделались отверстия...», и крест был исправлен на средства купца А.Н. Никитина (ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 753. Л. 1, 6). Правда, качество сделанного оказалось весьма сомнительным, т.к. старую золоченую «чрез огонь» медь купец с купола взял себе, а взамен положил медные листы, покрытые золоченой сеткой, которую через два года снесло ветром (*Косаткин*, 1914. С. 26). Очень вероятно, что этот ремонт и ликвидация его последствий затронули и крест. Еще раз «бурей сорвало железную кровлю на Дмитриевском соборе» в ночь на 16 января 1866 г. (ВГВ. 1866. № 4), что также могло повредить крест, хотя об этом и не сообщается. Последние из известных нам упоминаний креста содержатся в ведомости о Дмитриевском соборе за 1878 г.: «Собор... увенчан замечательным по своей древности и форме медным крестом...» (ГАВО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 19. Л. 3), и за 1894 г.: «...главу, увенчанную замечательным по своей древности и форме четвероконечным крестом, на верху которого сделано медное изображение голубя» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3734. Л. 60).

Древний крест накопил некоторую историческую иконографию. В 1830 г. академик живописи Ф.Г. Солнцев выполнил серию рисунков Дмитриевского собора и его деталей, в том числе креста на главе собора, попавших впоследствии в Оружейную Палату Московского Кремля, а ныне хранящихся в Отделе рукописных, печатных и графических фондов музея-заповедника «Московский Кремль» (*Новаковская-Бухман*, 2007. С. 147) (рис. 1, 1).

Еще один рисунок креста, сделанный несколько позже учителем рисования и черчения Владимирской гимназии Ф.Д. Дмитриевым, опубликован в книге-атласе С.Г. Строганова «Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме» (*Строганов*, 1849. Табл. II; о Ф.Д. Дмитриеве см.: *Тимофеева*, 2003. С. 617–618, примеч. 51) (рис. 1, 2).

Обмер креста и чертеж без указания размеров (на основе рисунка Ф.Д. Дмитриева) опубликован в 1959 г. в альбоме В.И. Казариновой «Архитектура Дмитриевского собора во Владимире». На этих чертежах, как и на рисунках XIX в., в средокрестии помещается погрудное изображение архангела с раскрытыми крыльями, заполнено и небольшое пространство ниже «полумесяца» (*Казаринова*, 1959. Табл. 9, 18).

Единственная фотография подлинного креста опубликована в двухтомнике Н.Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков» (*Воронин*, 1961. С. 475). На ней средокрестие и пространство под «полумесяцем» пустые. Надо думать, что за столетие, прошедшее с середины XIX до середины XX в., имели место какие-то ремонтные работы, после которых сильно обветшавшие детали –

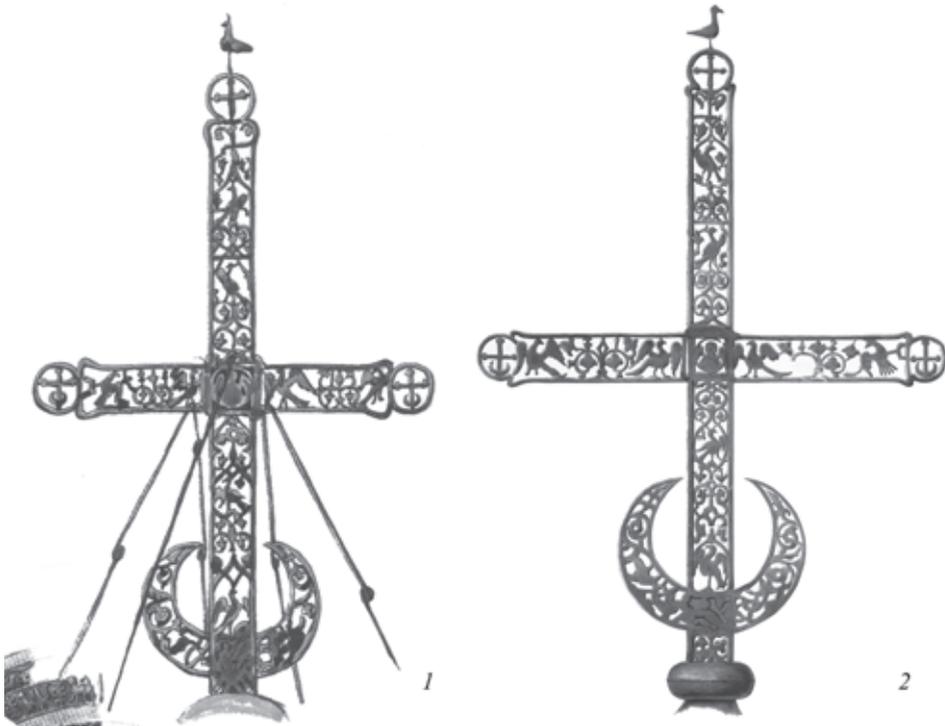

Рис. 1. Крест Дмитриевского собора.

1 – рисунок Ф.Г. Солнцева, 1830 г.; 2 – рисунок Ф.Д. Дмитриева, 1849 г.

средник и низ креста – исчезли. Есть и еще одно расхождение: на рисунке Ф.Д. Дмитриева в правой половине горизонтали в левом завитке отсутствует пальметта, а у Ф.Г. Солнцева и на фотографии Н.Н. Воронина это место заполнено. В этом случае о причинах расхождения можно только догадываться.

Крест считается одновременным самому храму, хотя никакой доказательной системы не существует, как, впрочем, и опровержения. Многочисленные пожары, которые могли повредить Дмитриевский собор, а также ураганы и ремонты заставляют предполагать неизбежные починки и переделки креста.

В 1957 г., по завершении реставрации собора, древний крест был снят с главы и по его образцу во Владимирской реставрационной мастерской в 1960 г. изготовлен по проекту новодел из латуни (Дмитриевский собор. Проектный чертеж креста. Июнь 1960 г.), вероятно, с использованием старого каркаса, датируемого XVIII в. Снятый крест в виде фрагментов медной обкладки в том же 1960-м году был передан во Владимиро-Суздальский музей-заповедник (рис. 2). Никаких чертежей и обмеров подлинного креста во Владимирской реставрационной мастерской в настоящее время найти не удалось, хотя обмер был сделан. Размеры креста, судя по новоделу, таковы: высота вертикальной мачты 4,07 м, размах поперечной перекладины 2,78 м. По Н.Н. Воронину, размах подлинного креста – 2,83 м

Рис. 2. Крест Дмитриевского собора: новодел 1960 г.

(Воронин, 1961. С. 476). Эти размеры он сопроводил примечанием: «Приводимыми данными я обязан обмерявшему крест Н.А. Левитскому» (Воронин, 1961. С. 560, примеч. 51). Левитский работал на раскопках Владимирского детинца в 1936–1937 гг. в качестве помощника начальника экспедиции – Н.Н. Воронина (Воронин, 1949. С. 217, примеч. 82). В альбоме В.И. Казариновой приводятся несколько иные размеры, поскольку высота измерена вместе с подкрестным яблоком: 4,29×2,76 м (Казаринова, 1959. Табл. 9).

В настоящее время в музее хранится 32 фрагмента медной обкладки собственно креста (Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-9511/2 – В-9511/8, В-9511/10 – В-9511/16, В-9511/18 – В-9511/35) и один фрагмент – обкладка конуса шлема под

яблоком (В-9511/17). Коллекция никогда ранее не изучалась и не публиковалась, хотя ряд фрагментов экспонируется, как постоянно, так и временно; реконструкция древнего креста и его орнамента также составляется впервые.

При изучении фрагментов креста Дмитриевского собора выяснилось, что совершенно не представлен так называемый полумесяц в нижней части креста, заполнение каркаса под «полумесяцем», а также средокрестие в виде погрудного

Рис. 3. Крест Дмитриевского собора: новодел 2002 г.

изображения архангела. Последнее успело исчезнуть к середине XX в. – оно еще есть на фотографиях собора начала XX в., но уже отсутствует на фотографии в книге Н.Н. Воронина. Новодел 1960 г., однако, имеет «полумесяц», причем орнамент его оригинала, весьма тонкий и необычный, сохранился достаточно хорошо для того, чтобы воспроизвести его в новоделе. Более того, судя по рисункам, фотографии и самому новоделу, этот орнамент не был испорчен, в отличие от самого креста, чинками и доделками. Тем не менее, вряд ли «полумесяц» мог сохраниться настолько хорошо, совершенно без всяких утрат, чтобы можно было использовать его в новоделе и обойтись без копии. Однако в коллекции никаких частей и обломков «полумесяца» нет.

Фрагменты представляют следующие детали креста: разогнутую обкладку конуса шлема под яблоком (1 предмет), обкладку каркаса в виде узких цилиндров (5 предметов), части круглых медальонов концов креста (7 предметов), обкладку «ушей» на концах креста перед концевыми медальонами (3 предмета), концевой медальон с крестом (1), крест от второго концевого медальона (1), просечной орнамент с одной или двумя обкладками каркаса, разогнутыми или в виде цилиндров (10), обломки просечного орнамента без обкладки каркаса (5, один из них новодел для чинки).

Все фрагменты, пользуясь рисунками, фотографией и проектным чертежом 1960 г., удалось разместить на своих местах (рис. 4, 1). При этом оказалось, что в некоторых местах орнамент был испорчен чинками, в других местах совсем утрачен. При составлении проекта новодела в 1957–1960 гг. не учли поздних чинок и поместили их в проект как подлинные, чем исказили орнамент поперечной перекладины. Утраченные детали орнамента не восстанавливались. Рисунок орнамента продольной мачты оказался сильно упрощен. Из нижнего яруса исчезла одна птица; в верхнем ярусе остались обе птицы, но в одинаковой позе. На старом же кресте их позы различны: нижняя птица обращена вправо, а верхняя – влево, но головка ее повернута назад; различия с оригиналом и положение крыльев. «Полумесяц» на новоделе был помещен таким образом, что зооморфное изображение в середине, как и на проектном чертеже 1960 г., смотрит вправо, в то время как на старом кресте – влево (лицевая сторона – западная). Ныне новодел 1960 г. экспонируется в Дмитриевском соборе, причем после реставрации «полумесяц» закреплен так, что зооморфное изображение смотрит влево (рис. 2).

На проектном чертеже в графе «научный руководитель» стоит подпись А.Д. Варганова. В письме А.Д. Варганова к Н.Н. Воронину от 28 мая 1960 г. есть упоминание – но не о кресте, а о голубе: «...на Успенском соборе золотили кресты, на Дм. купол, голубь с креста у меня на столе – красавец, особенно головка, в глазах были, вероятно, камни» (ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 929. Л. 38 об.).

В 2002 г. новодел 1960 г. был заменен новой копией, снятой с этого новодела, вновь без исследования фрагментов подлинника (проект Т.О. Бачуриной; – Дмитриевский собор, 1193–1197 гг. Научно-реставрационный отчет. Том 5. Книга 4. Часть НРО. Владимир, 2002). Причиной разрушения крестов, как древнего, так и новодела 1960 г., считается соседство двух разных металлов – черного (железный каркас) и цветного (медные и латунные листы). Новодел, ныне

венчающий главу собора, весь изготовлен из черного металла – железного каркаса и стальных листов, покрытых сусальным золотом. При этом все три птицы на продольной мачте и зооморфное изображение на полумесяце оказались обращены в одну сторону – влево (на проектном чертеже «крылатый барашек» и верхние птицы обращены вправо, а нижняя птица – влево), а в средокрестии восстановлено погрудное изображение архангела (рис. 3).

Результатом изучения 32-х фрагментов, двух новоделов и иконографических материалов стала реконструкция древнего орнамента (рис. 4, 2). Нижняя и верхняя половины вертикали на подлиннике отличались. На верхней половине орнамент был более индивидуальным. На всей вертикали практически не использовался раппорт: мотивы те же, но рисунок и соединение элементов не повторялись. Горизонтальный орнамент построен значительно проще: пара птиц (фазанов) по сторонам древа с свернутыми в побег и с наружными кринами; на обеих половинах поперечной перекладины орнамент одинаков. В целом орнамент оригинала оказался гораздо интересней и богаче, чем на обоих новоделах.

Замечательную архитектуру и пластику «златоверхого» Успенского собора XII в. в древности дополняли наружные фрески, двери в технике «золотой наводки», скульптура из просечной золоченой меди – «кубки и поткы» на кровле, медные накладки в аркатурном фризе и барабане, ажурные подзоры на закомарах, золоченые главы с крестами (ПСРЛ, 1908. Т. II. Стб. 582–583). Из этого

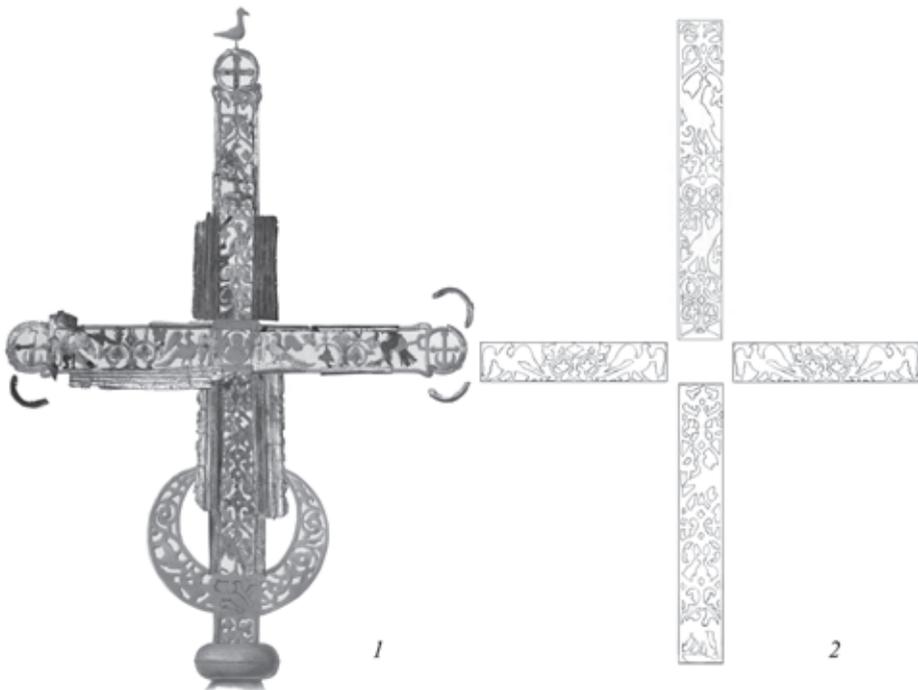

Рис. 4. Крест Дмитриевского собора. Реконструкция автора.

1 – крест; 2 – схема орнамента.

утраченного за многовековую историю декоративного великолепия современный облик собора удержал только подзоры и надглавные кресты.

Документальных сведений о кресте немного. Ряд летописей сообщает о Пречистой церкви, пострадавшей в грозную бурю 16 июля 7001 (1493) г., – в одних случаях имея в виду Владимир, в других – Москву, либо одновременно церкви обоих городов. Так, в Тверской летописи читаем: «Того же дня у Пречистыя Владимирской у предела крест спал с Благовещения» (ПСРЛ, 1963. Т. XV. Стб. 501). Летописные своды 1497 и 1518 гг. сообщают: «В той же день в Володимери оу Пречистые с церкви Благовещения бурею крест сломило» (ПСРЛ, 1963. Т. 28. С. 159, 324). Воскресенская же летопись рассказывает о московском соборе: «Того же лета, июля 16, вторник, 11 час дни, заже гром с молоньею верх маковици болшия, тес под железом, у соборныя церкви Успения Пречистии на Москве...» (ПСРЛ, 1859. Т. VIII. С. 226), Владимирский летописец – о двух соборах: «Того же лета месяца июля 16 день загореся от грома болшой верх у Пречистыя на Москве. В той же день в Володимере у Пречистые з придела з Благовещенья крест спал» (ПСРЛ, 1965. Т. 30. С. 138). Заметим, что владимирское чтение вклинивается в пространный рассказ о большом московском пожаре. Однако Благовещенского придела в московском соборе никогда не было, да и о кресте говорится именно в отношении владимирской церкви.

В восточной части северной галереи владимирского Успенского собора действительно находился Благовещенский придел (с 1708 г. – Знаменский, с 1774 г. – во имя Андрея Боголюбского), однако когда он появился, неизвестно. Самые ранние упоминания придела Благовещения относятся к 1640-м годам в описях границ Успенского собора. В описных книгах 1693 и 1695 гг. упоминаются три придела, но Благовещенского среди них нет (РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53. Л. 15, 56–57 об.). Лишь опись 1708 г. кроме этих трех приделов упоминает еще придел «от северной страны», никак его не называя (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2764. Л. 11–11 об.). Если сообщение 1493 г. относится к владимирскому собору, что, очевидно, так и есть, то значит, что Благовещенский придел существовал уже в XV в., и сломался крест на северо-восточной главе, помещавшейся над ним.

В 1536 г. случился пожар, пострадала городская крепость, и «на Пречистей на съборной церкви половина кровли згорела»; для исправления крепости из Москвы был прислан Истома Курчев (ПСРЛ, 1965. Т. XIII. С. 111, 431). Летописи не упоминают о крестах, но, вероятно, вместе с кровлей могли пострадать и они, так же, как и при пожаре 1719 г. Описные книги Успенского собора 1693, 1695 и 1708 гг. упоминают на главах «кресты медные прорезные позолоченные» (РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53. Л. 2–2 об., 45–45 об.; Ф. 237. Оп. 1. Д. 2764. Л. 3 об.).

Единственное изображение среднего, большого креста имеется на одном из чертежей, предшествовавших реставрации собора конца XIX в. и ныне хранящихся в музее. История этих чертежей такова. В 1858 г. Успенский собор посетил император Александр II. В это же время была начата перестройка древнего храма в Рождественском монастыре. Возможно, не без связи с этим в 1859 г. ветхий и обезображенный контрфорсами, поздней кровлей и главами Успенский собор освидетельствовала особая комиссия. В 1860 г. архитектором А.С. Каминским были составлены проект и смета на возобновление собора, переданные на

рассмотрение в Строительную контору Министерства императорского двора. Смета датирована 11 декабря 1860 г. Выпускник Московской Академии художеств, молодой архитектор Александр Степанович Каминский в 1857–1860 гг. проходил стажировку за границей, но в конце 1860 г., очевидно, уже вернулся в Москву и приступил к работе. Член Строительной конторы Министерства императорского двора, известный профессор гражданской архитектуры А.К. Красовский в 1861 г. был послан во Владимир и вновь освидетельствовал здание. Сопоставив увиденное с проектом и сметой, он решил, «что контрфорсы... вполне предохраняют стены от действия распора надтреснувших местами сводов, и что приступать к реставрации собора для того, чтобы предупредить его от разрушения, не представляется необходимости». В том же году член Императорской археологической комиссии граф С.Г. Строганов вновь осмотрел здание и также нашел, что собор «без особенного для него вреда может быть оставлен в настоящем его виде». В декабре 1871 г. Владимирский епископ Антоний, задумавший перестроить Успенский собор по примеру Рождественского, вновь ходатайствовал о его ремонте. Граф С.Г. Строганов обо всем доложил государю, и тот повелел «предположение о возобновлении и перестройке Успенского собора отменить», а 12 чертежей и смета Каминского были отосланы во Владимир. Чертежи и смета хранились в соборной ризнице до 1921 г., а затем 7 из них поступили во Владимирский музей (Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-4126/1-7, два из них – /1 и /3 – без подписи), а смета оказалась в областном архиве (ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 4; Д. 41. С. 131; *Виноградов*, 1905. С. 81; *Петрова*, 2003. С. 166; *Тимофеева*, 2013. С. 143–144).

На одном из чертежей, подписанном А.С. Каминским и датированном 1860-м годом – «Детали владимирского Успенского собора, построенного великим князем Андреем Боголюбским в 1158 году», изображен крест средней главы (Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-4126/7). Орнамент его значительно проще, чем на Дмитриевском соборе. Вертикальную мачту украшает лента двойного овального плетения с трилистниками, в нижней половине мачты обращенными вниз, а в верхней половине – вверх. В орнаменте горизонтальной перекладки соединяются зооморфный и растительный мотивы. По сторонам средокрестия распластались парные барсы с процветшими хвостами, а ближе к концам компактно разместились мотив, знакомый нам по кресту Дмитриевского собора: симметрично отраженный выющийся побег с свернутым внутрь кринном. Концы креста завершаются «ушами» и круглыми медальонами с сердцевидными фигурами и трилистниками. Средокрестие выделено внутренней рамкой с четырехлепестковой розеткой и косыми вставками, как бы образующими внешний круг (рис. 5, 1).

В 1875 г. кресты на соборе были сняты «вследствие усмотренной испорченности их положения, а вместе и для исправления в них ветхостей и повреждений... Предполагалось вновь позолотить кресты чрез огонь по древней меди». Но сделать это оказалось невозможным из-за плохой сохранности прорезной меди, а «пущенные в публику... сплетни о продаже якобы крестов семивековой древности побудили духовное начальство приостановиться исправлением крестов». В результате их вернули на прежние места (БЕВ. 1875. № 13. С. 620–623). Епархиальный архитектор Н.А. Артлебен предложил «составить рисунок крестов в реставрированном древнем их виде», дабы заменить старые «совершенно подобными им новыми»,

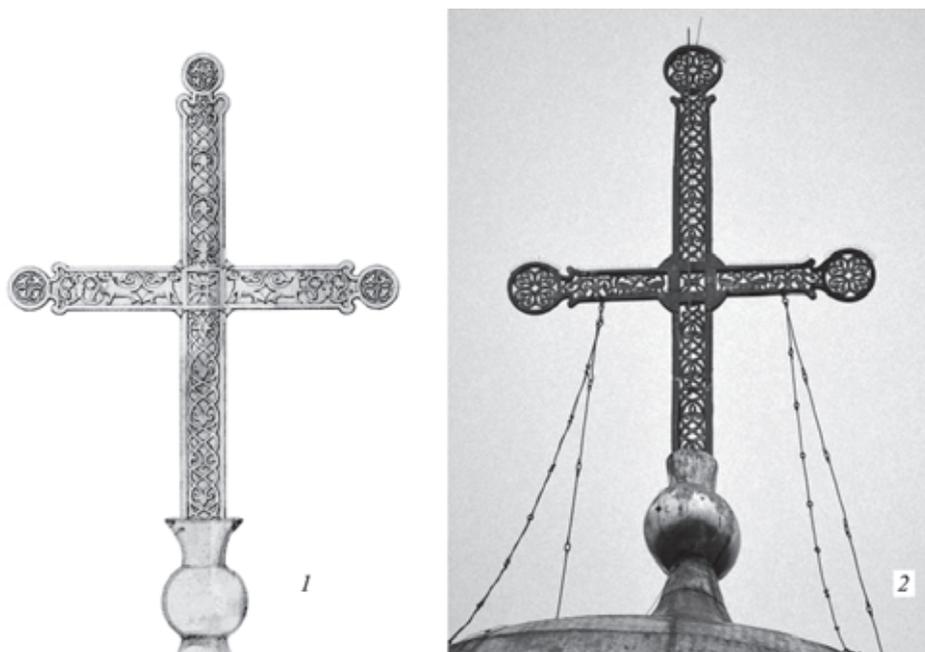

Рис. 5. Большой крест Успенского собора.

1 – чертеж А.С. Каминского, 1860 г.; 2 – новодел по проекту Н.А. Артлебена, 1882 г.
Фото 2013 г.

что вызвало вопрос: «Не будет ли это явный подлог? Пройдет двести, триста лет, поставленные теперь новые кресты обветшают, и тогда их будут принимать уже за тысячелетнюю древность...» (ВЕВ. 1875. № 15. С. 745–746).

Случай для замены одного из крестов, которые «на всех пяти главах едва держались от ветхости», представился немного позже. 14 января 1882 г. средний крест «сломило бурей и, повредивши его во многих частях, сбросило на самый край кровли» (Виноградов, 1905. С. 86, примеч.). Прочие четыре креста во время этой бури погнулись (ВГВ. 1882. № 3. Часть неофициальная. С. 1).

Крест переломился у самого основания над яблоком и упал на крышу собора, где был удержан цепями, прикреплявшими его к главе. Крест сняли и положили на паперти. Исследованием древнего креста и проектом нового занимался Н.А. Артлебен. Кресты собора он относил ко времени Андрея Боголюбского или Всеволода. Вот его описание креста: «Крест четвероконечный с тремя кругами на концах, вышина его 6,5 аршина, поперечник 4,5 аршина, рамка его сделана из брускового железа и обтянута медью, середина между брусков состоит из прорезных узоров, сделанных из толстой листовой меди, такие же узоры вставлены и в кругах по концам креста, ширина креста 7 вершков. Узоры в вертикальной полосе креста состоят из переплетенных ветвей, среди которых находятся цветки лилий, в поперечной полосе райские птицы, сидящие попарно, и травы – орнаменты, при-

надлежащие стилю XII века; на медной обложке рамы и на узорах видны следы древней позолоты. Крест оказался сильно поврежденным: железо погнуто, два круга – верхний и один из боковых – вовсе отломаны, медная оправа рамы местами сорвана, прорезные украшения частью погнуты и поломаны... при починке он был скреплен железными накладками, скобами и т.п., а поломанные прорезы были зачинены медными заплатами).

Повреждения и чинки Н.А. Артлебен отнес к 1493 г. По его предположению, после пожара 1536 г. и ремонта городской крепости Истомой Курчевым могла быть поставлена центральная медная глава луковичной формы, крест при этом, естественно, снимался. Малые же главы имели грушевидную форму. Н.А. Артлебен справедливо замечает, что «разноформенность» большой и малых глав свидетельствует об их одновременности. На одном из малых крестов он обнаружил на медной накладке врезанные буквы РМВ, и предположил, что это обозначение года – (7)142 (1634), когда были устроены малые грушевидные главы и на них переставлены старые кресты (*Артлебен*, 1882. С. 2). По описям 1693, 1695 и 1708 гг., средняя большая глава была покрыта золоченой медью «по железным дугам», а четыре малые главы – жстью («немецким железом белым») по деревянным «дугам», кровли собора и трех притворов тесовые (РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53. Л. 2–2 об., 45–45 об.; Ф. 237. Оп. 1. Д. 2764. Л. 3 об.).

Описание креста у Н.А. Артлебена отличается от рисунка А.С. Каминского, очевидно, Н.А. Артлебену неизвестного. Вместо барсов он рассмотрел на поперечной перекладине райских птиц, поместив их в проекте, который и был осуществлен (рис. 5, 2): «На место его был поставлен новый крест, одинаковый с древним и по размеру и по орнаментации, а древний крест передан на хранение в Московский исторический музей» (*Виноградов*, 1905. С. 86, примеч.). Снятый крест, действительно, находится в Москве: железный каркас – в музее-заповеднике «Коломенское», бывшем до 1968 г. филиалом ГИМ, а части медной обкладки – в коллекции археологии ГИМ. В Главной инвентарной книге музея имеется запись 1887 г. под № 15705, оп. 2364: «Большой крест с главы Успенского Владимирского собора, железный, обитый медными позолоченными листами. Дар Высокопреосвященного Феогноста», с припиской советского времени: «От обивки креста 32 фрагмента (32) в экспозиции. Крест в Коломенском (железный остов)» (за эти сведения выражаю благодарность хранителям ГИМ Вере Павловне Соломенцевой и Ирине Суминой).

18 апреля 1887 г. ключарь Успенского собора протоиерей А.И. Виноградов составил для Совета Братства А. Невского «Метрику для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданий и художественных предметах», в которой надглавным крестам посвящен отдельный пункт: «Кресты на главах железные, обложены золоченою медью и поддерживаются цепями, спускающимися к главам. Все они четвероконечные и никаких прибавлений не имеют, но медь, которой они обложены, в прорезях своих имеет орнаменты» (Собрание ГВСМЗ. Инв. № 51777).

В 1888–1891 гг. состоялась капитальная реставрация собора. В мае 1890 г. ветхие малые кресты были сняты; «снятые кресты оказались ветхими до невероятности, при одном прикосновении рукой они готовы были разрушиться» (ГАВО.

Ф. 593. Оп. 1. Д. 43. Л. 52). Снятые «изветшавшие» кресты предполагалось поставить «в удобных местах» Георгиевского придела «с сохранением их вида» (ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 43. Л. 46). Старые кресты заменили новыми копиями. В альбоме И.О. Карабутова по реставрации Успенского собора в 1888–1891 гг. приводится чертеж креста над боковыми главами, сделанный по образцу старых, снятых в 1890 г. (рис. 6, 1). Орнамент этого креста имеет более простой рисунок, чем на среднем кресте: на вертикальной мачте – ромбы с вписанными пальметками, на поперечной перекладине – сердцевидные фигуры с вписанными трилистниками. Средокрестие с «сердечком» выделено рамкой и косыми вставками. Концы креста акцентированы медальонами с таким же орнаментом. На юго-западном кресте на рамке средокрестия, внизу была обнаружена надпись: «Ника црьслвы» (рис. 6, 2), опубликованная И.О. Карабутовым в альбоме по реставрации собора (*Карабутов*, б/г).

Интересно, что во время реставрации Успенского собора орнаменты надглавных крестов обоих соборов были использованы в «узорочиях» ажурных подзоров на закомарах и постаментах барабанов глав: на Всеволодовых галереях – с креста Дмитриевского собора, на андреевской части – с крестов Успенского собора (Древности, 1894. С. 203), причем в рисунок орнамента подзоров галерей вошли и некоторые поздние ремонтные доделки (*Карабутов*, б/г).

5 августа 1890 г. четыре новых надглавных креста, стоявшие внутри соборной ограды, были вынесены на площадь перед собором и после крестного хода и молебна торжественно освящены. Средний же крест еще не был «окончен отделкою». Очевидец писал с восхищением: «Кресты эти, сохранившие в точности форму и размер прежних старинных крестов, поражают и своей массивностью (каждый крест длиною 6 аршин, шириною 5 аршин, весу в каждом 22 пуда), и блеском превосходной позолоты». Затем один из крестов стали поднимать вверх «при пении тропаря кресту» и в течение получаса «без всяких затруднений» водрузили на место. Остальные устанавливались в следующие воскресные дни, по одному – каждое воскресенье (ВВВ. 1890. № 16. С. 562; в альбоме И.О. Карабутова о малых крестах сказано: «Устроены по образцу старых при реставрации собора в 1891-м году»).

По свидетельству очевидцев, размеры большого и четырех одинаковых малых крестов отличаются: большой на пол-аршина выше, но в поперечнике настолько же короче малого: 6,5×4,5 аршина (4,6×3,2 м); размер малых – 6×5 аршин (4,26×3,55 м). Медальоны на концах среднего креста одинаковы по размерам, а на концах малого креста разные: боковые горизонтальные меньше среднего вертикального (рис. 7).

В 1891 г. член Московского Археологического общества И.Е. Забелин, руководивший реставрацией собора, благодарил о. Матфея Жудро и епископа Феогноста «за предметы строительной древности, означенные в приложенном списке... а также и надглавный крест с одной из глав Всеволодовой постройки» (ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 43. С. 74–75). Из этого письма следует, что в Московском историческом музее оказался еще один крест – с малой главы.

В 1902 г. из ризницы Успенского собора для музея Владимирской архивной комиссии были переданы среди прочих древних предметов «надглавные кресты времени Всеволода Георгиевича» (ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 1. Л. 169–

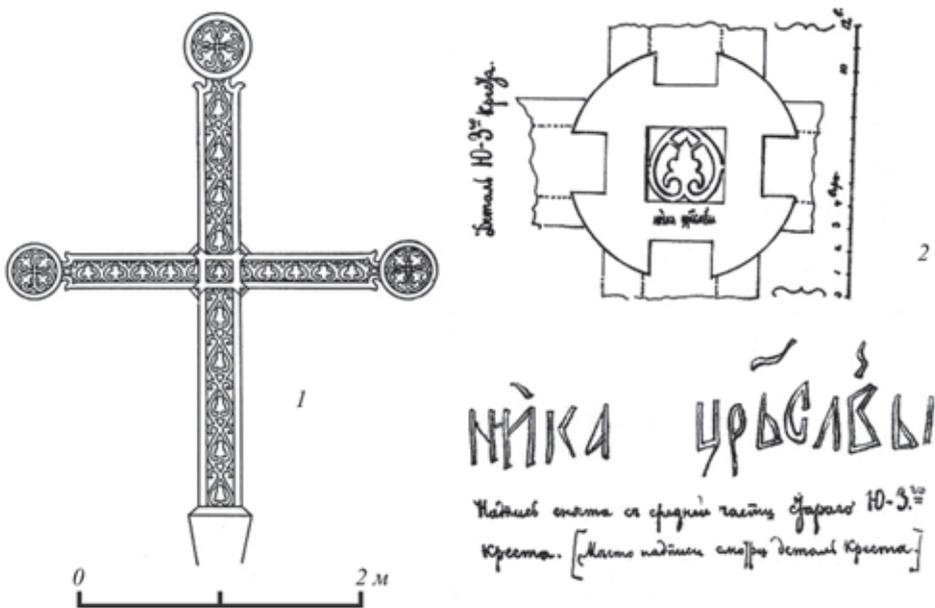

Рис. 6. Малый крест Успенского собора. Чертеж И.О. Карабутова, 1891 г.
1 – проект новодела; 2 – надпись на юго-западном кресте.

169 об.). Надо думать, их было три, и после революции они остались в музее. Действительно, в ранних инвентарных книгах советского времени удалось найти два упоминания о них. Одно – в книге под названием «Тетрадь III», написанной по старым правилам орфографии: под № 676–678 значатся «Кресты с Успенского собора – 3» (Тетрадь III). Второе упоминание – в другой книге, написанной по новым орфографическим правилам, в рубрике «Отдел I. Церковные древности» под теми же номерами числятся «Кресты железные с глав Успенского собора – 3» (Инвентарная книга). Кстати, на той же странице под № 674 значится крест из перламутра, а в качестве источника поступления указано: «поступил в дар от Хрисотеля Владимировича Медведкова». Х.В. Медведков работал в музее с 1918 по 1929 г. (Тимофеева, 1999. С. 3). Время поступления уточняет «Отчет о деятельности музея с отделениями в г. Владимире, Суздале и Переславле за 1923/24 г.», в разделе о поступлении новых экспонатов. В нем числятся «три креста Всеволодовых», снятых с Успенского собора при ремонте 1884–1886 гг. (ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 11. Л. 97).

В одном из музейных документов фигурируют «части надглавного креста XII в. – 2» (Акт от 22 октября 1936 г. о передаче экспонатов в Красное здание по отделам дофеодальной и феодальной эпохи). Вероятно, в результате разного рода реквизиций, когда черный и цветной металлы – ограды, решетки, плиты пола, колокола и пр. – музей вынужден был сдавать в металлолом, три больших ветхих креста уменьшились до двух относительно цельных концевых медальонов, которые в настоящее время имеются в коллекции ГВСМЗ (В-9511/1 и В-9511/9).

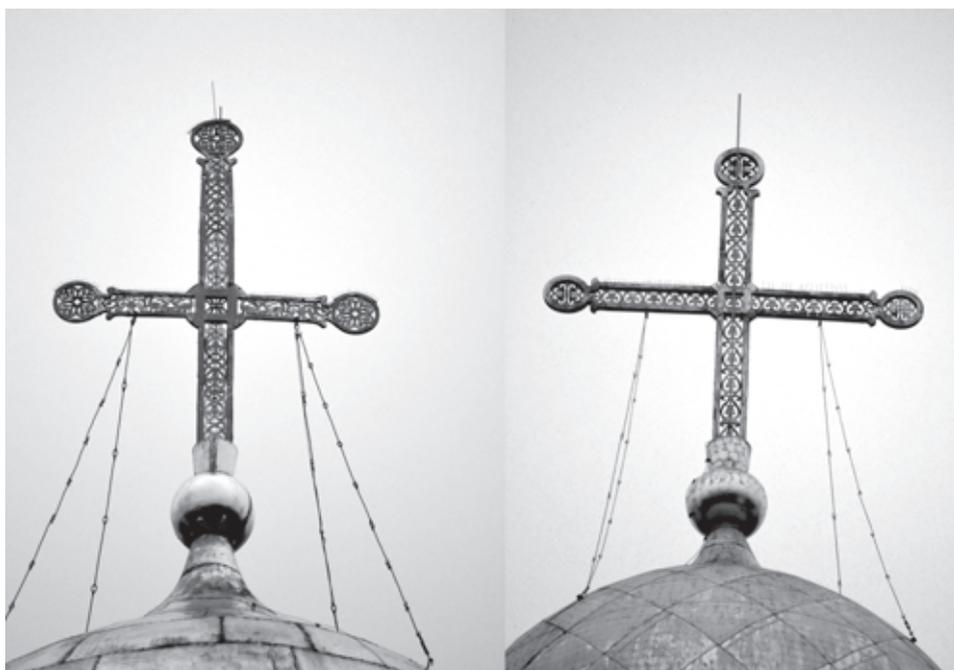

Рис. 7. Большой и малый кресты Успенского собора. Фото 2013 г.

В 1920-е годы разного рода комиссиями изымались церковные ценности; во время Великой Отечественной войны музей также сдавал в Фонд обороны ценности и металл. Так, в 1941 г. были сданы серебряные с позолотой детали раки Георгия Всеволодовича (Акт от 23 октября 1941 г.), в 1942 г. – серебряный лом более чем на 800 р. и более 100 кг цветного металллома (Отчет о работе Владимирского краеведческого музея за первое полугодие 1942 г.). До 1936 г. исчезли и кресты.

Таким образом, к 1936 г. в музее имелось два фрагмента надглавных крестов Успенского собора (рис. 8) – концевые медальоны (Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-9511/1 и 9511/9). На фотографиях экспозиции по истории белокаменного зодчества, действовавшей в Дмитриевском соборе с 1955 г. до 1974 г., на стенде об Успенском соборе видны именно эти медальоны (Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-1448/7. 1965 г.).

Проследим теперь судьбу новодельных крестов на главах собора. В 1918 г. Успенский собор перешел в ведение Главмузея Наркомпроса, в 1945 г. – областного отдела по делам архитектуры (Документы по фондам. С. 110). С 1944 г. возобновилось богослужение. На протяжении полутора десятилетий Владимирской реставрационной мастерской велись ремонтно-реставрационные работы. В 1950 г. была расчищена позолота центрального купола и крестов на всех главах (Отчет по производству ремонтно-реставрационных работ в памятнике архитектуры «Успенский собор» за период 1950–1954 гг. Л. 12–13).

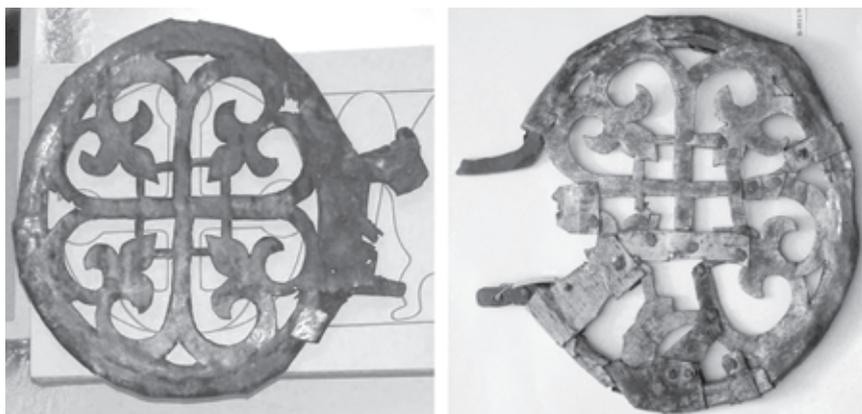

Рис. 8. Фрагменты малых крестов Успенского собора в коллекции ГВСМЗ.

В 1955 г. началась подготовка к золочению крестов, для чего предполагались церковные средства (Минин, 2004. С. 81). Средний большой крест, изготовленный по проекту Н.А. Артлебена и поставленный в 1882 г., донине венчающий среднюю главу, отличается от чертежа 1860 г. большей стилизацией орнамента: барсов на поперечной перекладине заменили «райские птицы» – условные фигурки с завитками вместо головок и хвостов. На вертикальной мачте все трилистники обращены вверх; розетка средника перехвачена муфтой. Малые кресты были изготовлены в 1890 г., очевидно, по проекту И.О. Карабутова. Предполагалось завершить ремонт собора к 1958 г. – празднованию 850-летия г. Владимира. Но мастерская не успевала закончить работу к этому времени. 25 октября 1957 г. директор реставрационной мастерской Фролов писал архиепископу Онисиму: «Смета на *позолоту* купола средней главы собора, колокольни и *крестов* на сумму 256695 руб. 91 коп., составленная в начале текущего года, в связи с изменившимися объемами работ потеряла свое значение» (ГАВО. Ф. Р–3716. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–11, 16–17). Кресты были позолочены несколько позже, в 1960 г. Это следует из приведенного выше письма А.Д. Варганова к Н.Н. Воронину от 28 мая 1960 г.: «...на Успенском соборе золотили кресты...» (ГАВО. Ф. Р–422. Оп. 1. Д. 929. Л. 38 об.).

Таким образом., концевые медальоны принадлежат трем старым крестам с малых глав Успенского собора, которые сохранились в Георгиевском приделе, затем в ризнице, с 1902 г. – во Владимирской Архивной комиссии, а после революции перешли в ведение советского музея. Судя по размеру наших фрагментов (41×44×2; 44×44,5×2 см) и чертежу И.О. Карабутова, приведенному Н.Н. Ворониным в современном масштабе (Воронин, 1961. С. 474), они действительно принадлежали боковой главе.

Медальоны состоят из круглого железного каркаса, обтянутого медным золоченым листом с просечным орнаментом. Орнамент представляет собой равноконечный крест с раздвоенными закругленными концами, образующими четыре сердцевидные фигуры с вписанными трилистниками, обращенными к

центру (на концах большого креста средний лепесток у трилистников не сплошной, а прорезной); вокруг средокрестия закреплена в форме квадрата полоска, соединяющая трилистники. С одной стороны каркас разорван и концы отогнуты. Медальоны служили оформлением концов поперечной перекладины креста малых глав Успенского собора. Датировка медальонов XII веком вполне возможна. То обстоятельство, что в конце XIX в. кресты поражали крайней ветхостью и носили следы многочисленных повреждений и чинок (а медальоны принадлежат именно старым крестам), может служить аргументом за их древность.

Литература

- Акт от 22 октября 1936 г. о передаче экспонатов в Красное здание по отделам дофеодальной и феодальной эпохи // Научный архив ГВСМЗ. Б/н.
- Акт от 23 октября 1941 г. // Научный архив ГВСМЗ. Б/н.
- Артлебен Н.А.*, 1882. Древние надглавные кресты владимирского Успенского собора // Владимирские губернские ведомости. № 5. Часть неофициальная.
- Виноградов А.И.*, 1905. История кафедрального Успенского собора в губ. городе Владимире. Владимир.
- Владимирские губернские ведомости. 1866. № 4. Часть неофициальная.
- Владимирские губернские ведомости. 1882. № 3. Часть неофициальная.
- Владимирские епархиальные ведомости. 1875. № 13. Часть неофициальная.
- Владимирские епархиальные ведомости. 1875. № 15. Часть неофициальная.
- Владимирские епархиальные ведомости. 1890. № 16. Часть неофициальная.
- Воронин Н.Н.*, 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. (МИА. № 11). М.: АН СССР.
- Воронин Н.Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М. ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 1.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 122.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1399.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 3734.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 3. Д. 753.
- ГАВО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 10.
- ГАВО. Ф. 592. Оп. 1. Д. 19.
- ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 1.
- ГАВО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 41.
- ГАВО. Ф. Р-1826. Оп. 1. Д. 11.
- ГАВО. Ф. Р-3716. Оп. 1. Д. 19.
- ГАВО. Ф. Р-422. Оп. 1. Д. 929.
- Дмитриевский собор. Научно-реставрационный отчёт. Т. 5. Кн. 4. Часть НРО. Проектный чертеж креста Дмитриевского собора. 2002 г. // Научный архив ГУП «Владспецреставрация». Инв. № 01185.
- Дмитриевский собор. Проектный чертеж креста. Июнь 1960 г. // Научный архив Владимирской специальной экспериментальной научно-реставрационной производственной мастерской (Владреставрация). Вл-7/1. Папка с кальками № 1.
- Документы по фондам // Научный архив ГВСМЗ. Б/н.
- Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XV. Вып. I. М., 1894.
- Инвентарная книга // Научный архив ГВСМЗ. Б/н.

- Казаринова В.И.*, 1959. Архитектура Дмитриевского собора во Владимире. М.
- Карабутов И.О.*, б/г. Чертежи по реставрации Успенского собора в губ. гор. Владимире в 1888–1891 годах: Альбом. Б. м. (Литографированное изд.)
- Косаткин В.В.*, 1914. Дмитриевский собор в губ. гор. Владимире. Владимир.
- Минин С.Н.*, 2004. Очерки по истории Владимирской епархии. Владимир.
- Новаковская-Бухман С.М.*, 2007. Дмитриевский собор во Владимире до и после реставрации 1834–1847 гг. и другие белокаменные храмы Владимирской земли по акварелям Ф.Г. Солнцева // Труды ГЭ. Вып. XXXIV. СПб.
- Отчет о работе Владимирского краеведческого музея за первое полугодие 1942 г. // Научный архив ГВСМЗ. Б/№.
- Отчет по производству ремонтно-реставрационных работ в памятнике архитектуры «Успенский собор» за период 1950–1954 гг. // ГАВО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 62.
- Петрова Е.П.*, 2003. Документы по истории Успенского, Дмитриевского и Георгиевского соборов в собрании музея-заповедника // Материалы исследований / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Вып. 9. Владимир.
- ПСРЛ. Т. 28. Летописные своды 1497 и 1518 гг. М.; Л., 1963.
- ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. М., 1965.
- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- ПСРЛ. Т. VIII. Воскресенская летопись. СПб., 1859.
- ПСРЛ. Т. XV. Тверская летопись. М., 1963.
- РГАДА. Ф. 235. Оп. 3. Д. 53.
- РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 2764.
- Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-1448/7.
- Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-4126/1–7.
- Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-4126/7.
- Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-51777.
- Собрание ГВСМЗ. Инв. № В-9511.
- Строганов С.Г.*, 1849. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. М. Табл. II. Тетрадь III // Научный архив ГВСМЗ. Б/н.
- Тимофеева Т.П.*, 1999. Первые директора Владимирского музея // Материалы исследований / Гос. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Вып. 5. Владимир.
- Тимофеева Т.П.*, 2003. Город Владимир в гравюрах и рисунках первой половины XIX в. // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 2002 г. М.
- Тимофеева Т.П.*, 2013. Исследования по истории владимирского Успенского собора. М.; СПб.

Summary

T.P. Timofeeva

CROSSES ON THE DOMES OF THE CATHEDRALS OF VLADIMIR OF THE 12TH CENTURY

The Vladimir and Suzdal museum-reserve possesses the collection of fragments of ancient crosses which stood over the 12th-century cathedrals of St. Demetrius (33 pieces) and Assumption (2 pieces) and a newly-made cross of the Cathedral of St. Demetrius (mid-20th cent.). History and iconography of the crosses, provenance and structure of the collection have been studied. Graphical reconstruction of the ornament of the cross of the Cathedral of St. Demetrius was made. It is known where two authentic crosses of the Assumption Cathedral are kept now and when and who made the new ones to replace them.

О.Л. Шарганова

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. (ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Во второй половине I тыс. н.э. в Суздальском Ополе появляются крупные гнезда поселений, начало формирования которых относится к VI–VII вв. Некоторые из этих поселений прекратили существование на рубеже X–XI вв., а другие стали основой для формирования древнерусских сел XI в.

В культуре населения Суздальского Ополя 2-й половины I тыс. н.э. исследователи отмечают присутствие поволжско-финского (мерянского) компонента. Однако здесь много и нейтральных в этническом отношении элементов, распространенных в различных культурных группах. Во второй половине IX – X в. регион вовлекается в пушную торговлю, идущую по Волжско-Балтийскому пути. В этот период распространяются вещи, свидетельствующие о росте благосостояния населения: стеклянные бусы, металлические украшения, бытовые вещи из металла, в том числе кузнечные изделия. В X в. материальная культура населения Ополя носит смешанный славяно-мерянский облик, а собственно древнерусская культура формируется в конце X – XI в. с распространением круговой посуды (Макаров, 2012а. С. 203). Поэтому реконструкция этнокультурной истории населения этой территории в период, предшествующий формированию населения Суздальской земли как части Северо-Восточной Руси, является весьма актуальной.

Благодаря разработанной А.А. Бобринским методике (Бобринский, 1978; 1999) лепная керамика стала одним из наиболее перспективных источников для изучения истории древнего населения и, прежде всего, процессов смешения разных этнокультурных групп. Изучение керамики в рамках историко-культурного подхода предполагает выяснение конкретных культурных традиций в гончарстве. В данной работе были изучены так называемые приспособительные гончарные традиции, первыми реагирующие на возникновение процесса смешения населения: традиции отбора и подготовки исходного сырья и традиции составления формовочных масс, из которых лепились сосуды.

Проведенный анализ включал следующие этапы: 1) отбор образцов керамики от разных сосудов, 2) вторичный обжиг небольших обломков от каж-

дого сосуда в муфельной печи при температуре 850°C для оценки степени железненности глинистого сырья, 3) анализ степени запесоченности глин для обобщенной характеристики навыков отбора исходного сырья, 4) качественный и количественный анализ состава формовочных масс керамики. Анализ велся по свежим изломам керамики с помощью бинокулярного микроскопа МБС-9.

Керамика, предоставленная для исследования, состоит из коллекций, неравнозначных по объему и степени фрагментированности материала. Всего были изучены обломки от 576 сосудов. Они происходят с шести памятников (рис. 1).

Кибол 7. Раннесредневековый период существования селища Кибол 7 датируется VI–VII вв., но были найдены также и вещи, датирующиеся концом I – началом II тыс. н.э. (Макаров, 2008). Керамика происходит из двух раскопов.

Рис. 1. Карта Суздальского района Владимирской области.

Это фрагменты с шероховатой, заглаженной и, редко, лощеной поверхностью. Небольшой размер обломков сосудов указывает на то, что слой селища многократно распаивался. Было изучено 75 сосудов.

Ославское 6. Датирующих вещей на памятнике найдено очень мало. Исследователи относят его ко 2-й половине I тыс. н.э., но ранее X в., т.к. не было найдено предметов, массово появляющихся в это время (*Макаров и др.*, 2013). Лепная керамика происходит из сборов в обнажениях культурного слоя. Она представлена мелкими фрагментами лепных сосудов с грубой, заглаженной и лощеной поверхностью. Было изучено 18 сосудов.

Кидекша. По мнению исследователей, стационарное средневековое поселение здесь возникло в конце I тыс. н.э. Судя по отсутствию в культурном слое стеклянных бус и металлических украшений, характерных для напластований X в., поселок появился до этого времени, в IX в., а может быть и ранее. Не позднее второй половины X в. поселение было заброшено. Изученная керамика происходит из раскопок в церкви Бориса и Глеба и рядом с ней, из культурных слоев, подстилающих горизонт строительства собора (*Макаров и др.*, 2014). Лепная керамика представлена преимущественно мелкими фрагментами. Встречаются сосуды с грубой и заглаженной поверхностью, а также подлощенные. Было изучено 23 сосуда.

Тарбаево 5. Лепная керамика здесь датируется X – началом XI в. и происходит из нескольких шурфов. Это одно из селищ центрального поселения туртинско-тарбаевской локальной группы в южной части Ополя, которое рассматривается как первоначальный очаг колонизации. Оно отличается крупными размерами, длительностью существования и особым составом коллекции. «Группа ранних находок, включающая дирхемы, весовые гирьки, украшения и бытовые вещи финских и северных типов, характеризует этот памятник на раннем этапе его существования как поселение, включенное в систему широких торговых связей, культура которого формировалась при участии северных влияний» (*Макаров*, 2012б. С. 83). Редкие сосуды здесь имеют следы лощения, остальные – с заглаженной и шероховатой поверхностью. Было изучено 23 сосуда.

На селище **Кибол 5** период активного освоения исследованной территории датируется X–XIII вв. (*Милованов*, 2014. С. 149–150). Это один из памятников, на которых прослеживается непосредственная преемственность между поселениями конца I тыс. н.э. и древнерусского времени. Керамика происходит из раскопа, культурный слой в котором оказался переотложенным (за исключением ям), однако в коллекции имеется большое количество фрагментов сосудов, у которых сохранилась верхняя треть профиля, что дает возможность предположительно судить об их форме. Помимо сосудов с шероховатой поверхностью, встречаются сосуды подлощенные и лощеные. Всего было изучено 253 сосуда.

Весь 5. Период существования поселения, связанный с бытованием лепной посуды, датируется второй половиной IX – X в. Селище входит в состав одного из крупнейших локальных центров в округе Суздаля, включавшего шесть поселений и две курганные группы. Это одно из наиболее исследованных поселений Суздальского Ополя с материалами конца I – начала II тыс. н.э. (*Макаров, Захаров, Шполянский*, 2010; *Макаров*, 2012а. С. 206). Культурный слой поселения

сильно поврежден распашкой, непо потревоженными остались только отдельные участки. Большая часть лепной керамики и вещей раннего периода обнаружена в перемешанном культурном слое и в заполнении глубоких ям-подполий 2-й половины XII – XIII в. Керамика имеет заглаженную, шероховатую или лощеную поверхность. Было изучено 184 сосуда.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Основным **пластичным сырьем** для гончаров всех изученных памятников была оже железненная глина. Различия в составе и особенностях естественных примесей в глинах позволили выделить ряд их разновидностей (табл. 1). По степени запесоченности все разновидности глин можно разделить на сильно-, средне- и слабо запесоченные.

К **сильно запесоченным** относятся 6 разновидностей глин, которые содержат большое количество пылевидного и мелкого песка.

Глины 1/1а – слабо- и среднеоже железненные. Их отличает большое количество пылевидного песка, более крупного песка очень мало или почти нет. Характерно отсутствие включений бурого железняка, который только в единичных случаях присутствует в виде обломочных частиц размером обычно не более 0,5 мм. Один раз зафиксирован фрагмент раковины размером 4 мм.

Глина 1б – среднеоже железненная, содержит большое количество кварцевого пылевидного песка и мелкий песок черного цвета (размером около 0,1 мм) в значительном количестве.

Глина 1г – оже железненная, песок размером до 0,1 мм присутствует в большом количестве, заметна фракция 0,05 мм, есть песок размером 0,2 мм, песка крупнее 0,2–0,3 мм мало. Бурый железняк представлен единичными включениями размером 0,2–0,6 мм.

Глина 2 – сильно- или среднеоже железненная. Она содержит большое количество пылевидного песка и песка размером 0,1–0,2 мм, часто в заметном количестве присутствует песок размером 0,2–0,3 мм и редкие более крупные зерна. Глины этой разновидности содержат бурый железняк, но редко в большой концентрации.

Глина 2а – слабо- или среднеоже железненная, содержит очень много песка размером 0,1–0,2 мм, при этом пылевидного песка (менее 0,1 мм) в ней практически нет. Присутствует также песок размером 0,2–0,3 мм и редкие зерна размером до 1 мм.

Глина 2б – сильнооже железненная, содержит большое количество песка размером 0,05–0,2 мм, присутствует также песок размером 0,2–0,3 мм, редкие зерна размером 0,4–1,0 мм и единичные более крупные. Бурый железняк содержится в очень небольшом количестве.

К **средне запесоченным** были отнесены три разновидности глин:

Глина 3 – оже железненная, содержит пылевидный песок, иногда в небольшом количестве, небольшое количество песка размером 0,1–0,3 мм, редкие более крупные зерна. Бурый железняк присутствует в заметной концентрации.

Глина 3а – оже железненная, содержит преимущественно пылевидный песок в относительно небольшой концентрации.

Глина 3 илистая (?) – оже железненная глина, содержит пылевидный песок, песок

размером 0,1–0,3 мм, редкие более крупные зерна. Бурый железняк присутствует во всех сосудах. В ряде случаев бурый железняк представлен разнообразными по плотности и структуре включениями. В отдельную разновидность глины выделяет присутствие фрагментов раковин моллюсков размером не более 5 мм (чаще – не более 3 мм) в заметной концентрации (до 10–12 включений на 1 см²).

Слабозапесоченные глины представлены также тремя разновидностями.

Глина 4 – ожелезненная, содержит очень мало пылевидного песка и песка размером 0,1–0,2 мм, а также отдельные зерна размером 0,2–0,3 мм. Бурый железняк присутствует в большей или меньшей концентрации.

Глина 4а – ожелезненная, практически не содержит различного под микроскопом песка. Иногда наблюдается неравномерная окрашенность черепка (кирпично-красные линзы).

Глина 5 – ожелезненная, содержит очень мало пылевидного песка, небольшое количество песка размером 0,1–0,3 мм, редкие более крупные зерна.

Наибольшим разнообразием глинистого сырья отличаются три памятника (рис. 2). Это Кибол 7, Кибол 5 и Весь 5. На них встречаются сосуды, изготовленные из слабо-, средне- и сильнозапесоченных глин. Так, на Киболе 7 сосуды, изготовленные из различных сильнозапесоченных глин, составляют 61%, из среднезапесоченных – 23%, из слабозапесоченной – 16%. В материалах Киболы 5 преобладают сосуды, сделанные из среднезапесоченных глин (57%), при этом из сильнозапесоченных было сделано 28%, из слабозапесоченных – 15%. В керамике Веси 5 значительно преобладают сосуды, изготовленные из сильнозапесоченных глин (78%), средне- и слабозапесоченные глины использовались значительно реже (10% и 12%).

На остальных памятниках не было выявлено сосудов из слабозапесоченных глин. В Ославском 6 и Тарбаеве 5 традиция использования сильнозапесоченных глин преобладает (67% и 65%), среднезапесоченные глины применялись вдвое реже (33% и 35%). В Кидекше, напротив, преобладают сосуды из среднезапесоченных глин (61%), а сильнозапесоченные зафиксированы по 39% сосудов.

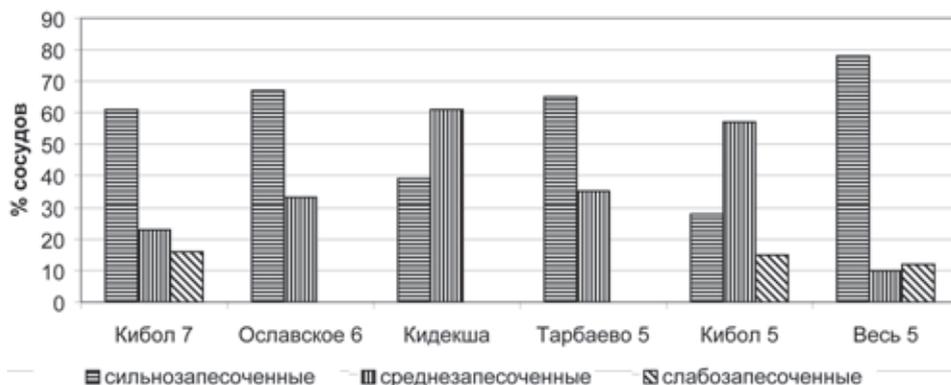

Рис. 2. Степень запесоченности глин в керамике разных памятников.

Таблица 1. Разновидности глин в керамике памятников Кибол 7, Ославское 6, Кидекша, Тарбаево 5, Кибол 5, Весь 5 (число сосудов и %)

Памятник	Ожелезненные глины																	Всего
	Сильнозапесоченные						Среднезапесоченные						Слабозапесоченные					
	1/1а	1б	1г	2	2а	2б	смесь	3	3а	3 с раковинной	смесь	5	4	4а	смесь			
Кибол 7	21 28 %	1 1 %	-	17 23 %	2 3 %	4 5 %	1 1 %	10 13 %	7 9 %	-	-	-	12 16 %	-	-	75 100 %		
всего	46 61 %						17 23 %	-					12 16 %					
Ославское 6	3 17 %	-	-	7 39 %	2 11 %	-	-	2 11 %	4 22 %	-	-	-	-	-	-	18 100 %		
всего	12 67 %						6 33 %	-					-					
Кидекша	4 17 %	-	-	4 17 %	-	1 4 %	-	6 26 %	8 35 %	-	-	-	-	-	-	23 100 %		
всего	9 39 %						14 61 %	-					-					
Тарбаево 5	11 48 %	-	-	2 9 %	-	2 9 %	-	2 9 %	6 26 %	-	-	-	-	-	-	23 100 %		
всего	15 65 %						8 35 %	-					-					
Кибол 5	40 16 %	-	4 2 %	17 7 %	4 2 %	5 2 %	2 1 %	133 52 %	-	7 3 %	4 2 %	25 10 %	11 4 %	-	1 0,4 %	253 100 %		
всего	72 28 %						144 57 %	-					37 15 %					
Весь 5	107 58 %	1 0,5 %	-	16 9 %	5 3 %	14 8 %	-	10 5 %	9 5 %	-	-	-	18 10 %	3 2 %	-	183 100 %		
всего	143 78 %						19 10 %	-					21 12 %					

Важно отметить, что на всех памятниках сильнозапесоченные глины представлены несколькими разновидностями. Следовательно, традицией применения сильнозапесоченных глин владели разные группы гончаров, разрабатывавшие разные залежи. На всех памятниках выделяются группы сосудов, изготовленных из глины 1/1а, отличающейся очень большим количеством пылевидного песка. Редкие или единичные сосуды из глины 2б с большим количеством мелкого песка также встречаются на всех памятниках. Глина 2 зафиксирована по керамике Кибола 7, Кидекши, Тарбаева 5, Кибола 5 и Веси 5, а глина 2а – по керамике Кибола 7, Ославского 6, Кибола 5 и Веси 5. Глина 1б представлена единичными сосудами из Кибола 7 и Веси 5, а глина 1г – редкими сосудами из Кибола 5.

Среднезапесоченная глина 3 использовалась гончарами всех памятников; глина 3а не зафиксирована только в материалах Кибола 5. Среднезапесоченная глина с естественными включениями раковины, напротив, использовалась гончарами только одного памятника – Кибола 5.

В отношении слабозапесоченных глин делать предположения о связи выделенных разновидностей с различными залежами затруднительно, так как эти глины близки между собой и различаются только на основании незначительных колебаний концентрации естественной примеси песка.

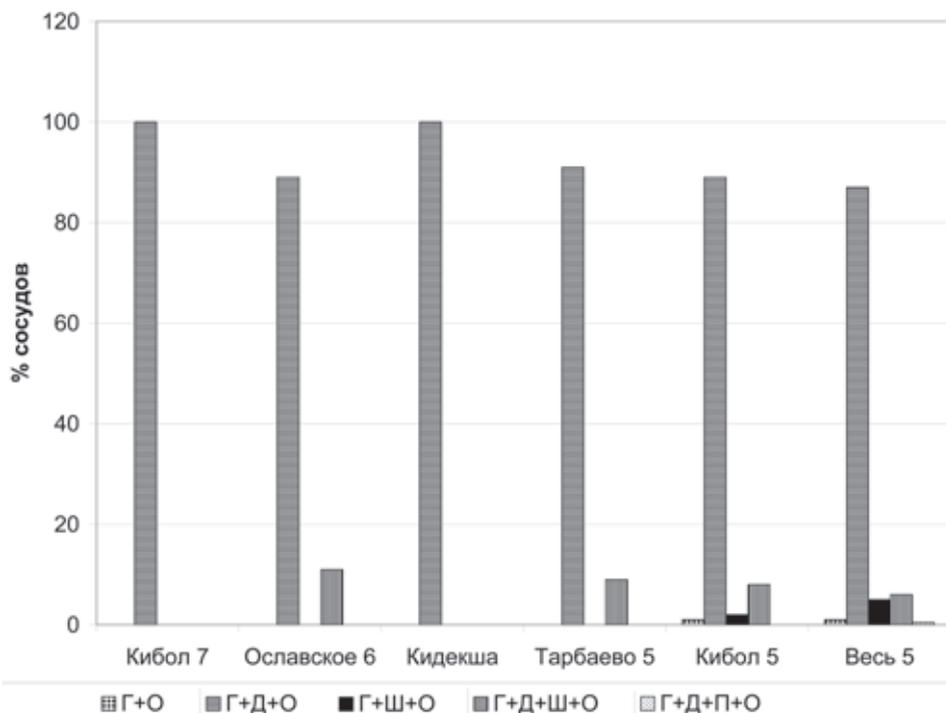

Рис. 3. Рецепты формовочных масс в керамике разных памятников.

Таким образом, основным сырьем для местных гончаров была ожелезненная глина разной степени запесоченности: сильной, средней и слабой. Для каждого памятника выделились группы сосудов из разных глин, а это свидетельствует о том, что на всех поселениях работали группы гончаров, обладавшие неодинаковыми навыками отбора исходного сырья.

В большинстве случаев глины использовались во влажном состоянии. Однако только в материалах Ославского 6 и Кидекши не встречено сосудов с признаками предварительного высушивания глины. На остальных памятниках эта традиция прослеживается по небольшим группам сосудов: на Киболе 7 это 13 сосудов (17,3%), в Тарбаеве 5 – 3 сосуда (13%), на Веси 5 – 3 и 19 – предположительно (всего 12%), на Киболе 5 – 11 сосудов предположительно (4,3%). Кроме того, на Киболе 5 сухая глина использовалась для составления смесей глин (в одном сосуде обе глины были предварительно высушены, в четырех – одна из двух).

В качестве **минеральной примеси** при составлении формовочных масс гончары всех поселений использовали дресву, а гончары Ославского 6, Тарбаева 5, Киболы 5, Веси 5 помимо дресвы применяли также и шамот. В материалах Веси 5 известен также сосуд с примесью песка в формовочной массе. Органические добавки применялись гончарами всех поселений. Это, вероятно, навоз, который использовался в виде выжимки (в этом случае в черепке фиксируются и мелкие растительные остатки, и следы раствора) или в подсушенном и измельченном виде (о чем свидетельствует присутствие преимущественно мелких растительных остатков).

По изученным материалам выделено **5 рецептов формовочных масс**: Г+О, Г+Д+О, Г+Ш+О, Г+Д+Ш+О, Г+Д+П+О (табл. 2).

Эти рецепты можно разделить на три группы. К первой относится несмешанный рецепт Г+О. Ко второй – смешанные рецепты первого вида: Г+Д+О и Г+Ш+О. В обоих рецептах сочетаются минеральные и органические компоненты, соединение которых, однако, произошло в глубокой древности и сохранилось как технологический реликт. К третьей группе относятся смешанные рецепты второго вида: Г+Д+Ш+О и Г+Д+П+О. В каждом из них помимо органических добавок присутствуют два минеральных компонента, выполнявшие одну и ту же технологическую функцию (повышение огнестойкости изделий), – дресва+шамот и дресва+песок. Подобные рецепты являются очевидным свидетельством смешения разных гончарных традиций.

Наиболее широко был распространен один рецепт – Г+Д+О (рис. 3). Он известен гончарам всех поселений, а в Киболе 7 и Кидекше, судя по изученным материалам, вообще был единственным. В Ославском 6 и Киболе 5 сосуды с таким рецептом составляют по 89%, в Тарбаеве 5 – 92%, в Веси 5 – 87%.

Смешанный рецепт, в котором присутствуют и дресва, и шамот, зафиксирован на четырех памятниках – в Ославском 6 (11%), Тарбаеве 5 (8%), Киболе 5 (8%), Веси 5 (5,5%). Однако оба рецепта, которые легли в его основу – Г+Д+О и Г+Ш+О – известны только в Киболе 5 и Веси 5, где и могло происходить сложение этой смешанной традиции. Сосуды с рецептом Г+Ш+О в Киболе 5 составляют 3%, в Веси 5 – 5%.

Редкий рецепт с дресвой и песком известен только в материалах Веси 5 по единственному сосуду (0,5%).

Рецепт, состоящий только из глины и органических добавок Г+О, зафиксирован в Киболе 5 и Веси 5. На обоих памятниках число этих сосудов не превышает 1%.

Анализ рецептов формовочных масс позволил зафиксировать проникновение носителей традиции использования шамота в среду местных гончаров, для которых было характерно составление формовочных масс с дресвой в качестве минеральной примеси. На двух памятниках – Киболе 5 и Веси 5 – новая традиция зафиксирована в несмешанном виде. Однако на них же прослеживается и смешение этой традиции с доминирующей, так же как и на Тарбаеве 5 и Ославском 6.

Теперь рассмотрим более подробно **особенности составов формовочных масс** керамики по материалам разных памятников.

О существовании зависимости между традициями составления формовочной массы и традициями отбора глины можно судить по данным, представленным в таблице 2. В рецепте Г+Д+О использовались разные по степени запесоченности глины, хотя на разных памятниках прослеживается преимущественная связь этого рецепта с сильно- или среднезапесоченными глинами. Устойчивой связи традиции использования шамота и определенной разновидности глины не прослеживается. Выделяется только Ославское 6, где оба сосуда с включениями шамота в формовочной массе изготовлены из сильнозапесоченных глин. Можно отметить также, что в редком рецепте Г+О использовалась только сильнозапесоченная глина.

Таблица 2. Разновидности глин в рецептах формовочных масс (%)

Памятник	Степень запесоченности глин	Рецепты формовочных масс					Число сосудов
		Г+О	Г+Д+О	Г+Ш+О	Г+Д+Ш+О	Г+Д+П+О	
Кибол 7	сильная		61				75 = 100 %
	средняя		23				
	слабая		16				
Ославское 6	сильная		56		11		18 = 100 %
	средняя		33				
	слабая						
Кидекша	сильная		39				23 = 100 %
	средняя		61				
	слабая						
Тарбаево 5	сильная		61		4		23 = 100 %
	средняя		31		4		
	слабая						
Кибол 5	сильная	1	23	0,5	4		253 = 100 %
	средняя		53	2	3		
	слабая		13	0,5	1		
Весь 5	сильная	1	68	4	4		184 = 100 %
	средняя		8	1	1		
	слабая		11		0,5	0,5	

В рецепте Г+Д+О размер дресвы варьирует от 1 до 4 мм (табл. 3, рис. 4). Можно отметить хронологические особенности этой детали технологии. На трех памятниках из условно «ранней» группы – Киболе 7, Ославском 6 и Кидекше – дресва не превышает 3 мм, а преобладает относительно мелкая дресва, не более 2 мм. На более поздних памятниках возрастает доля сосудов с более крупной дресвой, до 3 мм. И для них же характерно применение очень крупной дресвы, до 4 мм, которая не использовалась гончарами в предшествующий период. Очень мелкая дресва, не более 1 мм, наиболее характерна для керамики двух памятников – Киболы 7 и Кидекши, хотя встречается и на остальных.

Таблица 3. Размер дресвы в рецепте Г+Д+О (число сосудов и %)

Памятник	Размер дресвы, мм				Всего
	до 1	1,1–2	2,1–3	3,1–4	
Кибол 7	12 16 %	41 55 %	22 29 %	–	75 100 %
Ославское 6	1 6 %	9 56 %	6 38 %	–	16 100 %
Кидекша	6 26 %	11 47 %	6 26 %	–	23 100 %
Тарбаево 5	1 4 %	9 39 %	9 39 %	2 9 %	21 100 %
Кибол 5	30 13 %	90 40 %	96 42 %	10 4 %	226 100 %
Весь 5	21 13 %	51 32 %	74 46 %	14 9 %	160 100 %

Различия в концентрации дресвы в рецепте Г+Д+О очень заметны – от 1:2 до 1:5 (табл. 4, рис. 5). Максимальная концентрация отмечена на всех памятниках, кроме Ославского 6. Минимальная – также на всех, кроме Ославского 6 и Кидекши. В материалах Киболы 7 и Ославского 6 преобладают сосуды с концентрацией дресвы 1:3 и 1:4, причем обе группы представлены примерно одинаково. В Кидекше, Тарбаево 5, Киболы 5 и Веси 5 заметно преобладают сосуды с концентрацией дресвы 1:3. Следовательно, более высокой концентрацией дресвы отличается керамика более поздних памятников, к которым по этому признаку оказывается близка Кидекша.

Рецепты с **шамотом** в качестве минеральной примеси вызывают особенный интерес. Остановимся подробнее на деталях этой достаточно редкой традиции, получившей распространение в более поздний период.

Шамот имеет размеры от 2 до 4 мм и разнообразную концентрацию, от 1:2–1:3 до 1:4 в рецепте Г+Ш+О и до 1:5 в смешанном рецепте с дресвой.

Сосуды, из которых был сделан шамот, в большинстве случаев близки по запесоченности и ожелезненности глины тем, из которых был изготовлен и сам сосуд. Однако в Киболы 5 иногда встречаются сосуды, шамот в которых изготовлен не просто из разных сосудов, но из разных по ожелезненности глин – слабоожелезненной и неожелезненной. Пока по изученным материалам нельзя выяснить, были ли эти сосуды, использованные для приготовления такого шамота, импортными или местными.

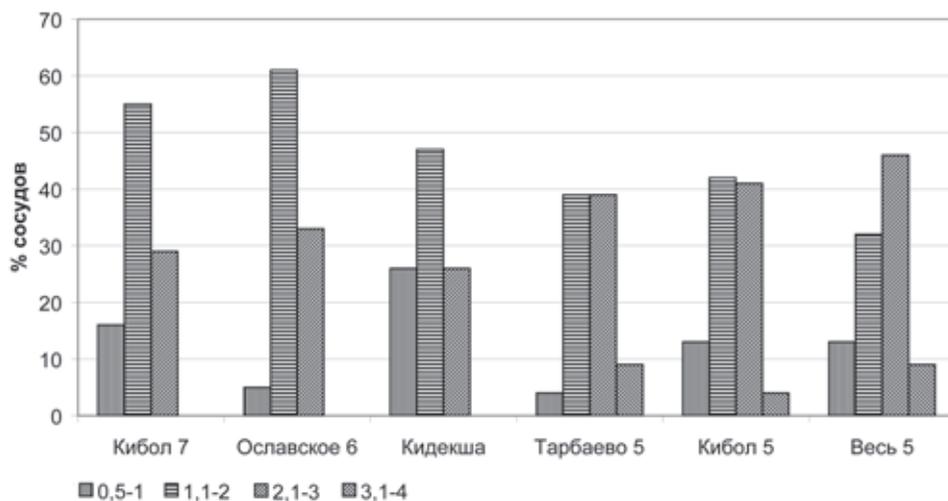

Рис. 4. Размер дресвы в рецепте Г+Д+О в керамике разных памятников.

Повторение в составе шамота рецептов Г+Д+О (отмечено на памятниках Тарбаево 5, Кибол 5, Весь 5) и в одном случае рецепта Г+Ш+О (по памятнику Весь 5) указывает на устойчивость этих традиций.

По большинству изученных сосудов максимальный размер дресвы и шамота совпадает или очень близок. Исключением являются два сосуда из Киболо 5, в которых размер дресвы заметно меньше, чем шамота: в одном сосуде дресва имеет размер 2 мм, а шамот 4 мм, в другом – дресва не превышает 1 мм, а шамот 3 мм. Это еще одно проявление смешения разных традиций, которыми владели гончары этого поселения.

Таблица 4. Концентрация дресвы в рецепте Г+Д+О (число сосудов и %)

Памятник	Концентрация дресвы в формовочной массе							Всего
	1:2	1:2–1:3	1:3	1:3–1:4	1:4	1:4–1:5	1:5	
Кибол 7	1 1 %	2 3 %	11 15 %	18 24 %	35 47 %	7 9 %	1 1 %	75 100 %
Ославское 6			3 18,7 %	5 31,2 %	7 43,7 %	1 6,2 %		16 100 %
Кидекша		1 4,3 %	11 47,8 %	8 34,7 %	3 13 %			23 100 %
Тарбаево 5		1 4,3 %	9 39,1 %	5 21,7 %	5 21,7 %	1 4,3 %		21 91,3 %
Кибол 5	2 0,9 %	20 8,8 %	83 36,7 %	52 23 %	59 26,1 %	7 3,1 %	3 1,3 %	226 100 %
Весь 5	4 2,6 %	12 7 %	70 43 %	32 20 %	34 21 %	5 3 %	3 2 %	160 100 %

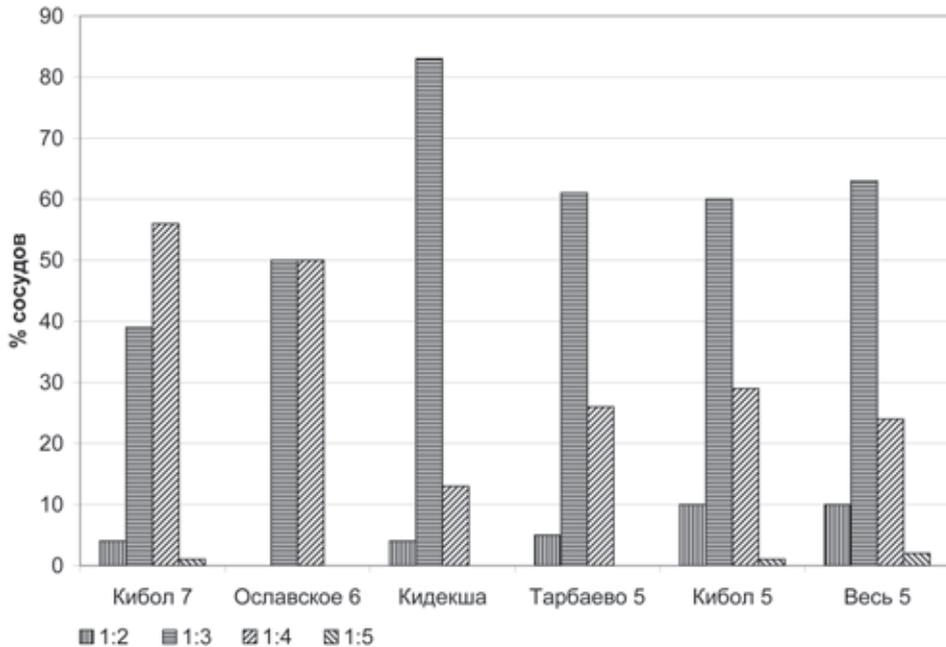

Рис. 5. Концентрация дресвы в рецепте Г+Д+О в керамике разных памятников.

И дресва, и шамот добавлялись примерно в равной пропорции. Исключения встречаются в Веси 5 и Киболе 5, где иногда доля шамота меньше, чем дресвы.

В Ославском 6 для сосудов со сложным смешанным рецептом Г+Д+Ш+О характерна очень маленькая концентрация обеих минеральных примесей – 1:4–1:5.

Таким образом, все выявленные рецепты представлены только в материалах Веси 5. Разнообразие рецептов отличается также Кибол 5. Наименьшим разнообразием традиций на ступени составления формовочных масс отличаются два памятника – Кибол 7 и Кидекша. Судя по предложенной авторами раскопок хронологии памятников, традиция использования шамота распространяется здесь только ближе к рубежу I–II тыс. н.э. Для условно более «поздних» памятников характерно и большее разнообразие рецептов.

Поскольку все рассмотренные памятники расположены в пределах одного относительно небольшого региона (расстояние между наиболее удаленными памятниками составляет около 35 км (рис. 1)), зафиксированные различия в гончарных традициях могут объясняться как культурной неоднородностью населения, так и хронологическими различиями. Общие заключения о датировках изученных памятников были сделаны авторами раскопок. Некоторые из них оказалось возможным датировать в целом второй половиной I тыс. н.э., другие – несколько уже. Часть поселений, вероятно, прекратила свое существование к X в., другие же датируются IX – началом XI в. Эти данные помогли установить время распространения некоторых гончарных традиций.

Однако близость гончарных традиций населения разных памятников и их хронологические особенности можно выяснить также путем изучения самих гончарных традиций. Для этого принято использовать анализ степени сходства этих традиций по разным памятникам (Цетлин, 2008. С. 13–18; Волкова, 2010. С. 106–129). При этом предполагается, что в пределах ограниченного района близко расположенные памятники, скорее всего, бытовали не одновременно. Коэффициент сходства – это численный показатель, который в каждом случае рассчитывается для двух памятников и характеризует их близость по одному из параметров гончарных традиций. В данном случае расчет производился для трех элементов гончарной технологии: рецепты формовочных масс, размер и концентрация дресвы в наиболее массовом рецепте Г+Д+О (табл. 5; 6; 7).

Таблица 5. Коэффициент близости между памятниками Суздальского Ополья по рецептам формовочных масс, %

Кибол 7	Ославское 6	Кидекша	Тарбаево 5	Кибол 5	
89					Ославское 6
100	89				Кидекша
91	98	91			Тарбаево 5
89	97	89	97		Кибол 5
87	93	87	93	96	Весь 5

Таблица 6. Коэффициент близости между памятниками Суздальского Ополья по размеру дресвы в рецепте Г+Д+О, %

Кибол 7	Ославское 6	Кидекша	Тарбаево 5	Кибол 5	
89					Ославское 6
89	78				Кидекша
72	76	69			Тарбаево 5
84	80	81	86		Кибол 5
74	70	71	84	90	Весь 5

Таблица 7. Коэффициент близости между памятниками Суздальского Ополья по концентрации дресвы в рецепте Г+Д+О, %

Кибол 7	Ославское 6	Кидекша	Тарбаево 5	Кибол 5	
89					Ославское 6
56	63				Кидекша
69	76	78			Тарбаево 5
73	79	77	91		Кибол 5
68	74	80	90	95	Весь 5

Были определены максимальные значения коэффициента сходства памятников по рецептам формовочных масс (96–100%), размеру дресвы (84–90%) и ее концентрации (89–95%) (рис. 6, 7, 8). Выяснилось, что наибольшей близостью отличаются две пары памятников: Кибол 5 и Тарбаево 5, Кибол 5 и Весь 5. Для этих

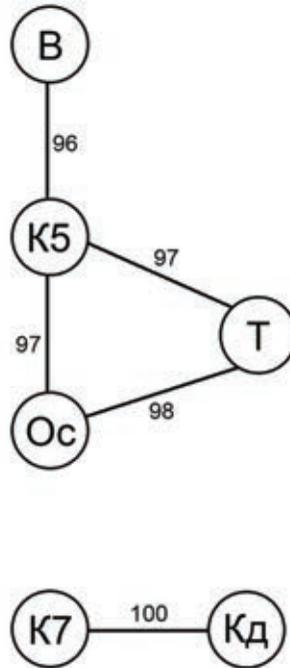

Рис. 6. Схема связей между памятниками по рецептам формовочных масс (показаны максимальные значения коэффициента сходства).

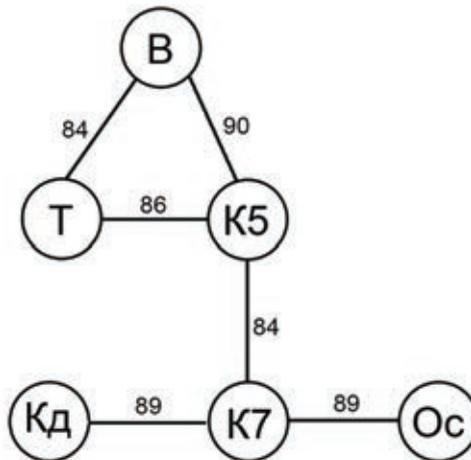

Рис. 7. Схема связей между памятниками по размеру дресвы в рецепте Г+Д+О (показаны максимальные значения коэффициента сходства).

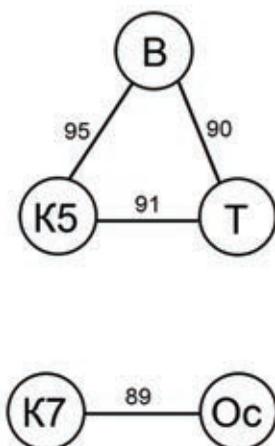

Рис. 8. Схема связей между памятниками по концентрации дресвы в рецепте Г+Д+О (показаны максимальные значения коэффициента сходства).

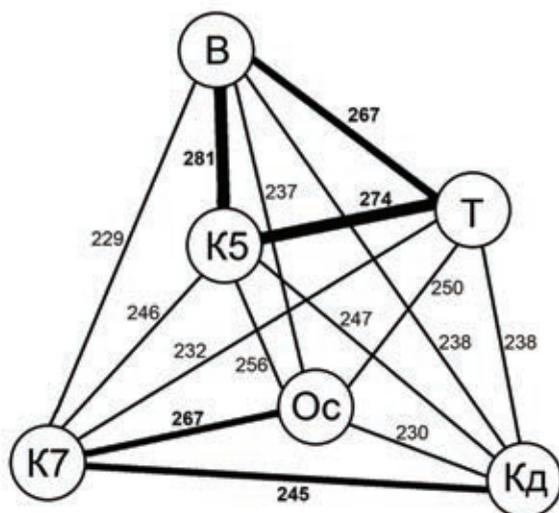

Рис. 9. Общая схема связей между памятниками по рецептам формовочных масс, размеру и концентрации дресвы в рецепте Г+Д+О.

пар зафиксированы максимальные значения коэффициентов сходства по всем трем параметрам. Три пары памятников обнаруживают максимальное сходство по двум параметрам. На основании данных о размере и концентрации дресвы выделяются две пары памятников: Тарбаево 5 и Веси 5, Кибол 7 и Ославское 6. Кибол 7 и Кидекша наиболее близки между собой по набору рецептов формовочных масс и размеру дресвы в рецепте Г+Д+О. Три пары памятников наиболее близки по одному параметру: по ассортименту рецептов формовочных масс выделяются две пары: Ославское 6 и Тарбаево 5, Ославское 6 и Кибол 5; по размеру дресвы – Кибол 7 и Кибол 5.

Определение максимальных значений коэффициентов сходства позволяет говорить о разделении всех изученных памятников на две группы, внутри которых сходство оказывается наиболее сильным. Это Кибол 7, Кидекша и Ославское 6, с одной стороны, и Веси 5, Кибол 5 и Тарбаево 5, с другой (рис. 9). Связи между этими группами также прослеживаются, но они значительно слабее, чем связи внутри групп.

Суммирование коэффициентов сходства по трем параметрам для всех пар памятников показало, что наименьшим сходством обладают Кибол 7 и Веси 5 (рис. 9). Это свидетельствует как о хронологической, так и об этнокультурной удаленности памятников друг от друга.

По результатам технологического анализа керамики можно сделать следующие **выводы**.

1) Установлено, что на каждом поселении работали разные группы гончаров, использовавшие различные по степени запесоченности железненные глины. Однако каких-либо хронологических особенностей в традициях использования разных видов глины выявить не удалось.

2) На большинстве памятников рецепт Г+Д+О является наиболее массовым, а на Кибол 7 и Кидекше – единственным. Традиция использования шамота получает распространение преимущественно на относительно более поздних памятниках (Тарбаево 5, Кибол 5, Веси 5), где она присутствует как в несмешанном, так и в смешанном виде с наиболее массовой традицией, рецептом Г+Д+О.

3) Из всех изученных поселений наименьшим разнообразием традиций отличается Кидекша. Это может свидетельствовать как об относительной культурной однородности ее населения, так и о небольшой продолжительности существования селища.

4) Опираясь на предложенные авторами раскопок датировки, изученные памятники можно предположительно разделить на две хронологические группы: более раннюю (это Кибол 7, Ославское 6 и Кидекша, практически прекратившие существование в X в. или немного ранее) и более позднюю (Тарбаево 5, Кибол 5, Веси 5, на которых прослеживается слой X в.). Технологический анализ керамики показал, во-первых, что на относительно более поздних памятниках фиксируется наибольшее разнообразие традиций составления формовочных масс, во-вторых, именно в это время в результате притока новых носителей здесь распространяется традиция использования шамота, в-третьих, для керамики этих более поздних поселений характерно использование более крупной дресвы в большей концентрации.

5) Вычисление коэффициента сходства памятников по трем параметрам (рецепты формовочных масс, размер и концентрация дресвы в рецепте Г+Д+О) позволило выделить две группы памятников с высоким коэффициентом сходства гончарных традиций внутри каждой: Кибол 7, Кидекша, Ославское 6 и Кибол 5, Тарбаево 5, Весь 5. Допустимо предполагать не только культурную, но и хронологическую близость между поселениями каждой группы. Наименьшим сходством обладают Кибол 7 и Весь 5, принадлежащие разным группам. Следовательно, можно говорить о том, что население этих двух групп памятников имело некоторые особенности как в этнокультурном отношении, так и по времени бытования.

Литература

- Бобринский А.А.*, 1978. Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука. 272 с.
- Бобринский А.А.*, 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография / Науч. ред. А.А. Бобринский. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–109.
- Волкова Е.В.*, 2010. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН. 248 с.
- Макаров Н.А., Шполянский С.В., Долгих А.В., Алешинская А.С., Лебедева Е.Ю.*, 2014. Собор на пашне: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше // РА. № 3. С. 50–65.
- Макаров Н.А.*, 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы исследований // АВСЗ. Вып. 2 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 3–22.
- Макаров Н.А.*, 2012а. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополе // АВСЗ. Вып. 4 / Отв. ред. Н.А. Макаров; сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 65–85.
- Макаров Н.А.*, 2012б. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Шполянский С.В.*, 2010. О датировке средневекового поселения Вось 5 под Суздалем // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 113–141.
- Макаров Н.А., Федорина А.Н., Шполянский С.В.*, 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 58–74.
- Милованов С.И.*, 2014. Отчет о проведении научных археологических исследований на участке строительства автомобильной дороги в с. Кибол Суздальского района Владимирской области в границах территории выявленного объекта археологического наследия «Селище Кибол 5» в 2013 г. (в 3-х томах). Т. 1. М.
- Цетлин Ю.Б.*, 2008. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К. 352 с.

Summary

O.L. Sharganova

HAND-MADE POTTERY OF SUZDAL OPOLYE OF THE SECOND HALF OF THE I THOUSAND AD (TECHNOLOGICAL ANALYSIS)

The ceramics occurring from the six medieval settlements in Suzdal Opolye is examined in the article. It is possible to draw the following conclusions according to the results of the technological analysis of the ceramics:

The different groups of potters using various clays worked at each settlement. However it was not succeeded to reveal any chronological peculiarities in the traditions of using different types of clays. On rather later settlements the greatest variety of the traditions of drawing up forming masses is fixed. The calculation of the coefficient of similarity allowed to allocate two groups of settlements with high coefficient of similarity of potter's traditions within each. It is permissible to assume not only cultural, but also the chronological proximity between the settlements of each group.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли
АП	– Археология Подмосковья
ГАВО	– Государственный архив Владимирской области
ГВСМЗ	– Государственный Владимиро-Суздальский музей заповедник
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР.
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НИКА	– Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород
ННЗ	– Новгород и Новгородская земля
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РО НА ИИМК	– Рукописный отдел Научного архива ИИМК
СА	– Советская археология
УИИЯЛ УрО	– Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой

«Бескуранные ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению древнерусского погребального обряда XI в.»
С. 342–346.

К статье С.И. Милованова

«История сложения оборонительного комплекса центральной части города Владимира (к вопросу о топографии оборонительных укреплений)»
С. 347–348.

К статье О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян, Д.С. Маркова

«Этапы освоения склона правого берега реки Шохонки в юго-восточной части Пlesa (по материалам археологических исследований)»
С. 349.

К статье В.Ю. Соболева

«Погребальный обряд населения Новгородской земли в XI–XII вв. Сложение традиции»
С. 350–351.

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой. Рис. 4. Могильник Шекшово 9. Погребение 3. Погребальный инвентарь.

1, 2 – серебро; 3–6 – цветной металл; 7 – железо; 8–70 – стекло.

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой. Рис. 5-1. Могильник Шекшово 9. Погребение 7. Погребальный инвентарь.
 1, 2 – цветной металл; 3–7 – железо; 8–10 – кремнь.

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой. Рис. 5-2. Могильник Шекшово 9. Сосуды из погребения 7

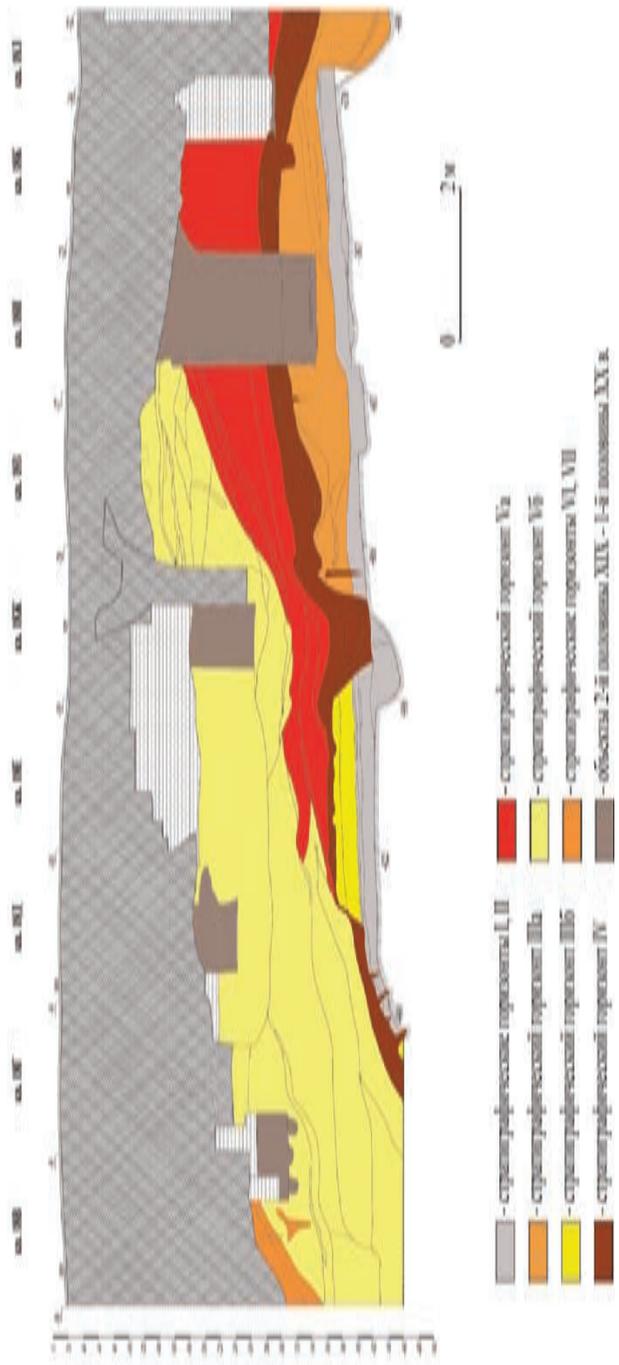

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой. Рис. 6. Могильник Шекшово 9. Погребение 5. Погребальный инвентарь.

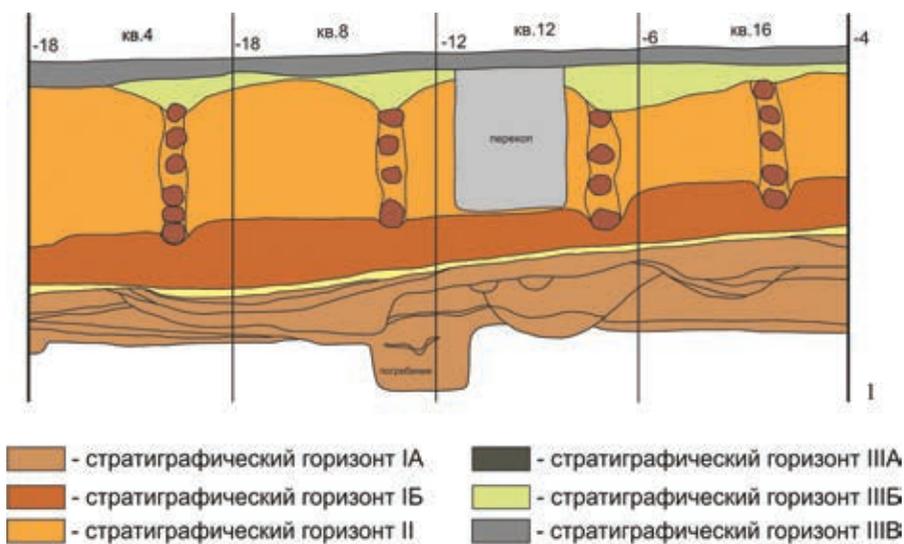
1–14 – серебро; 15 – цветной металл; 16 – свинцово-оловянный сплав; 17, 18 – железо; 19–70 – стекло.

К статье Н.А. Макарова, И.Е. Зайцевой. Рис. 7. Могильник Шекшово 9. Погребение 9. Погребальный инвентарь. 1–3, 5, 7–9 – стекло; 4 – камень; 6 – железо; 10 – глина.

К статье С.И. Милованова. Рис. 1. Поперечный разрез Ивановского вала (профиль юго-восточной стенки участка 3).
Исследования 2010–2011 гг.

К статье С.И. Милованова. Рис. 4. Исследования западных оборонительных укреплений центральной части г. Владимира по адресу ул. Б. Московская, 54 в 2002 г.

1 – профиль восточной стенки раскопа; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – монета серебряная; 4 – фрагмент полуфаянсового сосуда; 5 – фрагмент ручки глиняного поливного сосуда.

К статье О.А. Несмиян, В.Г. Несмиян, Д.С. Маркова. Рис. 3. Находки из раскопа.
 1–22 – фрагменты стеклянных браслетов; 23 – кольцевидная бусина; 24 – светец; 25 –
 нож; 26 – наконечник стрелы; 27 – трехбусинное височное кольцо; 28 – поляя зооморфная
 шумящая подвеска; 29 – лапчатая подвеска.

1–22, 24, 26–29 – находки из пластов 3–5; 23, 25 – находки из ямы в кв. Б2.

1–13 – стекло; 24–26 – железо; 27–29 – цветной металл.

К статье В.Ю. Соболева. Рис. 2. Находки вещей скандинавского круга в погребениях середины XI – XII в.

1 – Малы, к. 1 (раскопки 1921 г.) (по: *Valk*, 2009. 186 fig. 7, 4); 2 – Которск XI к. 10, погр. 1 (рис. Е.Р. Михайловой); 3 – Княжая Гора, к. 53. (НА ИИМК РАН. ФО № П 26251); 4 – Дрегли, погр. 18 (НГОМЗ, инв. № 31900, А-83-22. Фото С.Е. Торопова); 5 – Городище, к. СХХV, погр. 2 (по: *Бранденбург*, 1895. Табл. IV, 2); 6 – Которск XI, к. 2 (рис. Е.Р. Михайловой); 7 – Березовец, к. 124 (по: *Успенская*, 1993. С. 100. Рис. 10); 8 – Новая, жальник 14 (по: *Grušina*, 2009. С. 182. Рис. 6); 9 – Тяково, погр. 11 (по: *Лабутина*, 2009. С. 79. Рис. 1); 10 – Верхоляны, жальник 4 (по: *Спицын*, 1903. Табл. XXII, 7); 11 – Калихновщина, к. 52 (по: *Спицын*, 1903. Таб. XXII, 13); 12 – Которск III, к. 27 (фото автора); 13 – Деревяницы, случайная находка (НГОМЗ инв. № 45808-1. Фото С.Е. Торопова); 14 – Залахтово, к. 37 (раскопки К.Д. Трофимова 1908/1909; НА ИИМК РАН. ФО № 9809); 15 – Заручевье II, к. 7 (НГОМЗ, инв. № 35773-68. Фото С.Е. Торопова); 16 – Боково, к. 43, погр. 2 (НГОМЗ, инв. № 31550, А-79-55. Фото С.Е. Торопова); 17 – Вахрушево, к. СХVII, погр. 4 (по: *Бранденбург*, 1895. Табл. I, 6); 18 – Устрека, случайная находка (фото автора); 19 – Устрека, случайная находка (фото автора); 20 – случайная находка, место неизвестно (возм., Псковская область); 21 – Устрека, случайная находка (фото автора); 22 – Бустрыгино, к. 3 (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), колл. № 1533, 7); 23 – Верхоляны, к. 9, погр. 2 (по: *Спицын*, 1903. Табл. XXII, 11); 24 – случайная находка, место неизвестно (Ильменское Поозерье?); 25 – Терпилицы, к. 29 (по: *Спицын*, 1896. Табл. XIV, 23); 26 – Большие Борницы, к. 44 (по: *Спицын*, 1896. Табл. VII, 9); 27 – Тяглино, к. 19; (по: *Спицын*, 1896. Табл. VII, 1); 28 – Большие Борницы, к. 24 (по: *Спицын*, 1896. Табл. XVI, 24); 29 – Кирилина, к. LXXXIX погр. 2 (по: *Бранденбург*, 1895. Табл. IV, 3); 30 – Деревяницы, случайная находка; 31 – Березицы III, к. 19 (рис. Е.Р. Михайловой); 32 – Сязнега, к. LI погр. 1 (по: *Бранденбург*, 1895. Табл. IV, 17); 33 – Беседа, кург. 78 (по: *Спицын*, 1896. Табл. IV, 20); 34 – Деревяницы, случайная находка; 35 – Хрепле, к. 20, погр. 2. (НГОМЗ, ор. 11).

1–5 – серебро, стекло; 6–9, 12, 22, 23 – серебро; 13, 14, 17, 24–27, 29–35 – бронза; 15 – железо, позолота; 18–21 – бронза, позолота; 28 – бронза, кожа.

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 6

Редактор: *В.Е. Родинкова*

Верстка: *С.В. Кожушков*

Подписано к печати 25.12.2016. Формат 70×100/16
Усл.печ.л. 28,38. Уч.-изд.л. 25,7. Тираж 300 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
115093 Москва, Партийный пер., д. 1, корп. 58

ISBN 978-5-94375-209-4

9 785943 752094